2
(114)

Отчий край

Литературно - художественный иллюстрированный журнал

2
(114)

Отчий край

Литературно - художественный иллюстрированный журнал

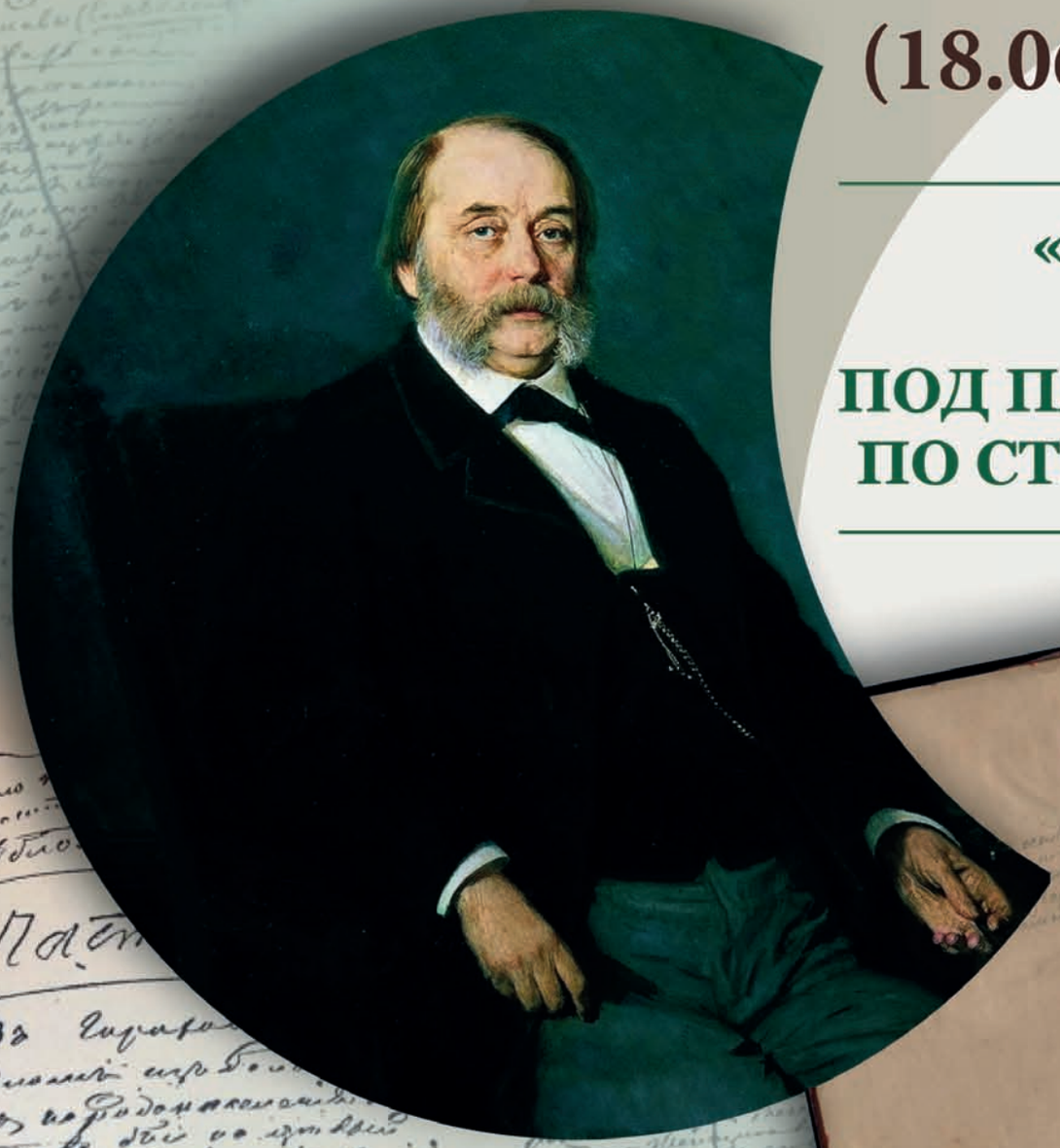
• 2022-й – год юбилейный!

210

210 лет со дня рождения Ивана Александровича Гончарова

(18.06.1812 – 27.09.1891)!

«ГОД РУССКОЙ КЛАССИКИ. ПРОДОЛЖЕНИЕ. ПОД ПАРУСАМИ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА» ПО СТРАНИЦАМ РУССКОГО РОМАНА»



«Я писал свою жизнь и то, что к ней прирастало...»

Иван ГОНЧАРОВ

Основан в 1994 году В. Б. Смирновым

Лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград», Государственной премии Волгоградской области, премии имени Виктора Канунникова

Отчий край

2 (114) 2022

Главный редактор
Александр ЛЕПЕЩЕНКО

Шеф-редактор
Василий СТРУЖ

Художественный редактор
Вадим ЖУКОВ

Технический редактор
Татьяна ПРОХОРЕНКО

Бильд-редактор
Евгений ГУДИМЕНКО

Корректор
Валентина КРАВЧЕНКО

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александра ЕРОНОВА,
заместитель директора ГКУВО «Центр информационного и материально-технического обеспечения»

Лариса ТРОПКИНА,
директор лицея № 5 им. Ю. А. Гагарина, депутат Волгоградской городской Думы

Лариса ЖАРАВИНА,
доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания ВГСПУ

Василий СУПРУН,
доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Александр МЛЕЧКО,
доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики ВолГУ

Елена ТИШИНА,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания ВГСПУ

Ольга НАЗАРОВА,
заведующая сектором краеведения ВОУНБ им. М. Горького

Роман ШКОДА,
кандидат экономических наук, главный редактор интернет-издания «Царицын.рф»

Александр РОМАШКОВ,
председатель совета ветеранов Волгоградской областной организации «Союз журналистов России»

Анатолий ЕГИН,
кандидат медицинских наук, заслуженный врач РФ, член Союза писателей России

Александр КОЛОМЫТКИН,
директор ГКУВО «Государственный архив Волгоградской области»

Александр ТКАЧЕНКО,
кандидат политических наук,
почетный член Союза журналистов России

Петр ХАРИТОНЕНКО,
историк, краевед

Людмила ДУДОВА,
кандидат филологических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО РГПУ им. А. И. Герцена

Александр ОСИПОВ,
депутат Волгоградской областной Думы

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Александр БОЙНИКОВ. Летописец народной жизни 4

СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА

Борис ЕКИМОВ. Мальчики уходят тихо 12

ИМЕНА

Андрей АНТИПИН. Русский остров Алексея Решетова 31

Александр БАЛТИН. Особое чувство Родины в поэзии Алексея Решетова и Евгения Маркина 39

АЗБУКА ВЕРЫ

Владимир КРУПИН. Смерти нет 42

ПРОЗА

Александр ПРОХАНОВ. День 53

Михаил ТАРКОВСКИЙ. Полёт совы 85

Валерий БЕЛЯНСКИЙ. Семнадцать километров до Вернадовки 161

Виктория КРЕСТЬЕВА. Безумная Ольга 194

Анатолий ЕГИН. Макаровы 218

ПОЭЗИЯ

Алексей РЕШЕТОВ. «Пора замаливать стихи...» 20

Александр БАЛТИН. «Мы двадцатого века ворочали глыбы...» 46

Владимир АЛЕКСАНДРОВ. «Я слышал: этот город говорил...» 79

Татьяна БАТУРИНА. «Легла на лик защитная печаль...» 113

Михаил МУЛЛИН. «Я долго должен жить — я часть Руси» 187

София ХАНТИМИРОВА. Проклятие вёльвы Солвы 239

ПОДВИЖНИКИ

Александр ТКАЧЕНКО. «Из подростков созидаются поколения...» 143

ЖИВЁМ И ПОМНИМ

Василий ЛИФИНСКИЙ. Музыкальные вечера в Дахау 120

ЭПОХА

Виталий РУЧКИН. Шукшин утёс 101

РУССКАЯ МЫСЛЬ

Евгений ПЕРЕВЕРЗЕВ. Обратная сторона океана 167

СКРЕПЫ ИСТОРИИ

Роман ШКОДА. Красный Верден: Царицын в революции и Гражданской войне 209

СКРЕПЫ СУДЬБЫ

Владимир ЛУКАШУК. Михаил Танич: далёкое прошлое, далёкое будущее 241

ОПЫТЫ ЧТЕНИЯ

Анастасия ЛАГУТИНА. Словообразовательные и стилистические особенности окказионализмов в поэтическом творчестве Татьяны Батуриной 251

Дискуссия

Александр БОЙНИКОВ

Летописец народной жизни

Статьей о прозе Б. П. Екимова журнал «Отчий край» продолжает дискуссию о современной классике
(начата в № 3 за 2020 г.)

Книга повестей и рассказов известного русского писателя Бориса Екимова «Как рассказать…», изданная к его 80-летию и предназначенная «для школьного и семейного чтения», уникальна тем, что состав её определили ученики и педагоги. Они выбрали те произведения, которые наиболее реалистично и достоверно отвечают на животрепещущие и злободневные вопросы, остро беспокоящие современников своей нерешённостью.

Критики обычно причисляют Бориса Екимова к продолжателям «деревенской прозы», давно исчезнувшей как целостное литературное направление. Да, он во многом следует традициям её корифеев — В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина. Пишет большей частью о деревне, но о деревне особой — южнорусской, донской, что придаёт его повествованиям сочный этнографический колорит. Это во-первых. А во-вторых, в содержательную и образную ткань прозы Бориса Екимова (в отличие от других писателей-деревенщиков) органично вплетаются очерковость, публицистичность и прямая автобиографичность, окрашенные проникновенностью и искренно-

БОЙНИКОВ Александр Михайлович — литературовед, литературный критик, краевед, кандидат филологических наук, член Союза писателей и Союза журналистов России. Родился в 1960 году. Живёт в Твери. Работает доцентом кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью Тверского государственного университета. Автор шести книг и более 700 научных, литературно-критических и краеведческих статей. Публиковался в журналах «Волга — XXI век», «Подъём», «Сибирские огни», «Наш современник», а также в «Литературной газете», «Российском писателе», в газете «День литературы» и др. Лауреат литературной премии имени М. Е. Салтыкова-Щедрина (2006) и премии журнала «Петровский мост» (2018). Награждён медалью имени Евгения Замятина (2018).

стью авторской интонации. Писательскому «я», сотворённому из лично увиденного, узнанного, пережитого, начинаешь верить с первых же страниц книги, которая побуждает к размышлениям, а размышления — к познанию сущности вещей…

Бытует мнение, что в южных областях России разорение и обезлюдение села не имеют столько крайних проявлений, как в Нечерноземье. Действительно, плодородие и обильность урожаев донской земли позволяют прокормить и большую семью, и многочисленную домашнюю скотину, и снабдить городскую родню экологически качественной сельхозпродукцией. Однако параллельно мы встречаем в книге Бориса Екимова жуткие приметы материального крушения прежней деревни. Пустеют хутора, где «покладбищенски тихо»; после «кончины колхоза» зарастают сорняками некогда ухоженные крестьянские подворья, уничтожена жизненно важная хозяйственная и культурная инфраструктура:

«Колхоз развалился. Теперь на хуторе — ни молочной фермы, ни гуртов, ни отар, ни свинарника нет, ни птичника, ни амбаров, ни мастерских»; «От дома Фетисыча видна была и школа. Она лежала на въезде, в начале длинной, через весь хутор, улицы, по которой стояли бывшие клуб, медпункт, детский садик, почта, баня да магазины».

Вдумаемся: бывшие, которые должны быть настоящими! Безотрадно-мрачные эпические картины даже не умирания деревни, а её смерти — окончательной и экзистенциальной — наполняются щемящей, до слёз, обречённостью. Следом напрашиваются страшные вопросы: неужели настал конец многовекового русского крестьянского мира? Неужели нельзя замедлить, остановить и повернуть вспять этот процесс? Или он объективен и обусловлен государственной политикой?

И всё-таки сёла и хутора пока живут. Чем? Исключительно трудом, который для селян и ценность, и необходимость, и естество жизни:

«Бабке Евлаше было девяносто лет, а огород — пенился. Всё своё. Ещё и поросёнка держала. Сколько лет бабе Кате?.. Восемьдесят два. Она кому жалится? Собесу, властям? Она работает. Себя кормит, да ещё сынок в город полон кузов везёт, аж рессоры лопаются».

Сейчас этих самоотверженных тружениц почти не осталось… Но благодаря Борису Екимову не исчезнет память о них. И не только.

Есть среди его персонажей и подлинные нестяжатели. Бескорыстный Стёпа, сапожных дел мастер — золотые руки, «мешок за плечами — всё имущество», работал за харчи и ночлег. Но никогда не уходил, «пока последнюю пару ношеных-переношеных чириков не починит» («Белая дорога»). Баба Надя, у которой всегда находила приют дальняя родственница — девочка-школьница, когда её родители ударялись в очередной запой («Возвращение»). Марианна Григорьевна, музыкальный руководитель на полставки, в ущерб собственным нуждам жертвовала почти всё свободное время обучению одарённых сельских ребятишек, подарив им всего лишь «минуты радости в детстве и юности» («Марьяна»). Встречаются ли сейчас подобные бессребреники? Из потока людей, с кем писателю довелось встретиться на жизненном пути, он выбирает и возвеличивает прежде всего тех, кому чужда личная выгода, для кого помощь ближнему в горькую минуту не пустой звук, продолжая новыми портретами галерею праведников, начатую русской классической литературой. Праведничество его

героев заключено не только (и не столько) в непосредственном образе жизни, но и в каждодневном следовании ментальным этическим нормам.

С особой любовью рассказывает он о людях, чей характер выковался и закалился в суровую пору, чьи персональные судьбы неотделимы от истории страны: репрессии, клеймо члена семьи «врага народа», война и фашистская оккупация, послевоенный голод, скитание по чужим углам, теснота собственного непритязательного жилья, давящая бедность… И не нытьём, не злобой на весь белый свет, а душевной стойкостью, трудом, верой, способностью довольствоваться малым («Всякая малость порой нужна человеку для счастья!») преодолевали русские люди долгие лишения, находили выход там, где его, на первый поверхностный взгляд, и быть не могло. Хозяева судьбы и «сроду в работе». Иначе невозможно, не принято. «На заводе я — человек!» — этим сказано всё.

* * *

Природа — полноправное действующее лицо произведений Бориса Екимова, яркое эстетическое целое, сопрягающее вертикальное и горизонтальное пространства. Она прекрасна в любое, даже в самое мрачное время года, когда осень перетекает в предзимье. Писатель мастерски владеет словесной кистью; отдельные его пейзажи тяготеют к стихотворениям в прозе. Насыщенные, чаще без полутонов, краски на удивление всеохватно живописуют великолепие южнорусских ландшафтов — с их реками, степями, курганами, земными и небесными просторами:

«Нынче — осень, октябрь. Обжигающий льдистый ветер, близкой зимы дыханье. Воздух прозрачен, словно молодой лёд. Огромный немереный распах земли и неба. Близко и далеко, и вовсе далеко, но ясно и чётко видятся степные курганы, сияющие белью меловые осыпи, жёлтые пески, сочная зелень далёкого озимого поля, фиолетовая чернота пашни, стылая просинь речной воды, суровые, седые с исподу облака ли, тучи, плывущие от краёв северных, а в прогалах, поминая о лете, голубеет ласковое небо».

Столь же поэтично описание знаменитого донского каймака (блюда ли, лакомства ли?) — выпукло-детальное, игриво-цветное; почти физически осязается на губах его волшебный вкус:

«Вот он, на тарелках, на блюдах — молочные ли, сливочные, пышные пенки, в палец ли, в два толщиной, вчетверо — блином — свёрнутые. Вот каймак розовый, нежно подрумяненный, а вот — протомлённый в жару, коричневый с корочкой; этот — масляно желтеет. А кто-то любит вовсе белый, тонущий в каймачной жижке. Базарные каймаки — на всякий вкус. Выбирай».

Само пружинистое изложение насыщено красочными ёмкими словами, присказками и приговорками. Писатель погружает нас в народную речевую стихию, и даже диалектизмы, щедро используемые то в бойких, то в размеренных диалогах, практически все понятны без пояснений. А ведь в них не только крупицы старинной и верной мудрости, но и меткость народного видения законов мироздания.

Повседневное общение сельчанина с природой пробуждает целую гамму эмоций и ощущений, и тогда бытописательство вновь переходит в поэзию:

«Здесь, в степи, небо просторное. А если взберёшься на песчаный холм, то и вовсе — немереное: с далёким поднебесьем, пологими небосклонами, конца и края которым нет. Уже не небо, а небеса.

Над головой — густая сочная синь, бездонная глубь. Чуть далее, стекая по небосклону, синева светлеет, переходя в нежную голубизну, в бирюзу, а потом и вовсе в лазурь. Сияющая белизна облаков — кучевых, плывущих нескончаемым караваном, или далёких, перистых, их морозный узор оттеняет небесную синь».

Образы сарьяновской яркости, символизирующие совершенство мира, его вселенскую красоту. Даже мимолётное прикосновение к ней напоминает о вечности, о высоком предназначении человека:

«Но порой даже в обыденной жизни — в городской толчее, домашних заботах — случайно поднимешь глаза и замрёшь, обо всём забывая. Виной тому — далёкое небо, облако или вечерняя звезда: глазам — отдых, сердцу — покой, душе — великое утешенье.

Это — высокий голос, который порою зовёт нас, поднимая от хлябей земных, чтобы помнили: на белом свете живём, под белым небом» («Голос неба»).

Житие на белом свете и есть великое искусство — с этой внешне простой, но философски значимой мыслью сложно не согласиться. Именно деревня повседневной практикой с малых лет формировала у человека начатки мироотношения — к труду, окружающим людям, природе… И конечно, сострадание ко всему живому. Его трогательным олицетворением становится мальчик, идущий морозным вечером на ферму, чтобы спасти новорождённого телёнка, обречённого на гибель, ибо для колхоза он всё равно «не числится» («Живая душа»). А мальчик, впервые увидев брошенную замерзающую животинку, вспомнил любимое присловье умершей бабушки: «А как же… Живая душа». Зёрна отзывчивости и сердоболия, посеянные ею в душе внука, дали золотые всходы.

В иных условиях раскрывается и крепнет характер мальчика Серёжи. Он самостоятельно воспитывает и обихаживает младшую сестрёнку, уверенно и вдохновенно тянет на себе небольшое хозяйство, потому что отец сидит, а мать уехала неизвестно куда («Мальчик на велосипеде»). Под стать ему и «девятилетний мальчонка Яков», заменивший собой в находящейся на грани закрытия школе всего с пятью учениками и директора, и завхоза, и неожиданно умершую учительницу («Фетисыч»). Поразительную чуткость и заботливость проявляет приехавший в гости внук по отношению к бабушке, которая не даёт ему спокойно спать, прерывая ночную зимнюю тьму криками-воспоминаниями о войне («Ночь исцеления»).

В таких «натурных» мальчиках — залог грядущей России. И я не склонен упрекать писателя в иллюзорной идеализации. Хватает с избытком в сегодняшнем российском обществе деструктивного индивидуализма и губительной чёрствости, морального нигилизма и исторического беспамятства, издевательского высмеивания честности и порядочности, смакования порочных стремлений и антиценностей, которые информационным камнепадом бьют по мозгам духовно и интеллектуально неокрепшей, «затиктоканной» молодёжи. Есть и выходящее за грань человечности. Грош цена родителям тех современных недорослей, что садистски мучают и убивают беззащитных котят и щенят, с наслаждением снимают этот отврат на видео

и выкладывают в интернет! Но всё же Борис Екимов живёт надеждой и потому утверждает совесть, долг, честность, милосердие в качестве принципов социального и нравственного поведения человека. Да, он сожалеет, что нынешние мальчишки и девчонки больше не играют в подвижные уличные игры, развивающие ловкость, глазомер, коллективизм, уверенность в своих силах. Забыты напрочь городки, лапта, чиж, «штандар», «вышибалы»… Признаюсь, грустно, ведь это игры и моего детства. Но главное всё-таки в том, чтобы дети — завтрашние взрослые — обрели и сохранили в себе преданность Родине, питаемую живительными соками народной правды и историческим опытом страны. Только тогда Россию ждёт не мрачное, а по-настоящему светлое будущее.

Совершенно не случайно сюжеты повестей и рассказов Бориса Екимова объединяет в первую очередь родовое, семейное начало. Многочисленные герои их представляют три поколения: деды и бабушки, отцы и матери, дети и внуки. Возможно ли восстановление сакральной связи с крестьянской родиной, если дети уже прочно обосновались в ближайшем большом городе или вообще укатили на другой конец страны; и только внуки изредка навещают деда с бабкой, удивляясь непривычной в их представлениях привычности деревенского уклада. Город — среда специфическая: за бытовым комфортом и каждодневной круговертью урбанизированный человек забывает о своём первородстве, теряет желание вспомнить счастливое сельское детство и навестить отчее гнездо с печным отоплением и «удобствами» на улице, где доживает одолеваемая болезнями старушка-мать; ей хочется поговорить с детьми подольше, а в ответ: роуминг, тариф. Хорошо, если наступает прозрение:

«В далёком городе дочь её слышала и даже видела, прикрыв глаза, старую мать свою: маленькую, согбенную, в белом платочке. Увидела, но почуяла вдруг, как всё это зыбко и ненадёжно: телефонная связь, видение.

— Говори, мама... — просила она и боялась лишь одного: вдруг оборвётся и, может быть, навсегда этот голос и эта жизнь. — Говори, мама, говори…»

* * *

Противопоставление города и деревни, восходящее к русской крестьянской поэзии XIX века, свойственно и Борису Екимову. С одной стороны, отрицать технический прогресс и глупо, и нет нужды, хотя, с другой, упрямо вспоминаются строки А. Вознесенского: «Все прогрессы реакционны, если рушится человек». Недаром лётчик-испытатель Виктор из рассказа «Мальчик на велосипеде», стремится доказать эту «реакционность»:

«Он [человек] *землю уродует... тратит столько сил, а для чего? Машины, машины... А где им предел? Где разумный предел? Пока на земле места хватит? Пока в небе места хватит? А не в беличьем ли мы колесе? Может, мы уже сейчас не для людей стараемся, а для машин? Это им нужна новая и новая нефть, металл, уголь. Всё больше и больше, а человеку что... Человеку в общем-то нужен кусок хлеба и кружка воды. Остальное — лишнее. Хлеб и вода. Вот он и живёт. И душу живую. И мудрость, чтобы понять: не обжираться и не опиваться он приходит на землю, не собирать побрякушки. Но жить. Единственный раз. <…> Высшая мудрость в том, чтобы не мудрить…»*

Это лишь фрагмент страстного, сбивчивого, отчасти спорного и эпатажного монолога технаря-бунтаря, готового в обретении смысла жизни уйти от благ машинной цивилизации и слиться с естественностью природы. Хлеб и воду, конечно, здесь нельзя понимать буквально; речь идёт о разумном ограничении потребностей, в то время как в массовое сознание уже вдолблена и всячески культивируется идеология безудержного и всё более извращённого потребительства, которое уже не приносит радости из-за прогрессирующей абсурдности. Зачем носить наручные часы стоимостью два миллиона долларов, покупать яхты длиной в несколько сот метров, наполнять дорогим шампанским огромный бассейн? Для выпячивания принадлежности к «сильным мира сего» — и только? Легко отыщется ряд увесистых контраргументов в защиту технического прогресса и его суперноваций, если бы не вопрос: что запоют разномастные топ-менеджеры, эксперты, аналитики, политологи, айтишники и блогеры, если вдруг сбудутся древние пророчества и источники иссякнут, реки станут грязными, тарелки будут наполнены до краёв, но еду невозможно будет есть?

Символична новелла «Охота на хозяина», своего рода парафраз «Царь-рыбы» В. Астафьева. Наловив вместе с внуком целую груду отменных судаков, дед, соблазнённый лёгкой добычей, решает выудить самого «хозяина реки» — гигантского сома, игнорируя предупреждение «древнего хуторского старика» Савушки: «На уху поймаете — и будет. Не жадайте». Охота завершается плачевно: сом утаскивает деда в ледяную воду, а внук, поняв, что нельзя бесконечно злоупотреблять щедротами природы, отдаёт назад реке всю пойманную рыбу.

В заглавном рассказе хороший работник и добрый семьянин Григорий пятый год подряд берёт десятидневный весенний отпуск и уезжает из города рыбачить на Дон, всегда возвращаясь в срок и с солидным уловом на зависть соседям. Но главная цель его поездки не рыбалка, а бескорыстная помощь в неотложных огородных заботах тётке Варе, старушке-вдове и вовсе даже не родственнице. Когда-то в командировке он увидел, как физически тяжело даётся ей посадка картошки, помог и… прикипел сердцем. Однако сам Григорий никому, даже жене, не говорил правды, ибо «как рассказать…» Личная драма его — в опасении непонимания со стороны семьи. Поймут ли, примут ли они — с городской психологией — такое бескорыстие?..

В повести «Последняя хата» во взаимоотношениях поколений сталкиваются благие намерения и несчастье. Мария, дочь бабы Поли, и её напористый муж Фёдор после многолетней работы на Севере скопили денег и задумали комфортно устроить дальнейшую жизнь под южным солнцем: сломать старую глинобитную мазанку и на её месте выстроить двухэтажный дом с ванной, мастерской, гаражом, погребом и отдельной комнатой для матери. Казалось, живи, баба Поля, и радуйся! Ни дрова колоть, ни печь топить, ни воду из колодца носить больше не придётся. Но… не пережила мать грядущего разрушения, нет, не хаты, слепленной после войны своими руками, не любовно возделанного огорода, а разрушения своего маленького и дорогого мира. Незатейливое жилище, с могилкой младенца Ванечки под окнами, воплощает для бабы Поли гармоничную устроенность и прочность бытия, окруженного аурой живой памяти о пережитых бедах и радостях. Как не вспомнить «Матрёнин двор»! И винить здесь некого — зять

и дочь хотели как лучше. А вот ситуацию нравственного выбора в рассказе «Родня» не худо было бы примерить каждому на себя и задуматься: кто мы нашим отцам и матерям, постаревшим и теперь нуждающимся в помощи, — родные люди или чужие?

Борис Екимов резко заостряет проблему социального расслоения и маргинализации сельского населения постсоветской эпохи: одни разбогатели на дармовщину, присвоив наиболее ценное из колхозного имущества, другие промышляют воровством и предаются пьянству, третьи кое-как мыкаются, боясь лишиться мизерных зарплат, выплачиваемых с регулярной и длительной задержкой. Психологически убедительно передан глухой отчаянный протест «низов»: «Не славить надо, не просить подаянку, а за горло брать! За горло!» Тут недалеко и до «Грабь награбленное!» Когда идея овладевает массами, она становится материальной силой — не я изрёк. Да и более чем красноречивые последствия использования аналогичных идей в нашем Отечестве хорошо известны из не столь давнего прошлого.

А в сохранившихся колхозах доходит дело до того, что насущную производственную проблему можно решить исключительно незаконным способом. Истовый труженик-тракторист Тарасов вынужден красть колхозную солому, чтобы накормить голодных, на грани истощения молодых тёлок, которых по прихоти районного руководства «для всеобщего выращивания, кооперации» согнали из четырёх колхозов в один животноводческий комплекс. В результате теперь кормов не даёт никто — скотина, живая душа, стала в одночасье «всеобщей», т. е. для каждого колхоза чужой. После поимки с поличным (семь бед — один ответ) Тарасов, спасая от голодной смерти, увёл оттуда домой собственных, ранее сданных в хозяйство, коров Ночку и Дочку. Финал рассказа зловеще закономерен: «Утром возле тарасовского дома остановились сразу две машины, председательский газик и милицейская. Хутор притих и ждал» («Тарасов»).

Знаменитое «чувство хозяина», один из краеугольных камней «деревенской прозы» в пору её расцвета… Писатель с горечью показывает, как, начиная с перестройки, оно уродливо гипертрофировалось. В литературе тех лет «архаровцы» из распутинской повести «Пожар» стали первой ласточкой этого процесса. Вместо взаимопомощи и поддержки, артельных начал на селе воцарились бессовестность, подлость, хапужничество, вытеснив из сознания людей доброту, долг, стыд… Восторжествовал принцип: всё вокруг — народное, значит, всё вокруг — моё! Всё дозволено. И бывшие колхозники растащили для личных нужд это «всё», что лежало — и хорошо, и плохо:

«Клуб ещё год назад стоял на запоре. Нынче — всё раскрыто. Сцену разобрали, выдрали полы. Дед Архип ободрал дерматин с кресел и шил из него чирики. Красный цвет, он приметный. Полхутора в этих чириках щеголяли…»

Но должен, должен найтись и прийти тот, кто прекратит наконец этот беспредел! И он появился в энергичной, остроконфликтной повести «Пиночет», созданной на излёте XX века. Сюжет её достаточно прост. Благополучно устроившийся в райцентре Корытин («работал и горя не знал») возвращается на малую родину, чтобы выполнить данное умирающему

отцу обещание — восстановить полуразваленный колхоз, который тот возглавлял и пестовал долгие годы. И новый председатель добивается своего, поднимает хозяйство, но как? Жёстким наведением порядка, железной дисциплиной, строжайшим учётом, пресечением малейших попыток воровства, за что сразу получает прозвище «Пиночет». Корытин-младший живёт и работает без выходных и проходных в атмосфере всеобщей ненависти односельчан, которые не хотят понять, что он спасает не столько колхоз как «единственную пока действующую форму крестьянского хозяйства», сколько «живых людей, обречённых на вырождение» (П. Басинский). Его слова, сказанные сестре, обращены ко всем, кому дорога Россия: «Такое нынче время, сама видишь. Всё я понимаю не хуже тебя, не хуже моего сынка учёного, не хуже сватьёв. Но у вас — слова, а у меня — живые люди. Их держать надо внатяг, иначе всё пухом-прахом пойдёт! Держать надо нам, понимаешь, держаться!..» Но и сам Пиночет тоже не твердокаменный: «Все меня точат, и все меня ругают. Пожалей хоть ты меня, Катя». Долго ли сможет он держать и держаться или его упорство быстро иссякнет?.. Вот вопрос.

Корытин — художественное открытие писателя, новая, ключевая ипостась русского национального характера «лихих 90-х», и я убеждён, что и сейчас в различных отраслях экономики нужны именно такие руководители с государственным стратегическим мышлением, а не мелкотравчатые рабы частнособственнических инстинктов.

Книга «Как рассказать…» берёт за сердце грозной правдой жизни, зоркостью писательского видения, патриотической и гражданской заряженностью, всепоглощающей любовью к родной земле и болью за неё. Каждой страницей даёт она пронзительные уроки гуманизма, чести, совести, ответственности перед собой и людьми, чтобы души наши не вздумали лениться и дремать.

Борис ЕКИМОВ

Мальчики уходят тихо

(из «Житейских историй»)

Городские дворы нынче везде одинаковы: толчея машин, рычанье моторов, по ночам — вопли охранных сигнализаций.

Нашему двору повезло. Машин здесь, конечно, тоже хватает. Но в середине уместился детский сад с не больно великим, огороженным простором для ребячьих прогулок. А точнее сказать, для беготни. Покоя там нет.

С моего балкона, с высоты шестого этажа, это особенно ясно видно.

Вот мчатся: один ли, вдвоём, вроде наперегонки, в одну сторону, в другую. Лишь ограда для них — короткая остановка. Тут же — крутой разворот. И снова — бегом. Весь невеликий детсадовский дворик — словно потревоженный муравейник. Кипящий и радостно-звонкоголосый. Весёлые птахи. Бегом и бегом...

Вспоминаю прошлое, когда с малым внучонком Митей приезжали мы на просторное подворье старого дома.

Лишь из машины выйдем, сразу звонкая песня, мне призыв:

— Бигом, бигом! Бигом, бигом, деда...

И помчался. Вперевалочку. Бегом и бегом на нетвёрдых ещё ножонках, порою падая и вновь поднимаясь: «Бигом, бигом...»

Я понимал его: после тесной квартиры перед ним открывался такой просторный мир, что дух захватывало. Немалый сад, огород, сараи, погреб,

---

ЕКИМОВ Борис Петрович — прозаик, публицист, член Союза писателей России. Родился в 1938 году. Живёт в Волгограде. Почётный гражданин города Калача-на-Дону и Волгоградской области. Повесть «Пастушья звезда» включена в Президентскую библиотеку — серию книг выдающихся российских авторов. Лауреат премий: журнала «Наш современник» (1976), «Литературной газеты» (1987), имени И. А. Бунина (1994), журнала «Новый мир» (1996), премии «Москва — Пенне» (1997), Государственной премии РФ (1997), Всероссийской литературной премии «Сталинград» (1999), премии Александра Солженицына (2008), премии «Ясная Поляна» (2014), Патриаршей литературной премии (2016) и др.

летняя кухня, старый дом... Нужно везде успеть побывать: отпробовать спелые вишни, абрикосы, огородные грядки проверить, пожевать «люк» да «уклёп», поморщиться, но сообщить: «сладкий». Проведать соседскую собаку, поздороваться с ней. И снова — «бигом, бигом» к заброшенной летней кухне, осторожно заглядывая в её таинственную полутьму. Наведаться в старый дом, немного пугаясь гулкой его пустоты.

«Бигом, бигом...» Всё увидеть, узнать и поскорее стать взрослым.

Теперь он подрос: отрок, двенадцати лет. Серьёзный возраст.

А эта ребятня, детсадовская, знает лишь одно: «бигом, бигом...» Весёлое щебетанье греет душу, скрашивая нашу взрослую, порой скучноватую городскую жизнь.

* * *

В посёлке своём стал я бывать и живать, не в пример прежнему, реже. Поэтому иные новости, порою печальные, приходят ко мне не сразу.

Услышал о мальчике, который, ещё весной, покончил с собой, вроде бы без особых причин.

Стал я расспрашивать. К моему удивлению, об этом почти и не знал никто. А человек, по должности в подобных делах сведущий, сказал: «У нас каждый год такое бывает. Мальчишки...»

И в самом деле — мальчишка. В шестом классе учился. Значит, двенадцать лет.

В мои, очень давние, школьные годы был случай, когда повесился мальчик моего, тогда невеликого возраста: пятый ли, шестой класс. Сиротой он рос — военная безотцовщина, как и все мы почти. Учился плохо, и его оставили «на второй год». Была такая школьная практика: плохо учишься, значит, ещё год в том же классе посиди, укрепляя знания. «Второгодниками» таких учеников называли. А он не захотел быть второгодником, пришёл домой и повесился на высокой грядушке кровати, ноги поджав.

Мы ходили его хоронить. Весь посёлок об этом знал, горевали: «Что уж он так... Было бы из-за чего?» И в самом деле: второгодник — не редкий случай. Каждый год и почти в каждом классе кого-нибудь да оставляли на второй год. И ничего... А он — в петлю.

Это теперь, через долгое время, пытаюсь представить: что там у него в душе творилось? Какая горечь и какая боль. Позор ли, перед матерью стыд, потеря друзей — одноклассников, обида на всех и на всё. Помню, говорили, что на его щеках, уже мёртвого, остались следы слёз. Из жизни уходил во слезах.

Теперь времена иные. Второгодников не бывает. Из-за школьных двоек не вешаются.

Времена другие. Но жизнь прежняя, людская, в ней немало боли. А дети, особенно малые, — всё те же: светлая душа, открытое сердце, там нет корысти, лжи, но одна лишь любовь и жажда любви ответной. «Бигом, бигом...» В новую жизнь, взрослую, которая встречает порой ледяным холодом.

Этот бедный мальчонка, нынешний самоубийца, о котором я начал речь, не очень хорошо ладил со школой: побыл в одной, перешёл в другую. Но и там не больно его ценили учителя, одноклассники.

Жил он с мамой. Родители были в разводе. Этот развод тянулся долго, на его глазах: скандалы, ругань, семейные помои. Как такое понять и принять детской душе? От рожденья всегда были рядом папа и мама, которых он любил и которые его любили. Самые добрые, самые красивые, самые дорогие... Где они теперь? У матери одна песня: «Я стараюсь... Я на двух работах... Эта сволочь ни копейки не даёт. А ты — лодырь, учиться не хочешь...» Горькие слова, а потом — слёзы материнские, от которых в первое время было очень больно, и он пытался их утишить, искренне сострадая матери, что-то обещая и тоже плача. А потом привык.

Так и тянулась жизнь. Недолгая.

Ушёл из неё мальчик как-то тихо, обыденно, в эту новую школу он тоже ходил неохотно. Там не было у него друзей.

Чужие, кичливые... О машинах разговоры, по осени — о летних поездках: Чёрное море, Турция, Египет... А он никогда никуда не ездил. И в классе за столом сидел один. Он часто опаздывал, пропускал уроки и целые дни, ссылаясь на нездоровье.

В тот горький день он и в самом деле приболел: невысокая, но температура, озноб, горло... А в школе было родительское собрание, куда мать и ушла, не заходя домой, прямо с работы. Понятно, чего ей там напоют. И что потом будет, понятно. «Я стараюсь… А ты — лодырь… А эта сволочь...» Те же песни и те же скучные слёзы, которые до тошноты надоели. Всё надоело: мать, отец, школа и прочее. А тут ещё хворь: зябкость и липкий пот. Сожмёшься в комочек под одеялом, согреешься, дремлешь. Что-то грезится доброе. А потом вздрогнешь, возвращаясь к нынешнему. А хочется крепко заснуть, сладким сном забыться надолго. И чтобы никто не будил. Но скоро мать придёт и начнётся...

Он не стал ждать прихода матери и повесился.

Не знал я этого мальчика, никогда не видел его, но пытаюсь понять детскую тоску и смуту, горькую печаль одиночества среди людного мира. Некому поведать, излить, слезами утишиться в тёплых ладонях ли, коленях.

И всего лишь шаг до покоя, долгого, вечного, когда весь этот мир, чужой и недобрый, разом отрежется и уйдёт навсегда.

* * *

Прошлая осень для посёлка и округи оказалась недоброй. Один за другим ушли ещё два мальчика, оба — в петлю.

Первый — совсем неожиданно, словно взрывом. Семья нормальная, в школе не было особых проблем. Для людей взрослых, для взгляда стороннего его уход — просто глупость, потому что причины пустячные. От девочки, с которой подружился в летнем лагере, получил письмо разрыва: ни видеть, ни слышать тебя не хочу; забудь обо мне. А тут ещё, так некстати, от мамы какие-то упрёки и бурная ссора.

Для человека пожившего всё это, конечно, пустяк: детская любовь, мамины укоры. Сколько их...

Но для юной души — это взрыв опаляющий: любовь разделённая и вдруг — погубленная коварной изменой. Жгучая боль... А тут ещё, вместо утешенья, мамина ругань, словно холодная вода на горячие угли.

Мгновенный, обжигающий душу выплеск. Всё кончено. Простой и единственный выход — петля, которая всё разрешит. Туда он и шагнул, дитя несмышлёное, светлая душа, которую жизнь ещё не испортила ложью да корыстью, убеждая, что любовь бывает вторая, восьмая, десятая, поддельная, продажная...

У него была любовь первая и последняя — чистый высокий пламень.

* * *

Другого мальчика, той же осенью, нашли грибники в тополёвой роще, на берегу Дона, тоже в петле.

Выбор его не был взрывным, мгновенным. Просто последний шаг жизни после нелёгкого пути.

Жил мальчик в невеликом хуторе, рядом с посёлком, в семье не больно благополучной. Глава семейства — отчим, человек пьющий, с недобрым характером. Мать — тихая, забитая, тоже нередко скрашивала жизнь рюмкой-другой.

Обычная хуторская усадьба: большой огород, корова, козы, свиньи, куры да утки — для житья и прокорма. Колхоз давно развалился, работы для взрослых нет, тем более если человек пьющий. Таких нигде долго не держат.

Учился мальчик неплохо — сначала в хуторской, начальной, потом в поселковой школе. Учителя на него не жаловались. Да и было ли кому жаловаться?

В своей семье, в доме родном жилось мальчику несладко. Хозяйство немалое, зимой и летом много работы: кормить скотину, чистить стойла, пастушить, в огороде много трудов. От работы мальчик не отлынивал. Старался, в меру сил. Но отчиму, тем более пьяному, угодить было невозможно.

— Всё жрёте да не нажрётесь, — упрекал он. — По три буханки в день. А вот работать... Через пень-колоду... У курей опять не почистил. А яйца либо сырыми глотаете? Люди продают. А у нас... Пузо никак не набьёте. Козы к хорошему сену добрались... Сколь раз говорил... Не понимаешь?!

Оправданий отчим не терпел. Рука у него была тяжёлая. Доставалось и мальчику, и матери. Маленькая сестрёнка пряталась под кровать, там порой и засыпала.

А мальчик стал убегать из дома, бродяжничая. Прибивался он в рыбацкие бригады, там его жалели, кормили. По теплу уходил в соседние хутора, в брошенных домах ночевал, нанимался в помощники к старым людям. Его поначалу искала милиция, вывешивали листовки, в телевизоре объявляли: «Ушёл из дома и не вернулся...» Находили и привозили домой.

— Прибыл, не запылился?! — встречал его отчим. — Жрать захотел, вот и прибыл. А жратву надо заработать. Ты бегал, как заяц, а я работал... На тебя, выходит, работал... На бродягу. Не-ет... Ты сначала заработай, а потом за стол лезь...

— Работать, работать... — кивала мать, опуская глаза. — Надо работать.

Не было в родном доме ни покоя, ни приюта. И мальчик снова уходил.

В укромном месте, в камышовых зарослях устроил он себе берлогу. На жизнь промышлял по-всякому. Кормился рыбой, которую добывал малой сетью да удочками. При улове хорошем продавал или менял её на другую еду. На брошенных дачах хозяйничал, заглядывал при нужде и в жилые. Осмелев, проверял дома и усадьбы людей городских, небедных, которых теперь немало на донских берегах. Порой его ловили, своеручно наказывая. Он плакал, обещал, что больше не будет... Но голод — не тётка.

Так жил он и жил, добро что лето и тёплая осень в наших краях тянутся долго. Но зима всё равно приходит.

Мальчик не захотел её дожидаться. Он устал. Поздней осенью его нашли грибники в тополёвой роще, в петле. Невысоко над землёй он висел, худенький, лёгкий. Ветер его качал.

* * *

Главная улица городка нашего, конечно же, Октябрьская. Там — асфальт, что нынче не редкость; еще хоть и напрочь разбитый, кочковатый, но всё же тротуар — от машин защита. По нему я и шествую неторопливо, приезжая на старые пепелища. И в одном лишь месте в последние годы я ускоряю шаг, стараясь быстрей миновать неухоженный старый дом в дощатой обшивке, под замшелой крышей, почерневший от времени. В нем никто не живет. Таких домов в поселке теперь всё больше и больше. Старики умирают, молодые ищут в других краях лучшей доли.

Но этот дом, мимо которого мне приходится ходить, он для меня особый. Цена ему — мальчишечья жизнь.

Прохожу, вспоминаю давно умершую хозяйку дома — старую учительницу; и неволею, с горечью — ее бедолажного правнука, которого я никогда не видел, лишь слышал о нем. Он ушел из жизни, не дожив немного до четырнадцати лет. И не своей, я считаю, волей: виноват во всём этот старый дом, мимо которого я стараюсь пройти быстрее. Полусгнивший дом и человеческая, злая, ненасытная жадность.

У старой учительницы был сын, не больно путевый, пьющий. По молодости он где-то служил ли, работал в какой-то из бывших советских республик. Потом вернулся в дом родительский, привезя с собой жену того же разряда, что и сам он. У них росла дочь, которая далеко от родителей не ушла и в свою пору привела в дом такого же мужа. Мальчонку они родили.

Весёлая собралась семейка. Держалась она на старой учительнице. А рядом с ней поднимался молодой росток — мальчик, о котором речь.

Пока старая учительница в силах была, семья как-то держалась, мальчонка рос. Он в школу пошел и хорошо учился. Но бабушка дряхлела, а потом умерла. А следом за ней, потеряв опору, один за другим в короткий срок ушли на кладбище другие члены семейства.

Остались в доме лишь мальчик с матерью. Вдвоем, для дальнейшей жизни. Мальчик, на удивление, по-прежнему хорошо учился, занимался в футбольной секции на стадионе. И, как говорят, подавал надежды. А мать его по-прежнему выпивала и толком нигде не работала. Чем они кормились, как выживали — знает лишь бог.

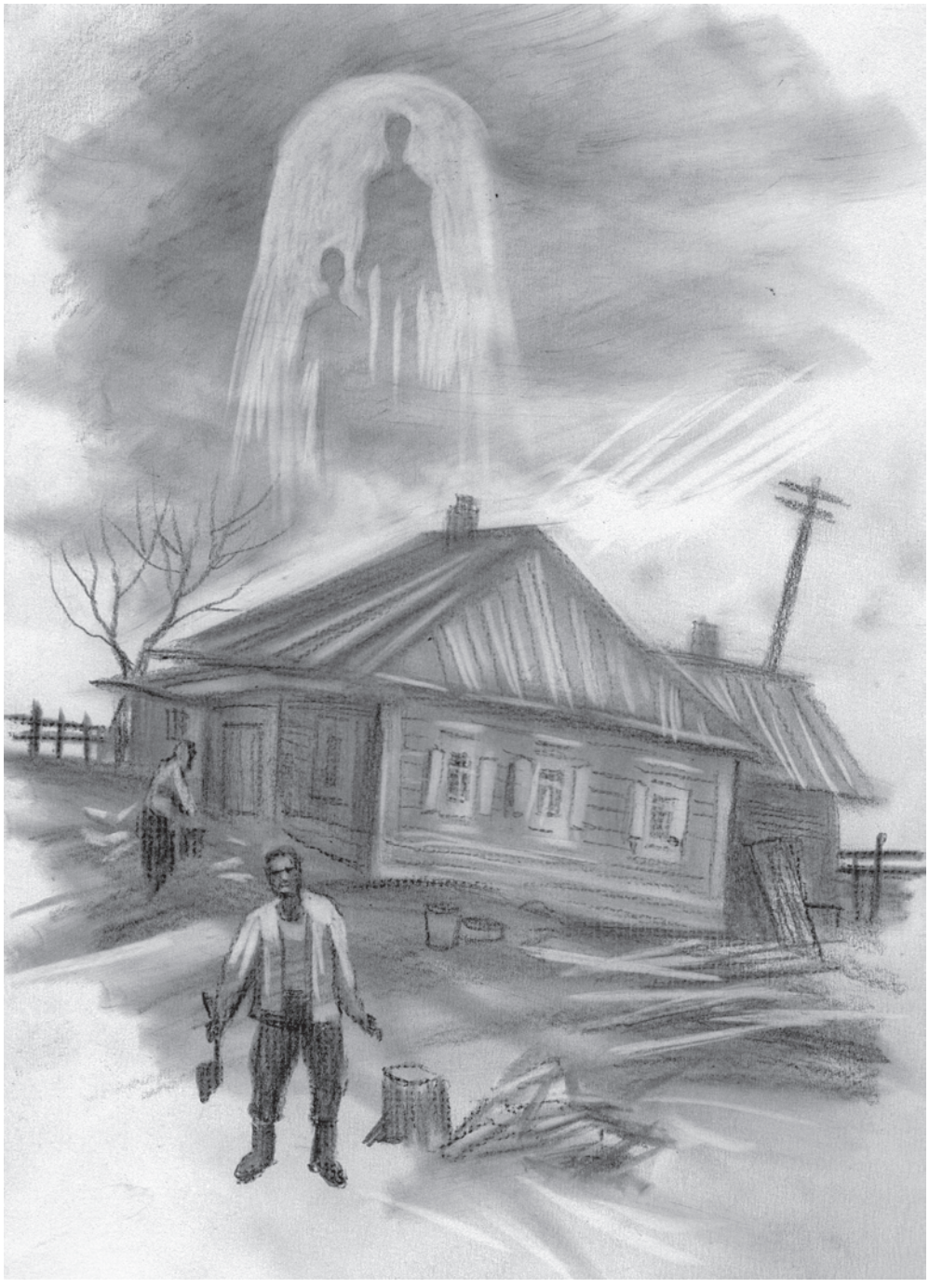


Рисунок Вадима ЖУКОВА

А потом началось вовсе горькое. Оказалось, что у матери нет нашего, российского гражданства, а значит, и прописки. Но было жилье — старый дом. На него и позарилась энергичная родственница, которая бывала в этой семье на правах не больно близкой, но родни. Приходила, проведывала старую тетушку, приносила гостинцы мальчику, поругивала его непутевых родителей.

Но когда в доме остались лишь мальчик с матерью, она сумела каким-то образом, для нынешнего времени понятным, оформить документы на наследство. По этим бумагам дом принадлежал теперь ей. Чужаков — мальчика с матерью — она в короткий срок выжила из дома. Сначала сообщила в контору электросети, что в ее доме надо отключить электричество, потому что проводка ветхая и может произойти пожар. Электричество отключили. Но бедолажная мать с сыном не ушли из дома, кое-как перебивались. А куда им было идти?

Тогда добрая родственница заявила в полицию о том, что в её доме проживают иностранные граждане без документов и прав. И, видимо, «хорошо попросила» принять меры.

Полиция быстро приехала, забрала иностранную гражданку в «отделение». Продержали её там до поздней ночи, а выпустив, приказали немедленно покинуть посёлок. Иначе их, теперь уже вместе с сыном, поместят... Куда-то «поместят». Конечно же, не в доброе место.

В тот же день насмерть перепуганная мать вместе с сыном оставили своё не больно завидное, но родное гнездо и уехали из поселка.

Где-то в чужих краях бродяжили они долго, чуть ли не целый год, но приюта там не нашли и в конце концов вернулись в место родное. Конечно же, не в старый свой дом, на который даже боялись взглянуть, но сняли какой-то угол.

Мальчик снова начал в свою школу ходить. Там его учителя хвалили. И в футбольную секцию вернулся. В поселковой команде он играл за юношей в нападении. Способный был паренёк, светлая головочка.

А вот у мамы — не очень. Сошлась с мужиком себе под стать. Стали жить в тесной квартире весёлым табуном, с какой-то родней нового мужа.

Мальчику стало вовсе худо. Ночевал он в раздевалке, на стадионе или у каких-то товарищей, кормился кое-как, чем и где придется.

Но школу всё равно не бросал, учился. Футбольный талант его заметили, оценили и обещали взять осенью в спортивную школу, в областной центр, на полное содержание. Российский паспорт ему должны были вскоре выдать. Четырнадцать лет исполнялось.

На лето он устроился работать помощником в авторемонтную мастерскую. Там, в гараже, мальчонка, считай, и жил.

Там он и умер смертью лёгкой.

Завелись у него друзья, подсказавшие, как можно скрасить скучноватую жизнь. Наука нехитрая: целлофановый пакет, в котором газ от зажигалки. И будет «крутой» кайф, сладкие грёзы. Чем больше надышишься газом, тем больше счастья. Он постарался и перестарался, потому что был сильнее других и очень хотел счастья.

Смерть его была лёгкой и скорой.

Что виделось мальчику в его зыбких волшебных снах? Может быть, день завтрашний, когда на большом, огромном футбольном стадионе,

полном людей, он бежит, он летит по центру, с мячом, легко обыгрывая одного соперника и другого. И удар издали, пушечный, в верхний угол ворот. Гол! Стадион ликует. А он ищет взглядом и находит в первом ряду девочку Лену из 8б класса. И старую бабушку, которая его так любила. Он видел их дорогие счастливые лица, которые всё ближе. Вот уже совсем рядом. И вспыхивает пламя уже не любви, но страсти, до боли жгучее.

Людское сердце, даже молодое, сильное, выдержать его не в силах.

Мальчик умер. А старый дом так и остался стоять, пустой, почерневший от времени.

У новой его хозяйки и ее невеликой семьи два дома да ещё квартира. На четверых ли, на пятерых хватает. И люди они, по меркам поселковым, далеко не бедные. Все пятеро, молодые и старые, при хороших должностях, с хорошей зарплатой. Кроме того, имеют, как нынче говорят, «свой бизнес». Так что старый дом для них как бы вовсе не нужен. Но удалось прихватить, пока пусть стоит. При случае продадут. Не столько дом, сколько участок земельный на центральной улице. Или сами ещё один магазин построят, сдвинув бульдозером этот почерневший от времени дом, цена которому молодая мальчишечья жизнь.

* * *

В наших южных краях городская осень приходит словно украдкой: зелень да зелень, тепло да тепло. Но вечерами уже тянет прохладой, по утрам — зябковато. Скоро, теперь уже скоро придёт иная пора: не откроешь окно нараспашку и балконную дверь. У ребятишек из детского сада, что в нашем дворе, летнее время кончится. Их будут беречь.

Но это ещё впереди. А пока — вот они: высыпали, словно воробьи, защебетали и понеслись. Бегом, бегом...

Кто-то из них уже убежал к жизни иной, новой. Это было, кажется, в начале лета — выпуск детсадовский. Шеренга ребятишек в одинаковых желтых футболках. Что-то декламируют, хором поют. Посмотрел. Послушал. И почему-то стало их жалко. Детвора... Какие они красивые: светлые лица, чистые глаза. И души пока ещё детские, чистые, светлые... Не оставляй их, Господь.

Алексей РЕШЕТОВ

«Пора замаливать стихи...»

* * *

Отец мой стал полярною землёй,
Одной из многих, золотой крупинкой.
А я хотел бы, в мир уйдя иной,
Вернуться к вам зелёною осинкой.
Пусть в гости к ней приходят грибники
И целый день звенит в листве пичуга.
А эти вот надёжные суки —
Для тех, кто предал правду или друга.

* * *

Убитым хочется дышать.
Я был убит однажды горем
И не забыл, как спазмы в горле
Дыханью начали мешать.
Убитым хочется дышать.
Лежат бойцы в земле глубоко,
И тяжело им ощущать
Утрату выдоха и вдоха.

РЕШЕТОВ Алексей Леонидович (1937—2002) — поэт, прозаик. Почётный гражданин города Березники Пермского края, заслуженный работник культуры РФ, лауреат Всероссийской литературной премии имени Д. Н. Мамина-Сибиряка. Премия была присуждена посмертно за собрание сочинений в трёх томах. Стихи разных лет предложены к публикации прозаиком Андреем Антипиным.

Глоточек воздуха бы им
На все их роты, все их части,
Они бы плакали над ним,
Они бы умерли от счастья!

Дворик после войны

Мирный дворик. Горький запах щепок.
Голуби воркуют без конца.
В ожерелье сереньких прищепок
Женщина спускается с крыльца.
Пронеслось на крыльях веретешко —
То есть непоседа-стрекоза.
Золотая заспанная кошка
Трёт зеленоватые глаза.
У калитки вся в цвету калина,
А под ней — не молод и не стар —
Сапогом, прошедшим до Берлина,
Дядька раздувает самовар.

Руки

Навек остыли руки рыбака,
Но как похожи на живые руки,
Скрепленные при помощи шнурка,
Большие и тяжёлые, как муки.
Неужто им и вёсел не держать,
В раздумье рыжей не сгребать бородки?
Так просто возле ворота лежат,
Как в ливень перевернутые лодки...

* * *

Не искал, где живётся получше,
Не молился чужим парусам:
За морями телушка — полушка,
Да невесело русским глазам!
Может быть, и в живых я остался,
И беда не накрыла волной
Оттого, что упрямо хватался
За соломинку с крыши родной.

* * *

Эти тихие речки под тонкой слюдою,
Это пламя осин при клубящейся мгле,
Этот стог на лугу, как с нехитрой едою
Чугунок на шершавом крестьянском столе...
Далеко-далеко, далеко мое детство,
Сколько зим, сколько лет у меня на счету! —

А на русский простор не могу наглядеться,
Всё гляжу и гляжу на его красоту...
В путь-дорогу пора перелётному клину.
Полегли камыши на глухих рукавах...
Не печалься, мой край, я тебя не покину,
Я в России живу не на птичьих правах.

* * *

Когда прощально кружат журавли
Над отдалённым призрачным строеньем
И лесом, лиловеющим вдали,
Я полон журавлиным настроеньем.
Мой серый взор стремится в синеву,
И тяжело, и слабо машут веки,
И сам, подобно журавлю-калеке,
Я падаю в осеннюю траву.
Я приникаю к матери-земле,
И вместе с ней горюю и мечтаю,
И привыкаю к медленной зиме,
И самообладанье обретаю.
Так славься та великая печаль,
Которая на лике человека
Стирает безмятежности печать
И мужеству предшествует от века.

* * *

На берегу дороги дальней,
Седой бродяга, блудный сын,
За голос матушки печальной
Я принимаю шум осин.
Я в чёрный день не без призора:
И в чистом поле небеса,
И во сыром бору озёра —
Её усталые глаза.
Я глажу реденькие злаки,
Внимаю шороху ветвей,
И хорошо мне, бедолаге,
С бессмертной матушкой моей.

* * *

Не убивайся, человече,
Что еле движутся дела,
Что ненаглядная далече,
Что вьюга окна замела.
Пока в природе двоевластье
Чудной четы — добра и зла,
Исключено сплошное счастье,
Исключена сплошная мгла.

* * *

Мы в детстве были много откровенней:
— Что у тебя на завтрак?
— Ничего.
— А у меня хлеб с маслом и вареньем.
Возьми немного хлеба моего...
Года прошли, и мы иными стали,
Теперь никто не спросит никого:
— Что у тебя на сердце? Уж не тьма ли?
Возьми немного света моего...

* * *

Что-то всё тяжелее ночами.
Спой, соловушка, спой мне, дружок,
Чтобы я отдохнул от печали,
Чтобы юность припомнить я смог.
Чтобы снова весенние громы
Прогремели бы в честь бытия,
И возникла из пены черемух
Афродита лесная моя.
Чтобы, милостью тайной возвышен,
Лёгким пламенем райским объят,
Я услышал, как бабочки дышат
И далёкие звёзды звенят.
Чтоб уже никакого значенья
До последнего самого дня
Не имели мои злоключенья,
Ибо юность была у меня.

* * *

Мы разучились письма создавать,
Замолкли их чарующие звуки.
И том последний будет тосковать
Без этой удивительной науки.
Но дело не в бессмертии — зачем
Так безмятежно, так напропалую
И подлинным товарищам, и всем
Писали: обнимаю и целую...

* * *

Была весна. И цвёл орешник.
И был он раннею весной,
Как нераскаявшийся грешник,
Пример для постников дурной.
Ни капли сил в голодных травах,
Земля по-зимнему тверда,
Но, как медведица, в канавах

Ворчала бурая вода.
И, как ребёнок, мир невзрачный
Ежеминутно хвастал мне
То красной бабочкой чердачной,
То серой ящеркой на пне.

* * *

Седому как лунь человеку,
Казалось бы, что в новизну?
Дивиться ли белому снегу,
Как белому хлебу в войну?
Подумаешь, невидаль — хвоя
И в ней снегиря огонёк!
Но бьётся твоё ретивое,
Забыв про последний звонок.
Подумаешь, красное лето!
Подумаешь, спелая рожь!
Но в пятую сторону света
Её васильков не возьмёшь.
О, запахи сосен и сена,
О, тысячи милых примет, —
Без этого сердце — не сердце,
А так, посторонний предмет.

* * *

Журавли собирают пожитки.
Небо в трещинах, как потолок.
Три-четыре хороших снежинки —
И пиши по теплу некролог.
Я и сам, как природа, невесел,
Промотал свое счастье, гляжу.
И, как будто просроченный вексель,
Жёлтый лист облетевший держу.
Вам неведомо, что это значит,
Когда воет, как баба, пила
И на маленькой брошенной даче
Мыши нюхают ножки стола.

* * *

Я снова русской осенью дышу,
Брожу под серым солнышком осенним,
Сухой цветок отыскиваю в сене
И просто так держу его, держу.
Я говорю: отыскивай, смотри,
Пока не в тягость дальняя дорожка,
Пока вкусна печёная картошка
С ещё сырым колесиком внутри.

А между тем зима недалека,
Уже глаза озёр осенних смеркли,
Лишь вены на опущенных руках
Ещё журчат, еще перечат смерти.

***

Старуха знала, где живут маслята,
Где белый гриб в зелёный мох залез,
В глухой жакетке с дюжиной заплаток
Она входила, ровно в церковь, в лес.
И кланяться земле не уставала,
Как будто бы молоденькой была,
Голубушкой синявку называла,
А мухомор антихристом звала.
Бывало, шепчут, как над люлькой, губы
Над золотым опёнковым пеньком...
Её нашли в овраге лесорубы,
Присыпанную реденьким снежком.
А около — в двух ивовых корзинках
Грибы без червоточинки одной...
И видел я, как на её поминках
Из глаз соседей дождик шёл грибной...

***

Снится сон слепому человеку,
Будто тихо шепчутся леса
И срывает, нагибая ветку,
Он большие, спелые глаза.
Будто он вставляет их в глазницы
И бросает чёрные очки,
И глядят с восторгом сквозь ресницы
Круглые, как косточки, зрачки.
Будто видно, как пчела хлопочет,
Как пригорок солнцем освещён,
Как дрожат на тонких стеблях очи,
Горькие, зелёные ещё...

Цыганка

Цыганка на Перми второй
Легко руки моей касалась
И милой старшею сестрой,
А не гадалкой мне казалась.
Она бессовестно врала,
Но так в глаза мои глядела
И так ладонь мою брала,
Что счастью не было предела.

* * *

Кофточка застенчивого цвета,
Под косынкой – золотая рожь.
Женщина, тиха, как бабье лето,
Протянула запотевший ковш.
Ничего она мне не сказала,
Просто поспешила напоить...
Петь устала, говорить устала,
Только нежной не устала быть.

* * *

Светолюбивы женщины. Они
Не могут пыль на стёклах окон видеть,
Им докучают пасмурные дни;
Их чёрным словом так легко обидеть.
И светоносны женщины. Нельзя
Представить даже, что за темень будет —
Исчезни вдруг их ясные глаза
И маленькие матовые груди.

* * *

Ты лёгким светом вся озарена,
Ты вовсе не такая, как другие,
Ты у меня, как Родина, одна.
Жизнь без тебя страшна, как ностальгия...
И снится мне: качаются цветы,
И белый аист нам несёт ребёнка,
И голову закидываешь ты,
И на поляну падает гребёнка.

* * *

Нет, ты любовью не зови
То, что на самом деле было
Простым предчувствием любви:
Не замело, не ослепило.
Ведь на пустой осенний брег
И воду чёрную у брега
Сначала падает не снег,
А только слабый запах снега.

* * *

В эту ночь я стакан за стаканом,
По тебе, моя радость, скорбя,
Пью за то, чтобы стать великаном,
Чтоб один только шаг — до тебя.

Чтобы ты на плечо мне взбежала
И, полна ослепительных дум,
У солёного глаза лежала
И волос моих слушала шум.

Рябиновый сад

Лежу на больничной постели,
Мне снится рябиновый сад.
Листочки уже облетели,
А красные гроздья — висят.
И мать говорит мне:
«Мой мальчик,
Запомни, когда я уйду,
Что жизнь наша горче и ярче,
Чем ягоды в этом саду».

***

Старость — вот она, с холодом лютым.
Отчего же в конце бытия
Всё дороже становятся люди,
Не персона, не шкура своя?
Отчего человеческий отклик,
Слабый свет незнакомой души
Я ловлю, как растерянный отрок,
Потерявший дорогу в глуши?
Отчего это каждый прохожий
Мне становится близким навек,
Словно все мы, как братья, похожи,
Словно все мы — один человек?

Памяти товарища

Девчата с железным венком.
Фотограф с притворной тоскою.
На скорую руку завком
Хоронит газетчика Колю.
Ни матери нет, ни отца.
Ни музыки нет, ни молитвы.
Типичная гибель бойца
На поле решающей битвы.
Печальною кучкой друзья
Собрались в столовой на рынке.
Дешёвая водка, кутья —
Не первые в жизни поминки.
Нас ангелы плохо хранят,
А сколько кровавых ристалищ...
Все чаще под утро звонят,
Что умер хороший товарищ.

Комната смеха

Потеха, ей-богу, потеха,
Держите, а то упаду! —
Прекрасная комната смеха
Открыта у нас в горсаду.
За самую низкую плату —
Двенадцать волшебных зеркал.
Товарищ, а где тут поплакать?
Я друга вчера потерял,
Да, видно, уж выплакал очи,
Как в холоде-голоде рос, —
И вот бы зайти на часочек
В прекрасную комнату слёз.

***

Здравствуй, пасмурный денёк!..
Молод был — хандрил в ненастье,
В руки взять себя не мог,
А теперь и это — счастье.
В красном пламени леса,
В белой кипени озёра, —
Безрасчётная краса,
Драгоценная для взора.

Синичка

Увези-ка меня, электричка,
В новогодний серебряный бор,
Где поёт невеличка-синичка
Голоском, уменьшающим боль.
Разменял я свой пятый десяток,
Стал, как зимнее древо, седым,
Но, как прежде, как в юности, сладок
Мне и хлеб, и Отечества дым.
Если женщину встречу младую,
Не усну, а усну, так во сне
Каждый пальчик ей перецелую —
Вот какое смиренье во мне!
А уж ежели с ворогом стычка,
Улыбаясь, иду напролом.
Я ведь знаю, что птичка-синичка
Защитит меня синим крылом.

Шахматы

Окошки — вроде жёлтых клеток
Для шахмат. И по ним порой
Передвигается нелепо
Разбитый вдребезги король.
Его ладьи лежат в пучинах,
И офицеры спят в земле,
Его жену чужой мужчина

Увёз в серебряном седле.
Он за насмешкою насмешку
Теперь встречает на пути.
О если б маленькую пешку
У самой пропасти найти!
Одну из тех, кто и без денег,
И без дворцовой мишуры
Тобой живет, с тобою делит
Все беды шахматной игры.

* * *

Золотую девичью ресницу
Я нашёл между книжных страниц
И подумал, что это мне снится,
Что таких не бывает ресниц.
Я простой работяга и воин,
Я хлебнул на веку маеты,
Но такой красоты не достоин,
Не достоин такой красоты!
— Ах! — сказала ресница из книги, —
Приласкай, не гони меня прочь,
И рожу я тебе, горемыке,
Сына Митю и Флёнушку — дочь.
Я смеялся и ведать не ведал,
Что вот-вот, точно сказочный змей,
Никого не жалеющий ветер
Прилетит за подругой моей.

Михайловское

И не видать в окне Россию,
Всю погружённую во мглу,
И только перышком гусиным
Скрипит сверчок в своем углу.
И льются нянюшкины песни,
Как будто слёзы по щеке,
И драгоценных женщин перстни
Горят на пушкинской руке.
И на одной из стен лачужки
В глухом неведомом краю
Тень стихотворца тенью кружки
Пьёт участь горькую свою.

Верблюд

О чём ты думаешь, верблюд,
Когда размеренно ступаешь,
Когда тебя за что-то бьют,
Когда свой тощий горб съедаешь?
В твоих глазах — моя тоска:
Я жду оазиса удачи,
И каждая моя строка —
Верблюжий след в степи горячей.

А этот массовый тираж
И эти званые обеды —
Не что иное, как мираж,
Как иллюзорные победы.

* * *

Пора замаливать стихи,
Стихи замаливать пора мне,
Встав за кузнечные мехи
Или обтёсывая камни.
Откуда знать, в конце концов,
Быть может, я ценою муки
И отыскал своё лицо,
Но потерял при этом руки.

Стихи о зарытом таланте

Зачем ремесленник, кустарь,
Когда есть вещий Дант?
Возьму лопату и фонарь,
Зарою свой талант.
Он столько лет мне жить мешал,
Как призрак и кошмар.
Он всех житейских благ лишал
Меня — мой жалкий дар.
Но я его перехитрил.
Я сделал верный ход.
Я глубоко его зарыл, —
Пусть кровь мою не пьёт!
Так отчего же всё окрест
Черно средь бела дня?
И я хочу, чтоб он воскрес,
Чтоб он простил меня.

* * *

Тускло светится лунная медь.
Люди смежили тёмные веки.
Люди спят, репетируя смерть,
Пусть премьера не в нынешнем веке.
Лишь какой-то поэт до сих пор
Не уснул, не храпит, не зевает.
Это самый бездарный актёр,
Он всегда постановки срывает.
И хотя уже близок рассвет,
Режиссёрских удач не заметно.
Знать, пока существует поэт,
Человечество будет бессмертно.

Андрей АНТИПИН

Русский остров Алексея Решетова

К 85-летию со дня рождения

«Сидели у Решетова, пили. Я, Лёша, Витя Болотов. Вдруг Решетов сел на пол, схватился за голову и начал причитать: «Жид я, Вечный жид!» Мы с Витей стали его утешать: побольше бы жидов, которые пишут такие русские стихи…»

— А что мы могли сказать? — откровенничал пермский гость, с которым судьба свела меня лет десять назад в Иркутске. — Мать Решетова, чистокровная еврейка, ещё была жива, ходила по квартире с таким вот шнобелем…

В этой примитивной антисемитской байке правдой было только то, что поэтов, пишущих такие русские стихи, как у Алексея Решетова, действительно ещё поискать в государстве Российском.

Меня всегда умиляла способность наших патриотов разглядеть в русском человеке осьмушку чужой крови и на этом основании отказать ему в русскости. В то время как доминанта самой русской крови, судя по всему,

АНТИПИН Андрей Александрович — прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1984 году. Живёт в посёлке Казарки Усть-Кутского района Иркутской области. Окончил факультет филологии и журналистики Иркутского государственного университета. Автор четырех книг прозы — «Капли марта», «Житейная история», «Живые листья» и «Русские песни». Лауреат премии Леонида Леонова журнала «Наш современник» (2010) и премии журнала «Наш современник» за лучшую публикацию 2013 года, Международной литературной премии имени Ивана Гончарова (2015) и Всероссийской премии «Молодой Дельвиг» (2015), Всероссийской литературной премии имени Виктора Астафьева (2020), литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021).

отнюдь не является для них основополагающим признаком. Чудны дела твои, Господи!

…А между тем слухи об инородстве Решетова возникли не на пустом месте. Предками его по материнскому крылу были Георгий Нижарадзе, предводитель дворянства в Кутаиси, и Нина Церетели, грузинская княгиня, владелица марганцевых рудников. Притом что по мужской линии Решетовы — Московской губернии, Богородского уезда, Шиловской волости, деревни Стуловой крестьяне православного вероисповедания. Вообще, нашего героя круто замесили. Кроме русских и грузинских, текли-бурлили в его венах и польские крови. По свидетельству Тамары Павловны Катаевой, вдовы поэта, «из-за этой смеси кровей, отразившихся на внешности Алексея, его как-то побили, приняв за еврея». Случилось это в 1980-е, Решетовы жили тогда в Перми. И кто знает, не был ли мой давний собеседник среди вольных или невольных затравщиков, сиречь сплетников, распространявших о своём товарище подобные небылицы.

Разговоры о национальной принадлежности поэта рождают вот ещё какие мысли, на этот раз отвлечённые. Мать Решетова, Нина Вадимовна Павчинская, родилась на острове с символичным названием Русский. Так, во всяком случае, она свидетельствовала незадолго до смерти в интервью Ирине Христолюбовой. Причём «Русский», будучи сдвинутым в начало словосочетания, прозвучало из её уст не как имя собственное. Вот бы и позубоскалить разным острякам! Но, думаю, Алексей Леонидович ответил бы так же, как и его матушка. Потому что русскому поэту хорошо родиться на острове, носящем имя Русский. Потому что это «очень его», Решетова, Родина — Русский остров.

О белый лист, поэту ты претишь,
Так белый флаг немыслим для солдата.
Так белой ночи давящая тишь
В рыданиях девичьих виновата.
Но полон чуда, веры, торжества
Тот миг, когда естественно и просто
Приходят вдохновенные слова
На лист, необитаемый, как остров…

* * *

Впрочем, самого Алексея мать родила в Хабаровске 3 апреля 1937-го. В октябре на семью свалилась страшная беда: главу семейства, талантливого журналиста «Тихоокеанской звезды», ещё недавно отметившегося очерком о Блюхере, окрестили со страниц «Правды» «дальневосточным Радеком»* и этим, собственно, подвели черту под его жизнью. После ареста о нём не было никаких вестей, а неизвестность, как водится, питала надежду. И лишь получив копию судебного приговора, Нина Вадимовна

* Карл Бернгардович Радек (31.10.1885—19.05.1939) — советский политический деятель, литературный критик, журналист. Окончил дни в Верхнеуральском изоляторе для политзаключённых.

узнает, что муж её, Решетов Леонид Сергеевич 1910 года рождения, решением выездной коллегии Верховного суда СССР от 13 апреля 1938-го был приговорён к высшей мере за участие в антисоветской правотроцкистской организации и в тот же день расстрелян.

Но эта поздняя правда настигнет семью лишь в 1990-м, полвека спустя.

А тогда, в конце тридцатых, на долю маленького Алёши и его старшего брата Бетала выпадет ещё не одно испытание. И главным из них станет разлука с матерью: её осудят как члена семьи изменника Родины и в числе многих других женщин законопатят аж в Казахстан. С мальчиками останется бабушка Ольга Александровна Павчинская. С ней-то они и хлебнут военной мурцовочки. Воспоминаниям об этом времени будет посвящена грустная решетовская повесть «Зёрнышки спелых яблок». Она же, бабушка, в победном 1945-м привезёт внуков на Урал, в посёлок Боровск Пермского края. Там, отбыв арестантскую повинность сначала в карагандинских степях, потом в лагерях Соликамскстроя, ожидала их Нина Вадимовна, ограниченная в праве выезда. Для Алёши, который маму совсем не помнил, встреча с ней станет ещё и знакомством. Первое, что поразит мальчика, будет красота мамы, ведь она была ещё такой молодой...

В годы оттепели новоиспечённый уральский поэт, уже издавший первую книжечку с весенним названием «Нежность», украдкой подмигнёт Мандельштаму — ещё одному смертнику сталинских лагерей, погибшему за великий пасквиль «Мне на плечи кидается век-волкодав, но не волк я по крови своей…». Вот это братание:

Я, как волк, появился в апреле
В этом яростном мире большом.
Мне авдотка играл на свирели.
Я лежал на земле нагишом.
Объясните-ка мне, буквоеды:
Мы не волки, — а плечи сильны,
Мы не волки, — а головы седы,
Мы не волки, — а песни грустны...

Когда родились эти строки, уже можно было не умирать за них в застенках. Но ещё нельзя было говорить об этом, не прячась за лукавым прищуром Эзопа или Галича. Потому что «буквоеды» поступились методами, но не целью. И речь вовсе не о том, что бдительные редакторы, заботясь о духоподъёмности подведомственных им изданий, требовали от Решетова переплавки всяких «унылостей» и прочих «грустных песен» в мажорные марши эпохи. Этак-то они и решетовскому сроднику по совести и письму, вдохновенному печальнику Николаю Рубцову подрезали крылья, пытаясь прокатить сквозь его Божью дудочку свою свинцовую горошину.

Но дело, повторюсь, в другом.

На долгие годы (да, пожалуй, навсегда) эта детская травма — гибель отца, мытарства матери, собственное полусиротское детство на краю России — западет в душу поэта вечно клацающей клавишей, сообщив его творческой манере стеснительную немногословность в выражении чувств, а пейзажу — соответственный колорит, сработанный по большей части в полутонах и, как правило, неброскими красками.

О пейзажах Решетова разговор особый. А что касается волчьей «песни», которую поэт старался не афишировать «в этом яростном мире большом», то она сама собой, выдавливаясь под гнётом памяти, нет-нет да раздавалась там, где, наверное, и сам автор не чаял её услышать:

Нам долгие ночи с тобой коротать,
Стихи, завывая по-волчьи, читать.

Или:

В гостинице, в номере «люкс»,
Сижу, завываю, как люпус…

«Я ненадёжный и старый вожак», — признавался поэт и в более поздних стихах, а на пороге смерти вздыхал: «По зорям слышу волчий вой…» Вообще, такой, как у Решетова, зацикленности на волчьей теме трудно вообразить. Его книги, как сибирская тайга, буквально населены волками, которые то «жадно воют в поле чистом», то пьют «вино из волчьих ягод», а то шастают в голодную военную пору, «боясь лишь бабьих красных век». И это не считая иных волков: енисейского, что «не воет, а блеет», и тех, что «как бесы, поют…», да и «волчья стая серых дней» то и дело грозит разорвать поэта. И конечно, никуда не деться от волка-людоеда, съедающего Красную Шапочку. А ещё тут как тут «влюблённые волки», что «устроили бой», а один даже рискнул на «Монолог подсадного волка». Правда, сей вольнолюбивый порыв пришёлся на последнее советское десятилетие, когда цензуре было не до стихов. А они не такие уж безвинные: «Вы злобных псов на нас пошлёте, / Но им пощады не видать. / Вы красных шапочек нашьёте, / Но ими нас не закидать!»

В девяностые эта устойчивая оппозиция не избывалась, но становилась определённей и гражданственней:

Мы волки, мы серая масть.
Мы воем в глубоком овраге.
Повсюду советская власть
Развесила красные флаги.

На рубеже тысячелетий встречается и прямая аллюзия к Мандельштаму: «Новый век ещё щенок, / Но уже сбивает с ног. / Этот юный волкодав / Показал уже свой нрав…»

Ни Пастернак, ни Есенин, ни Цветаева, ни тем более Солоухин и Высоцкий в этой классической теме Решетову не конкуренты. Потому что Решетов не сочинял, а свидетельствовал, и его кочующий из стихотворения в стихотворение эпитет «красный» («красные бабьи веки», «красная, как гибель на миру, осинка», «красные флаги») — не поэтический реквизит, но дань времени и памяти, правда образа, который вот уж воистину вылеплен самой жизнью, её ежовыми рукавицами. Думается, когда уже на закате века — и своего, и календарного — Алексей Леонидович назовёт двадцатое столетие високосным для русской поэзии, он будет иметь в виду не только и не столько угасание читательского интереса к стихам. Помянет он

Былое и думы Алексея Решетова

в этих словах и трагические судьбы Мандельштама, Клюева, Павла Васильева с его «волчьими изумрудами в нелюдимом северном краю». И это не считая других поэтов, которых бросали в лагеря, как солому в огонь, нагревая на этом руки. Все они, великие и рядовые, прямые и горбатые, в детские годы Решетова подверглись принудительному исправлению, в том числе — кайлом и могилой.

«Лет с восьми, но не боле, / А быть может, и в пять / Радость сердца от боли / Я устал отличать», — подводя первые итоги жизни, впоследствии напишет поэт в небольшой поэме с гулким, под стать эпохе, названием «Колокольный глагол». На дворе будет бушевать перестройка, время осмысления всего случившегося со страной, когда станет возможным делать это вслух. У многих развяжутся языки. Скажет своё слово и Решетов. Это не значит, конечно, что все предшествовавшие годы он сопел в тряпочку. Просто памятливость на иные события ещё недавно была чревата. Может быть, отчасти поэтому он до поры до времени пытался если не замолчать, то заретушировать правду о расстрелянном отце, ограничиваясь проговоркой («Отец мой стал полярною землёй…») или сочиняя ему фронтовую биографию: «И несёт почтальон на потёртом ремне / Безотцовщину чёрную брату и мне…».

Теперь-то мы знаем, что в этом не было компромисса с совестью. В подцензурные годы писались Решетовым и другие стихи. В первую очередь вспоминается хрестоматийное «Когда отца в тридцать седьмом...». Другое дело, что писаться-то писались, однако пришли к читателю не сразу. Тогда, когда сам читатель ждал других откровений, в которых уже не было места экивокам:

Ни чёрных «марусь» у подъездов,
Ни ихних дружков «воронков».
Не ищут «убойного места»
На зеках винтовки стрелков.
Исчезли дозорные вышки,
Забор, окружавший страну.
И даже лихие мальчишки
Друг друга не держат в плену.
Живите себе беспечально,
Взирайте, как жизнь хороша.
Но, как соловецкая чайка,
По-прежнему плачет душа.

«По-прежнему плачет душа…» Боль, связанная с потерей родителя, которого сын видел разве что глазами младенца, как видели своих отцов тысячи других сыновей, не отпускала. Плач был горек и безутешен. Однажды он прорвался впечатляющей перекличкой с Юрием Кузнецовым, чей отец — подполковник Поликарп Ефимович Кузнецов — погиб в 1944-м на Сапун-горе, освобождая Севастополь.

Десятки лет прошёл я вспять.
И вот увидел я опять
И дом со сломанным крыльцом,
И мать с заплаканным лицом.
Но не зашёл я в отчий дом,
Я лишь сказал:
— Вернусь потом.
Я обязательно вернусь,
Забудем боль, оставим грусть.
Я дни и ночи без конца
Ищу погибшего отца
На Колыме, и в Соловках,
И на земле, и в облаках.
Но Млечный Путь,
но Чуйский тракт
Не говорят, где отчий прах.
— Отец, отец! — кричу ему,
Но Вега прячется во тьму,
Но исчезает без следа
Во мгле Полярная звезда.
И вдруг из вечной мерзлоты
Чуть слышный шёпот:
— Это ты?..

Вероятно, это вообще плач мальчиков, что родились на стыке тридцатых-сороковых — в годы посадок, в чернолетье войны. «Отец, отец!» — зовут они. Герой Юрия Кузнецова исторгает крик: «Ты не принёс нам счастья!» У Решетова отец, предвидя такого рода претензии, отвечает сыну по-мужски скупо и сурово:

Зачем твой крик, зачем твой стон? —
Ты не для слабости рождён.
Прошло полвека, не полдня,
Пора отвыкнуть от меня.

…Пожалуй, единственным бесспорным достижением горбачёвских перемен стала свобода, открывшая дорогу к Правде. Сонмы «правдолюбцев» ринулись в этом направлении, действуя не всегда во имя истины, но отмщая все свои явные или мнимые обиды, причинённые им красным режимом. Но вот в чём парадокс Решетова, его корневое отличие от малых сих: он не злопамятен. Отверзлась бездна, замаячила перспектива — Решетов подобно множеству коллег по цеху вполне мог бы спекулировать фактами своей биографии. И, несомненно, сделал бы себе репутацию, стал бы членом какого-нибудь международного сообщества и гастролировал бы по миру в качестве «жертвы», плачась в жилетку Сороса и прочих инвалютных воротил. Однако Алексей Леонидович ни на что такое не подписывался и, слава богу, не пополнил ряды энергичных борцов с «совком», ещё вчера певших ему осанну, а нынче сменивших патетический тон на высер. А ему ли было не точить зуб — сыну врагов народа, чудом выжившему в замордованной стране, большому русскому поэту, напечатавшему в столице две скромные книжечки и прозябавшему в унизительной бедности до самой смерти? Но оказалось, что он всех и всё простил с подлинно евангельским воспарением духа:

Пропади она пропадом, жизнь
Вот такая, какая досталась.
Лучше сразу в могилу ложись,
Чтоб твоя колыбель не качалась.
О, не верьте мне, люди, я лгу.
Я устал от земного вращенья,
Но и самому злому врагу
Я желаю любви и прощенья.

При этом не надо думать, что Решетов не был склонен к вынесению суровых вердиктов. «Мы к бедам привыкли. Нам счастье не впрок…» — это тоже он, автор многих молитвенно кротких строк. К такому безрадостному заключению пришёл тогда не один Алексей Леонидович. Съязвил схожим образом и Нагибин. Разница была лишь в том, что в словах поэта чувствовалась тоска, а Юрий Маркович был традиционно желчен и жесток: «Русский человек врёт, если говорит о своём стремлении к счастью. Мы не умеем быть счастливыми, мы не знаем, что с этим делать». Да и мало ли объявится тех, кто не преминёт ткнуть в лицо Родины остриями своих интеллигентских зонтиков? В октябре 1993-го любители изящной словесности будут приветствовать танковые залпы по зданию Верховного Совета. И это взаимосвязанные вещи…

Не то Решетов. Его претензии, и претензии серьёзные, кровные, — к властям, не к Отчизне. Поэт не путал эти понятия. Поэтому историческая правда, вызволяемая им из пекловых глубин, никогда у него не потрафляла злобе дня, не плясала под чужую дудочку, не старалась понравиться, а всегда оставалась собой, в какие бы грубые рубища ни рядилась. И уж, конечно, она бы не позвала к расправе, сколь бы мерзкой ни была действительность:

Мы ещё не сломались,
Не волнуйся, будь спок.

Приносил меня аист,
Увозил «воронок».
В бесконечных кошмарах
Срок считая, как стаж,
Мы лежали на нарах
Возле грязных параш.
Мы потом выходили
На свободу, но там
Мало что находили
Незнакомого нам.

Предельная лаконичность. Но и скорбь, ведь это не игра слов, не самодовольный бубнёж господина Быкова, а констатация фактов, противу которых не попрёшь. Не оттого ли Решетову веришь больше, чем иному ботану с кафедры отечественной истории? Потому что с принципом историзма всё нам давно понятно, а вот человек такой совестливости и такого требовательного отношения к слову, каким был Решетов, ни при какой погоде не мог покривить душой. Трагедия тридцать седьмого, как под действием гидравлического пресса, сжата в двенадцать гнетущих строк, которые не вырвать, не вымарать из русской поэзии. Кстати, эти поздние стихи из черновых тетрадей свидетельствуют ещё и о том, что дар поэта со временем не умалялся, но кристаллизовался, выстуживаясь до какой-то последней исповедальности. Той, которая уже не перед нами исповедальность, но перед вечностью и Богом.

…Он умер в сентябре 2002-го, едва приступив к работе над собранием сочинений. Синий трёхтомник вышел в Екатеринбурге два года спустя. Полистайте его — и вас безмерно удивит великая доброта того, кто, невзирая ни на что, никогда не роптал «на суровую судьбу», «не искал, где живётся получше», и вообще ничем не попрекнул свой Русский остров. Наоборот, воспел его любящим сердцем сына да ещё о нём же, принёсшем столько горя, сказал как о венце милости:

Собрать бы последние силы,
Склониться над белым листом
И так написать о России,
Как пишут о самом святом.
Она тебе зла не попомнит.
Попросишь прощенья — простит,
Настанет твой час — похоронит.
Приидет пора — воскресит.

О, это великие слова, ибо исполнены прекрасного мужества. И это такой нам, не умеющим прощать даже в малости, нравственный урок…

Александр БАЛТИН

Особое чувство Родины в поэзии Алексея Решетова и Евгения Маркина

А. Решетов выразил особое чувство Родины, столь присущее русским, самым, может быть, трепетным четверостишием:

Зеница ока, Родина моя,
Что без тебя на белом свете я?
Без белых рощ, без пушкинской строки;
Я не жилец, я сгину от тоски.

И нежнейшие его вибрации словно расходятся золотисто, наполняя пространство…

С меньшей долей концентрации Е. Маркин переводил в слово родные картины, используя детали и подробности, от которых щемило сердце, и становилось так — будто ощущение Родины перетекало из произведений Маркина в читательские души:

По ночам,
когда всё резче,
всё контрастней свет и мгла,
бродит женщина у речки
за околицей села.
Где-то гавкают собаки,
замер катер на бегу.
Да мерцает белый бакен
там, на дальнем берегу.

Всё — столь привычное, родное, и хоть ночь, кажется, хлебом пахнет, и млеко струится…

БАЛТИН Александр Львович — поэт, эссеист, литературный критик. Родился в 1967 году. Живёт в Москве. Почётный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Член Союза писателей Москвы, автор многих книг, включая пятитомное собрание сочинений. Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017), литературного журнала «Дети Ра» (2017), Ахматовской премии (Болгария, София, 2019) и газеты «День литературы» (2019). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020, 2021).

…Оно и струилось, впрочем, — волшебное млеко жизни, определявшее русскую суть.

А. Решетов раскрывает солнечные лучи русского лета, как своеобразную альфу мироздания. Из цветка космоса льющиеся лучи жизни вызывают тихое счастье, а потом, когда вчитаешься, ощущаешь мощный рокот этого счастья — свободы дыхания, словно предельной свободы:

Проснулся я от солнечных лучей.
Цвела трава. В России было лето.
Как хорошо, что этот мир — ничей:
Ходи, дыши, и нет тебе запрета.
Как хорошо, что кто-то нам сберег
Земной простор — леса, озера, тучи! —
Любимая не пустит на порог,
Неплохо и на камушке горючем.

Полное принятие жизни: световое, полнокровное…

Открытие родного, что становится твоим пульсом и памятью, у Е. Маркина происходит больше через предметный мир, даваемый всегда с той мерой конкретики, когда называемый предмет, кажется, можно взять в руку, ощупать:

…Я помню жактовскую комнату,
Большое венское окно…
Играли мамины знакомые
по воскресеньям в домино.
А я мешал.
И на ночь глядя,
мне говорили:
— Спать иди…
И был средь них веселый дядя —
сержант с медалью на груди.
Не избалован,
безобиден,
я уходил на сеновал.

Родина раскрывается разными ракурсами, Россия поётся по-разному, но всегда световая составляющая присутствует в космосе патриотизма обоих поэтов.

Нежность опоясывает стихотворение Маркина:

Чистенький,
веселый,
с кущами аллей
замелькал поселок
в стеклах «жигулей».

Нежная лёгкость, ажурность напева — пусть дальше и замелькают тяжёлые воспоминания — куда же без них?

И даже перечислительные моменты в поэзии Решетова есть проход по ступеням любви к родному:

Я жил далеко на Урале,
В почти недоступной дали.
То льдины у ног проплывали,
То сено на лодках везли.
То словно разрытая яма,
То будто поверхность стекла,
То злая, то добрая Кама,
Как совесть людская была...

«Речка Гусь», вьющаяся строками Маркина, — с великолепным отливом тайны и счастья, сообщающим силу стиху:

Берега, островки,
заводи с глубинами…
нарекли ж
старики
речку — птичьим именем!
Речка Гусь, речка Гусь…

Они очень разные поэты — Алексей Решетов и Евгений Маркин; первый, вероятно, сильнее — и компактностью строк, и большим ощущением космоса, проницающим его поэзию, но есть некое облако сходства в их отношении к родной земле, к понятию Родины, ко всему, что даёт Отечество: единственное, и такое неповторимое, такое — сколь бы ни были хороши стихи — невыразимое в самой своей сокровенной сути.

Владимир КРУПИН

Смерти нет

Гремят пасхальные колокола русских церквей, и вспоминается строчка поэта: «Золотое сердце России мерно бьётся в груди моей». Именно в Пасху особенно ощущается непобедимость России.

Православие, а значит и Россию, можно понять только тогда, когда уверишься в том, что смерти нет. Как нет? А что же тогда такое — российские кладбища? Но что такое Гроб Господень, в который Иисус Христос был положен умершим на Кресте, но «воскрес в третий день по Писаниям». Точно то же будет и с нами со всеми. Да, все умрём, но все и воскреснем.

В том-то и есть главный смысл Пасхи Христовой, он в победе жизни над смертью. Да и как может Начальник жизни Христос быть Богом для мёртвых? Нет, только для живых. Умерев на Кресте как человек, Он, как Бог, сошёл в ад, разрушил адские двери. И Адама, и многих праведных, давно и недавно умерших, встречали люди на улицах Иерусалима.

«Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» — это одно из главных пасхальных возглашений. Уничтожена смерть, стонет и рыдает ад.

КРУПИН Владимир Николаевич — прозаик, публицист, педагог, секретарь правления Союза писателей России. Родился в 1941 году. Живёт в Москве. Окончил факультет русского языка и литературы Московского областного педагогического института имени Н. К. Крупской. Работал редактором и сценаристом на Центральном телевидении, в издательстве «Современник», был главным редактором журнала «Москва», преподавал в Литературном институте имени А. М. Горького, в Московской духовной академии, других учебных заведениях. Автор более тридцати книг. Лауреат Всероссийской литературной премии имени Святого благоверного князя Александра Невского (2009), Патриаршей литературной премии (2011). Награждён орденом Дружбы народов. Почётный гражданин Кировской области.

Патриаршее служение в праздник Светлого Христова Воскресения в храме Христа Спасителя
Фото Сергея ВЛАСОВА

И дарована нам вечная жизнь. Свершилась «Пасха верных, Пасха, двери райския нам отверзающая». Царь царей и Господь господствующих сделал наши души безсмертными.

В день Великого Воскресения, вслед за сошедшим в Великую Субботу Благодатным Огнём, служится Пасхальный Канон святого Иоанна Дамаскина. «Воскресения день, просветимся, людие; Пасха, Господня Пасха, от смерти бо к жизни и от земли к небеси Христос Бог нас преведе…»

С богослужения Святой Пасхи начинаются новые счастливые дни обновления души и тела. Всю Светлую седмицу будут открыты Царские врата. Это знак того, что Спаситель открыл райские двери, показав путь спасения.

Так почему же мы не идём этим путём?

От нашего предательства Христа ещё при Его земной жизни. Спаситель сказал: «Верующий в Меня будет иметь жизнь вечную». Что ж не поверили? А кому поверили? Иудеям, которые требовали Его смерти? И крики их превозмогли робкое желание римского наместника Понтия Пилата освободить Христа. Хотя иудеи знали, что приход Христа сбылся точно в предвозвещённое время. Но принёс Он не то, что ждали они, не власть их над миром, не золото для них, а учение о том, что не надо копить себе тленного богатства на земле, на которой даже и золото изоржавеет, а призывал к праведной жизни ради других.

Но ведь у Креста были не только иудеи, кричавшие: «Распни Его!», были и те, кто знал Христа при жизни, свидетели исцелений и сами исцелённые. Те же Вартимей и Закхей из Иерихона. И из десяти очищенных от проказы был тут хотя бы один, тот, кто вернулся благодарить Христа. А Лазарь, друг Христа, а сёстры его Марфа и Мария? А гости на свадьбе в Кане Галилейской, где Спаситель явил Своё первое чудо? И почтенные мужи еврейские Иосиф и Никодим.

И сотни, и многие тысячи других. Что говорить — ученики разбежались. Только Иоанн остался. Именно ему поручил Иисус заботиться о Своей Матери. О Ней были Его последние земные мысли.

Да, предали Христа. Испугались. И римлян испугались. И, особенно, первосвященников. «Страха иудейского ради» предали Спасителя. О, несмысленные иудеи, кого вы судили? Того, Кто будет судить Вселенную? Того, Кто способен оттрясти звёзды с небес, как яблоки с яблони? Того, кто колеблет горы и расплескивает моря и океаны? И Его судили земнородные твари? Творца жизни!

И сколько там было иудеев по отношению к остальным? И остальные, большинство, выходит, поверили иудеям? Значит, не любили Христа? Страшно вымолвить, не любили Создателя жизни на Земле. Боялись иудеев? А если бы любили, не боялись бы, ибо «совершенная любовь изгоняет страх». И как же не любить нетленного Бога? Вечного и Бесконечного, Всеведущего и Всемогущего?

Но честно скажем себе: своими грехами мы снова возводим Его на Крест. И опять распинаем. Он даровал нам время, мы его тратим бездумно, этот Его главный дар, швыряем его в пасть удовольствиям, развлечениям, чему угодно, только не спасению души. Небесные силы ужасаются, видя наше предательство.

Уж теперь-то, после всех уроков истории, можно было прийти с покаянной головой ко Престолу Божию, понимая, что всё золото мира не стоит одной спасённой души.

И если смерти нет, то что бояться перехода из времени в вечность? Чем сильнее человек верит в Бога, тем с большей радостью желает он окончания отведённого ему земного срока. Потому что не только земные времена каждого отдельного человека кончатся, но и вообще наступит конец Света. Но прежде Страшный суд. Неизбежный, справедливый. Окончательный. А до него, вспомним пророка Иезекииля, останки людей вернутся туда, где родились, чтобы воскреснуть. О, сколько сухих костей прилетит в Россию отовсюду, из всех материков. То явится миру Святая Русь в своей полноте. Миру вечному, в котором она будет главной. Главной, потому что была самой преданной Христу и более других возлюбила Его.

Святая Русь — главное воинство Христово. Закалённое веками страданий, пролитием крови, оно в сражении Христа с Велиаром, света с тьмой, будет непобедимо. Это сражение началось в вечности, в ней и закончится. Фактически мы уже выиграли его. Потому что вступаем в него полные веры и мужества. Ибо одна только есть настоящая вера, Вера православная. Почему? Потому что на землю её принёс Господь, Сын Божий. Остальные религии, верования созидались гордыней падшего человека.

Страшась этого сражения, враги Христа торопятся: всегдашняя их надежда — завладеть способностью Бога созидать жизнь. И что доказали? Что мы с дерева спрыгнули вместе с Дарвином и обезьянами? Если вам приятно считать шерстяных животных своими предками — воля ваша, но нас, православных, Господь сотворил.

И вот опять началась болтовня, что мировые учёные изобретут для людей безсмертие. Голография, киборги, ещё чего-нибудь придумают. Всё это всё та же зряшная коллайдерность да плетение словес про живую клетку. Что угодно, лишь бы с Богом посоперничать. Нет, наследники иудейских первосвященников, деньги не тратьте: и вечность, и бесконечность в ведении Всевышнего. И только.

Вот тут и ответ, почему Россию не любит обезбоженный мир: она со Христом, безсмертие православным даровано. И остальной мир мог бы быть с Ним, если бы не уповал на науку, деньги и оружие. И вспомнил бы, что Россия никогда никем не была побеждена. Потому что, повторим, она со Христом. А именно Он будет судить и живых мёртвых при Своём Втором Пришествии.

Александр БАЛТИН

«Мы двадцатого века ворочали глыбы...»

* * *

Мы двадцатого века ворочали глыбы,
Жесточайшие века познали изгибы,
Мясорубки Вердена, Амьен, Сталинград.
И прорывы сознанья почти в запредельность.
Жизни вместе изведали скуку-бесцельность.
И в искусстве давил сильно Чёрный квадрат.

Гейзенберг, давший квантамеханики город.
Лабиринты в мозгу проясняются — довод
В пользу сколь атеизма? Но Мендель — монах,
И епископом Ухтомский был… Самолеты
В далях неба плывут. Пруст поведает, кто ты,
По-иному, чем Павлов. Всех трогает страх.

Бровеносец зашёл — да мы знаем! — в потёмки.
Анекдотов и водки ядрены потоки.
Динозавром громоздок Союз, величав.
Бесконечность НИИ и кружков столь уютна.
Уповать на грядущее? Это безумно.
Но развал изменяет советский состав.

БАЛТИН Александр Львович — поэт, эссеист, литературный критик. Родился в 1967 году. Живёт в Москве. Почётный сотрудник Финансовой академии при Правительстве РФ. Член Союза писателей Москвы, автор многих книг, включая пятитомное собрание сочинений. Лауреат газеты «Поэтоград» в номинации «Критика» (2017), литературного журнала «Дети Ра» (2017), Ахматовской премии (Болгария, София, 2019) и газеты «День литературы» (2019). Победитель Международного поэтического конкурса «Хотят ли русские войны?» (Болгария, 2020). Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020, 2021).

Был семнадцатый явлен походом за счастьем.
Девяносто же первый отмечен участьем
Капитала, чья власть не читалась тогда.
Мы двадцатого века ворочали глыбы.
Говорить ли ему за ушибы спасибо?
Но ведь опыт ценнее всего, господа.

* * *

В пробирках Данте вызревавший ад
Густел всамделишностью давней жизни.
Круги, в которых ряд ползёт на ряд
Существ, и все они тлетворны, лживы.

Другие — ад, и сам ты — личный, свой,
Привычный ад, своя болезнь и вирус.
Под смертною ли обретёшь пятой
Покой? Ты часто думал, видя вынос.

Великолепье золотых аллей,
Предложенных кому-то в райских парках!
Поэзию скорей вином запей.
Как алкаши жизнь запивают в арках.

Алхимия времён творила миф,
Герметику зашифровавши в книгах.
Кто коды одиночества постиг,
Нуждается едва ль во громких вскриках.

Есть ад земной, где связи и т. п.
Талант венчают с нищетой упорно,
Где деньги злой укор пошлют тебе,
В душе растившему златые зёрна.

Есть рай земной, где чтение и где
Воспоминанья детства и прогулки.
И, мнится, я взлетаю и т. д.,
Дойдя до самой сути переулка.

И есть лабораторные слова,
Творящие архитектуру текстов.
И здесь жизнь духа, что ясна едва,
Раскроется — вне суеты и жестов.

Симфония коней

Конский топот… Слышишь, кони мчатся!
Мудрые — у Свифта — мне милей,
С ними обречён не повстречаться,
Нитку жизни для среди людей.

Жеребёнок так резвиться может,
Будто сущность бытия постиг.
Точно для него небесный Моцарт
Зазвучит и мудрость ветхих книг.

Кони… Гроздья мускулов тугие,
И глаза, вбирающие мир.
Ах вы, кони, кони дорогие!
До чего же он порой не мил.

Как вас били, бедные, хлестали,
Будто вы — игрушки для людей!
Точно злые люди отрицали
Преданность волшебную коней.

Проросли из вас кентавры — было
Это на античных берегах.
Двойственность изрядно погубила
Мыслей и людей. Ушли во прах.

Глянь-ка — деревянные лошадки,
Карусели: малыши летят
Вновь по кругу — счастье без оглядки,
Ибо детство отрицает ад.

А симфония коней судьбы порою
Не слышна, совсем приглушена —
Все равно дается нам живою
И великолепною она.

Молитва за маму

За маму бедную мою
Тебя, невидимый, молю.
Пусть поживёт подольше без
Таких неумолимых бед.
Пусть видит, как растёт внучок —
Чистейший радости исток.
Услышь! Заставь поверить во
Любовь твою, чьё торжество
Тщусь я увидеть на земле
На протяженье многих лет…

Наша Атлантида

Главный остров был весьма помпезен,
Пышный храм главенствовал, высок:
Белый, в небосвод как будто врезан.
Небосвод — как световой исток.

Построенья крупными кругами
Остров окружали… Чрез врата

Проплывали корабли, и гамме
Плаванья никто и никогда

Не чинил препятствий… Порт обширный.
Ярусами шла столица вверх.
Жизни дух был изначально мирный,
Каждый благороден человек.

Храмы собирали свет, питая
Оным всех: от деток до седых
Старцев, что входили, умирая,
В мир, весьма известный для живых.

Ибо третий глаз открыт у всех был.
Приедаться стало нам добро.
Новые возникли храмы: вехи
Тьмы — мерцало злато, серебро.

Адские во храмах были танцы,
И людские жертвы в ход пошли.
И приятны многим стали также
Подлости смердящие кули.

Многих мудрецов предупредили
О крушенье водном, мастеров —
Чтобы лучшее они продлили,
Силы взяв не от земных миров.

Вздыбилась вода стеной живою,
Рушились постройки, всё текло.
Храмы тьмы огромною волною
Страшно накрывало, тяжело.

Корни островов дробила сила,
Нет какой сильней. Стенала плоть
Всякая, и погребенье было
Водное, как смерть, не обороть.

Горстка лучших уцелела, память
О златых сберегши временах.
Гладкий океан не может плакать
О великих наших временах…

Под знаком отца

...Его черты хранит судьба моя:
Отец скончался много лет назад.
Но силу памяти давно изведал я:
Она есть отрицанье забытья,
И я такому варианту рад.

...Как папа, с нежной жадностью порой
Со сковородки макароны ем...

Не в этом дело! В чём? Ответь! И твой
Привычный баритон звучит совсем
Отчётливо, спокойный и густой.
Я растревожен и, конечно, нем
В тугом силке иллюзии простой.

Ты, помню, на скамеечке сидел,
И разморило, а потом заснул.
Я двигался домой — довольно дел,
Чтоб не будить. А кто сейчас вздохнул?

...А летом мы бродили между дач
В Калуге, о насущном говоря...
...Не знал тогда я норов неудач,
Не тяготили дни календаря...

Обрёл ли ты покой на высоте,
Немыслимой для наших малых тел?
Духовные сады во красоте
В благоуханье истины узрел?

Твой знак сияет тихо надо мной.
И на пересечении дорог
Хочу тебя спросить: «Скажи, родной,
Есть от меня на этом свете прок?»

Мрамор

Мрамор, вызревающий в земле,
Обещает красоту и вечность,
Вечность, превращаемую в вещность
Статуй и колонн на много лет.
Мрамор сам сиянием хорош,
Сложные прожилки покрывают.
Истины, которые найдёшь,
Мраморные грани подтверждают.

Подводный мир

Начинка толщи вод —
Кораллы, рыбы,
Моллюски, их изгибы,
Актиния цветёт.
Сады, костры, огни —
Всё выпукло и немо.
А эти хризантемы —
Что под водой они
Забыли — тут?
Сиреневые кольца
С присосками растут.
Охоты всякой польза
Понятна, правда, спрут?

Подводный мох. И риф
Коралловый белеет,
Приемля стайку рыб
Бесстрастно — как умеет.
Мир совершенный — ты ль
Предстал на самом деле?
Понятна еле-еле
Сияющая быль,
Что много краше грёз,
Цветастей радуг.
Растенья вроде пагод,
Ежи, мерцанье звёзд.
Зияющая щель,
Края даны неровно.
Нет под водой углов, но
Всё плавно. Мель?
Обман скалы? Она
Мощней церковной догмы.
А может, форма сна
И нарушенье нормы
Подводный тот
Мир тишины цветастой?
Нет, сам собой живёт,
И, с космосом согласный,
Едва ли он зовёт
Участвовать в подобной,
Весьма подробной
Чудесной жизни нас —
Достаточно опасных.
Мерцает чей-то глаз
Из дебрей нежно-красных.

Воспоминание

Дачный дом был ниже груш и яблонь,
И намного ниже детских грёз.
Летней ночью крепостью был явлен,
Уступая в тайнах миру звёзд.
Их ростки заимствовали формы
У глубин, чей своеродный ритм
Представлял, опровергая нормы
Византию, Вавилон и Рим.
С гамака, подвешенного прочно
На крюках меж балок, — океан
Открывался, заливая то, что
Был я сам, засунувший в карман
Руку, праздно двигавший другою.
Ни одна звезда не снизошла
До моих фантазий золотою
Искрою, коснувшейся чела.

Мольер

Тартюф, разбрызгивая грязь
Пороков, плюхается в вечность.
Мольер — скорбя, шутя, смеясь
Растивший в душах человечность.
Смешно? Сатира тяжела,
Свинцовы речи мизантропа.
Скупого скучные дела
Извечны. Но сияют строфы.
Разнообразен матерьял
Обыкновенной плазмы жизни.
Мольер — волшебный минерал
Небес, что не бывают лживы.

* * *

Время тянется едва,
Время быстро пролетает.
И зелёная трава
Место снегу уступает.

Лёгкой веточкой пишу
Строчки на бумаге снега.
И в стихи перевожу
Свет сияющего неба.

Проза

Александр ПРОХАНОВ

День

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Виктор Ильич Куравлев, главный редактор оппозиционной газеты «День», двигался в толпе среди гула, песен, мегафонного рокота, колокольного звона. Перед ним два парня в спортивных куртках несли кумачовый транспарант с надписью «Трудовая Россия». Справа шла пожилая женщина в линялом берете. Держала на палке портретик Сталина, старалась поднять его так, чтобы он не затерялся среди красных флагов и транспарантов. Слева пружинно и нетерпеливо вышагивал парень в кепке с красным бантом на пиджаке. Ему было тесно в толпе, недостаточно песен и лозунгов. Хотелось дать волю играющим мускулам. Сзади две девушки несли букетики алых тюльпанов. Свежими голосами подхватывали советские песни, а когда из мегафона раздавались призывы, радостно вскидывали головы, вторили: «Советский Союз! Советский Союз!» Среди толпы, огромный, похожий на чудовищную ящерицу, катил ракетовоз. Его толстые колеса медленно вращались. Толпа облепила его. Ракетовоз осторожно двигался, стараясь не подмять идущих рядом людей. На спине ракетовоза стояла перекладина с колоколом. Звонарь, счастливый, неистовый, бил что есть мочи в колокол. Удары погружались в гущу песен, выкриков, мегафон-

ПРОХАНОВ Александр Андреевич — прозаик, публицист, сценарист, политический и общественный деятель, член секретариата Союза писателей России, главный редактор газеты «Завтра». Родился в 1938 году. Живёт в Москве. А. А. Проханов — председатель и один из учредителей Изборского клуба (сообщества экспертов, изучающих внутреннюю и внешнюю политику России). Член Общественного совета при Министерстве обороны РФ. Награждён орденами «Знак Почета», Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, отличительным знаком «За службу на Кавказе». Лауреат премии Ленинского комсомола (1982), Бунинской премии (2009), Всероссийской литературной премии имени Н. С. Лескова «Очарованный странник» (2011), премии «Белые журавли России» с формулировкой «За вклад в российскую литературу» (2013) и др.

ного голошения, сбивали их в жаркое варево. Над кабиной ракетовоза возвышалась трибуна. На ней, расставив ноги, Виктор Анпилов прижимал к губам микрофон. Яростно, захлебываясь, взмахивал кулаком. Его лицо от возбуждения дергалось. Перекрикивая песни, удары колокола, он бросал в толпу лозунги. Они падали, как головни, поджигая толпу, и по ней катилось валом грозное и восторженное: «Советский Союз! Советский Союз!» От этого гула сотрясались фасады улицы Горького, волновалось синее майское небо, солнечная площадь с пылающей клумбой тюльпанов. Памятник Горького, костлявый, с клюкой, морщил бронзовый лоб, слушал Анпилова, буревестника новой русской революции.

Куравлев счастливо пьянел от гула, от сверкания стекол в кабине ракетовоза, от обилия красного цвета, от мощного движенья толпы.

«Хорошо! Мне хорошо! Люблю их всех! И Анпилова, и эту пожилую сталинистку, и молодца, мечтающего об автомате, и звонаря, бьющего в набат! Советский Союз! Советский Союз!»

Он шел с народом в едином марше, в едином походе. Дышал единой силой, восхищенно повторял: «Советский Союз!» Как и все, верил, что народ отобьет у захватчиков великое государство. Под натиском грозной народной лавины захватчики отступят, разбегутся, и вновь оживет красное государство, которое было Куравлеву Родиной.

«Без него мне не жить! Не жить! И ему без меня! Оно взывает, и я иду! Мы идем! Идем спасать государство!»

Все эти годы он задыхался от дыма, в котором сгорало Отечество. Погибал среди вражеских ликующих кликов. Теперь эти клики глохли среди громогласного: «Советский Союз!»

В толпе мелькали сотрудники «Дня». В ближайшем номере появится описание народного шествия.

Худой, длинноногий, похожий на журавля, вышагивал Анисин с красным бантом на черной рубахе. Маленький сияющий Нефедов с упоением подхватывал песни, то и дело заслоняемый красным флагом. Бондаренко ненасытно смотрел шальными глазами. Газета «День» шагала в народном шествии, вливала в него свою непреклонную веру, питалась его могучей волей. Куравлев любил их братской любовью. Они были малым мобильным отрядом, незаменимым в бою.

Анпилов с крыши ракетовоза, оседлав железного дракона, царил над толпой. Управлял огромной лавиной, будил в ней ярость, восторг, веселье.

— «Трудовая Россия», сожми кулак! Пусть буржуи видят рабочую руку, привыкшую сжимать не только серп и молот, но и винтовку! Долой захватчиков! Отстоим нашу социалистическую Родину! Пашни — крестьянам! Заводы — рабочим! Гайдару — кол в зад! Банду Ельцина под суд! — Он дергал кулаком, срывал голос, тянулся вверх. Казалось, оттолкнется и полетит. Толпа жадно глотала его слова, счастливо отзывалась: «Под суд! Под суд! Долой! Долой!»

Анпилов передал микрофон долговязому лысому рабочему. Раздувая жилы на горле, тот захрипел, забурлил.

— Слышь меня, кровосос! А булыжник в лоб не хочешь? Ты, Гайдар, чмо слюнявое! Жопа с ушами! Хочешь в рожу мой рабочий кулак? — он показывал толпе темный кулачище, и толпа ревела, хохотала, была готова

разбирать булыжные мостовые. — Ни шагу назад! Это наш Сталинград! Ни шагу назад!

Толпа бушевала: «Сталинград! Сталинград!»

Микрофон перехватила бойкая старушка. Платочек, седые прядки, утиный нос, озорные глазки. Тяжелые башмаки топотали по крыше ракетовоза.

Пропою я вам частушки.
У Шахрая из волос
Вылетают вошки, мушки.
Вот и чешется, как пес.
Эх-ма! Эх-ма!

Царь Борис наполовину
Человек и бегемот.
Зафигачил он в Наину,
Пьяный, банку из-под шпрот.
Эх-ма! Эх-ма!

Эту задницу с ушами
Мне не надо даром.
Подарите мне собаку,
Назову Гайдаром.
Эх-ма! Эх-ма!

Старушка приплясывала, зыркала синими глазками. Народ хохотал. Подпевал: «Эх-ма! Эх-ма!»

Шагавший рядом с Куравлевым парень в кепке зло произнес:

— Мне бы автомат! Все хахоньки да хохоньки. Дайте народу автоматы! У тебя, часом, нет автомата? — спросил он зло у Куравлева.

— Пока нет. Как тебя звать?

— Бирюков. Просто Бирюк. Достать автомат, вот и будет «Эх-ма!»

На ракетовозе появился взъерошенный человек в шутовском колпаке. Держал палку с надетым чучелом Ельцина.

Тот был в белой хламиде с длинными рукавами, напоминавшей смирительную рубаху. Голова с тяжелой челюстью, мочалка вместо волос. Человек в колпаке крутился, приседал и подскакивал. Чучело болтало руками, смешно трясло головой. Народ потешался, свистел. Раздавалось: «Под суд! Долой!» Человек достал бутылку, сунул в рот чучелу.

Чучело глотало, проливало на хламиду. Человек достал зажигалку и поджег чучело. Оно жарко вспыхнуло. Хламида сгорела, обнажился проволочный каркас. Горела тряпичная голова, мочалка. Летела копоть. Народ улюлюкал, свистел. Чучело сгорело, лохмотья упали на спину ракетовоза. Человек в колпаке затаптывал пламя.

Куравлева веселило пестрое многолюдье. Оно напоминало уличный театр. Наивная бутафорская трибуна, домашнего изготовления транспаранты, нелепый и радостный колокол, не весть из какого гарнизона угнанный ракетовоз, старушка с частушками, хохочущие лица.

«Какой же народ весельчак! Но не дай бог его оскорбить! Сегодня театр народный — завтра война народная, священная война!»

Шествие было грозным, но и праздничным. Людям было хорошо вместе. Они были непобедимы, имели вождя, верили ему. Любили его мятый

пиджак, яростный, орлиный клекот. И Куравлев любил, ликовал среди песен, гармошек, колокольного уханья.

«Эх-ма! Эх-ма!» — повторял, пританцовывая.

Он заметил Терехова, главу Союза офицеров. Бледное, с усиками лицо, офицерская форма, золотые погоны. В нем дрожала страсть, которая жгла его. Он был поневоле в этой мирной толпе. Организация офицеров, как жесткие прожилки, пронизывала рыхлую мякоть толпы.

Рядом с Тереховым вышагивал полковник Алкснис, «красный латыш», мешковатый, похожий на пуму. Издалека обменялся с Куравлевым поклонами. Среди флагов и песен шли сыновья Куравлева, Олег и Степан. Дома с вечера они рисовали плакат и крепили на палочки флажки. Куравлеву было радостно видеть рядом с собой сыновей. «Генерал Раевский и сыновья», — усмехнулся он.

Демонстрация медленно вплывала в площадь Маяковского. Бронзовый поэт как глыба застывшей лавы. Казалось, приветствует колонну стихами о «товарище маузере».

Куравлев посмотрел на парня по имени Бирюк, мысленно вложил ему в руку оружие.

Садовая ныряла в туннель под площадь, осыпала колонну солнечным мельканьем машин. До «сталинского» дома, где жил Куравлев, оставался квартал. Там, среди граненых фонарей, окруженный бронзовой цепью, высился Пушкин. Куравлев подумал, что жена Вера слышит гул демонстрации, стоит на краю тротуара, всматривается в черную, расцвеченную красным лавину, ищет в этой лавине мужа, детей, крестится, пугаясь колокола на восьмиколесной колокольне. Колокол бьет все надсадней, сзывая людей на пожар, и жена испуганно крестится.

«Милая, милая Вера, ну оставь, оставь свои страхи!»

Куравлев протиснулся во главу колонны и увидел знаменосца. Женщина несла на плече древко, волновалось алое знамя. Знамя было столь велико, что ветер окутывал знаменосца алым шелком, и женщина становилась невидимой. Казалось, знамя само плывет впереди колонны. Ветер сдувал знамя в сторону, и становился виден знаменосец. Женщина шла плавно, как по волнам. Над ней раздувался алый парус. Знамя, наполненное ветром, взмоет, и женщина полетит, ухватившись за древко.

Она была стройная, высокая, с длинными ногами на высоких каблуках, в белой блузке и темной юбке. Лица не было видно, но Куравлев видел сильную гибкую спину, золотистые, связанные в пучок волосы. Куравлева восхитило это алое знамя в руках чудесного знаменосца. Вся огромная лавина людей, угрюмая махина ракетовоза послушно следовали за огненным знаменем, за чудесным знаменосцем. Знамя, как поводырь, вело, знало путь, направляло к заветной цели. Колонна преданно и послушно следовала за знаменем, верила знаменосцу. Пустое пространство отделяло колонну от знамени. Люди не приближались к нему, оставляли в прекрасном одиночестве.

Куравлев верил знамени, верил знаменосцу, который проведет все тысячное толпище по улице Горького до Манежа, мимо гостиницы «Москва» на брусчатку Красной площади. В весеннем солнце, как букет цветов, засияет Василий Блаженный, заблестит гранит Мавзолея, зажелтеет из-за

кремлевской стены дворец. Знамя воспарит, сметет своей алой силой чужеродный полосатый флаг, взовьется над Кремлем, и Советский Союз воскреснет.

Так думал Куравлев, глядя на знаменосца. Алое полотнище плыло воскрешать Советский Союз.

В толпе незримо двигались те, кто вручил им знамя.

«Все здесь, все с нами. Никто не забыт».

Куравлев представлял предшественников, вручивших знамя. Лихие конники Буденного с пулеметными тачанками. Строители Днепрогэса с мастерками и отбойными молотками. Гвардейцы-панфиловцы, обвязанные гранатами. Юрий Гагарин с лучезарной улыбкой. Прежде они представлялись скульптурами на фасадах «сталинских» зданий, но теперь, окропленные алой росой, они ожили. Совершилось таинство воскрешения. Мертвые восстали из могил, обнялись с живыми, идут за священным знаменем. Куравлев, не приближаясь, целовал знамя, целовал знаменосца, целовал своего деда, сраженного под Сталинградом и теперь идущего рядом, краснея лейтенантскими ромбиками.

Впереди, где светлела площадь и улица Горького начинала спускаться вниз, мимо магазина «Армения», к Кремлю, — там возникло туманное, темное. Медленно надвигалось, в тусклом железном свечении. Куравлев различал сдвинутые щиты, каски, плотный строй солдат, перекрывших улицу. Веяло тупым упорством, угрюмой силой. Солдаты внутренних войск встречали народ. Газета «День» рассказывала, как дивизию Дзержинского тренируют бороться с демонстрантами. Изображают толпу с красными флагами. В нее врезаются железные клинья солдат. Теперь толпа была настоящая, красные флаги настоящие, железные щиты и каски, готовые врезаться в демонстрантов, были настоящие.

Шествие замедлило ход, уплотнилось. Люди вглядывались в железный заслон, который медленно занимал площадь.

— Товарищи, не сдаемся! — захлебывался Анпилов. — Москва — наш город! Улицы наши! Дома наши! Пушкин наш! Захватчики будут разбиты! Победа будет за нами!

Куравлев чувствовал лбом давление щитов. Пространство, разделявшее две силы, сдвигалось. Столкновение было неизбежно. Он не желал столкновения, робел, но и торопил, хотел, чтобы скорее сошлись две силы. С грохотом столкнутся, ракетовоз тараном ударит в щиты, расщепит, расслоит сомкнутый строй.

«Ну, давай, давай, подходи!» — торопил Куравлев.

Демонстранты перестраивались. Женщину-знаменосца увели вглубь толпы. Красное знамя колыхалось над дальними рядами. Вперед вышли крепкие парни, сцепились локтями. Куравлев оказался в первом ряду, между Алкснисом и Тереховым. Все трое крепко схватились локтями. Мимо проплыли каменные львы на воротах Музея революции. Появился гранитный цоколь дома, где жил Куравлев.

Солдаты были близко. Они колотили дубинками в щиты, издавая грозный рокот, будивший первобытный страх. Ракетовоз выдвинулся из толпы, нацелил тупую голову. Анпилов врубил «Марш артиллеристов». «Горит в сердцах у нас любовь к земле родимой» и «Артиллеристы, Сталин дал

приказ»! Колокол бил, дубины грохотали. Две рати, две первобытные силы сошлись.

Треснуло, грохнуло. Ракетовоз пробил строй солдат и завяз. Анпилов успел крикнуть: «Народ, держись!» — и его стянули с трибуны. Куравлев увидел близко клепаный щит, летающую дубинку, полоску лица между щитом и каской. Повис на локтях Терехова и Алксниса и ногами что есть силы ударил в щит. Слышал, как грохнул металл, удар вернулся к нему, тупо шарахнул в грудь.

«А еще не хотите? А вот так! Вот так!»

Солдаты прорубались вглубь демонстрации. Летали дубины, реяли флаги, гремела музыка, ухал колокол. Рубились в рукопашной, насмерть. Нельзя было понять, где солдаты, а где демонстранты. Все распалось на хрипящие, визжащие клубки. Куравлев бил кулаками, ногами. Получал удары дубинок. Испытывал слепую ненависть, жаркую ярость. Был готов убить.

Получил дубинкой в голову, удар рассек ему бровь и ухо. Кровь заливала глаза, слепила. Он выбрался из гущи на тротуар. Отирал кровь рукавом, наблюдая схватку.

Старушка в платочке, что пела частушки, повисла на рослом солдате. Тот пытался ее стряхнуть, как медведь таксу, но старушка вцепилась накрепко, что-то кричала, быть может, «Эх-ма». Парень по имени Бирюк в боксерской стойке норовил достать кулаком челюсть солдата, но тот увертывался, заслонялся щитом, старался садануть парня дубинкой. Двое солдат яростно лупили упавшего отставника-офицера, охаживали дубинками по погонам, по кителю. Озверев, придавили его щитом, а один вспрыгнул на щит, оглушив офицера. Тот так и остался лежать среди бегущих людей.

Куравлев увидел, как на женщину-знаменосца напали двое, вырывают древко, сдирают знамя. Женщина отбивалась, тянула к себе полотнище. Волосы ее распались, рот чернел в крике, из-под бровей горели глаза, казавшиеся золотыми.

Уже не было музыки, колокольных ударов. Только выли сирены, гремели щиты, хрустели кости, раздавались вопли и ругань.

Из соседних улиц ударили железные клинья, рассекли толпу, обратили вспять.

Площадь опустела. На асфальте валялась обувь, разорванные транспаранты, несколько щитов. Катила милицейская машина с ядовитой мигалкой. Пушкин, склонив голову, печально смотрел на осквернённую площадь.

Куравлев почувствовал слабость, сел на край тротуара. Кровь продолжала сочиться. Кто-то тронул его за плечо.

— Вам плохо? — К нему склонилась женщина-знаменосец. Волосы распались, лицо исцарапано, на груди фотоаппарат. И глаза золотые. Она выглядела бодро, почти весело. — Здорово досталось?

— А где знамя?

— А вот оно, — женщина распахнула блузку. Под блузкой полыхнул красный шелк. Она обмоталась знаменем. Из-под шелка выступала плотная грудь.

— Давайте я вытру кровь… — Она достала платок и осторожно отерла ему лицо. Он уловил запах разгоряченного тела, видел у самых глаз перетянутую красным шелком грудь.

— Я вас знаю. Вы Куравлев, редактор «Дня».

— А вы кто?

— Я Зоя.

— Космодемьянская? — вяло пошутил Куравлев.

— Нет, Кострова. Дайте я вас сфотографирую.

Она отошла на шаг. Подняла аппарат, присела и сделала несколько снимков. Куравлев заметил, что она босая.

— Вижу, вы всё это снимали. Принесите снимки в газету.

— Принесу, — сказала она. — Мы делаем революцию. Я снимаю революцию, — и ушла, ступая босиком по асфальту.

К Куравлеву подбегала жена. Была похожа на растрепанную птицу. Держала в руках иконку.

— Господи, что с тобой? Где дети? Что вы творите, безумные!

Куравлев с трудом встал. Опираясь на руку жены, пошел домой. Во дворе дома стояли солдаты в касках. Угрюмо смотрели, как идут Куравлев и Вера.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Советское время кончилось, началось неизвестно какое. Между советским и новым временем провели сапожным ножом, с хрустом рассекли кожу, хрящи, сухожилия. Открылась рваная рана с бурлящей кровью. Кровь сворачивалась, превращалась в сукровицу, в ржавую коросту. На коросту садились большие синие мухи. Переливались, толстели, насыщались гнилым соком. Облепили шов тяжелыми синими гроздьями. Страшно было тронуть муху, согнать. Муха лопалась, из нее брызгал гной, попадал на губы, в ноздри, в глаза. Было время больших синих мух.

Газета «День» помещалась в конструктивистском доме на Цветном бульваре, где прежде обитала «Литературная газета». Теперь «Литературка» стала гнездом демократов, изгнала со своих страниц патриотов и переехала в комфортабельное здание, дарованное новой властью. «День» занимал две комнаты на этаже, где раньше восседал всемогущий творец газеты Сыроедов и проходил по коридору Чаковский, курил сигару, оставляя за собой синий дымок.

Большая комната служила кабинетом Куравлеву. Здесь же проходили планерки. Здесь же принимались посетители. Здесь же случались пирушки, секретные посиделки, «тайные вечери», куда не было ходу лазутчикам.

Стол Куравлева был незатейлив. Телефон, папка с гранками, несколько распечатанных на машинке статей. Напротив, на стене, на гвоздиках висели черновые полосы, пахнущие типографией. На грубой бумаге, они прошли последнюю правку, перед тем как сложиться в газету и разлететься по газетным киоскам.

Во всю длину комнаты протянулся стол совещаний. За ним могла уместиться дюжина человек. За этим столом проходили явные и тайные встречи, частенько появлялись бутылки, пластмассовые тарелки, гремели застолья, и какая-нибудь шальная плясунья вскакивала на стол и танцевала среди звенящих бутылок.

Газета была печатным органом оппозиции, интеллектуальным штабом, местом конспиративных встреч, вербовочным пунктом, отсылавшим добровольцев в Приднестровье, лазаретом, куда приносили коробки с медикаментами и капельницами для раненых в приднестровских боях.

Куравлев, с перевязанным лбом, проводил планерку. На нее пришли все участники вчерашней демонстрации, злые, с синяками от дубинок. Журналистов было немного. «Малое стадо» — называл их Куравлев. Еще именовал «патриотическим спецназом», дерзко дерущимся с превосходящим врагом.

Евгений Нефедов, маленький, круглый, смешливый, сыпал остротами, был компанейский, дружил с рюмкой. Его глаза, обычно веселые, острые, вдруг увлажнялись печалью и нежностью к кому-то беззащитному и любимому.

Владимир Бондаренко, страстный спорщик, утонченный знаток «деревенской прозы» и «тихой лирики», называл эти явления русской словесности «серебряным веком простонародья». Его критические статьи были желанны в кругу патриотов, вызывали ненависть демократов. Те лепили ему ярлык антисемита, называли «русским фашистом». Бондаренко, рассудительный и спокойный, вдруг вспыхивал, становился неумолимым и яростным, если попирались его святыни, за что получил имя «неистовый Бондаренко».

Шамиль Султанов, пепельно-рыжий, с зелеными глазами тростникового кота, был знаток ислама, писал о неоплатониках, распутывал хитросплетения внешней политики, тайно встречался с офицерами спецслужб, которые, верные советской идее, снабжали его информацией. Когда он загорался в интеллектуальном споре, глаза его сыпали зеленые искры, из уст летели острые, как лезвия, слова. Он преображался, становился прекрасным.

Владислав Шурыгин, военный журналист, румяный красавец с русыми офицерскими усиками, щеголял армейскими анекдотами, рвался на локальные войны, водил дружбу с офицерами Генштаба. Был романтик, придумал себе неразделенную любовь, тосковал по «прекрасной даме», быть может, несуществующей.

Николай Анисин, высокий, с запавшими щеками, мастер репортажей, вечно в черном, ступающий на длинных журавлиных ногах. В его глазах загорался фиолетовый волчий огонь, если появлялась хорошенькая девушка, которая не в силах была от него укрыться.

Все они, неповторимые, были любимы Куравлевым. Творили «День» среди милицейских дубинок, судов, грозивших закрыть газету, демократических изданий, брызгающих ненавистью, среди народного обожания. Читая «День», люди ждали возвращения попранного советского времени.

Теперь, после вчерашней схватки, все они собрались на планерку. Перед тем как начать работу, Куравлев включил телевизор. Шел репортаж о вчерашнем побоище. Мелькали дубинки, Анпилов хрипел в микрофон. Двигался ракетовоз с неистовым звонарем. Старушка в платочке повисла на дюжем солдате. В репортаже демонстранты были показаны смешными и отвратительными, кого не жалко бить. Солдаты внутренних войск выглядели героями, разгоняющими головорезов.

Телевизор погас. Загомонили, возмущались, чертыхались, грозили кулаками экрану.

— Пакость, какая пакость! — гневался Бондаренко. — Вот она, гидра! Не дубины, не солдаты — эта чертова игла, она враг! Останкино надо брать! Сломать иглу! Ленин учил брать вокзал, телефон, телеграф, а мы должны взять Останкино! Иначе победы не видать!

— Я иду, смотрю: дамочка вертится с оператором. Она ему: «Ты снимай стариков, дурных, хромых, какие пострашнее. Молодых не снимай». Какая же сука! Врезать по камере! — Нефедов двинул кулаком, показывая, как бы он врезал.

— Не унывать, братья! Мы на войне. Сорок первый год, до Сталинграда далеко. Наша газета — как фанерный ястребок с красной звездой. Взлетаем навстречу стальным «мессершмиттам». Нас жгут, дырявят, мы падаем. Ставим на фанере заплаты и снова взлетаем. Бьемся с мессерами, пока наши Илы ни подоспеют! — Шурыгин браво подкрутил щегольские усики.

— Они нас будут душить судами. Нужен хороший адвокат, из патриотов. Я знаю такого. Попробую договориться... — деловито произнес Анисин, все в той же черной рубахе, но уже без красного банта.

— Они нас будут давить судами, щитами, дубинами. Будут запугивать. Мне третьего дня под дверь мешок с гнилыми костями подбросили. Мол, это и с тобой так будет! — Бондаренко засмеялся, но смех у него был больной, дрожащий.

— Не запугают, — зло хмыкнул Султанов, и глаза его заискрили зеленым. — Нас остановит только пуля!

— Хорошо живем, братья! Наша газета — зеркало революции. Хроника пикирующего времени! — Шурыгин радовался удачной метафоре. — А убьют, кто-нибудь да заплачет над твоей могилой… — Его глаза наполнились печалью. Он увидел несуществующую возлюбленную, склоненную над его солдатской могилой.

— А я ему хорошо врезал! Я, вы знаете, чемпион района по боксу. Он меня дубиной, а я увернулся. Он щитом прикрылся, а я присел и снизу в челюсть прямыми ударами! Раз, раз! Не устоял! — Анисин по-боксерски передернул кулаками.

— Слушайте, какая прекрасная женщина-знаменосец! — Нефедов закрыл глаза и покачал головой. — Идет, как плывет. Думаю, после демонстрации подойду, поцелую. А меня дубина поцеловала.

— Вам, Виктор Ильич, на таких акциях появляться нельзя. Вы у врагов на учете, — Султанов назидал Куравлева. — По моим сведениям, у Лухтомского состоялся разговор. Он сказал, что Куравлева надо остановить.

— Ты же сам сказал, Шамиль: «Нас остановит только пуля», — ответил Куравлев.

— А я все думаю, где вожди? — вопрошал Бондаренко. — Столько их было: обкомы, райкомы, профкомы. Учили Родину любить. Где они? Разбежались, переметнулись. Кто телевидением заправляет? Комсомольский вождь, трибун, оратор! Сейчас самый свирепый демократ, антисоветчик.

— Я военный, офицер. Нас воевать учили. Клаузевиц, Жуков. Сталинградская, Кишиневская операция. А где моя война? Дерусь с дуболомами. Каменный век! — вздохнул Шурыгин.

— Подожди, Влад, будет тебе война, и не одна, — произнес Султанов. — Расчленили Советский Союз и говорят: мирный развод. От этого развода кровища прольется. Сейчас Приднестровье, а будет Кавказ, Грузия, Украина! — Султанов, спец по геополитике, сулил катастрофу.

— Ну, ты про Украину загнул, — сказал Нефедов. — Украина — сестра родная.

— А я вот что думаю, — Анисин сжимал и разжимал кулак, как боксер, перед тем как надеть перчатку. — Они нас по суду все равно закроют. Надо заранее регистрировать новую газету. Искать название.

— Чего искать! — встрепенулся Нефедов. — Газета «Завтра»! Хорошо звучит.

— «День» пройдет, наступит «Завтра»! — засмеялся Бондаренко.

— Ну все, коллеги, давайте работать. Что у нас с номером? — Куравлев остановил разговоры.

Они обсуждали предстоящий номер. Как всегда, номер рождался впопыхах, «на коленях», из материалов, которые щедро дарила сумбурная жизнь. Номер строился, как гнездо, в которое каждый приносил свою ветку.

Куравлев хотел написать репортаж о вчерашнем шествии. Он давно не брался за писательское перо, измотанный газетной работой. Но и в ней было место писателю. Он предвкушал, как сочно опишет народное празднество, перешедшее в бойню. Опишет солнечный колокол на спине ракетовоза. Анпилов захлебывается в микрофон, будто зовет в атаку. Женщина с портретиком Сталина тянет вверх немощную руку. Бирюк, сжимающий руки так, словно в них автомат. Прекрасный знаменосец, как поводырь, ведущий за алым знаменем ликующий народ. В толпу врезаются железные клинья, хрустят кости, и женщина-знаменосец спасает знамя, обмотав вокруг груди. Куравлев запомнил алый шелк, под которым круглились груди, и удивительные золотые глаза.

Нефедов предлагал написанный им фельетон. В фельетоне Гайдар превращался в Шейниса, Шейнис в Шахрая, Шахрай в Старовойтову, та в Полторанина, Полторанин в Бурбулиса. Все вместе становились Ельциным, а тот — крокодилом, у которого из зубов птичка Листьев выклевывает гнилые комочки.

Бондаренко предлагал напечатать рассказ Эдуарда Лимонова, где описывается война в Боснии. Лимонов только что вернулся из иммиграции и хотел появиться в газете.

Шурыгин приготовил статью о настроениях в армии. Военные настроены против Ельцина и никогда не станут стрелять в народ.

Султанов хотел опубликовать утечку, добытую по секретным каналам. Распечатку телефонного разговора Ельцина с американским госсекретарем, где Ельцин одобряет бомбардировки Югославии.

Анисин принес статью о совхозе, который купили дагестанцы, порезали скот и скрылись, оставив крестьянам разоренные коровники.

Номер был утвержден. Оставалась рубрика «Агентство «Дня», столь любимая читателями. Собрание острот, высмеивающих отвратительную и комичную власть.

Ельцин побывал в своей резиденции Шуйская Чупа. И последовала строчка в «Агентстве»: «Ельцин ошуел и очупел». Было известно, что у

Ельцина случаются запои и он на неделю пропадает из вида. «Агентство» сообщало: «На улицах пробки, в Кремле бутылки». Бурбулис с его мучительными фразами был ненавистен народу, как соучастник беловежского сговора. «Агентство «Дня» предупреждало: «Бурбулис через рукопожатие не передается». В прессе сообщалось, что Ельцин наложил вето на очередной законопроект. Следовал комментарий: «Ельцин наложил». Газета «Известия», главный враг «Дня», источавшая русофобию, заслужила определение: «Известия — пульсирующая матка сионизма». Сообщалось, что на Малой Бронной, возле синагоги, упало дерево и придавило прохожего. «Агентство» откликалось: «На Малой Бронной упало дерево-антисемит».

Номер был составлен. Оставалось снабдить газету злободневными фотографиями. Их не было, и это огорчало Куравлева.

Он пригласил Анисина:

— Николай, будем регистрировать новую газету.

— И как можно скорее.

— Засудят «День», откроем «Завтра».

— «Завтра» — это что?

— Псевдоним «Дня». Ступай в министерство и регистрируй.

Анисин ушел, готовый выполнить тайное поручение.

Появилась секретарша, худенькая, с плоской грудью и преданными глазами.

— Виктор Ильич, к вам отец Дмитрий Дудко. Можно пригласить?

— Конечно! — Куравлев поспешил к двери встречать дорогого гостя.

Отец Дмитрий появился на пороге и мигал голубыми глазками. Глазки были как васильки. За ним топтался служка с тощей бородой. Отец Дмитрий был маленький, в поношенной ряске, с круглым животиком. Большой лоб переходил в розовую лысину. Серебряные волосы по обе стороны лысины свисали до плеч. У него был пухленький нос, мягкий подбородок, маленький рот, который робко улыбался. Глаза, наивные, доверчивые, как у младенца, блаженно сияли. Он был похож на пушистый одуванчик, полный света. Дунет ветер, и одуванчик разлетится множеством светящихся пушинок.

— Ну-ка, ну-ка! Вот вы как тут живете. Значит, вот где гнездится «День». А вы, значит, дневные птички.

— Мы ваши птенцы, отец Дмитрий. Мы ваша паства, — Куравлев подошел под благословение, желая поцеловать стариковскую руку. Но отец Дмитрий не позволил. Отнял руку, и они с Куравлевым троекратно расцеловались. Остальные подходили под благословение, неумело склонялись к руке священника. Мусульманин Шамиль Султанов издалека поклонился.

— Так, значит, вы отсюда совершаете свои набеги? — отец Дмитрий опускался на стул. Перед ним появилась чашка чая. — Я вас люблю, молюсь за вас.

— Станьте нашим духовником, отец Дмитрий. Пасите нас не железным жезлом, а берестяным. Нас вчера солдаты пасли жезлом железным.

— Все делайте правильно, безбоязненно. Не теплохладные, а горячие. Люблю вас.

Отец Дмитрий в советские годы был церковный диссидент. Его хватала госбезопасность. Он сидел в тюрьме. Но ни разу не кинул камень в своих

мучителей. Не сказал худого слова о Советском Союзе. Был редким священником среди тех, кто считал советские годы временем победившего сатаны. Они винили большевиков в убийстве царя, в мучениях духовенства, в разорении церкви. Теперь, когда большевики проиграли, они сводили с проигравшими счеты, предавали Советский Союз анафеме. Благодарили Ельцина за восстановление церквей, за сокрушение безбожного государства.

— Мы, отче, «красные», но крещеные. Мы за красную звезду и за крест. Нас иные батюшки называют христопродавцами. Нельзя, мол, поклоняться Христу и мамоне.

— Я вам вот что скажу, Виктор Ильич. Может, нужно большевикам поклониться за церковные гонения? Церковь наша к тому-то времени остыла, стала теплохладной. Народ от нее отвернулся, от тучной-то церкви. «Чаепитие в Мытищах» помните? Батюшка, сдобный, румяный, дует на блюдце с чаем, а перед ним тощий да нищий крестьянский сын. Церковь наша не только от народа, но и от царя отвернулась, не приняла, отдала на смерть. Большевики гонениями своими из церкви мученицу сделали. Они ее опять на кресте распяли, и Христос в церковь вернулся. Новомученики в рай попали и с неба за Победу молились. Новомученики на советских танках в Берлин въехали.

Глаза отца Дмитрия были небесно-голубые, сияли. В них не появилось ни одной темной соринки.

— А еще скажу, Виктор Ильич. Победа наша святая. У не святого народа быть не могло святой Победы. Советский народ святой. Он рай отстоял, не пустил ад в Россию. Советские герои, Матросов Александр, Космодемьянская Зоя, Карбышев генерал — они святые. Они хоть и не крестились в купели, но крестились кровью своей на полях сражений. С них будут иконы писать. Их народ на крестных ходах понесет. Они и сегодня России упасть не дают. Так что ничего, что вы «красные», были бы Христовы.

Отец Дмитрий улыбался маленьким ртом. В серебряных волосах светилась каждая нить. Синие глазки смеялись, посылали Куравлеву два синих лучика. Куравлев испытывал благодарность, бог знает за что. Радость, которая вдруг пролилась в сердце, в серую неуютную комнату, ту веселую легкость, что принес с собой маленький блаженный священник.

— Я вам вот что скажу, Виктор Ильич. Нет ни красных, ни белых, а есть русские, которые, кто с крестом, кто со звездой, должны Россию спасать. Вот так-то.

Отец Дмитрий оглянулся на служку, который смиренно сидел в уголочке, и стал собираться.

— Егорий, подойди, помоги подняться, — позвал он. Куравлев, не пуская служку, помог священнику встать. Почувствовал, какой он легкий, воздушный. Вот-вот разлетится светлыми пушинками.

— Отче, — сказал Куравлев у порога, — на той неделе у нас суд. Газету могут закрыть. Приходите в зал суда, окропите нас святой водой.

— Приду, — обещал священник. Перекрестил Куравлева и всех, кто сидел вокруг и внимал диковинным речам.

Отец Дмитрий удалился, сопровождаемый смиренным служкой. В кабинете воздух еще серебрился, как прозрачное напоминание об отце Дмитрии.

Все разошлись. Куравлев в одиночестве размышлял, где раздобыть актуальные фотографии в номер.

Дверь приоткрылась. Вошла женщина. Джинсы, легкая блузка, сумочка на плече, на ремешках два фотоаппарата. Задержалась у порога, глядя на Куравлева яркими золотыми глазами. Он сразу узнал женщину-знаменосца. Кажется, Зоя. Кажется, Кострова. Вспомнил ее, близкую, жаркую, склоненную над ним. Белая блузка раскрыта, тугой алый шелк, стиснувший крепкую грудь.

— Секретарши не было. Я вошла без стука. Извините, — она не проходила в кабинет, стояла у дверей. Куравлев не приглашал. Мог рассмотреть ее загорелое молодое лицо, уложенные светлые волосы, серые брови, открытый лоб со свежей царапиной, тонкую, нежную переносицу. Ему показалось, что линии ее носа, подбородка, рта, продолженные за пределы лица, образуют пирамиду с вершиной, отнесенной в даль, быть может, в бесконечность. Эта странная геометрия несуществующей пирамиды имела оптическую природу. Он был помещен в эти несуществующие лучи. Хотел обернуться, не горит ли на стене за его спиной огненное пятнышко фокуса.

— Проходите, Зоя, — спохватился Куравлев. — Вы по-прежнему обмотаны знаменем?

— Знамя в расположении части. Полк, сохранивший знамя, собирает новые батальоны. Я принесла фотографии.

Она извлекла из сумочки кипу фотографий, рассыпала на столе. И опять взлетали дубинки, ломились щиты, закрученные в вихри, демонстранты дрались с солдатами, Анпилов с черной дырой рта беззвучно кричал.

Куравлев перебирал фотографии. Все были отличные. Их сделал мастер. Несмотря на стремительность драки, все снимки были в фокусе, там, где сходились лучи оптической пирамиды.

— Вы их мне оставляете? Я могу их использовать в номере?

— Если не против, я стану для вас снимать.

— Отлично! Через день у нас пикет перед Министерством информации. А потом суд, попытаются закрыть «День». Сделайте снимки.

— Сделаю. «День» не могут закрыть, как не могут закрыть революцию. Вы делаете революцию. — Зоя поднялась, не прощаясь ушла. Куравлев чувствовал незримые лучи, их фокус, сходящийся в бесконечности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Куравлев свое «малое стадо», весь небольшой состав редакции, готовил к пикету. Газету изнуряли судами, предупреждениями, угрожали закрыть. Предстоял суд, где решалась судьба «Дня». За судами и преследованиями стояли Министерство информации и министр Полторанин. Пикет перед зданием министерства должен привлечь внимание отечественной и зарубежной прессы и унять рвение Полторанина.

Журналисты готовились к пикету, рисовали плакаты, названивали на телевидение и в газеты. Куравлев просматривал свежий номер «Дня». На всех страницах были рассыпаны великолепные фотографии Зои Костро-

вой. Он гадал, почему прежде не встречал на митингах эту светловолосую женщину, чьи темно-синие глаза становились вдруг золотыми. Она устремляла взгляд в бесконечно удаленный фокус, где находился неведомый объект, быть может космический.

Вошел высокий молодой человек с рыхловатым белым лицом, большими, жадно взирающими глазами. Это был Александр Дугин, поражавший Куравлева огромностью знаний, восторженной проповедью небывалых теорий, которые ошеломляли читателей «Дня». «Мондеализм». «Атлантизм». «Евразийство». «Ананербе». «Консервативная революция». Дугин в совершенстве владел европейскими языками, разъезжал по Европе, обзаводился редкими знакомствами, нес на страницы «Дня» изысканный европейский интеллектуализм.

— Хотел вас спросить, Виктор Ильич, — начал с порога Дугин, — как бы вы отнеслись, если бы я привел в редакцию Териара? Я был в Бельгии, рассказал Териару о вас, о событиях в России, о консервативной волне, о вашей замечательной газете. Териар приехал в Москву. Давайте я его приведу.

— А кто такой Териар? — несмело поинтересовался Куравлев.

— Это уникальная личность. В войну он сотрудничал с немцами. После войны был осужден бельгийским судом, как пособник. Отсидел десять лет и все последующие годы вел частную жизнь. Теперь же мои рассказы всколыхнули его память. Он захотел побывать в России, познакомиться с вами.

— Я не против, — Куравлев сдавался под эмоциональным натиском Дугина. — Но о чем мы станем с ним говорить?

— Я все продумал. Мы пригласим Териара и Егора Кузьмича Лигачева. Посадим по разные стороны стола, и пусть говорят. Когда-то они были смертельными врагами. «Красный» Лигачев разгромил «коричневого» Териара. Но потом был разгромлен сам Лигачев. Полководцы двух разгромленных армий. Пусть встретятся, как встречаются сегодня ветераны советской и немецкой армий. Им есть о чем поговорить. А мы запишем их беседу и опубликуем в газете.

— Давайте попробуем, — согласился Куравлев, еще не представляя, как станут разговаривать два человека, столь несовместимые, заряженные не прошедшей враждой. — Согласен, — повторил Куравлев.

В атмосфере, в которой существовал «День», витали загадочные энергии, которые излетели из распавшейся плоти «красной страны». Так у выброшенного на берег кита, мертвого, пролежавшего на жаре, лопается кожа, и наружу вылезает множество трупоедов, червей, долгоносиков, тучных личинок. По громадному мертвому телу ползают жирные мухи, прожорливые жужелицы.

Бетонный монолит советской идеологии сохранил в себе множество бактерий из прежних, казалось, навсегда исчезнувших времен. Но монолит распался, бактерии вылетели на свободу, превратились в эпидемии. Появились эсеры, кадеты, обновленцы, троцкисты, кришнаиты, катакомбники, огнепоклонники, сектанты. Многие из этих эпидемий тут же гасли. Другие распространялись, укоренялись. Россия была инфицирована множеством неведомых прежде болезней, возникших из разрытых могил. Газета «День», по мысли Куравлева, должна была составить атлас этих

идеологий. Печатала экзотических авторов, пугавших читателя своими бредами.

— Хотел вам сказать, Виктор Ильич, о громадной, великой роли газеты «День». Старая страна исчезла, новой нет. И этой новой страной является «День». Это ген будущей России. Вокруг нее собирается множество разрозненных молекул, энергетических пучков. Все это смешивается, переваривается, кипит, бурлит в чудовищном реакторе. Из этого возникает образ новой страны. Вы, Виктор Ильич, делаете великое дело. Необходимо вокруг «Дня» собрать новую партию. Партию национал-большевиков. Вы возглавите эту партию! Возглавите новую страну! Вы, Виктор Ильич, станете президентом новой России!

Дугин сиял. Его пухлое, почти детское лицо обрело пророческие черты. Он видел будущее. Видел в этом будущем Куравлева. Сулил ему триумф. Творил пророчествами историю. Покинул кабинет, чтобы нести в мир свою проповедь.

Куравлев восхищался Дугиным, пугался его избыточности. Этот избыток не умещался в сегодняшнее время, искал будущее для своего воплощения.

Явились товарищи по борьбе, «спецназ», оснащенный орудиями боя. Плакатиками, бенгальскими палочками. У Куравлева и Нефедова были машины. Все погрузились и отправились на улицу Воровского. Там, в чудесном ампирном дворце за чугунной решеткой, помещалось Министерство информации.

Вышли у дворца, развернули плакатики, повесили их себе на грудь. Выстроились у ворот. Смущались, посмеивались, ловили удивленные взгляды прохожих.

— Как партизаны, с дощечками, — хмыкнул Нефедов. У него на груди висел плакатик: «Что у трезвого на уме, у Полторанина на языке».

Бондаренко храбрился, выпячивал грудь с плакатом: «Не тронь «День», ударит током». Анисин, худой, длиннорукий, держал над головой лист с коряво начертанным: «Нас остановит только пуля». Шурыгин прижимал к груди надпись: «Закроешь «День» — настанет ночь». У Куравлева на шнурке висело: «День» — газета духовной оппозиции».

— Полторанин, должно, смотрит в окно и бухает, — сказал Шурыгин.

— Одного литра мало. Полтора в самый раз, — съязвил Султанов.

— «День» закрыть — не поле перейти, — произнес Анисин.

— Отсиживается, боится выйти, — Нефедов посмотрел на дворец и скорчил гримасу.

Они стояли, переминались. Прохожие читали надписи. Один недовольно качал головой. Другой в знак одобрения поднимал большой палец. Третий равнодушно проходил мимо. Куравлев смотрел на окна дворца.

«Пусть видят, что «День» не сдается. Духовная оппозиция не имеет танков и орудий, но «дух дышит где хочет». Найдет врага в бронированном бункере».

Стали скапливаться почитатели «Дня». Бог весть откуда узнали о пикете. Несколько телекамер уже стояли на треногах. Журналисты достали блокноты, рассматривали надписи. Когда операторы припадали к камерам, народ кричал: «Позор! Позор!»

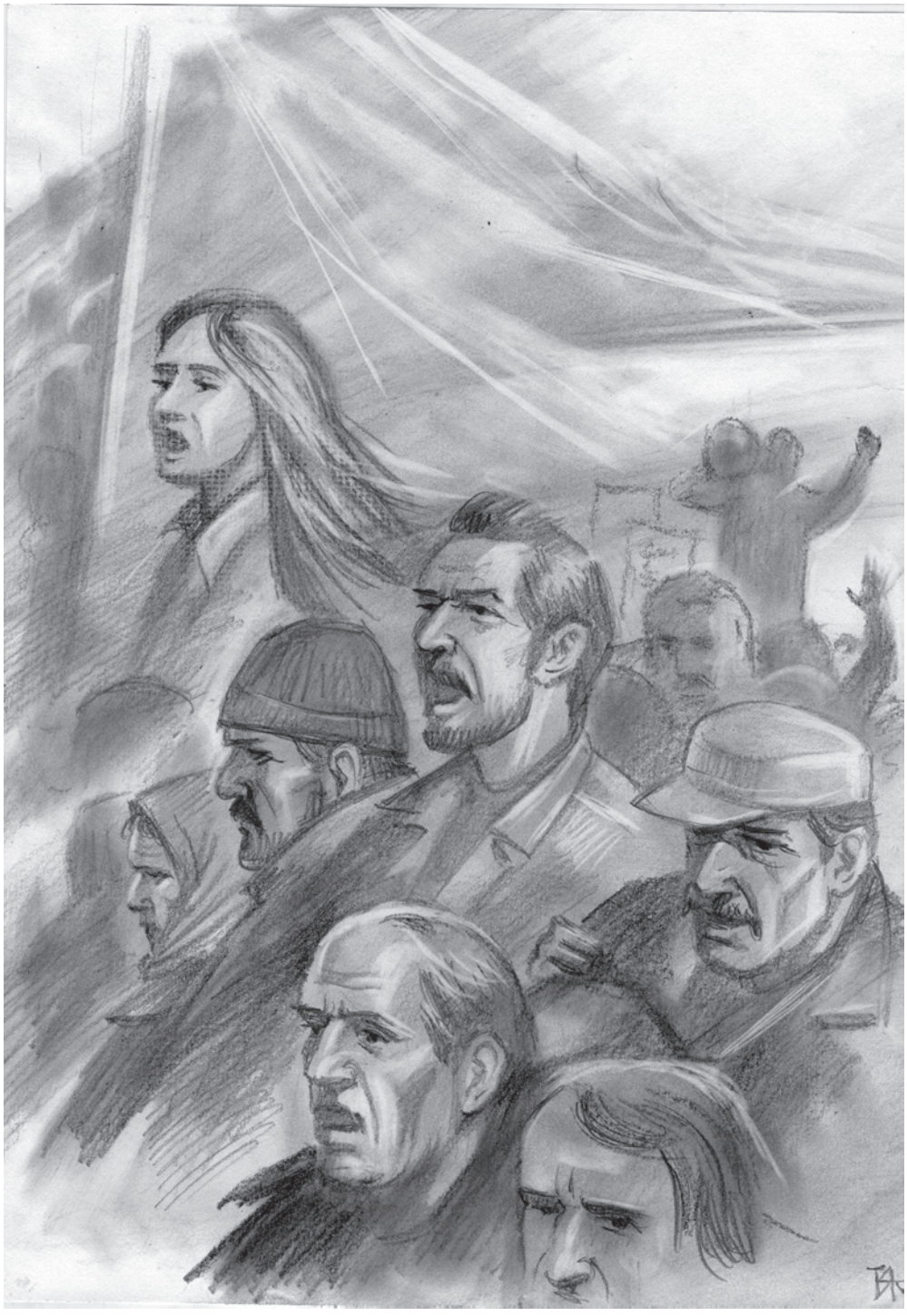


Рисунок Вадима ЖУКОВА

Появлялись активисты, не пропускавшие ни единого митинга. Лишь бы пошуметь, пообщаться, побранить Гайдара и Ельцина.

Пришла вездесущая старушка в платочке, похожая на крепкий пенек. Частушки вырастали на ней, как опята:

Я свинину не люблю,
А люблю баранину.
Не ходите вы, девчата,
В гости к Полторанину.
Эх-ма!

Полторанина штаны
От натуги лопнули.
Он хотел прихлопнуть «День»,
Самого прихлопнули.
Эх-ма!

Старушка топотала изношенными башмаками. Она красовалась перед телекамерами, надеялась снова попасть в передачу.

Молодой язычник, похожий на Леля, в белой, навыпуск, рубахе, подпоясанный красным кушачком, затеял разговор с Анисиным. Язычник носил на лбу золотую ленту (она закрывала лобное око). Он излагал Анисину свое языческое учение:

— Древние русичи поклонялись солнцу, ты знаешь. То есть поклонялись Ра. Русский язык солнечный. «Разум», то есть «Ра у меня», то есть «Я — солнечный», понимаешь? «Разбег» — бег солнца, то есть русский космизм. Далее — «радуга», то есть солнечная дуга. Давай напишу статью «Русское солнце». Учение придет на смену коммунистической идеологии.

— «Разбойник» — побивающий солнце, солнцеборец, — поддакивал Анисин, — «разведчик» — ведающий солнце, то есть астроном. Ты меня убедил. Пиши статью.

Появилась женщина с бурятским лицом. Нарумяненные щечки, узкие глазки, подведенные черные бровки. На ней было малиновое облачение, усыпанное бисером. В черные волосы вплетены цветные ленточки, колокольчики. Она была боса, поднималась на упругих мысках, поводила руками, кружила в танце. Колокольчики звенели, бисер мерцал, подкрашенные губы таинственно улыбались.

— Уле! Уле! — восклицала она, вычерпывая что-то из воздуха. Была похожа на ожившую статую из восточного святилища. Потанцевав перед Куравлевым, бурятка остановилась.

— Я пришла к тебе от Белой Богини. Она любит тебя и берет в мужья. Она велела взять тебя за руку и привести к ней. Пойдем к Белой Богине, — бурятка взяла Куравлева за руку и потянула.

— Брысь, ведьма! — шуганул ее Нефедов. — Пошла бы ты к своей Белой Богине!

Бурятка, мелькая грязными пятками, исчезла.

Вместо нее возник неопрятный, с седыми бакенбардами и безумными глазами человек. Он размахивал перед носом Куравлева крохотной рукодельной газеткой. Гневно выкликал:

— Читай! Читай, говорю! Вот как надо писать! Меня сам Ельцин читает! И ты давай читай!

— Не хочу, — уклонялся от газетки Куравлев. Издатель рукописной газеты, по прозвищу Топтыгин, появлялся на всех протестных митингах, совал всем газетку, а когда не брали, сердился. Он и впрямь был похож на топтыгина, шатуна, что бродит среди людей.

— Топтыгин, давай мне газету, — Нефедов принял от издателя мятый листок. — Прочитаю и тебе скажу. Ты молодец.

— Почитай, почитай! Вот как надо писать! — и удалился, сердито тряся бакенбардами.

Языческий Лель, и бабуся с частушками, и бурятская ведунья, и сердитый издатель Топтыгин — все были творцами. Высыпали на улицы, где возбужденный народ искал правды, проповедовал эту правду на свой народный лад.

К Куравлеву подошел журналист в клетчатом пиджаке, с диктофоном. На бело-розовом свежем лице красовался загнутый нос, смотрели любезные голубые глаза, краснел маленький сочный рот.

— Я Марк Файн, из «Нью-Йорк таймс». Позвольте вопрос, господин Куравлев? Правда ли, что ваша газета антисемитская? Я прочитал в сегодняшнем номере фразу: «На Малой Бронной упало дерево-антисемит». Неужели в России такой уровень антисемитизма, что даже деревья антисемиты? — журналист улыбался, но в голубых глазах светилась холодная неприязнь. В диктофоне горел красный злой огонек.

Куравлев почувствовал опасность. Она была в сладком запахе табака, любезном поклоне, властном носе, презрительно сжатых губах. Американец источал превосходство победителя, наблюдавшего пляски побежденных.

— Не могут ли в России повториться еврейские погромы?

— Это фраза не более чем шутка. Я бы сказал, еврейская шутка. Разве мы похожи на погромщиков? Мы наивные простаки, пляшущие на забаву американскому гостю.

— А правда ли, что в России возможен реванш коммунистов? Будет восстановлен Советский Союз?

— Пока существует газета «День», такая возможность сохраняется.

— Спасибо, господин Куравлев. Скоро выйдет моя статья, и вы проснетесь знаменитым! — Журналист отошел, улыбаясь пунцовыми губками. Куравлев заметил, как улыбающийся рот сжался в хищный хоботок.

Среди репортеров, телекамер, фотографов Куравлев увидел Артема Боровика, издателя молодой, но уже прошумевшей газеты. Артем Боровик был сын известного советского американиста Генриха Боровика. Тот работал корреспондентом в Нью-Йорке, быть может разведчиком. Писал обличительные статьи об американском империализме. Рассказывал о бедствии безработных, о расовом неравенстве. Появлялся на телеэкране в обществе бомжей и даже привез в Москву негритянскую активистку Анжелу Дэвис с огромным стогом курчавых волос. Фотографировался с ней у Мавзолея. Он оказал протекцию своему одаренному сыну, опекал его первые шаги в журналистике. Отправил юнца в Афганистан, где тот проехал два раза на бэтээре и получил орден Красной Звезды. Фотографировался в камуфля-

же с автоматом Калашникова. Вскоре после Афганистана, когда бурно цвела перестройка, поехал в Америку. На военной базе прошел курс морского пехотинца. Написал восторженный очерк об американской армии. Сфотографировался со скорострельной винтовкой М-16. Тогда еще шла афганская война. Из М-16 убивали советских солдат. Панегирик Боровика показался Куравлеву отвратительным.

Теперь Артем Боровик подошел к Куравлеву. Он был полный, щекастый, с пухленьким розовым ртом и большими умными глазами. В них пряталась осторожность играющего с огнем человека. Он поздоровался за руку с Куравлевым.

— Я с вами, Виктор Ильич. Это безобразие — преследовать вашу газету. Пусть я не разделяю ваших убеждений. Пусть моя газета утверждает другие ценности. Но есть свобода слова. Есть журналистская солидарность. Можете на меня рассчитывать, Виктор Ильич.

Куравлев был благодарен. Он привык к нападкам демократической прессы. Был ожесточен и в этом ожесточении черпал силы, позволявшие вести неравную схватку. Рукопожатие Боровика было теплым, мягким. Его лицо, всегда казавшееся неприятным, теперь выглядело привлекательным.

— Спасибо, Артем. Я нуждаюсь в поддержке.

Боровик отошел, еще раз протянув собеседнику мягкую руку.

К Куравлеву подскочил взвинченный человек. Хрипло смеялся, извивался, делал пальцами брызгающее движения, словно прыскал едкой жидкостью.

— Дождался! Пришлепнут тебя мухобойкой! По башке, по башке! — Это был Щелкунов, захудалый писатель, автор нескольких детских книжиц о белочках, зайчиках, прочих зверушках. Прежде в Доме литераторов он подобострастно подходил к Куравлеву. Его серое лицо напоминало матерчатую куклу, в которую проникла рука и сжала пальцы. Он восхищался романами Куравлева. В ответ тот снисходительно посмеивался:

— Какой зайчик? Правильно, трусишка. А стрекоза? Верно, попрыгунья. А сорока? Она белобока. А мышка? Она норушка.

Щелкунов хихикал, смиренно переносил шутки, называл Куравлева своим учителем.

Теперь, подскочив, Щелкунов хохотал, яростный, ненавидящий.

— Как хорошо, как я рад! Твоя газета хлюпает кровью! Вы все палачи, вертухаи! Попили народной крови! Где та стенка, к который вы нас ставили? Теперь сами вставайте! Вас не закрыть, вас стрелять надо! Чтобы вашего духа не осталось! Ни ваших книг, ни газет, ни детей! Под корень, под корень! Мы вас каждого вычислим! В норах крысиных! Намордник наденем, тот самый, в котором вы страну держали! Ненавижу!

Щелкунов скакал, извивался. В нем полыхал адский огонь. В бесноватом танце он хотел освободиться и не мог от всех пережитых унижений, обид, согбенного смирения, страхов. Его ненависть была жгучей, как факел огнемета. Опаляла Куравлева. Он чувствовал ожоги. Ему казалось, что с пальцев Щелкунова летят брызги кислоты, прожигают пиджак, рубаху, оставляют на коже пузыри.

— Иди вон, — произнес Куравлев шепотом, с такой беспощадной жестокостью, что Щелкунов стих. Скрючился и по-собачьи, боком, затрусил прочь.

Все еще горели ожоги. Чужая ненависть была смертоносной. Его ответная ненависть опустошила, наполнила душу кислым дымом. Куравлев не замечал, что его плакатик перевернулся на другую сторону.

Мерцали вспышки фотоаппаратов. Телеоператоры ходили кругами, водили рыльцами телекамер. Человек, стоящий поодаль, слегка отвернулся, достал из пиджака портативную рацию, что-то забулькал. Лубянка присматривала за пикетом.

Куравлев вдруг почувствовал слабость, тщету своих маломощных усилий. Беспомощность газетных листков, крохотной горстки пикетчиков перед мощью, погубившей страну, ее великую армию, разведку, миллионную партию, множество оснащенных людей, призванных защищать государство. Что могут самодельные плакатики, танцующие старушки, ряженые язычники перед загадочной, неодолимой, нечеловеческой силой, завладевшей непобедимой страной?

Куравлев уныло смотрел на гомонящий люд. Это были остатки народа, гонимые бурей, разметавшей народ.

Из бестолковой толпы, рассекая ее, вынеслась женщина с букетом алых тюльпанов. Зоя Кострова, стремительная, яркая, с болтавшимся на груди аппаратом, подбежала к пикетчикам. Стала раздавать им цветы. Каждому по тюльпану, а Куравлеву — оставшийся сочный букет. И опять, как недавно на демонстрации, сквозь холодный запах цветов он уловил жар ее тела. И глаза, серо-голубые, стали вдруг золотыми.

— Торопилась! Опоздала! Всегда так! — Она отбежала, стала нацеливать аппарат. Снимала, перескакивала с места на место, напоминая лесную белку. Пикетчики приосанились. Достали бенгальские палочки, запалили. Стояли — в одной руке тюльпан, в другой искристый огонь. Зоя снимала лица, цветы, серебряные искры.

— Едет! Едет! — раздалось.

Из чугунных дворцовых ворот скользнула черная машина. За стеклом возникло мутное, сырое лицо Полторанина. Куравлев успел заглянуть в его угарные глаза. Показал плакатик с надписью: «Духовная оппозиция». Машина умчалась. Люди расходились. Пикетчики снимали плакатики, сыпали в урну обгорелые бенгальские палочки. Собирались в редакцию пить вино.

— Вы с нами? — спросил Куравлев Зою. — Мы заслужили бокал вина.

— Не могу, тороплюсь. Выпейте за мое здоровье… — Убежала, стуча каблуками. Куравлев поднял с асфальта упавший тюльпан.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В эти осенние дни Москва была похожа на нищенку, в лохмотьях, беззубую, с трахомными глазами, тянущую за подаянием грязную руку.

Москва была похожа на грудастую торговку, что стоит подбоченясь за прилавком, крикливо зазывает купить уворованные на складах консервы, китайские игрушки, женское белье.

Москва была похожа на гулящую девку в красной юбке, канареечной блузке, с пластмассовым поясом, пьяную, с размазанной помадой, с дешевой сигаретой в зубах.

Москва была похожа на цыганку, чернявую, в серебряных кольцах, веселую, липучую, лживую, мотающую перед носом ошалелого простака ворохом разноцветных юбок.

Москва была похожа на пресыщенную богачку, с брюзгливым лицом, пухлыми пальцами в бриллиантах, глядящую из окна дорогой иномарки на витрину с мехами.

Москва была похожа на русскую вдову с печальными прекрасными глазами. Все ждала мужа, пропавшего в далеком бою, тихо плакала в ночную подушку.

«Сталинский» дом на улице Горького, где жил Куравлев, слыл респектабельным местом. Был усыпан памятными досками в честь именитых жильцов. Цоколь дома покрывал дикий красный гранит. Немцы, наступая на Москву, привезли гранит из Германии, собираясь воздвигнуть монумент в центре покоренной столицы. Из окон куравлевской квартиры были видны памятник Пушкину и рубиновая кремлевская звезда. В подъезде сидела консьержка, а жильцами были известные актеры, писатели и военные. При встречах друг другу кланялись, сознавая свою высокородную общность.

Теперь этот дом возвышался, как угрюмая скала среди грязного бурлящего моря. Под сенью гранита стояла неопрятная вереница торговок, предлагавших тушенку, кукурузные початки, женские колготки, баночки кока-колы. Мусор из дворовых баков вывозился редко, и зловонные груды росли, плодя крыс и бомжей. В мусоре вечно ковырялся бомж, выуживая из бака поломанные предметы и объедки с барских столов. К вечеру на дворе собирались проститутки. Всю ночь подъезжали тяжеловесные иномарки, включали ослепительные фары, и в этот алмазный свет влетали полуобнаженные женщины. Кокетливо улыбались, скрещивали голые ноги. Здоровенный детина ходил вдоль строя, выбирая девиц поярче. Грузил в машину и увозил в ночную баню на усладу кавказцу. Под утро во дворе нестерпимо несло мочой. В дворовом скверике валялись шприцы.

В соседнем доме размещался Макдональдс. К нему выстраивалась непомерная очередь. Москвичи всех сословий выстаивали часами, чтобы проникнуть в волшебное святилище. Куравлеву казалось, что в Макдональдс из Мавзолея перенесли прах вождя, и все, кто туда попадал, видели стеклянный колпак, озаренное лунным светом лицо. Однажды здесь появилась робкая группка с транспарантами: «Долой Макдональдс». На группку набросились, словно это были осквернители святыни. Обитатели дома, прежде дружелюбные, теперь разобщились, не кланялись. Одни присягнули новой власти, другие сохраняли верность несуществующему государству.

Куравлев понимал, что прежняя жизнь отлетела и больше не вернется. Грязное бушующее море било в гранитные стены дома, и было неясно, уцелеет ли дом.

Между Куравлевым и женой Верой ширилось отчуждение. Куравлев был поглощен газетой, бесконечными встречами, митингами, судами. Каждый день был не похож на другой. Был как взрыв, опасный, огненный. Творчество сочеталось с тайной политикой, обожание с ненавистью, приливы энергии с непомерной усталостью. Рядом были люди, требующие, умоля-

ющие, искушающие. Были мудрецы и безумцы, подвижники и предатели, заносчивые молодые вожди и поверженные кумиры. Все бурлило, пузырилось, лопалось, превращалось в брызги бесследно исчезнувшего дня.

Жена Вера пугалась жизни, в которой мчался Куравлев. Все чаще ходила в церковь, постилась, читала книжки о святых и праведниках. Приносила из церкви пшеничную, с оттиснутым крестиком, просфору, тонкую, из мягкого воска, свечечку, запахи сладких дымов. В ее комнате появилась лампада, перед которой она ночами молилась.

Иногда Куравлеву казалось, что в жене тлеет тайная хворь, тихо изъедает ее. Она боролась с неслышной болезнью без врачей, без лекарств, а ночными молитвами, постами, проповедями батюшек. Куравлев не пускал жену в свою опасную жизнь. Она боялась рассказов о митингах, уличных схватках. Пугалась политики. Уходила к себе, если в доме появлялись новые друзья Куравлева. Он же не хотел углубляться в ее религиозные бдения. Ее лампады, церковные песнопения были несовместимы с ревущими митингами, свистом «пикирующего времени». Он мчался, все кругом было размыто скоростями. Он не умел остановиться, и его могла «остановить только пуля».

Ночью, когда дети спали, а огненный перекресток улицы Горького и Тверского бульвара продолжал полыхать, Куравлев и Вера сидели в гостиной у настольной фарфоровой лампы с нарисованной пастушкой и купидонами.

— Витя, мне страшно, — сказала она дрожащим голосом, которого он так боялся. — Мне страшно за тебя, за детей. Ты утром уходишь, а я не знаю, вернешься ли вечером. Кругом бандиты, убийства. Вчера у метро среди бела дня застрелили мужчину. У тебя столько врагов. В своей газете ты пишешь такое, что тебя могут подстеречь. Пуля остановит не только тебя, но и меня, и детей, всю нашу жизнь! — В ее голосе дрожал звук, которого он так боялся. От этого стеклянного, с трещинкой, звука в нем поднималось раздражение, против нее, против себя и опять против нее, мучившей своим стеклянным, с трещинкой, звуком. — Страшно смотреть в окно. Под окнами то и дело побоища. Этот неистовый Анпилов, его ревущий микрофон, кулак, оскаленный рот. Нелепый, страшный, как звероящер, тягач. Раньше возил атомные ракеты, а теперь возит атомного Анпилова. Ты в этом побоище, под дубинками! И дети, их тоже убивают! Детей пощади! Ты станешь детоубийцей!

Она винила его. Он чувствовал вину и раздражался тем, что она вызывает в нем чувство вины. Это чувство было бременем после разрушительного дня. Он нуждался в покое, в поддержке, в одобрении своих дел и поступков. Так было когда-то, когда он читал ей свои молодые рассказы. Она была его единственной слушательницей и обожательницей. Теперь вместо этого он встречал ее темные, горюющие глаза, слышал стеклянный, с трещинкой, голос. И хотелось укрыться, убежать, не видеть ее.

— Я не могу запретить детям ходить на демонстрации, — произнес он, не позволяя себе раздражаться. — Дети оперились, у них друзья. Друзья зовут их на митинги. Я подключил детей к газете. Они распространяют тираж. Ездят на электричках, стоят на углах. Это мужская работа. Радуюсь, что они со мной. Горжусь ими.

— Но чем кончится твоя гордость? Кто-нибудь в электричке пырнет их ножом. Или на углу подойдет и ударит. Столько ненависти, крика и рева! Уже не услышать тихого слова, не увидеть спокойного лица. Крик, крик! Ненависть, дубины! Я сижу и жду, когда ты придешь с разбитой головой!

Он превозмог раздражение. Не только он нуждался в поддержке, но и она. И никто, кроме него, не сможет ее утешить. Он погладил ее волосы, когда-то черные, блестящие, а теперь потускневшие, в белых волокнах.

— Обещаю, стану носить на голове кастрюлю. Дубинка будет отскакивать.

— Витя, причастись, прошу тебя. Через святое причастие Господь заслонит тебя. Отец Владимир говорит, что ты удален от Бога. Он говорит, что зверь вышел из преисподней и вселился в людей. Зверь на улицах, в семьях, в газетах.

И вновь он испытал отчуждение. Она не понимала его дел, боялась их. Хотела спрятать его и себя в молитвенные утешения. Заслониться от рева микрофонов, воплей толпы, от схватки, в которую он вовлечен. Хотела привести его на елейную проповедь умильного батюшки.

— Зверь в Кремле. Там звероящер. Их не выкуришь из Кремля кадильным дымом. Не обойтись без порохового дыма.

— Пойди, побеседуй с отцом Владимиром. Он духовный батюшка. Молится за тебя, молится за Россию.

Вера не услышала его едкого раздражения.

— У меня другой батюшка, отец Дмитрий Дудко. Он окормляет нашу газету. Не елейными проповедями. Он с нами на судах и пикетах. Он огненный, страдалец, наш полковой священник. Не тот, что в богатых приходах окормляет богатеньких дамочек. Перед тем как идти в церковь, дамочки делают модную прическу, надевают бриллианты.

У Веры в глазах темнели слезы. Он нападал на ее хрупкий мир, где она укрывалась от дурных предчувствий, хотела, чтобы и он укрылся в этом спасительном мире.

— Не говори так об отце Владимире. Он светлый, духовный, молится о тебе! — Она по-птичьи защищала свое гнездо. Он пожалел о своей резкой отповеди.

— Я не хотел сказать об отце Владимире плохо. Поклонись ему от меня.

— Причастись и исповедуйся, Витя. Обещай!

Опять она его не услышала. Тянула туда, куда он не хотел.

— Отец Дмитрий Дудко говорит о героях, которые крестились и причащались кровью на поле брани. Отдали жизнь за «други своя». Говорит, что Александр Матросов, гвардейцы-панфиловцы — они святые. Вот кому надо молиться!

— Все будет ужасно! Это только начало. Нас ждут несчастья, нашу семью, наш народ, Россию. Отец Владимир дал мне записки афонских старцев. Они предрекают России великие муки. Говорят, что Россию, как Христа, распнут, и она будет висеть на кресте. Ее будут оплевывать, колоть копьем, а она с креста станет молиться за весь мир. Нас с тобой тоже распнут, Витя!

Он хотел отвести от нее дурные предречения, а вместо этого их подтверждал:

— Россия и сейчас висит на кресте. Но Россия чудесно воскреснет, сойдет с креста и снова, как уже бывало, дивно расцветет.

Она не услышала.

— Хотела сказать тебе. Витя. Давай обвенчаемся. Мы не венчаны, наши дети зачаты в грехе. На них наш грех. Пока мы живы, пока не пришли несчастья, давай обвенчаемся! — в ее голосе не было слезной боли, а робкое упование. Она знала такое, что было ему неведомо, куда он не мог уйти. Его удерживала клокочущая жизнь, не оставлявшая места для созерцания, тихой молитвы, смиренного стояния в храме. Его алтарь двигался на огромных колесах, натужно урча, напрягая стальную спину, гремел в неистовый колокол. Но он видел ее робкую надежду, которую не хотел спугнуть.

— Повенчаемся. Выберем тихий день. Выберем храм, не в Москве, а в глуши, и обвенчаемся.

— Помнишь, ты сочинил стих? Та наша изба, печь, кусты шиповника в снегу, в оконце лунный свет. Мы лежим под лоскутным одеялом, и ты читаешь стих. Помнишь? — Ее лицо стало нежным. Она улыбнулась чудесной улыбкой, которую он так любил: — Помнишь тот стих?

— Напомни.

Она стала читать, нараспев, продлевая сладостные звуки. Этот звук волшебно воскрешал неповторимое время.

«Мы с тобой не венчаны, — читала она. — Мы в избе бревенчатой. Наши гости званые — шубы, шапки рваные. Наши люстры — звездами, окнами морозными. Мы с тобою встречные. Мы сверчки запечные».

Его подхватило, вознесло, волшебно возвратило в дивные снега, в огненное январское солнце, в синие сумерки, когда в небе над деревенскими крышами пылали разноцветные звезды, божественно переливались в ветках старого тополя. Та изба, где они проводили медовый месяц, была ковчегом, куда они взошли, чтобы плыть по морю житейскому. Сохранилась ли та изба? Та беленая печь, которая вдруг начинала пахнуть медом, и тренькал сверчок, посвистывал всю ночь, и просыпаясь, обнимая ее, сонную, теплую, он уносил в сон это неумолчное песнопение.

— Ты права, моя милая. Давай обвенчаемся.

Ее лицо было умиленное, молодое.

— Пойдем отдыхать… — Он хотел, чтобы с этим светом она погрузилась в сон. Чтобы его мучительный день завершился чудесной надеждой. Он готов был встать и уйти в кабинет, но ее лицо вновь подурнело, словно его осыпали пеплом. Она не хотела уходить.

— Вчера в лифте встречаю соседку Алевтину Семеновну. Раньше чуть ли не целовались. Теперь едва кланяемся. Она мне: «Ваш-то Виктор Ильич — сталинист. Заодно с палачами». Я не нашлась, что ответить.

Его словно полоснули бритвой. Огромное лезвие прочертило разрез, рассекло семьи, дружбы. Все вдруг распалось, стало враждовать, ненавидеть, сулить друг другу погибель. Было нестерпимо видеть вчерашних друзей, которые сегодня стали врагами. Не таилась ли эта вражда в глубине дружб, семейных уз, человеческих союзов?

— А муж-то ее, Герой Советского Союза, разве не сталинист? О его подвиге книги писали, детей воспитывали. Сколько предателей, перебежчиков! — Он испытал едкую горечь, готовую превратиться в злобу.

— Мне тяжело, Витя. Тяжело знать, что о тебе пишут и говорят. Я ведь знаю, какой ты искренний, благородный. — Она слышала, как зло прозвучали его слова. Каялась, что невольно его огорчила.

— Столько всяких писак беззастенчивых! Не хочу их знать! Ты прекрасный писатель, замечательный муж, верный отец. Люблю тебя.

Он был ей благодарен. Лезвие не прошлось по их любви, по той сказочной избе, по янтарным снегам. Лезвие просвистело близко, но их не коснулось.

— Что написано пером, можно вырубить топором, — попробовал он пошутить.

— Топор не у тебя, Витя, а у них. Они его наточили!

— Ничего не бойся. На топор найдется другой топор, поострее.

Он хотел встать и идти в кабинет. Заснуть на диване, скопить немного сил. Его ждал трудный день. Судили газету, и он должен был защищаться, быть сильным и свежим. Встал, но она его удержала.

— Нет, нет, не хочу про топор!

Он ее испугал. Снова слезно заблестели ее глаза.

— Если бы нам уехать, Витя! Сесть на ковер-самолет и унестись в нашу заповедную деревню. Подняться в синее небо, и все эти черные площади с черной толпой, все эти крики, проклятья останутся далеко. А мы, молодые и любящие, опустимся в наши снега. Ты будешь показывать мне лисий след, стеклянную в поле цепочку.

— Люблю тебя. Все так и будет… — Он порывался уйти, и пусть ей приснятся хрустальные лисьи следы с каплями январского солнца.

— Нет, Витенька, никогда уже не вернется то счастье. Было счастье, было ожидание чуда. — Она прощалась и никак не могла проститься. Ему казалось, что она прощается и с ним, удаляется, тает, уходит во мглу.

— А разве не случилось чудо? Та цветущая яблоня, как невестушка в подвенечном уборе. Ты сошьешь подвенечное платье, яблонька ты моя!

Она улыбнулась, увидела восхитительное, белоснежное. Помолодела, любовалась дивным видением.

Опять к ней вернулся свет. Он хотел, чтобы она ушла с видением яблони. Но она не ушла. Ее что-то томило. Видение длилось мгновение и погасло. Она вновь осунулась, потускнела.

— Вчера ходила, закупала продукты. Гречку, геркулес. Все закупают, пустые полки. Будет голод, война? Афонские монахи говорят, что будет война.

Она спрашивала так, будто он знал. Будто от него зависело, быть или не быть войне.

— Живем в эпоху войн и революций, — бравурно ответил он, тяготясь разговором. Он был изможден. Ему нужен был отдых перед завтрашней схваткой в суде.

— Значит, Олежку и Степушку убьют на войне?

Он корил себя за бравурный ответ. Она была беззащитна. Горько отзывалась на любое неосторожное слово.

— Не мучай себя, — сказал он. Но она мучилась и хотела, чтобы он разделил ее муку.

— Сегодня иду по двору. Гляжу, в мусоре роется женщина. Присмотрелась, а это моя учительница географии. Такая несчастная, в обносках.

Думаю, подойду. Не решилась. Она бы не хотела, чтобы ее ученица видела ее в таком виде. А теперь жалею. Пригласила бы домой, накормила, денег дала.

— Увидишь — приведи. Дай денег. Теперь пойдем спать.

Но она оставалась сидеть.

— Я видела ужасный сон. Будто вхожу в море, такое чудесное, лазурное. Плыву, мне так легко. Вдруг чувствую, что за мной гонится жуткая рыба. Хватает за ноги, грызет. Я плыву к берегу, а там стоишь ты. Смотришь, как меня грызет рыба. Я кричу: «Спаси!» — и просыпаюсь. Ужасный сон!

Он видел, как в ней что-то глохнет, медленно меркнет, надвигается тень.

— Сегодня многие женщины видят ужасные сны. Но это пройдет, поверь. Мы прогоним эту зубастую рыбу, и море снова станет чудесным, — он больше не мог ее слушать, тяготился ею.

— Я хожу в церковь и там утешаюсь. Начинаю понимать таинство литургии. Начинаю постигать ее бесконечную красоту. Будто передо мной открываются двери, одна за другой, я иду и приближаюсь к свету. Витя, умоляю, пойдем в церковь!

Ее глаза чудесно засияли. А ему захотелось сказать что-то резкое, насмешливое, прекратить ее исповедь. Но он устыдился и промолчал. Она познала то, что для него остается тайной. Эту тайну он станет разгадывать. Не теперь, не в грохоте «пикирующего времени», а позже, когда грохот утихнет.

Он вдруг остро, ярко увидел женщину, несущую знамя. Ее плывущую поступь, длинные ноги, грудь, обтянутую красным шелком, запах близкого жаркого тела. Испугался и отвернулся, чтобы жена не заметила случившегося с ним потрясения.

— В какую церковь ты идешь теперь?

— К Матронушке Московской, — сказала она.

Они молчали. За окном, в бархатном черном небе, окруженная красным туманом, горела звезда.

Продолжение следует

Владимир АЛЕКСАНДРОВ

«Я слышал: этот город говорил...»

Сергею Васильеву

1

Я слышал: этот город говорил
чуть глуховато, тихо и картаво,
как если бы к кроватке детской подошли
Дон с Волгой как супруги.
(Боже! Кто их поженил? Все пары,
которым не сойтись, когда и Первый Пётр
заставил рыть канал, но вышел вал,
как над могилой холм, все эти бредни
для бедных, нищих духом, им
в Царствие небесное входить, а не
о глупостях мечтать, поскольку нет
ни моря одного, ни океана,
чтобы в него впадали реки все,
все реки

АЛЕКСАНДРОВ Владимир Юрьевич — поэт, драматург, колумнист, литературный критик, кандидат филологических наук. Родился в 1960 году. Живёт в Москве. Окончил Волгоградский государственный педагогический институт и докторантуру МПГУ. Шеф-редактор отдела просветительских программ телеканала «Россия-Культура» и автор цикловых программ «Цитаты из жизни», «Достояние республики», «Острова», «Романтика романса», фильмов «Европейский оркестр: Бисмарк и Горчаков», «Парадоксы Грибоедова» и др. Лауреат ТЭФИ, обладатель дипломов за лучшую программу о Русском Севере и лучшую просветительскую программу года России. Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Новая юность» и др. Автор четырёх поэтических книг. Пьеса «Школа снегурочек» поставлена в театре «Геликон-опера». Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021).

впадают только в человека.)
И города не говорят, но только люди.
Но этот город говорил,
ему так долго было больно,
он так кричал, что даже память
его застыла с широко раскрытым ртом,
с мечом в руке, оглохшая река
безмолвно пробегала мимо,
себя не слыша, и тогда
сутулый, тощий город припал к ней
и шептал: «Всё будет хорошо, всё будет…»

2

— Какие тёмные аллеи! —
шепчу, уставившись в окно. —
Я, Боже, не его жалею,
себя жалею всё равно.
Что проку мне на то, что свыше
пенять, не смею, не виню,
но это мне его не слышать,
я, я ему не позвоню.
Давным-давно пора привыкнуть,
что все уходят в лучший мир,
но я-то весь уже утыкан
следами этих чёрных дыр,
и память как сплошная рана,
и кровоточа, и слезя,
живу как в теле Себастьяна,
живу, в чём жить уже нельзя.

3

Синицу он ловил за хвост
и не поймал,
но каждый день ходил на пост,
на том стоял,
на том сидел, на том лежал,
на том и жил,
свою синицу поджидал
и сторожил,
и ворожил, и зазывал,
и заклинал,
на стеклах перья рисовал,
не ел, не спал,
и все синицы со всех мест,
со всех орбит,
все знали: он совсем не ест,
не спит,
и все синицы всех дорог
и всех округ
кружились возле его ног
и ели с рук,
и знали: он придет на пост

опять,
чтобы ловить синиц за хвост
и не поймать.

4

И погода ни к чёрту,
и ни к черту пальто,
и подкладка протёрта,
и носки решето,
и колбасит суставы,
и горечь в крови,
и как же достали
эти чёртовы «и»!

5

Коты Сергеичи Васильевы,
теперь хлебнёте безотцовщины,
а что хотели вы, Россия
сынами и отцами пошлину
берёт, жена многострадальная,
и что ей дети беспризорные?
Одним дорога на Центральное,
другим дорога на Моторное…

6

На улочке короткой КИМ,
торчащей горбылём из Волги,
в какой-то полдень очень долгий
случайно повстречались с ним.
Вблизи трамвайные пути,
давно умершие, дрожали,
они кольцо в носу держали
и, видимо, воображали
себя причалом, перейти
их можно было только вброд,
но это бы явилось чудом:
в зной кажется, что дождь идёт,
поскольку марево повсюду
клубится, льётся и печёт.
И хочется укрыться в тень
хоть Гамлета отца, хоть Шварца
Евгения, и перебраться
ползком иль рысью под плетень
и там до темноты скрываться,
но пуще всяческих неволь
охота, вот и вся недолга,
пока течёт в России Волга,
влечёт в России алкоголь,
и зной желанью не помеха,
попробовали б ради смеха
в снаружи сорок — сорок внутрь
на солнцепёке протолкнуть

и воздухом запить горячим,
так русичам цветной металл
татарин в глотку заливал,
а нам всё хоть бы хны, иначе
устроен внутренний наш мир,
чужды барокко и ампир,
иная нам дана натура,
и словно нравственный закон
торчит стальная арматура,
и заливаемый бетон
всё укрепляет от сознанья
до позвоночника, шаги
у нас увесисты и звонки,
ушные рвутся перепонки,
в глазах темнеет и ни зги
не видно, тёмным лесом
несутся пушкинские бесы
на пастернаковский посад:
«я видел вас пять раз подряд»
и не увидел, виноват.

Что помню я об этой встрече?
Закусывать нам было нечем,
и в магазин тащиться влом,
и неразборчивые речи
как будто ни о том, ни сём,
какой-то полупарк, заплывший
жарой, скамейка, шелухи
пригорок, сталинские крыши,
слегка картавые стихи
всё тише становились, тише,
и я уже почти не слышал,
но почему-то понимал,
что в эти ласковые вирши,
как в верши жерех, я попал,
и в голове какой-то хренью
звенело: кто он? Стыд и срам…
Осип Эмильевич Есенин
или Сан Саныч Мандельштам?
И разве Нил в Терсу впадает,
Евфрат Медведицы приток?
И, может быть, из-под Елани
Пришел Иезекиль пророк?
Откуда в этой очень чистой
душе, в которой русский Бог,
в районе площади Чекистов
нашел себе приют Ли Бо?..
Коньяк закончился. Мы встали.
— Пошли в Союз? — Пошли пешком.
И полдень всё парил, как аист,
разыскивая добрый дом,
чтобы была труба печная,
куда младенца опуская,
он смог бы позабыть о нем.

Метеозависимость

1

Здесь всё ещё красиво невпопад:
зима опять заходится в падучей,
и бодрые кочевники летят
высокой стаей всадников певучих

иль певчих, оттого что тишина
одна лишь вечно попадает в ноты,
и для кого-то не молчит она,
и для кого-то говорит она,
и вот запела тоже для кого-то,

ты только сам сейчас не говори,
не нарушай покоя песнопенья,
державинские скачут снегири,
не соблюдая правила движенья,
но соблюдая правила круженья
отсюда и до следующей зари.

29.03.2019

2

Весна — мелодия, поскольку даже грач
с фамилией смирился музыкальной
и палкой дирижёрской, идеально
подогнан фрак, и скоро зарябит
в глазах
от отпрысков его консерваторских,
как гроздья приснопамятных рябин,
они над редколесьем порскнут,
и ах!

Что, Римский-Корсаков, Снегурочку опять
играют в чаще? Словно мокрый кашель,
изгонят девочку? Чему не миновать,
тому бывать, и ничего не страшно:
ни детская Чайковского тетрадь,
ни песня Сольвейг, некуда бежать
от белой кровью разжиревшей пашни.

Весна — мелодия, пока не различим
её мотив, зато театр полон,
вся в предвкушенье весело скворчит
галёрка, и слегка горчит
во рту, и тут нахлынут волны
без всяких, в общем, видимых причин.

29.03.2019

3

Лучше стараться апрелю в глаза не смотреть,
сделать бы вид, что и вовсе мы незнакомы,

с окон стирая наплывы его глаукомы,
в микроволновке хрусталик замёрзший согреть.

Сколько в надежде на солнце стёкла ни три,
вымолвишь только «весна», и тотчас же по коже
снег закружит ненасильственной мелкою дрожью,
словно апрель не снаружи тебя, а внутри.
12.04.2019

4

Сергею Васильеву

Мокрый месяц, хлипкий месяц,
месяц с впалыми щеками,
сапогами лужи месит,
месит стужу каблуками,
то ли по небу позёмка,
то ли по миру похлёбка,
там, где тонко, там и звонко
вылетает будто пробка:
прохудилось, прохудилось,
снизу что-то пробудилось,
сверху что-то провалилось,
заварилось, приблудилось,
в дом непрошеным ввалилось,
ну и что, скажи на милость,
ну и что, скажи на милость,
жить теперь со всем вот с этим?
Как в загадке: и не светит,
и не греет, только метит,
но не лает, только тает
и не тает, и мелькает,
и порхает, вот такая
путаная, непростая
участь этого апреля,
и никто ему не верит:
хлипкий месяц, липкий месяц,
вроде ничего не весит,
а пристанет — не отстанет,
с него станет.
12.04.2019

Михаил ТАРКОВСКИЙ

Полёт совы

(Продолжение. Начало в № 2 за 2021 год)

ГЛАВА ПЯТАЯ

Некоторое время мы обсуждали с разных углов собачье происшествие, не желая с ним расстаться. Потом я в очередной раз рассказал о посещении бабы Кати и вспомнил про Эдю, который померк было со своим шагом винта и умывальником, но тут снова раскрылся равноправной добавкой.

— Как вам наш Циолковский? — медленно говорила Тоня, натирая сыр. — Зачем вы ему мотор-то продали?

— Да мне собаку предложили хорошую.

— Он и без собаки бы вас уломал, — усмехнулась Тоня. — Спасибо-то хоть сказал?

— Сказал — не сказал... Это ж не главное.

— Вот и я тоже так считаю... А вот наши... соседи, — раскатывая бутылкой тесто и сдув прядку, выпавшую из-за уха, задумчиво и медленно продолжила Тоня, — хорошие вроде люди, да? Мы у них, бывает, что-нибудь просим. И она вот, Зоя, мы ещё только приехали, прибежала, что-то ей нужно было... Не помню. Мы, естественно, дали. А на следующий день

ТАРКОВСКИЙ Михаил Александрович — прозаик, поэт, член Союза писателей России, главный редактор альманаха «Енисей». Родился в 1958 году. Живёт в посёлке Бахта Красноярского края. Окончил Московский педагогический институт имени В. И. Ленина и Литературный институт имени А. М. Горького (семинар поэзии В. Д. Цыбина). Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-Креста», «Избранное» и др. Финалист литературной премии Ивана Петровича Белкина (2003), лауреат премии журнала «Наш современник», литературной премии «Ясная Поляна» (2010) и Патриаршей литературной премии за вклад в развитие отечественной литературы (2019) и др.

приносит блинчики на тарелке. Намасленные. Мне так стало неловко... Что за расчёт-то такой? Мы же абсолютно бескорыстно.

Еда была вкуснейшая, и я не мог удержаться: с удовольствием отведал и пельменей из смеси щуки и налима, и овощного горлодёра.

— Тоня, а груздочки-то где у нас? — сказал Костя, смолотив тарелки три.

— В холодильнике снизу… А вот вы, Сергей Иванович, как учитель литературы, объясните нам, может, мы чего-то не понимаем? — Она говорила неторопливо и не то с иронией, не то намёком на насмешку или, наоборот, серьёзно, как в школе учитель, я понять не мог. И с интонацией человека, который уверен в своей правоте и пытается тебя проверить. — Ведь литература учит нас? Чему она нас учит?

Я изо всех сил подумал, что русская литература, младшая сестра молитвы, учит быть сдержанным.

— Причём мы-то от всей души, — продолжила Тоня, возвращаясь к расчётолюбивым соседям. — Мы на благодарность не рассчитывали...

— Да они тоже, может, от всей души! — сказал я как можно доброжелательней.

— Ну как? — раскладывала она по полочкам. — По-моему, такие блинчики означают: вот вы нам помогли, мы вас отблагодарили, и всё, нас не трогайте — отвяньте, нам чужого не надо. Мы не какие-нибудь прохиндеи. — Тоня округлила глаза: — Понимам.

— А мне нравится, когда мне блинчики принесут! — сказал Костя, сморщив нос.

Будучи деятельным и словоохотливым на дворе в работе, сейчас он просто одобрительно сидел, изредка вставляя что-нибудь несуразное. Выражение его лица означало довольство, что все сидят за его столом, что всё это его детище, как и нарта, и баня, и сруб, и то, что так спокойно и справедливо говорит Тоня, — тоже его хозяйство.

— Ну так что же? — сказала Тоня. — Рассудит нас великая русская литература?

— Я думаю, да. Она скажет, что вы людям помогли и что они вас отблагодарили. И что у благодарности два мотива: от чистого сердца и от желания закрыть счёт. Да? Два мотива. И что вы... напели второй. То есть попросили счёт. Мне кажется: раз помогли один раз, то помогите и следующий. В сказках так, кстати, часто: выполнил причуду чью-нибудь, а тебе — полцарства... За то, что не стал считаться... Да и почему вы отказываете им в бескорыстии? Может, это гордыня? Я дала бескорыстно, а они отдали корыстно. Согласны?

— Да, да, я слушаю, — как-то торжествующе распахнув глаза, говорила Тоня.

И было непонятно, что значит это торжество: она так и думала, что я скажу эту ересь, или, напротив, рада, что делю её точку зрения. И не спешила отвечать. Но резать она перестала и замерла с ножом.

— Тем более блинчики приносит женщина. Хранительница очага, так сказать. Благодарит, чем может. Женское стремление к порядку. Она же земными понятиями орудует. Это мужику дороже, чтоб его в жмотстве не заподозрили... Я вот взял у соседа напильник, а он рукой махнул: отдашь, когда будет. Меня это, кстати, тяготит. Мне проще ясность. Хотя каждый помог, чем мог. Ну что, не так разве?

— Ну, пока я поняла, что бабы... существа приземлённые.

— Тоня, извините, если не то сказал. Но я-то вас понимаю. И что когда явный расчёт, будто пропадает что-то. Не могу объяснить, но осадок есть. Хотя... Тоня, вам приходилось общаться со старообрядцами?

— Конечно... Архаичные уклады... Костя с ними вечно носится. Когда мы жили в Николаевском, они всё время у нас останавливались. Местные не очень их: «Мохнорылые...» Он даже одному за это по морде дал.

«Архаичные уклады» она произнесла так, будто термин всё объяснил.

— Я отлично дерусь, — сказал Костя.

А я продолжил:

— Я вот насчёт посуды... Вы ведь останавливались у староверов?

— Конечно, — сказал Костя.

— И вас кормили на убой. А вот ваша посуда для них мирская. Вас не беспокоит, что вас они кормят, а вы-то их не можете угостить, когда придут? Другая крайность... Ведь с позиций добрых отношений-то это больше должно вас беспокоить, чем соседка с блинчиками. И вообще выходит, вам то навязывают спасибо, а то не дают это же спасибо сказать! Вас спасибами просто заваливают, а тратить-то не дают! От ведь как! Представляете, сколько этих... спасиб должно у вас накопиться в хозяйстве! — наконец-то я нашёл ноту, способную противостоять Тониному наступательному занудству. — Целый склад спасибного материала... Натуральное затоваривание! Так что, Тоня, — я сменил шаг винта, — может, и не стоит переживать? Вот видите, какой сложный наш русский мир!

Тоня улыбнулась, но я так и не понял, удалось ли мне её расшутить, свернуть с серьёзно-загадочного тона, который появлялся особо настойчиво, когда она что-то резала.

— А мы бы могли в любой стране жить, — бодро вывез Костя.

А я уже не мог остановиться:

— А если речь о жизни идёт, а не о блинчиках? Кто-то тонет. Один спасает, потому что так принято, дескать, сам могу в беде оказаться. А у другого инстинкт — спасать. Всегда два объяснения — по сердцу и по расчёту. Хотя это, может, и не расчёт, а христианское здравомыслие? И опять развилка! Наверное, на то и мудрость, чтобы, зная закон развилки, поступать по-человечески. Да и главное не то, кто прав, а насколько ты любишь этих людей такими, какие они есть.

— Ну, вы знаете, про любовь здесь вообще речи не было, а шла речь о том, чтобы разумно выстраивать отношения. Разумно — это по правилам. — Тоня начинала хмуриться.

— Так они-то, соседи ваши, как раз и живут по правилам, а вы приехали и обижаетесь. Я и вас понимаю, и их. И что осадок есть...

— И что же с ним делать?

— Ну вы же хозяйка — должны знать. Выплеснуть...

— Хм-хм, — засмеялась Тоня с холодком, положила вымытую чеснокодавку на сушилку и села за стол.

Окунув картофелину в чесночное макалово, попробовала и восхищённо покачала из стороны в сторону головой. Потом снова медленно сказала:

— В общем, я поняла, что литература учит нас правильным вещам, любви там... добру. А вот сейчас идёт фильм по одной известной книге...

А книга предлагает нам... застрелить сына. И вот вы... Говорите такие вещи справедливые... О том же добре... О мудрости... А мы знаем, что вы не такой уж и мирный: набросились вот на английский язык.

Её длинные ресницы были опущены. Ноздри тонко вздрагивали, и она чуть улыбалась. Я снова не понимал — это шутка, укор или эдакое... доверие меж свободными и сильными собеседниками.

— Жена, ну что ты пристала к гостю? Ему это в школе всё надоело... Я кором пошёл мешать, — по-местному сказал Костя и ушёл мешать собачье, которое варилось в огромном чане на костре. Чугунный этот чан от теста Костя приволок из разрушенной пекарни.

— Кором, — повторила Тоня, покачав головой, — совсем осельдючился... Эти собаки такие наглые. Крупу совершенно не выедают.

И вернулась к английскому вопросу:

— Да... Вы боевой, — говорила она неторопливо и будто размышляя над своими словами, перебирая их, протирая и расставляя на сушилку в одном значимом для неё порядке. — Помню, в детстве у нас всегда в школе одно говорили, а дома другое. Бабушка у меня была известным учёным, и понятно, что её многое вокруг не устраивало, вся эта тупость... И я, конечно, верила бабушке, но разрыв был в душе... И я от этого страдала и надеялась, что у моих-то детей по-другому будет. А тут вдруг то же самое — мы дома говорим, что надо языки учить, а в школе учитель: нет, не надо.

Шла какая-то непонятная мне почти игра, было неловко перед Костей, и хотелось как-то всё ошершавить, чтобы исключить и намёк на что-либо двусмысленное. Английская тема мне надоела крайне, и я топорно перевёл разговор на любезную мне незыблемость:

— Да, выходит, вопрос остался! Но это же хорошо — значит, действительно ничего не меняется! Именно эту незыблемость я и стараюсь донести до школьников. Например, у нас была тема подвига. Вспоминали Достоевского. Фома Данилов, 1875 год, и Евгений Родионов, наши дни. И мы как раз говорили о том, что на Руси как были герои, так и будут.

— А... ну мученики за веру, — как о чём-то понятном сказала Тоня, причём с каким-то даже облегчением, будто она готовилась к чему-то серьёзному, а тревога оказалась ложной. Будто пришпиленное термином слово снимается как аргумент. — Да уж... Лёня потом спрашивал про этого солдата, почему он не боялся? И что будет, если он сам так не сможет? Очень переживал и не спал.

— И что вы сказали?

— Да я-то что? У меня муж есть... Костя объяснил, что у разных людей разный болевой порог. Что есть такое вещество, которое вырабатывает страх, и у одних его больше, а у других меньше или вообще не вырабатывается. Но он всё равно не мог заснуть долго.

Вошёл Костя и стал говорить очень выпукло, аппетитно, будто сам восторгаясь сказанным и выговаривая «с» немного по-английски, как th, с шепелявинкой, придающей сочности, песочку:

— Есть вообще люди, у которых руки не мёрзнут! Мы с одним мужиком, — он сочно произнёс, — со Стёпкой Щербининым, сети смотрим, а у меня сосуды мелкие, руки сразу как култышки, хе-хе, я стою как ворона, — он растопырил руки, сияя глазами и улыбаясь, — а тому хоть бы что — ручи-

щи красные, волоски торчат, все в куржаке, грудь распахнута. Аж пар идёт. — И добавил тихо-хозяйским голосом: — Юкона сейчас смотрел, сильно прокусили. Распухнет лапа.

Разговор затянулся, и назрел тост.

— Скажите нам что-нибудь, — сказала задумчиво Тоня.

— Вы знаете, я очень не люблю, когда мне зададут вопрос, а я не отвечу. А вы, Тоня, задали очень важный вопрос: чему нас учит русская литература? Который я понял ещё и по-своему: чему именно я своих детей на уроках учу? И вы вспомнили одно произведение. А я почему-то вспомнил детство и как в классе все мальчишки, и я тоже конечно, были за Остапа, а девчонки за Андрия. Сейчас, я уверяю вас, всё точно так же, повторю: ничего не изменилось! Но я хочу вспомнить одного человека. У нас в институте был преподаватель Евгений Николаич Лебедев, великий знаток и ревнитель русской литературы. И вот у нас Гоголь, «Тарас Бульба». И Андрий на стороне врагов, и идёт бой... И Евгений Николаевич спрашивает нас: «Друзья мои, идёт страшная битва. И с той стороны, и с другой падают убитые, и на нашей стороне рубятся казаки, рубится Остап, рубится обожаемый Гоголем Тарас, а со шляхетской стороны мчит с вражьим флагом не менее любимый Андрий — такое же дитя Тараса, как и Остап... Такая же кровинушка. Да... И понятно, где кто и за что кровинушку проливает... Но вот скажите вы мне, пожалуйста, а где Гоголь? Где в эти роковые минуты великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь?» Наши попытки жалких ответов не буду и приводить. Приведу слова нашего любимого преподавателя: «А Гоголь, друзья мои, он как птица, он как чибис, степная чайка, с криком, со стоном мечется по-над полем битвы, меж Тарасом и Остапом и Андрием, и сердце Николая Васильевича разрывается на части, и нет и не будет этому огромному и навек подбитому сердцу ни покоя, ни пощады, ни облегчения!»

Я запомнил эти слова на всю жизнь. И на уроках задаю этот вопрос. И отвечаю на него. И чем дальше живу, тем больше понимаю, что если и есть что-то главное в жизни, то это состояние такого вот полёта, полного отчаяния, любви и сострадания, которое по силам только огромным людям, которые во все времена рождались и будут рождаться на нашей земле. И я сам стремлюсь к этому полёту, хотя жизнь состоит пока из карабканий и провалов, и провалов больше. Но никакие провалы не страшны, если есть над русской землёй небо и в нём — этот мечущийся навеки крылатый силуэт. И поэтому я хочу выпить за великую русскую литературу, которая учит нас, конечно же, не стрелять в собственных сыновей, а совершенно другому. Она учит нас... искать Гоголя.

Тоня подняла брови, что можно было истолковать по-разному: как «хм, смотрите-ка, н-да» или «ценю, но не разделяю». Костя дослушал с широко и сочувственно открытыми глазами и разом опустошил стопку. Я тоже почувствовал, что миновала какая-то горка, после которой говориться стало легче:

— Понимаете, надо учить детей видеть автора. Сейчас идёт борьба не между книгой и всякими там... соблазнительными носителями, не борьба между, скажем так, бумагой и электричеством, между... словом и цифрой, а борьба между книгой и огромным числом писанины, которая к литерату-

ре не имеет отношения. Потому что сейчас любая бывшая любодейка может написать «роман», да и ещё объявить на весь свет, что её «книга имеет успех», так как «хорошо продаётся». Поэтому под угрозой сама репутация книги. А у ребёнка отношение к книге как к некоему неоспоримому и незыблемому явлению, как деревья там или горы. Ему не приходит в голову, что за книгой стоит такой же смертный человек, как и он сам. Только ещё более сомневающийся. И старающийся помочь сквозь свои сомнения. И из ничего великим чудом, непомерным напряжением души созидающий мир произведения... Ещё вчера Андрея Болконского и княжны Марьи не было, а назавтра они появились и стали частью жизни. И всё это автор, такой же живой человек. И ребёнку ближе и понятней как раз образ живого человека. Когда отец рассказал, как раненый Пушкин попросил мочёной морошки, эта картина произвела на меня в сотню раз большее впечатление, чем десяток учебных разборов пушкинского творчества. Поэтому только образ книги как предмета духовного созидания человека может помочь нам понять, заслуживает ли автор звания художника. Помочь отличить книгу от подделки. А для этого нам надо найти и увидеть этого автора. Пушкина, Батюшкова, Гоголя.

Ввалились раскрасневшиеся дети, посыпались на пол вязаные снежные рукавицы в катышках снега, тут же росисто покрывшиеся шариками воды, потные шапки.

— Хотя из педагогических соображений иногда можно и пригрозить ружьём. Как у Толстого в рассказе «Прыжок». Гениальный, кстати, рассказ, и абсолютно универсальный! Обезьяна со шляпой — это искушение, а азарт мальчишки — измена основам. Но особенно точно то, что все лезут на мачту сами. И опоры лишаются постепенно, шаг за шагом. А как глянут вниз — уже поздно. Н-да... И тут выходит Отец небесный. Со свет-молнией... Или царь-батюшка...

Лёня подлез Косте под руку. Костя улыбнулся:

— Лёня в первом классе этот рассказ проходил. Тоня ему вслух прочитала и спрашивает: «Лёня, скажи, почему папа велел мальчику прыгать?» А Лёня: «Чтобы застрелить макаку!»

Все засмеялись.

— Конечно рассказ... такой... — сказала Тоня, тоже, видимо, оттаяв, — совершенно непонятно, зачем капитану кругосветного корабля стрелять чаек.

— А я почему-то это и запомнил! — засмеялся Костя.

— Костя, слушай, — сказал я, удивляясь, — у меня так же было — стал перечитывать «Прыжок», тоже вспомнил про чаек, и они оказались главной приметой рассказа.

— Костя, ты бы показал Сергею Иванычу Лёнины сочинения.

— Их найти надо.

— Ну, всё как обычно — вздохнула Тоня.

Самогон кончился, но Костя разошёлся и выставил коньяк, на что Тоня метнула из своих чёрных очей молнийный взгляд. Она продолжала что-то готовить, и, наблюдая её кулинарные манёвры, я недоумевал. На столе стояло всё необходимое для празднования псовой погони, вкупе с бабы-Катиным и Эдиным явлением, а Тоня всё наращивала хлопоты. Когда я

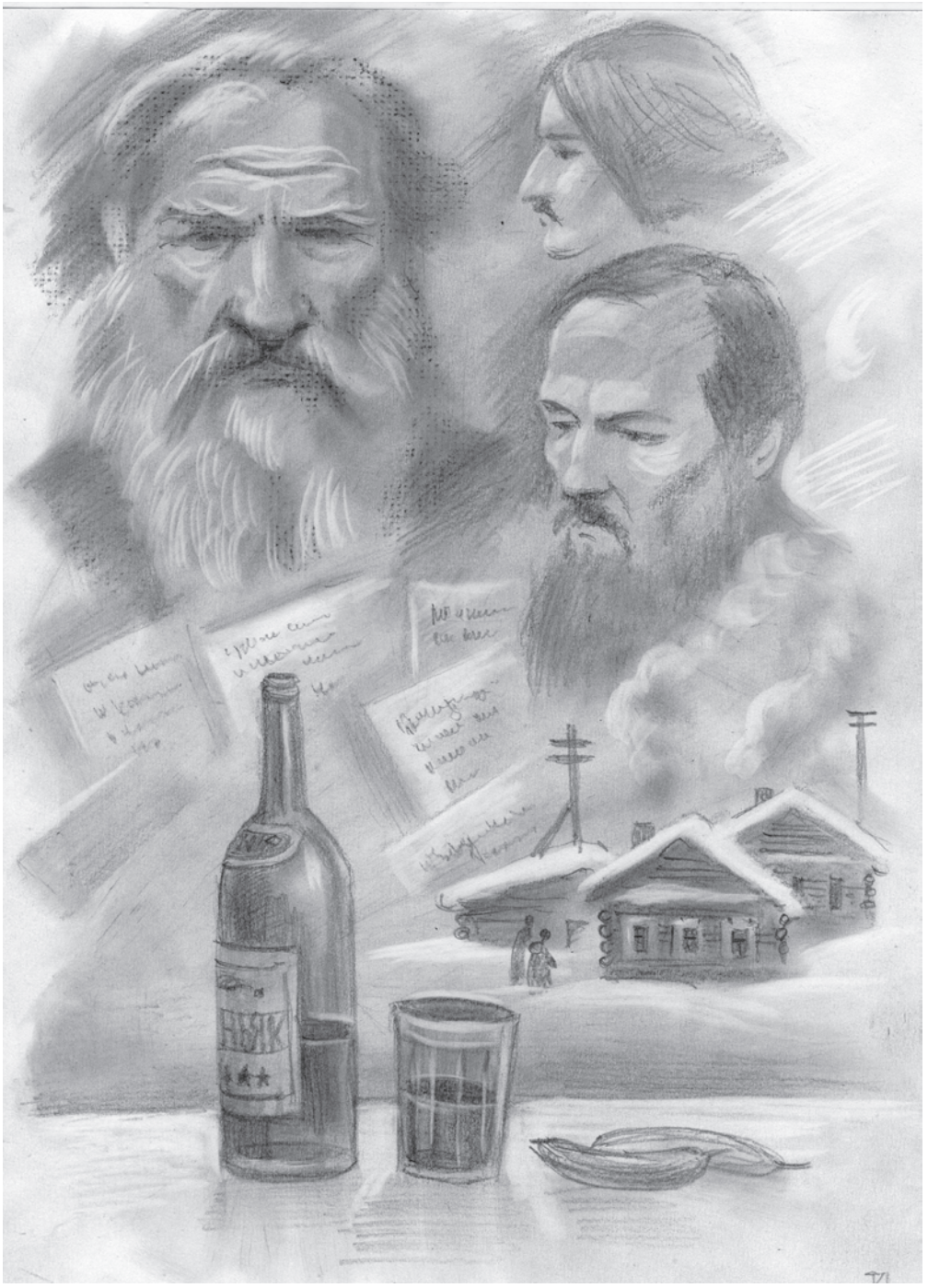


Рисунок Вадима ЖУКОВА

увидел, что она нарезает коржи из круглого бисквита, вытащенного из духовки, и собирается промазывать их кремом, я почувствовал какую-то догадку, переходящую в тревогу... наряду с чувством и одураченности, и открытия, что всё это не для нас, и стыда — за постыдную мгновенно-невольную надежду на закусочный кексик. И следовательский азарт, когда открылось, что Тонины коврижки к нам с Костей и даже к детям не имеют никакого отношения. А разгадка приближалась, и тому свидетельствовала лёгкая отлучка Тони и её появление в сером трикотажном платье.

Потом Тоня сказала, чтобы мы «валили кормить собак», и мы вытолкались и встретили в тесных сенках Валентину Игнатьевну с тортовой коробкой — «Ой, не помните». У стены на канистре стоял замороженный петух в пере, грязно-белый, видимо, его вытащили из морозилки проветриться. Он был плоский и, как звезда, расшаперенный, голова смотрела набок, будто он держал равнение. Костя выскочил вперёд Валентины Игнатьевны, а я не успел и стоял, прижавшись плоско к стене и глупо повернув голову, чтобы не дышать самогоном (совершенно как замороженный тот петух).

Мы пошли в вольер. На всю свору посуды не хватало, и собаки ели из трёх тазов, запуская носы в кашу, чавкая, рыча и пуская бурлящие пузыри. Одновременно они норовили перебежать и попробовать побурлить из другого таза, расталкивая товарищей и грозя надводной сварой, и надо было стоять и управлять кормёжкой с помощью специальной палки. Один кобелишка по глаза засунул нос в корм и, не прекращая его свирепо морщить, без перерыва рычал, грозно пробулькивая сытную жижу и с негодованием поглядывая на соседей.

Я спросил Костю, почему сразу не сказали, что надо закругляться, раз ждут гостей. Он ответил, что напрочь забыл и что «ничего страшного».

— Они переговорят сейчас... Да какие секреты...

Оказалось, Тоня метит в школу учителем биологии, что она работала в заповеднике в отделе экопросвещения и что у неё в планах всякие факультативы и «комплексная какая-то задумка по формированию современного мировоззрения». Экопросвещение Костя произнёс как «эко просвещение!».

— Кость, а Тоня на меня не сердится?

— Да нет, она просто из-за директрисы дёргалась. А так нормально, наоборот, даже хорошо, может, ты слово замолвишь. Куда лезешь?! — закричал он на кобелишку, перебежавшего к чужому тазу. — Ну, директрисе. (Из своего жри!) Пообщаетесь. (Хантер, кому сказал?) Тоня — очень свободный человек, и если какого-то захочет поддержать, порвёт просто всех, ну, за идею... (Ах ты скот такой!) Она всегда правду-матку рубит... (Да ты смотри на него, вообще не реагирует!) Мы из-за этого уехали с Бурятии. Там такой начальник, она, короче, в Старгсб... Стбугрс... (Одну рыбу выбирает! Смотри, привереда! Я те поогрызаюсь! Крупу не ест совершенно!) в Страст...Страстбург... ский суд подавать хотела. Там люди серьёзные. (Когда вместе, они лучше выедают.)

— Ничего себе. — И я подумал о том, что Антонина всё меньше напоминала мне героиню «Чистого понедельника».

Кого-кого, а Игнатьевну я не рассчитывал встретить, особенно после проезда на собаках с бабкой в обнимку. Я в очередной раз засобирался домой, но Костя сказал:

— Давай тогда возьмём что-нибудь и пойдём в баню.

Мы зашли в избу: кухня была пуста, зато в комнате за аккуратно накрытым столом сидели хозяйка и гостья. Валентина Игнатьевна, обнажив зубы, осторожно, чтобы не повредить помаду, кусала бутерброд с сырными опилками. Я забрал перчатки, а Костя сказал:

— Я гостя провожу, дай нам ещё закуски.

— Сергей Иванович? — сделав удивлённые глаза, сказала Тоня.

— Пойду. У меня тоже собаки.

— У вас же одна, Сергей Иванович! Что за северные надбавки? — заговорила Игнатьевна, видимо, давно наработанным застольным тоном. — Вот видите, Антонина, директор в сельской школе знает даже, сколько у кого собак в коллективе, хе-хе!

— Да нет. У меня две.

— Откуда же две? Я знаю, что у вас одна. Этот как его — Быстрый.

— Храбрый. Храбрый и... «Каштанка», — сказал я и тут же пожалел, потому что выходило, будто выгораживаюсь, намекая, что пойду проверять сочинения по Чехову, смотрите, какой молодец.

Валентина Игнатьевна оценила шутку и засмеялась. Возникло между нами некое показательное со стороны Игнатьевны единение, которое часто возникает на людях среди сослуживцев.

— Сергей Иваныч, — сказала Валентина Игнатьевна, придумывая повод, чтобы меня задержать; видимо, и ей, и Тоне я был нужен, чтобы сгладить деловую подоплёку застолья. — Чуть не забыла, хорошо, что вы мне попались, я ещё в сенях подумала. Я вам хотела сказать про фильм... Так что посидите.

Тоня чутко подстроилась, да и подконтрольное освоение нами коньяка было предпочтительней посиделки в бане.

— Конечно, Сергей Иваныч, ну посидите с коллегами, — сказала она, играя, и, продолжая роль, обратилась к Валентине Игнатьевне: — Начинаю вливаться в коллектив! И как же чай? Смотрите, какие Валентина Игнатьевна замечательные безе принесла.

— Без чего? — сострил Костя.

На что Тоня, пожав плечами, презрительно-укоризненно хрюкнула и отвела, прикрыв, глаза.

Я снял куртку и вернулся, к радости Кости, который тут же взвис над стопарями с остатками коньяка. Валентина Игнатьевна сделала поползновенье накрыть рукой стопку, а потом вдруг разгульно махнула ладошкой:

— А давайте!

— Что за фильм? — спросила непьющая Тоня. — Я могу поинтересоваться?

Я назвал.

— Мы его, конечно, все посмотрели, — сказала Валентина Игнатьевна. — Я что хотела сказать, Сергей Иванович, фильм сильный, ничего не скажешь. Но вот Лидия Сергеевна считает, что он всё-таки слишком жестокий, особенно эти документальные кадры, поэтому я как-то пока не готова такое показывать детям...

— Валентина Игнатьевна! Дорогая! — Я никогда к ней так не обращался, но затеянная ею же игра в производственную близость и добротный

самогонно-коньячный хмелёк давали право. — Это не жестокость, а воспитание сострадания. Выявление и закалка болевых точек. А жестокость — это круглосуточные сериалы, где по пять трупов за серию, чего никогда не бывает... в оперативной практике. — Меня очень вдохновил этот оборот. — Когда жизнь и смерть теряют своё... э-э-э... сакральное значение, они превращаются в материал для коротания досуга. Этого Лидия Сергеевна не боится? Валентина Игна-тьев-на! Вы же на военной хронике вы-рос-ли, вспомните: уходящий на фронт состав и солдаты в теплушках. И «Прощание славянки».

— Жестокость в сериалах не затрагивает чувств, поскольку все понимают, что это кино, — с показной чёткостью вдруг сказала Тоня, — а когда хроника, особенно кадры казней, извините — это совсем другое... Уж поверьте, я немного знакома с телевидением...

— Да чушь! — Меня рассердил Тонин, извините за каламбур, тон, с которым она, как мне казалось, рисовалась перед Валентиной Игнатьевной. — Таких кадров в фильме не больше, чем в нынешних новостях... А то, что мы не воспринимаем в сериалах смерть как смерть, — это либо искаженное представление о сути вещей, либо... на экранах давно уже не искусство.

— Можно я скажу? — по-школьному вытянула руку Валентина Игнатьевна.

Все почтительно затихли.

— Мы уж не будем вдаваться в высокие материи, но я вот что думаю о фильме: давайте пока не спешить. Не спе-шить... А вы, Антонина Олеговна, смотрели этот фильм?

— Да, конечно, — сказала Тоня в тоне той же чёткости и в одно слово «даконешно». Очень причём образцовое. И с оттенком «да, конечно, и имею что сказать»: — Мракобесие.

— Понял, — сказал я с оттенком «больше не надо», произнеся слово «понял» быстро, по-оперативному, как произносят по связи. И молясь, чтобы Валентина Игнатьевна не спросила: «Почему?» — чтобы не заварилась свара: слишком хороши были и день, и вечер, и стол.

Я давно заметил, что русские люди по своей природе гораздо уживчивее, чем их стараются изобразить писатели и драматурги, делая застолье точкой идейных раздоров. В жизни мирный и весёлый настрой всегда перевешивает перспективу порчи отношений. Тем более, как мы уже выяснили, для большинства трудовых людей так называемые взгляды — не повод, чтобы обострять отношения «по пустякам», особенно в деревне. Но когда в расклад добавилась ещё одна единица, грозящая стать государственной и смешать баланс, я засомневался, удастся ли удержаться в покладистом русле.

— Поняли в смысле «дальше не надо?» — бритвенно-остро улыбнулась Тоня.

— В смысле — понял.

— Почему? — спросила Валентина Игнатьевна.

Выходило, что если до этого мы просто спорили, то теперь старались ради Игнатьевны, а друг в друге видели лишь повод для красноречия.

— Почему мракобесие? — сказала Тоня неторопливо и будто специально укатывая это слово в дорогу нашего разговора, чтоб не вызывало сомне-

ний его правомочность. — Ну, во-первых, религия даёт людям надежду на посмертную жизнь. Если б этой иллюзии не было, люди бы старались сделать жизнь на земле более счастливой и безопасной. Несмотря на аргумент, что за всё придётся ответить, который не работает, потому что слишком абстрактный, далёкий и условный. Как стрельба в боевиках, о которых тут говорилось с таким жаром, — произнеся всё это спокойно и уверенно, она на время опустила ресницы, словно промокнув свежесказанное. — А во-вторых, я категорически не согласна с тем, что если Бога нет, то всё дозволено. Моя атеистка-бабушка никого не убивала, не воровала, не прелюбодейничала и разбивалась ради людей в лепёшку. Хотя часто они того и не стоили. И у неё была твёрдая позиция: если мы хотим получить людей думающих и образованных, нельзя преподавать то, что противоречит современной науке. Я с этим согласна, хотя считаю, что школьников нужно, конечно, знакомить с Библией, чтобы они могли адекватно воспринять ряд произведений искусства. Но делать это должен специалист, а не священник.

Я недооценил Тоню, которая открывалась «как расчётливый риторик». Зная свою способность сорваться и ляпнуть что-нибудь в сердцах, я сказал себе: «Ни в коем случае не спорь с ней, просто чётко говори своё». Тоне я, правда, сказал совершенно другое:

— Во-первых, я не понял, при чём тут наука. Вы говорите так, как будто между наукой и верой противоречие. Как научный человек, вы, наверное, слышали слово «ниппель». Вы знаете, что такое нип-пель? — Я прямо пританцовывал на этом двойном «пп».

— Ну да, — не понимая, куда я клоню, настороженно улыбнулась Тоня.

— Бравенько! Дак вот, нип-пель, Тонечка, это, говоря по-нашему, по-деревенскому — игра в одне воротья. В большинстве людей науки наблюдается полное неприятие православия, тогда как в людях верующих данное противоречие от-сут-ству-ет. Вспомните нашего святителя Луку! И мне кажется, — сказал я в образцово-риторическом стиле, — что искать противоречия и вбивать клинья более удел разрушителей, нежели созидателей, так как гораздо полезней искать общее... э-э-э, конечно же, если настрой, как вы верно заметили, на счастье и безопасность. — Я скромно закруглился и опустил глаза.

— А я вам объясню, Сергей Иванович, в чём дело, — так же поигрывая, ответила Тоня. — А дело в том, что верующие просто вынуждены проявлять лояльность и гибкость, так как наука показывает полную беспомощность религиозных представлений о мироустройстве. И особенно недопустимо, когда малосведущие священнослужители или другие... кхе... властители... былого... и дум пытаются эти представления навязать школе, что и является мракобесием.

Я не обладал э-э-э... мгновенным и приемлемым для застольного разговора арсеналом аргументов, чтобы опровергнуть оппонентку, и применил обходной манёвр:

— Вообще-то вы мракобесием назвали фильм. Кстати, это и есть то самое «во-вторых», о котором я едва не забыл. Почему?

Но, видимо, и Тоня подвыдохлась и тоже передёрнула карту:

— Потому что в этом фильме слишком явно навязывается позиция, которая далеко не для всех приемлема.

— В смысле — любовь к Родине? — наверстал я.

— Вот о любви к Родине... — медленно сказала Тоня, отыгрывая секунды для перегруппировки доводов. — Э-э-э... Я почему-то последнее время с ба-а-альшим подозрением отношусь к разговорам, — она говорила несколько протяжно, — в которых под любовью к Родине понимают совершенно разные вещи. Видите ли, мне кажется, что есть вещи настолько сокровенные, что их нельзя произносить, так сказать, всуе, я прошу прощения... за термин... — Количество малозначимых слов в её речи резко возросло. — Бабушка моя, несмотря на то что была доктором наук, а она по-настоящему служила науке, не выносила, когда кто-то говорил, «мы, учёные», потому что... ну как вам сказать... потому что это слишком... ну...

Образовалось то, что называется «напряжённая пауза».

— Громко, — понимающе подсказала Валентина Игнатьевна, которая очень внимательно следила за разговором, будто проверяла: и свои представления, и нас.

— Совершенно верно: громко! У неё была завлабораторией Генриетта Ароновна Беркенглит... Такая умная тётка замечательная, но немножко пафосная... Все её звали Веркин Клифт... И она всё: «Мы, учёные!» — а бабушка: «Гита, мы — не учёные. Мы — научные сотрудники», — последнее она продекламировала по слогам. — И выходит, тех, кому «громко», называют чуть ли не предателями. И называют те, кому это совершенно не громко. И не только не громко, а негромко настолько, что они рычат — простите, но мне близка собачья тема, — и лают об этом на каждом перекрёстке. Причём очень заливисто. Да. Такая мо-но-по-о-о-олия на любовь, — с посылистым и ветровым холодком продекламировала Тоня. Она говорила выразительно и артистично передавала прямую речь.

— Ну, вы знаете, есть профессии, в которых про себя любить не получается. Например, профессия учителя, — вдруг сказала Валентина Игнатьевна, как мне показалось, для подлития масла в огонь. А возможно, и для поддержки равновесия.

— Да что же мы всё время подменяем понятия?! Н-да... Поскольку я, в отличие от некоторых, кхе-кхе, начинающих работников образования, не привыкла вести бездоказательные дискуссии, то мне придётся пуститься в некоторый экскурс... Уж извините за казённый, так сказать, штиль... Так вот. Согласно законодательству, современное российское образование базируется на Всеобщей декларации прав человека, то есть на общечеловеческих ценностях, выработанных цивилизацией. В кои-то веки! Да жалко, что поздновато, как всегда. Главным принципом является демократизм, свобода и плюрализм образовательной сферы. А главной задачей — воспитание творчески мыслящих специалистов, профессионалов, которые будут активно участвовать в жизни общества, уверенно чувствовать себя в меняющейся мировой обстановке, когда новые технологии...

— ...и обновляющиеся инновации обламывают об нас всё новые и новые вызова, — вставил я, не удержавшись.

— Спасибо, Сергей Иванович. Вы очень тонко чувствуете собеседника...

— Пожалуйста, Антонина Олеговна. Видимо, это в моей педагогической природе.

Все эти обмены любезностями происходили без злобы и скрипа зубов, а выглядели как остроумная перепалка, смысл которой до конца понимали только мы с Тоней.

— Поэтому профессия учителя предполагает полную объективность в подаче материала и твёрдую опору на фундаментальные научные знания. Любовь же — это категория эмоциональная, достаточно абстрактная и в силу этого очень открытая для всяческих идеологических спекуляций. И примеров тому — тьма из предыдущей истории. Поэтому следует быть осторожными с подобными понятиями.

— Ну да, — с некоторым недоумением сказала Валентина Игнатьевна.

Все эти рассуждения я слышал сотни раз и сотни раз зарекался не воевать с ними в мирной обстановке. Но сейчас в связи с инновационными устремлениями Тони в школу я молчать не мог.

— Не могу не внести ясность: общечеловеческие, или, по-другому, либеральные ценности — это когда любую личность стараются понять до такой степени, что общество равняют на извращенца, а не на героя. Это к слову... А к делу: я не понял, почему фильм — мракобесие. Вот уж чего-чего там нет, так это мрака и тем более беса. Только свет и Бог. Поскольку, как я понял, ответа не предвидится...

— Простите!.. — выдвинулась вперёд Тоня, нешуточно сверкнув шаманскими очами.

— Не прощу тебе твоей измены, да и слов жестоких не прощу, — вспоминая Эдину школу, парировал я с улыбкой, — и постараюсь не отдалятьсяся от темы. Мне кажется, что пресловутые люди, которые любят про себя, вовсе не такие мирные, как описала наша Тоня. И, несмотря на мирный Тонин тон, я чувствую в нём лёд. Простите, хе-хе, за каламбур, что рушит лёд, как ледобур. Так вот эти любители просебятины, несмотря на все правильные слова, моментально встают на дыбы, едва услышат о традиционных ценностях русского мира, не менее монументальных, кстати, чем академическая наука.

— Минуточку! — попыталась снова вклиниться Тоня.

— Обошёл селезень уточку! Это раз. Второе. Тонечка, не сердитесь, пожалуйста, — попытался зализать я прогрессирующее эдуардство более даже перед Костей, хотя и не потому, что он «хорошо дерётся», — как раз насчёт подмен. Мне кажется, что мы с вами всё время говорим о разных вещах. Какую область ни возьмём — одни и те же слова мы наполняем разным смыслом. Видимо, слов меньше, чем смыслов. Поэтому споры бессмысленны. Но почему же вы решили, что под любовью к Родине мы понимаем разговоры о ней, а не дела? Да. Люди, которые много делают для этой земли, они показывают зубы... Видите, Тоня, как я поддерживаю собачью тему! Но они показывают зубы только в одном случае: когда им... наступают на лапы. А про любовь... По-моему, всё это болтовня. И внедряя кошачье-мышачий строй — кошки-мышки с самим собой. Любовь или есть, или нет. Любишь — принимаешь со всеми болезнями. Потому что сам как одна большая и отдавленная лапа. А стыдливую засекреченную любовь я не понимаю. Это, знаете, как парень, который все ходит кругами вокруг девушки... Мол, зубы вставишь — женюсь. А потом, продолжая зубоносную тему, остается с носом. Обкраденный и обделённый. Самим же собой причём.

Тоня использовала мою речь для подготовки атаки:

— Сейчас с традиционными ценностями очень много спекуляций, так же как и с любовью. Вот всё-таки хотелось бы поконкретней узнать, что же это за такие ценности. И почему мы с ними носимся и всё время о них спотыкаемся.

Я откашлялся, словно обозначая, что шуточки кончились, и сказал:

— Ну, во-первых, спотыкаются те, кто не смотрит под... лапы, то есть на землю, а во-вторых, мы не на лекции, да и не мне объяснять взрослым людям, что такое традиция и в чём её ценность. Лично для меня ценности, о которых идёт речь, заключаются в том, что они вдохновляют на подвижничество людей, на которых мне бы хотелось походить. А так... Существуют фундаментальные законы физики, по которым живёт всё сущее на этой планете. Один из них до скучности прост. Его понимает не только Генриетта Ароновна Веркин Клифт и понимала ваша замечательная бабушка, но и любой парень деревенский, у которого трояк по физике и который плевал на все вызовации. Это правило простое: чем глубже корни, тем крепче дерево... Собственно говоря, патриотизм — это всего лишь верность себе...

— Вы знаете, если бы так всё просто было, то деревья б никогда не падали, — невозмутимо сказала Тоня. — И, Сергей Иваныч, всё очень красиво, но к реальному делу-то какое отношение имеет? Все только и говорят о патриотизме, вместо того чтобы строить заводы.

— Да ладно?! — живо удивился я. — Первый раз слышу, что кто-то в министерстве образования говорит о патриотизме. Разве только в футбольном плане. И не понял, какие заводы? Никто не будет строить заводы. Такой цели нет. Есть совсем другие цели, и они определяются совсем другими людьми, называемыми мировой финансовой элитой. И всех удивляет: по какому такому собачьему, волчьему или лисьему закону страны могут разрушаться изнутри и одновременно усиливаться снаружи? И почему, когда надоедает какая-нибудь зарвавшаяся держава, временное усиление той или иной страны вполне допускается? И что кто-то из финансовых лис вполне может перекатить... колобок своего центра в другое государство, особенно когда в нём всё для этого подготовлено. Да так, чтобы новые хозяева ощущали себя дома, так как скулить и тявкать здесь уже будут на их наречье...

— А, ну теория заговоров... — констатировала Тоня тем же энциклопедическим тоном, что и «архаичные уклады» и «мученики за веру».

— Это не теория, а слова крупнейшего... лисовина: «Наднациональный суверенитет интеллектуальной элиты и банкиров безусловно предпочтительней принципа самоопределения народов», сказанные ка-а-ак раз в 1991 году.

Тоня демонстративно промолчала.

— Тоня, я сейчас назову три булавки, а может, и три гвоздя, которыми вы пригвоздили традиционное мировоззрение: архаичные уклады, мученики за веру и теория заговоров. Вы о них сказали с характернейшей интонацией: как о чём-то мёртво-книжном. А это ярчайшие вещи. Архаичные уклады — источник животворной силы, которую хорошо чует ваш муж Костя. Мученики за веру — вполне конкретные нынешние люди, чей пример вдохновляет лучших представителей общества. А теория заговоров — это не

теория, а... так сказать... вариант образного и доступного определения процессов, не обозримых для близкого глаза. Хотя вообще... если разобраться, — я обвёл взором присутствующих, — да всё на свете... теория заговора. Вот вы договорились с Валентиной Игнатьевной поужинать без нас — чем не заговор?

— Сергей Иваныч, вы очень хитрый лисовин, — ударяя размеренно на каждое слово, не удержалась от смеха Тоня.

Валентина Игнатьевна сияла.

— Лисо-свин, — не удержался и я.

— Вы сначала как Чацкий, а потом за шуточкой прячетесь, — сказала Тоня. — Объясните нам, пожалуйста, что такое патриотизм?

— Пожалуйста... Это не так и сложно. У меня ведь тоже была бабушка. Коренная ангарка. Бабушка говорила: «Ране всё миром делали, а тичас — наразно». Или: «У вас, беспут, пошто всё порозь-то?» Ещё она говорила «головизина». Так вот, патриотизм — это когда в твоей беспутной головизине всё не наразно, не порозь и даже не в кучу — а в жгут, в самый что ни на есть кишошный, совокупный и многоипостасный... э-э-э... жгут-плетенец! — выпалил я. — Когда чувствуешь Россию исключительно в совокупности всех её прожилин, пространственных, временных, хозяйственных, духовных, военных, воспитательных, научных, художественных и всяких разных, и пренебрежение хоть одной из этих жил-арматурин грозит ампутацией России, чем многие сейчас и занимаются. Как бабушку не вспомнить?! До чего народ зарнай стал! Чо хотим — то и оттяпывам! От стыдовишша-то где! «Не признаю языческую пору, только православную». Или наоборот: «Только языческую, православье — иудейские ереся». Или ишшо не башше: «Признаю только Русь до семнадцатого года. Всё, что опосля, не Русь». В чём беда оттяпки? Выделяешь идею, путнюю на первый погляд, а забываешь о людях и поколениях. От ить лень отылая! Думаешь: да по каку змею нам в языческу память лезти, коли мы православные? Или: да не от лешака ли перенимать всё это ерусалимско приложение к Христовой вере? О каку пору к сёлам да мужикам нашим пришатурило-то лавры эти с кипарисьями? Охо-хо-нюшки. Ты пошто ж такой-то? Пошто ж в века-то наши не заглядывать? Думать, там одно околевание? Да там свет немеркнущий...

И думать-то надо не о чужеродности лавров, а о десятках поколений русских людей, живших в ту или иную эпоху, например, в великую православную. Об их победах. О том, каких высот они достигли, развивая христианство, совершенствуя его видение, каких гениев дала наша земля на этом пути! Какие достижения явила в святоотеческой литературе, в иконописи, в архитектуре. О том, как это в будущем отражается. И как наполняет душу. В общем, о душе думать, а не о лаврах.

И ещё, вы знаете, это... любовь, которой всё окружающее проклеиваешь по швам и которая тебя таким смыслом обдаёт, что ни на что не променяешь! Вы не представляете, какое это счастье! Это вам не общечеловеческие ценности из брошюры, которой без году неделя. «Каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами» — не смейтесь, привожу дословно! От дак произведение! От дак гумага! Ещё и написанная как попало. Разве ей можно служить? Как старовер про баптистов сказал: «Нашей вере тысяча лет, а вы тут с брошю-

рами шаритесь!» Гениально! И конечно, патриотизм — это служение Отечеству как главное дело, независимо от занятья. Для меня же пример — мученик во Христе пресветлой памяти воин Евгений Родионов, казнённый врагами за отказ снять нательный крест. Будешь мерить судьбу Жениным подвигом — всё на место встанет. Аминь.

Настала тишина.

— Сильно, — сказал Костя. Глаза его блестели.

— А... куда же нам-то смертным?.. — пропела, уютно потягиваясь руками и зевая, царь-девица.

Валентина Игнатьевна сказала:

— Сергей Иванович, я с вами согласна. Только на прогресс вы зря, конечно, ополчились...

— Вы знаете, прогресс уже давно против человека работает, есть грань, когда его помощь оборачивается... такой зависимостью, что, — сказал я, чувствуя, что выдохся, — знаете, как в авиации, когда прошли точку невозвраще...

Раздался грохот в сенях, выкрик «Долбаный петух!», за ним стук в дверь, и на пороге появился Эдик: было видно, что шёл он издалека.

— Доброго всем вечера! Аварийная ситуация. Костя, у тебя собаки на ходу? У меня аэросани встали, там, у Ерошкина ручея. А я в воду оборвался. По пояс... Сушился. Костёр палил... Хорошо лопастя с собой. Ну чо? Надо ехать. А то рразбер-р-р-р-рут по винтикам!

Продолжение следует

Виталий РУЧКИН

Шукшин утёс

В один из октябрьских дней 2020 года ранним утром я и мой младший сын Виталий на автомобиле выехали в излучину Дона. Путь выбрали короткий. Значительную часть его требовалось проделать по проселочным дорогам. Имелась возможность ехать и хорошей асфальтовой, но она была существенно длинней, да и предстояло двигаться через Калач-на-Дону по загруженным трассам федерального значения.

У станицы Новогригорьевской на пароме переправились на правый берег Дона. Миновав короткий отрезок серой ленты асфальта, покатили по пыльным дорогам донской степи. Одна из промежуточных целей нашей поездки — посещение Кременского Вознесенского мужского монастыря. Изрядно попетляв по бесчисленным оврагам и пригоркам, наконец-то машина, надрывно урча мотором, подняла нас на степную кручу. С нее нашему взору, насколько хватало глаз, открылись изумительные красоты привольных донских просторов. От увиденного захватывало дух. Внизу, ослепительно сверкая в лучах утреннего солнца, замысловато петляла в царстве окружавших ее кустов и деревьев светло-голубая лента реки. Это Дон-батюшка величаво катил свои воды, заставляя покорно расступаться пред собой исполины меловых гор. На склоне степной возвышенности, ближе к речной кромке, заиграли золотом купола обители, окольцованной забором с примыкавшими к нему различными постройками. Еще ниже,

РУЧКИН Виталий Анатольевич — прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1953 году. Живёт в Волгограде. Участник Нагорно-Карабахского конфликта, полковник в отставке. Заведующий кафедрой судебной экспертизы Волгоградского государственного университета, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии естествознания, заслуженный деятель науки РФ. Лауреат литературного конкурса МВД России «Доброе слово». Автор книг «Огонь родного очага», «На алтарь Победы», «Есть в огромной России город…». Имеет свыше двухсот научных работ в ведущих отечественных и зарубежных журналах, а также иных изданиях.

совсем рядом с рекой, светлыми пятнами обозначились шиферные крыши хуторских домиков. Впереди, почти до самого горизонта, только череда крутых изгибов отчаянно сверкающей речной глади, иногда теряющейся в прибрежных зарослях и потом навсегда исчезающей в далеких степных просторах. Позади, за нашей спиной, на многие километры вольно раскинулось степное море, исчерченное ленточками дорог и перекатывающееся светлыми волнами ковыля. Все вокруг тонуло в аромате давно созревших и утративших былую яркость трав. И трудно было заставить себя оторваться от этого завораживающего зрелища.

Мы медленно сползли на машине со степного крутояра и оказались перед открытыми вратами монастыря. Внимательно осмотрев архитектуру взметнувшегося перед нами храма, прошли на его территорию и направились к церковной лавке. Сын попросил одного из присутствовавших там монахов провести для нас экскурсию. Тот любезно согласился.

Началось незабываемое знакомство с удивительными историей и святынями одного из старейших монастырей Всевеликого войска Донского, который уже свыше 300 лет является оплотом православия на Дону.

Кременской Вознесенский мужской монастырь в 1693 году основал иеромонах Никанор с братиею. Расположился он в изумительном по красоте месте, на одном из склонов правого берега Дона. И это место было выбрано основателями обители не случайно. По сохранившейся до наших дней легенде, оказавшиеся здесь монахи были настолько очарованы представшей их взору красотой донской природы, что один из них упал на колени и громко воскликнул: «Быть тут храму!» Как гласит предание, еще ранее, во времена Ермака Тимофеевича в XVI веке, этот живописный уголок облюбовали семь монахов с Соловков, основавших здесь древний скит. Впоследствии они были убиты разбойниками. Сейчас на том месте, рядом с монастырем, установлены кресты и часовня.

С появлением храма неподалеку от него пробился из земли родник, что считается настоящим чудом. До сих пор специалистам непонятно, как в каменистой, не располагающей для образования родника местности он мог возникнуть. Летом очень много желающих запастись целебной водой из этого освященного источника. Со слов старожилов, к осени, во многом из-за обильного водозабора из него, он практически иссякает.

Гражданская война и прокатившаяся по Дону вслед за ней красная волна террора и гонений привели к закрытию монастыря. Последние выселенные из него в 1920-х годах монахи еще долго прятались в пещерах Меловой и Сиротской пустыней. По воспоминаниям местных жителей, монахи жили в них до прихода немецко-фашистских войск.

Новая жизнь монастыря началась в 1991 году с передачей его Волгоградской епархии. С этого момента проводится восстановление храма, часовни, построек. В 2001 году освящается каменная часовня, на церкви устанавливаются купола с крестами и колокола. В настоящее время в монастыре отреставрировано здание собора, частично устроено его внутреннее убранство, восстановлены трапезная и гостиничный корпус, благоустраивается территория обители. Конечно, впереди еще большой объем работ.

Отдельного описания заслуживают хранящиеся в церкви святыни. При посещении ее в глаза бросается некий аскетизм, точнее, скромность внут-

реннего убранства, которое еще предстоит восстановить до былого величия. В частности, у монастыря пока не хватает средств, чтобы полностью завершить иконостас, разграбленный и уничтоженный в смутные годы гонений на церковь. Из прежних икон, по сути, сохранилась только главная святыня монастыря — икона Августовской Божией Матери, сооруженная «иждивением казачек хутора Клетско-Почтовского о здравии воинов 1915 года 12 ноября», которым 18 сентября 1914 года под польским городом Августов явился лик Богородицы с младенцем на руках, указавшей им выход из окружения.

При всей скромности внутреннего убранства собора он является одним из немногих хранителей православных святынь, которым могут позавидовать большинство российских храмов. В этой с виду скромной обители хранятся великие христианские святыни — частицы Животворящего Креста Господня и пояса Богородицы, а также чудотворные мощи многих особо почитаемых церковью святых: Николая Чудотворца, Луки Войно-Ясенецкого, Спиридона Тримифунтского, великомучеников Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского, Пантелеймона и др. Прикасаясь к ним, чувствуешь, как на тебя нисходит божественная благодать, невольно окунаешься в состояние душевного покоя и умиротворения. Какая-то незримая особая аура окружает их, в которой растворяется твое эго, и ты перестаешь на время ощущать ход времени, свою плоть. Нечто Высокое, Духовное, Вечное наполняет и захватывает тебя без остатка.

Затрудняюсь ответить, почему сей богатейший храм, к сожалению, до сих пор не избалован паломниками.

Покинув храм, я продолжал пребывать в состоянии погруженности во что-то Большое, Светлое, еще не изведанное мною. Одновременно с этим меня сверлила горькая мысль, а точнее вопрос, на который я не находил подходящего ответа: почему к привезенным из-за рубежа христианским святыням люди выстраиваются в многокилометровые очереди с суточными ожиданиями встречи с реликвиями и, напротив, забывают о собственных храмах, где хранятся точно такие же. Не является ли подобное одним из показателей нашего извечного низкопоклонства перед забугорным? Не знаю, уместно ли здесь воскликнуть: «Нет пророка в своем отечестве!»

Далее мы взяли курс на Шукшин утес — главную цель нашей поездки. Для меня пребывание там означало еще и встречу с моей молодостью, с тем ее периодом, когда нас, курсантов-первокурсников, привлекли к участию в массовках на съемках фильма «Они сражались за Родину». От этой мысли начинал испытывать определенное волнение.

Ехали, как и прежде, вдоль Дона по степным проселочным дорогам, помечая свой путь клубами густой дорожной пыли. Дорога то уводила нас глубоко в степь с ее однотонным пейзажем, отчаянно ныряя в балки, а потом лихо устремляясь к вершинам пологих холмов, то делала крутые изгибы в сторону реки, приближаясь к ее прибрежной полосе и открывая необыкновенно красивые картинки осеннего Дона, весело и беззаботно улыбающегося в струях солнечного света. Зеркало реки отражало его потоки, игриво сверкая мириадами блесток и маня в свое лучезарное водное царство. До боли в глазах мы всматривались в эту волшебную донскую сказку с чарующей игрой осенних красок.

Василий Шукшин... как живой...

Вдоль Дона на многие километры протянулись меловые горы, поэтому дороги здесь белые, как будто припорошены снегом. И множество развилок без всяких указателей. Легко заблудиться, если не местный и без навигатора. Не удивительно, что и нам пришлось поплутать в этих местах. Вскоре на пути обозначилась господствующая над окружающей степью возвышенность. Сын сверился с навигатором и облегченно выдохнул: «Подъезжаем, это утес Шукшина».

Вот мы и на его вершине. Я удивленно оглядываюсь по сторонам и с трудом ориентируюсь на местности. Видимо, по-другому и быть не могло: минуло почти полвека с момента моего пребывания здесь. В памяти отчетливо сохранились лишь картинки обрывистого к Дону склона утеса, недалеко от подножия которого был пришвартован теплоход «Дунай» с проживавшими там актерами, а также тянущиеся вдоль реки деревья и кустарники, в проемах которых выделялись силуэты отдельных хуторских домиков.

Приятно удивили значительные изменения, произошедшие на вершине утеса, которая раньше была увенчана только небольшой лавочкой. Я шел по кругу и внимательно рассматривал появившийся здесь «новострой»: скромную кирпичную часовенку; памятный знак с табличкой «Здесь, на этом утесе, во время съемок фильма «Они сражались за Родину» любил обдумывать свои замыслы великий русский актер, режиссер и писатель Василий Макарович Шукшин»; братскую могилу с мраморной плитой, на которой выбито: «Здесь захоронены воины 63, 321, 343-й стрелковых дивизий. Вечная память героям»; отдельные небольшие каменные надгробия с указанием погибших бойцов, останки которых удалось найти и идентифицировать поисковикам, и др.

Совершив обход, подошел к лавочке. В голове мелькнула мысль: «Похоже, та же самая». Присел на нее. С высоты утеса хорошо просматривались три широкие балки, сходящиеся к Дону. Как я ни силился, не смог вспомнить, по какой из них во время съемок фильма мы, припорошенные толстым слоем меловой пыли, три дня подряд ходили за «немецкими» танками, изображая наступающих фашистов. Взгляд натолкнулся на все еще различимые на рельефе склона прерывистые линии оплывших, заросших травою окопов. «Почти восемьдесят лет прошло, а раны минувшей войны так и не затянулись на земле», — подумалось мне. Знойным летом 1942 года по этим самым местам и проходила линия обороны наших войск, сдерживавших фашистов, которые рвались к Сталинграду. До сих пор никто точно не знает, сколько наших бойцов нашло вечный приют в этих донских степях. И, судя по табличкам на надгробиях погибших здесь солдат, имена которых удалось установить, многим было не более 18 лет. Эх, жить бы да жить им еще….

Подошел сын, тоже присел на лавочку. Сидели молча, каждый думал о своем. Первым нарушил молчание Виталик:

— Пап, давай на память об этой поездке сфотографируемся.

Я согласно кивнул головой.

Потом мы вновь присели. Теперь уже на самую кромку утеса. Наши взгляды были устремлены вдаль. Отсюда открывался потрясающий вид. Внизу, под кручей, нам тихо о чем-то нашептывали воды Дона. Оттуда изредка доносились отдельные всплески. Видимо, резвилась шаловливая донская рыба. Налетавший ветерок, покрыв мелкой рябью зеркало реки, весело и игриво убегал в глубины Задонья, и снова на воде плавно качалось опрокинутое небо. Сверху над утесом завис степной орел. Красивая гордая птица медленно парила в потоках воздуха. Временами казалось, что я и сам вознесся под облака и с высоты птичьего полета с замиранием сердца оглядываю изумительную, неповторимую красоту донской земли.

По другую сторону Дона невольно притягивали к себе взор вспыхнувшие осенним багрянцем и золотом прибрежные кусты и деревья, обреченно готовясь к неизбежной зимней наготе. Они задумчиво раскачивались под порывами ветра. Сорванные с них листья кружились в медленном танце и тихо опускались на землю. Бескрайний степной океан обрушивал на нас ни с чем не сравнимый, особый аромат степных трав. Он дурманил и опьянял. После шума городской суеты царящая вокруг тишина оглушала, заставляла еще глубже погружаться в себя, свои мысли.

«Наверно, вот так же, завороженный Доном и погруженный в думы, сидел здесь часами в свободное от съемок время великий актер и мастер слова Василий Макарович Шукшин, — подумал я. — И виделись ему тут проплывавшие мимо челны Стеньки Разина, вольницу которого он стремился показать на экране. Думалось и о многом другом. И думы его были светлы, чисты и красивы. В таком месте они просто не могли быть другими».

Незаметно для себя окунулся в воспоминания.

В последних числах сентября 1974 года объявили, что наш курс на несколько дней откомандировывается на съемки фильма «Они сражались за Родину», проходившие в излучине Дона. Предстояло участвовать в массовках. Мне посчастливилось оказаться в числе отъезжавших.

Первая половина следующего дня прошла в толкотне сборов в связи с предстоящим отъездом на съемки: получали на несколько суток сухой паек, готовили заявленную форму одежды, суетились по поводу множества других командировочных хлопот. Во второй половине дня прибыли автобусы. Нас построили на плацу Высшей следственной школы, провели соответствующий инструктаж. Затем последовала команда на погрузку. Она прошла быстро, организованно. После согласования всех формальностей колонна автобусов выдвинулась в направлении Калача-на-Дону. К месту съемок предстояло ехать кружным путем.

Пассажиры автобусов — молодой, задорный, неунывающий народ. Кто-то из ребят прихватил гитару. Зазвучали немудреные аккорды, подхваченные десятком голосов. До хрипоты горланили песни. Вскоре репертуар гитариста иссяк, он смолк вместе с поддерживавшим его хором. После небольшой паузы начали травить различные житейские байки, сдабривая их анекдотами. В салоне стоял невообразимый шум, гам вперемешку со взрывами молодецкого хохота.

День клонился к закату. Все вокруг начало тонуть в наступавших сумерках. Постепенно размывались силуэты ближайших от дороги деревьев, столбов, построек, потом совсем исчезая в ночном мраке. Угомонились и мы. С разных мест послышался храп, перекрывавший монотонный шум мотора.

Ближе к полуночи прибыли в г. Серафимович (бывшая казачья станица Усть-Медведицкая, основанная в 1589 году). Автобусы затормозили на центральной площади. Здесь была самая длительная остановка. Все высыпали на площадь, озираясь на полуосвещенные старинные здания, памятник писателю Серафимовичу, другие местные достопримечательности. Долгой прогулки не получилось, заспешили в салон автобуса: в конце сентября в этих местах уже чувствовалась ночная прохлада.

Дальнейший путь лежал в направлении станицы Клетской, а от нее проселочными дорогами к излучине Дона — месту съемок фильма. Водители несколько раз останавливались, сверяли направление пути. Поплутав по донским пыльным меловым дорогам, далеко за полночь прибыли к месту назначения. Временно прерванный сон продолжился.

Наступило утро нашего первого съемочного дня. Я по обыкновению проснулся рано, с восходом солнца. Из окна автобуса наблюдал, как яркий солнечный диск медленно выплыл из-за горизонта, пронзая своими огненными стрелами клубившийся над Доном туман. Потом солнечные лучи

В. М. Шукшин в роли Петра Лопахина в фильме «Они сражались за родину»

заскользили по окнам хуторских мазанок, стеклам сгрудившихся у прибрежного пятачка автобусов и других автомашин различного назначения, заиграли на них зайчиками. Попросил дремавшего водителя открыть дверь, шагнул в утреннюю свежесть Задонья. Поеживаясь от прохлады, начал с любопытством осматривать незнакомую мне местность. В глаза первым бросился взметнувшийся ввысь колодезный журавель с одиноко повисшим ведром. Сразу захотелось попить колодезной воды. Направился туда. На пути вырос дом, покрытый камышом, с наличниками, побеленными стенами, высоким каменным основанием и крыльцом (в фильме его неоднократно показывали крупным планом). Дом огораживал невысокий плетень. Калитка была открыта, я шагнул во двор. По периметру вдоль плетня росли какие-то кустарники, слева от входа располагался колодец, наземный круглый створ которого был выложен из камней. Рядом валялось долбленое корыто. Подошел к колодцу, опустил в него журавельный «клюв» с ведром, зачерпнул воды, поднял наверх. Холодная колодезная вода ломила зубы, сводила скулы, но я не мог оторваться от ведра: она показалась мне необыкновенно вкусной.

Начали просыпаться мои коллеги и следом за мной потянулись к колодцу на водопой. Утолив жажду, поболтали и гурьбой двинулись к реке умываться, приводить себя в порядок.

В первой половине дня мы были предоставлены сами себе. Наши командиры ушли докладывать киношному руководству о прибытии, получать

«указивки» на предстоящие действия. Позавтракав, все разбрелись по территории, на которой происходили съемки фильма.

Первым делом я пошел осматривать военную технику, задействованную в съемках. Наши танки Т-44 стояли вперемешку с «немецкими». К ним и двинулся. Подойдя вплотную, скорее почувствовал, чем увидел какую-то их ненатуральность, бутафорский характер. Машинально постучал пальцами по «броне». От сделанного «открытия» мое лицо непроизвольно вытянулось, нижняя челюсть отпала, глаза стали круглыми и застывшими от изумления.

— Ну что? — раздался за моей спиной ехидный голос. — Крепка немецкая броня?

Рядом стоял солдат-срочник, обнажив в улыбке весь набор своих зубов. Он, видимо, не мог равнодушно смотреть на глуповатое выражение моего лица.

Мы познакомились. Солдатик, как и другие мелькавшие здесь военнослужащие, входил в состав специального сводного армейского полка, обеспечивавшего съемки фильма. Новый знакомый начал в деталях и с увлечением рассказывать мне, как наши танки превращали в «немецкие», активно используя при этом фанеру и проявляя другие маскировочные ухищрения.

— И немецкие мессеры, которые будут пролетать над нами, тоже бутафорские, — продолжал откровенничать служивый. — Их слепили из чехословацких двадцатьдевяток.

Он оказался не в меру разговорчивым и безостановочно погружал меня в «тайны» использовавшейся на съемках военной техники.

Мое внимание привлекла группа всадников, возвращавшихся с Дона. Часть из них, пронзительно гикнув и лихо пришпорив коней, умчалась вперед, остальные мелкой рысцой направились в нашу сторону.

— Эти тоже с нашего полка, — перехватив мой удивленный взгляд, сообщил солдатик. — Хочешь, познакомлю.

Я кивнул головой.

— Вообще, в нашем сводном полку кого только нет, — просвещал меня служивый. — И танкисты, как я, и кавалеристы, — он махнул рукой в сторону приближавшихся к нам всадников. — И саперы, и минеры, и связисты, и водопроводчики — короче, сборная солянка…

Нас плотным кольцом окружили лошади с чинно восседавшими на них розовощекими наездниками. В петлицах солдат красовались эмблемы с изображением подковы со скрещенными шашками. Поймал себя на мысли, что я впервые соприкасаюсь, казалось, с уже навечно канувшим в Лету родом войск — кавалерией. Кони громко фыркали, нетерпеливо перебирали ногами. Поздоровавшись, всадники не стали задерживаться здесь.

— В основном казачки, из этих донских краев, — бросил им вслед солдатик.

К нам подошли мои товарищи по курсу. Я представил их своему знакомцу. Коллеги сообщили, что, по слухам, скоро начнутся съемки отдельных сцен с участием известных актеров.

— Да перед массовками заключительные сценки добивают, — лениво обронил танкист, видимо, пытаясь предстать перед нами, как минимум, вторым, после главного режиссера, человеком.

Я с товарищами заспешил поглазеть на предстоящее действо.

— Спасибо и пока, увидимся еще, — махнул на прощание рукой солдатику.

— Увидимся, увидимся, — как-то загадочно заулыбался он. — Если немцев будете играть, еще не раз увидишь и поматеришь меня.

Я непонимающе уставился на своего нового знакомого, но не стал напрашиваться на его комментарии.

Толпа подобных нам зевак быстро увеличивалась. Нас оттеснили от места съемки на приличное расстояние, однако разглядеть лица актеров все же можно было. Они не заставили себя долго ждать. Все одеты в выгоревшую, выцветшую на солнце военную форму периода 1942 года. Их гимнастерки, галифе, пилотки практически сливались с песком. Лишь сапоги контрастировали с ним. У одного на ногах виднелись обмотки.

— Шукшин, Шукшин вон! — пронеслось по толпе.

— А вон, вон рядом Никулин! — продолжало бурлить людское море.

— И Бурков, и Лапиков здесь!

— Смотри, смотри, — толкал меня в бок однокурсник. — В обмотках — это Тихонов!

В самый разгар зрительских страстей нам поступила команда: «К автобусам, на построение». Мы нехотя поплелись ее выполнять.

Курс построился повзводно. Перед строем речь держал замполит. Он долго и несколько нудно доводил до нас поступившие «указивки». Постоянно напоминал о необходимости соблюдения дисциплины и установленного распорядка, проявления сознательности и выдержки в условиях необустроенного быта. Мы и без его слов уже прониклись мыслью, что ближайшие трое суток предстоит «квартировать» в автобусах и питаться исключительно сухим пайком. По желанию — колодезная вода. Бесплатно и неограниченно.

После обеда начинались наши первые «пробы» в кино. Предстояло играть идущих в наступление вслед за танками немецких солдат. Съемки должны были производиться с дальнего плана, поэтому нас не переодевали и не вооружали. Попросили снять кители, галстуки, фуражки. Вместо последних каждому выдали обычные солдатские пилотки. В итоге наш «прикид» составляли сапоги, галифе, рубашки без галстука и пилотки.

Сверху дали отмашку, и все вокруг закрутилось. Помрежи стали расставлять нас в соответствии с задумкой главного режиссера. Попутно они проводили и инструктаж по поводу наших предстоящих «телодвижений». Впереди стояли готовые к броску «немецкие» танки. Наконец поступила команда: «Начать движение». Разом заурчали, окутались облаками выхлопных газов танки и медленно поползли от Дона по балке. Следом за ними двинулись и мы. Стоял невообразимый рев моторов, под ногами дрожала земля, клубы меловой пыли плотно окутывали нас, застилали глаза, забивали рот, нос, уши, затрудняли дыхание. Невольно подумал: «Это в зале хорошо и комфортно лицезреть кинокартинки, а вот в реальности «изготавливать» их — не мед». Сразу стало жалко наших бедолаг актеров, которым во имя высокого искусства приходится терпеть и не такое.

Впереди и левее на склоне балки, ближе к ее вершине, в разрывах пылевых облаков обозначился стоявший на треноге огромный съемочный аппарат, вокруг которого суетились люди. Чуть поодаль, в сторонке, вид-

нелся человек с «матюгальником» в руке. «Наверно, главный режиссер Бондарчук», — мелькнула мысль.

Через какое-то время прошла команда: «На исходный рубеж». Танки стали разворачиваться, потом поочередно выдвигаться в обратном направлении. Мы с кислыми, обильно запорошенными меловой пылью лицами понуро побрели к дороге, проходившей вдоль крутого склона балки, чтобы вслед за танками занять свои исходные позиции. Проходя мимо одного из них, краем глаза ухватил, как из люка вынырнула чумазая улыбающаяся физиономия, показавшаяся мне до боли знакомой.

— Ну что, не материшь еще? — Глаза озорно блеснули.

«Это же мой новый товарищ, танкист», — дошло до меня.

Я замедлил шаги, остановился. Служивый продолжал вопросительно смотреть на меня.

— Да есть немного, — простодушно сознался я.

— Ничего, по первой бывает, а еще немного потопаешь за нами, свыкнешься, — он лихо подмигнул мне и исчез в бронированном чреве.

Еще потопать пришлось весь остаток светового дня. Сколько за это время наскреблось дублей, не помню. В памяти хорошо сохранилось лишь одно: как после этого «немецкого наступления» мы долго отмачивали себя в Дону.

На следующий день, начинавший месяц октябрь, уже с утра нас готовили к очередному «наступлению». На этот раз мы должны были идти колонной на значительном удалении от танков. Съемка также велась с дальнего плана. По сравнению с прошлым днем двигаться приходилось не в сплошных клубах меловой пыли, фонтанами вздымавшейся из-под гусениц ревущих перед носом танков. Конечно, ее хватало и сейчас, но все же не в запредельном количестве. Радовались и этой мелочи. С перерывом на обед дубль за дублем отрабатывали отведенное нам по сценарию действо. К концу дня превращались в роботов, машинально переставляли ноги и тупо смотрели перед собой. В горле першило от пыли, жутко хотелось пить. Всех мучил один и тот же вопрос: «Закончится ли это когда-нибудь?» К всеобщему ликованию, к вечеру наши затянувшиеся хождения по балке все же завершились. Измотанные в наступлении «немцы» дружно потянулись к Дону на помывку.

С непривычки за день уставали так, что после ужина не возникало желания и сил на вечерние прогулки. Большинство из нас оставались сидеть в автобусах. Вытянув перед собою гудящие от усталости ноги, лениво переговаривались друг с другом. Незаметно для себя отключались, свесив головы на грудь.

Заключительный день съемок выдался более щадящим. Работали до обеда. Сначала сделали ряд дублей вчерашней «картинки», потом несколько раз прошли колонной, но уже без танков. По громкоговорителю разнеслось: «Перерыв. До особого указания».

Пока мы исправно топтали балку, на съемку приехала группа студентов из Волгоградского горхоза (тогда институт инженеров городского хозяйства, ныне — институт архитектуры и строительства ВолГТУ). Их уже успели переодеть в форму красноармейцев и вооружить «трехлинейками», поскольку предстояли съемки крупным планом. Закончив играть «наступающих немцев», мы, как бывалые актеры актерычи, свысока посматривали

Никто не забыт, ничто не забыто...

на вновь прибывших. Студентам вместо сапог выдали обмотки, которые постоянно причиняли им головную боль. Они на ходу часто разматывались, и свежеиспеченные «красноармейцы», наступив на них, падали на потеху нам.

К счастью, особого указания так и не последовало. Ближе к вечеру все разбрелись по ближайшим окрестностям хутора. Я и несколько моих однокурсников решили подняться на нависавший над Доном утес (сейчас он называется Шукшин). Рядом с его подножием стоял двухпалубный теплоход «Дунай», служивший своеобразной гостиницей для актеров.

Как говорится, решили — сделали. С макушки утеса перед нами распахнулась потрясающая картина вечернего Дона. Казалось, мы стоим на вершине мира, с которой в мельчайших деталях просматривается вся округа. Сзади раскинулась огромная степь, изрезанная многочисленными оврагами и устланная ковром уже поблекшей травы, впереди приворaживало

наши взгляды Задонье с длинной, мудрено петляющей цепочкой подернутых золотом осени деревьев, густо растущих вдоль речного берега. Внизу тихо плескались воды Дона. Вечернюю тишину иногда нарушали доносившиеся с теплохода голоса людей, их заразительный смех. Там бурлила своя, уже закулисная жизнь актеров. У края утеса заприметили лавочку, на которой любил посидеть в свободные минуты В. М. Шукшин, присели на нее. Посудачив немного, тронулись в обратный путь, к своей гостинице на колесах.

На вечерней поверке объявили, что завтра до обеда предстоит выезд в Волгоград. Это известие было воспринято на ура.

Наступившее утро проходило в обычной предотъездной суете. Наконец все приведено в должную степень готовности, и мы ждем команду на убытие. Ожидание затягивается почти до полудня. Наши начальники застряли где-то в «киносъемочных кабинетах». Устав от ожиданий, решил перед долгой дорогой побаловать себя так понравившейся мне колодезной водой. Недалеко от колодца кружочком сидели несколько человек из съемочной группы. До меня долетали отдельные обрывки их разговора, в котором постоянно звучала фамилия Шукшина...

В моем домашнем рабочем кабинете на письменном столе уже давно стоит одна фотография в рамке. Она была подписана и подарена вскоре после съемок фильма «Они сражались за Родину» нашим земляком, известным актером Иваном Герасимовичем Лапиковым, родителям моей жены, с которыми он дружил много лет. На ней он зафиксирован рядом с Василием Макаровичем Шукшиным во время съемок фильма. Оба в солдатской форме, обильно припорошенные донской меловой пылью. Василий Макарович сидит и о чем-то размышляет. По свидетельству хорошо знавших его людей и очевидцев, он в последние месяцы своей жизни постоянно находился погруженным в думы. И основной из них была дума о главном детище всей его творческой жизни — предстоящем фильме по собственному роману «Я пришел дать вам волю». Василию Макаровичу неоднократно обещали дать разрешение на его съемки, но под разными предлогами отказывались исполнять это обещание. Он в изнуряющей борьбе с завистниками, злопыхателями и прочими пакостниками продолжал упорно идти к исполнению своей мечты. Однако в последнее время у великого Мастера было предчувствие, что он не успеет ее осуществить.

Не успел. К великому сожалению.

Татьяна БАТУРИНА

«Легла на лик защитная печаль...»

Желание

…Да чтобы любили,
Да плакали рядом и дале,
Чтоб слёзки не стыли,
Не мёрзли в любви и печали…

Цевни́ца*

Сердце мое… яко
цевница* звяцати
будет...

Пророк Иеремия

Как представлю себе, как представлю,
Что стучу в допотопную ставню,
Беспокоя окошко и пса…
Но извечно сладки чудеса:
На крылечко выходит краса —
До узорных ступенек коса,

БАТУРИНА Татьяна Михайловна — поэт, прозаик, публицист, общественный деятель, просветитель, редактор-составитель литературно-публицистического альманаха «Александр Невский», член Союза писателей и Союза журналистов России, кандидат филологических наук. Родилась в 1947 году. Живёт в Волгограде. Окончила нефтяной техникум, Волгоградский педагогический институт и аспирантуру ВолГУ. Автор более тридцати книг стихов и прозы, вышедших в Волгограде и Москве, лауреат Всероссийской литературной премии «Сталинград», премии имени Виктора Канунникова и Государственных премий Волгоградской области.

Тянет рученьку: «Мне письмецо?»
А какое младое лицо!

Память, память… Криница? Плени́ца?
Жития вековая столица?
И скрипит допотопная ставня:
«Не печалься, что старишься, Таня,
Будет память по веку струиться,
Если звякает сердце-цевница!»

Русский путь

Желая пребывать вовеки,
мы должны творить волю Бога,
который вечен.
Св. Киприан

С державой издревле высокого слога
Мы верим, и молим, и просим у Бога
Надежды на Русском пути.
Мы знаем навек: это наша дорога,
И нам её надо прейти.

Кресты у дороги и слева, и справа,
А песни, в которых и вера, и слава,
Вовеки храним наизусть,
Ведь их прароди́ла былина-любава:
И жизнь, и бессмертье — всё Русь.

Отец и матерь

Ложились отческие рати
Во сне́ги смертны, не во сны…
Но шли и шли отец и матерь,
Всё шли по времени войны.

Их души прятал Огнь Небесный
От преисподнего огня —
И возвышался ход сокрестный
В святом предчувствии меня.

Снимок

Ничего нет в судьбе, только мать и отец
Там, в окрестностях дома и детства:
Беззащитность калитки… листвы изразец…
Святость послевоенного бедства…

---

* Цевница — дудочка, свирель (*др.-рус.*).

Детский день

…В тёплый курятник забраться,
В бело-таинственный клёкт:
Скоро ль куриная цаца
Злато яичко сплетёт
Из золотинчатых зёрен
И золотухи-травы?

Двор, словно утро, просторен
Для старичья и детвы:
Старые гуси регочут,
Древние ставни скрипят,
Жизнь не летит позаóчью —
День трудолюбием свят.

Как по несметному раю,
Ходит отец по сараю,
Что-то опять мастерит:
Раму оконную ладит?
Или шкатулку парáдит —
Лаком-соломкой мастит?

С думой о новых цыплятках
Мать хорошится на грядках
В белом платке, босиком,
Тешит рядок за рядком,
Крошит курячью скорлупку
На золотистых пушков —
Будущих кур-петушков.

Голубь ласкает голубку,
Прячет в беседку из грёз,
Мудро безмолвствует пёс:
Верный дикарской породе,
Кот вдоль завалинки бродит,
Глазом зелёным горит,
Земь у беседки когтит.

Много в земле корешков —
Будущих детских стишков…
Льётся пчелиная звень,
Катится день-голубень
К небу в прозрачной истоме —
Зорко, легко, не всерьёз…

Детские грёзы о доме —
Сладостней нетути слёз!

Я стала зорче

Не упасла младые очеса
От умной порчи,
Но, как угасла первая краса,
Я стала зорче.

Потом румянец выцвел, как миткаль,
И тонко-млечно
Легла на лик защитная печаль —
Почти навечно.

Гляжу в себя и вижу всякий миг
Себя иную —
Какой пребуду, покидая мир,
Юдоль земную?

Не о лице — о сердце говорю
Без дерзновенья:
Увижу ли вселенскую зарю
Преображенья?

Святая простота

…В мирозверстве не зная искуса,
Русь покорна Всевышней мяте*
И жива во святой простоте,
Но чужие — всегда в полверсте…

Да неужто природного руса
Чужь распнёт на его же щите?
Да не быть!
При державном хребте
Станем пиками древних знамён,
Исповедностью новых имён.

Порфира

Лазурь, лазурь! Родимы взоры
Над Отчим краем,
Где мы встречаем наши зори,
Где умираем,
Где всяко малую былинку
Стражи́т Порфира
Святой Руси и, что кровинку,
Мы чаем русскую таинку
В наитьях мира.

*Мята — цель (*др.-рус.*).

Искры

Памяти В. К.

I

Я славлю Родину свою,
И никакому соловью
Залётному
Или сычу,
И горлычу, и сарычу —
Не оклевать ея высот,
Ея космических красот.

II

О, чую вражьи посвисты и свисты,
Но чаю: очи русские святя,
Сиятельные мысли, словно искры,
Бегут по вещим стеблям бытия.

III

Псалмисты никогда не умирают:
Цари — в коронах, в узах — мудрецы…
Так и сияют рядышком, и рают,
И с ними рядом — русские певцы.

На скудельном кладбище для сирот и странников, рядом с яровым полем

Сад, заплаканный доне́льзя,
Ветр, пронизчивый доле́зя, —
Октябрины:
Хмарь и пустошная горечь,
И морозливая о́причь
Яровины.

При кладби́ще при скудельном
Всё препросто:
Во часовне — плач радельный,
За часовней — просо,
Рожь, пшеница, да и греча —
Утешайся, человече…

Ныне пусто яровое,
Скоро сне́ги,
Скоро око полевое —
Стерневое, корневое,
Стеблевое, цветнево́е —
Утени́тся в неге.

От кладбищенской ограды,
От осины
Я тянусь по край усады
До приметливой рябины,
До приснувшей яровúны —
Яронивы.

Вижу: тмится облак-дольник
В небе пёстром,
Слышу: вьются голубь-горлик
С лирохвостом —
Да святúтся птичий дóклик
Над погостом!

Прознáние

О чём молчу — не важно боле
Ни стихотворке, ни бомжу:
Одно, поди, топóчем поле
Житья-бытья…
Но я брожу,
но я вожу
Не вдоль садов и огородов —
Прозреньем всходов и исходов
Времён,
прознáнием мольбы
О непогибели народов
Единорусовой судьбы…

Весточка

Ветр крушиновый, ветр русиновый,
Унеси всё зло за сосновый лес,
За еловый да за осиновый —
В нети тёмные, где мятётся бес.

Ветр, отпой мне песнь отпущения
Всех стыдов-грехов, всех отрад-бравад!
И прислал мне ветвь извещения
Не дремучий лес, а отцовский сад.

Лист вишнёвый да лист малиновый,
Лист смородинный кружевной-живой
Ветр пронёс через мост Калиновый,
Словно весточку с пяди передовой.

Там, у чёрной речки Смородины,
В сени смертные переводины,
Крепок сад отца, словно родонит:
Малый камушек милой родины
Напоследок нас на земле хранит.

Неужели не встану с ним вровень я
Русским толком да в именитый час:

Всяко жертвенно, всяко вовремя
Да с листвой любви про святой запас?

В ре́брах

Не в бре́внах церковь, сказано, а в ре́брах.
Бреду, бреду по выжженной гряде,
Укрывшей бре́вна, что купались в реках,
Потом в артельной маялись страде,
Всходили над землёю колокольней,
Оградою взлетали, алтарём…
Здесь лишь ковыль сберёг седые корни,
Стоит у врат незримых вратарём.

Распалась деревянная былина,
Сражённая пожаром иль ордой.
Но, Господи, отчизна — не чужбина,
Бреду и я своею чередой
По этой древней, этой чёрной глине,
Под солнцем старорусским чуть дыша…
Но вздох хотя б единый о святыне
Есть в ре́брах —
есть бессмертная душа.

Редакция и редакционный совет журнала «Отчий край» сердечно поздравляют Татьяну Михайловну Батурину с 75-летием со дня рождения и желают юбиляру здоровья и новых творческих свершений!

Василий ЛИФИНСКИЙ

Музыкальные вечера в Дахау

(Продолжение. Начало в № 1 за 2020 год)

Строительство бункера было укрыто от разведывательных самолетов маскировочными сетями, растянутыми на кронах высоких деревьев. Сначала для наиболее тяжелых работ использовали советских военнопленных, но выяснилось, что темп их работы недостаточен, в результате чего их перевели в лагерь Кауферинг, расположенный в пяти километрах. Затем на строительную площадку стали прибывать группы заключенных из концлагеря Дахау, находящегося в 60 км от Ландсберга. Их разместили в 11 небольших лагерях вблизи строительства. Крайне скудная еда, общая изможденность, отсутствие нормального быта, тяжелая работа по 14 часов в день семь дней в неделю — все это приводило к тому, что жизнь этих пленных продолжалась здесь только несколько недель. Принимая во внимание необходимость соблюдения секретности, они были бы и так уничтожены, как ненужные свидетели. Невозможно установить точное число заключенных, погибших при строительстве Weingut II, но оно находится в пределах 20 000 человек. Значительную часть из них составляли евреи.

Ни одно строительство из шести запланированных немецких заводов-бункеров не было окончено. Дальше всех продвинулись работы над Weingut II, но

ЛИФИНСКИЙ Василий Матвеевич — писатель-документалист. Родился в 1951 году. Живёт в г. Михайловке Волгоградской области. Окончил Волгоградский государственный медицинский институт. Лауреат литературной премии «Антоновка 40+» (2019) и литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020). «Музыкальные вечера в Дахау» — первое произведение автора.

и они были далеки от производства самолетов. В самом конце войны начались работы над вторым бункером Walnut II, но они даже не вышли из фазы подготовки территории (Иванов С. В. Ме-262. Последняя надежда люфтваффе).

Согласно данным немецкого историка Klaus Mai, площадь Bunkerbau завода БМВ составляла 32 000 кв. м. Размеры бункера позволяли поездам и большегрузным автомобилям до 3,5 м высотой беспрепятственно разгружаться и загружаться под землей. По распоряжению министерства авиации рейха консорциум компании Dyckerhoff приступил к строительству бункера осенью 1943 г. Строительство шло днем и ночью в две смены, в каждой из которых работало не менее 500 человек. «Весь лагерь Аллах еще спал, когда команда Dyckerhoff шла на работу, и уже давно отдыхал, когда возвращалась, — вспоминает Моше Кауфман. — Тяжелая работа, голод, слабость, дистрофия, болезни были причиной высокой смертности среди заключенных».

Под управлением компании «Дикергофф» («Организация Тодта») заключенные возводили Атлантический вал во Франции, строили подземный бункер и цеха для завода БМВ, разбирали завалы зданий, разрушенных во время бомбардировок Мюнхена. В документах центрального управления службы экономики рейха от 21 февраля 1944 г. говорится о 3434 заключенных, используемых в интересах завода БМВ. Бывшие заключенные утверждают, что многие узники нашли свою смерть при выполнении строительных и бетонных работ. Нередко люди из-за слабости и головокружения падали с гигантских лесов и разбивались или попадали под колеса поездов. Многие тонули в жидком бетоне. Известен факт, когда в течение трех дней погибли 23 или 24 заключенных, залитых бетоном или засыпанных песком. Полностью завершить строительство подземного завода так и не удалось, но часть производственных мощностей завода БМВ была переведена в готовые подземные штольни и цеха.

В лагере Аллах размером 255 х 230 м в 18 бараках находилось около 5000 заключенных более чем из 20 стран, но большинство узников составляли французы (около 2300) и русские (около 600 человек). Также много было немцев, поляков, югославов, итальянцев, чехов, бельгийцев, голландцев... В мае — июне 1944 г. 12 бараков (три восточных ряда) комплекса Аллах были отделены и предоставлены для карантинного лагеря (блоки 19, 20, 21, 22) и восемь блоков для лагеря Карлсфельд («OT-Lager Allach-Karlsfeld», OT — Организация Тодта), в котором разместили прибывших венгерских и румынских евреев. В июле 1944 г. в Аллах поступила большая партия французов, которых распределили в карантинные блоки 19, 20 и 21. Лагерный комплекс Аллаха в 1944 г. значительно увеличился, и его длина составила 460 м.

Наиболее сплоченными в лагере Мюнхен-Аллах (БМВ) были группы русских, немецких и польских заключенных. К французским узникам русские пленные относились снисходительно, а немецкие заключенные — с нескрываемым презрением из-за стремительной капитуляции Франции в войне. Русских уважали за их стойкость и упорство. Все советские военнопленные были разделены на группы: русские, украинцы, прибалтийцы и кавказцы, а югославы — на хорватов, сербов и словенцев. Отдельную группу пленных составляли советские офицеры, совершившие побеги или участвовавшие в подготовке побега (группа полковника Борисенко и не-

сколько десятков других заключенных). Когда производство завода БМВ расширилось, количество узников в Аллахе выросло до 10 000 человек.

В 1944 г. в лагерь Карлсфельд пригнали более 1000 еврейских узников, которых затем использовали при строительстве подземного бункера в команде Дикергофф. С августа 1944 г. до конца февраля 1945 г. в «лагере евреев» постоянно находилось более 1200 мужчин. Небольшая часть территории лагеря Карлсфельд, используемая как карантинный лагерь, была отведена для еврейских женщин, которых насчитывалось 200—300 (по другим данным, в лагере было от 350 до 1000 женщин). Маркус Дж. Смит в своей книге «Дахау: сошествие в ад» утверждает, что лагерь Аллах был разделен на две зоны, в одной из которых содержалось 3000 еврейских узников, а в другой — 6000 нееврейских заключенных.

Лагерь Карлсфельд, известный как «лагерь евреев», находился в непосредственной близости от «западного лагеря» Мюнхен-Аллах, названного «лагерем арийцев» («лагерем арийцев» правильнее было бы назвать не «западный лагерь» комплекса, в котором содержались в том числе немецкие коммунисты, а «северо-западный» — «штрафной лагерь СС и полиции»). 29 ноября 1944 г. в Аллахе насчитывалось 4743 заключенных. Общее количество иностранных гражданских рабочих, военнопленных и узников концлагерей, трудившихся на заводе БМВ, возросло в 1944 г. до 17 000 человек. Около 14 000 были размещены в 18 бараках лагеря. Число узников периодически менялось в зависимости от сложившейся ситуации на фронтах и доходило до 22 000. В конце войны 90% работающих на заводе БМВ в Аллахе составляли иностранные гражданские рабочие, военнопленные и узники концлагерей.

В лагере Аллах было два вида блоков: справа от главного входа стояли деревянные бараки на бетонном фундаменте, слева — из цементных блоков. Всего в Мюнхен-Аллахе (БМВ) находилось 18 деревянных бараков, переоборудованных из помещений бывших конюшен без окон, но с зазорами под крышей.

Каждый деревянный барак имел 41 м в длину и 10 м в ширину. Высота в его центральной части не превышала 7 м, а высота стен была от 3 до 4 м. Внутри помещения под крышей не было потолка. Барак создавал впечатление огромного сарая с высоким чердаком. Пол в шести бараках был бетонный, в остальных — из утрамбованной глины, покрытой тонким слоем соломы. В бараке была выделена отдельная зона (Stube — главный блок), где находилась лагерная «элита» (капо, блоковой, писарь, дежурные по бараку и пр.). В качестве капо, как правило, использовались немецкие уголовники из числа заключенных. Выходить ночью из барака в отхожее место запрещалось, эсэсовская охрана стреляла без предупреждения. На ночь между двух- и трехэтажными нарами убирали скамейки на стол и в центре прохода ставили три большие бадьи для отправления малой нужды. Тех, кто нарушал это правило из-за расстройства желудка, подручные «начальства» блока избивали и окунали головой в нечистоты.

Пленным разрешалось иметь при себе ложку, вилку и миску, которую они носили на поясе штанов. Под угрозой жестоких наказаний, вплоть до смертной казни, категорически запрещалось иметь в лагере ножи. Однако русские заключенные, работающие на заводе, славились тем, что умудрялись изготавливать их на заводе и проносить в лагерь, где на черном

рынке меняли на табак и продукты питания. Узники постоянно голодали, поэтому обычным и незазорным делом считалось съесть, если повезет найти, улиток, желуди, одуванчики, различные корни и траву, иногда приходилось кипятить и есть кору деревьев.

В воскресенье русские заключенные, как правило, обращались к лагерным парикмахерам из числа узников для поддержания «штрассе» — дорожки из идеально выстриженных волос на голове от затылка до лба, которая должна быть всегда хорошо видна охране. В противном случае наказание — 25 ударов. По «штрассе» легко было узнать русского пленного среди множества других иностранных заключенных. Время после обеда обычно посвящалось ремонту одежды или встрече с товарищами из других блоков.

В 21.30 электрическое освещение, которое постоянно горело в бараках из-за отсутствия дневного света, выключалось.

Заключенные были одеты в одинаковые полосатые робы сине-серого или сине-белого цвета из легкой синтетической ткани. Единственное отличие — табельный номер и треугольники, нашитые на робу. Все работающие на производстве авиационных двигателей имели отличительные знаки, у советских военнопленных на робе были выведены две крупные буквы «SU».

Ежедневно в 4.00 (зимой в 5.00) заключенные мгновенно спрыгивали с нар и мчались в туалет, затем бежали назад в блок, чтобы одеться, повесить на себя миску, положить в карманы штанов вилку и ложку. После построения и переклички на аппельплаце в 5.15 (утренний аппель) колонна в ряд по пять человек во главе с капо устремлялась на завод под охраной эсэсовского конвоя. Чтобы предотвратить любую возможность побега, проход от лагеря до завода был огорожен двумя рядами забора из проволочной сетки. Конвой с овчарками двигался вдоль внешней стороны забора. На тех, кто не выдерживал быстрого темпа движения, эсэсовцы натравливали собак. По пути на завод узникам необходимо было преодолеть мост через небольшой ручей и высокий деревянный мост через дорогу, ведущую в Дахау, что было особенно нелегко истощенным и ослабленным заключенным.

После прибытия на завод БМВ — новое построение, новый подсчет и назначение на рабочее место в производственные или сборочные цеха № 1, 2 и 20. Каждый этап операции изготовления авиадвигателей строго контролировался и фиксировался в журнале персонала, где указывался номер детали и другие данные. Перед работой всех заключенных предупреждали о последствиях в случае ошибки, вольной или невольной, за которую незамедлительно последует смертная казнь. Для других видов наказания на территории завода БМВ имелась своя небольшая тюрьма.

Из гестаповских документов следует, что на протяжении всех лет гитлеровского плена самыми распространенными и массовыми формами сопротивления советских военнопленных, оказавшихся в Германии, были сознательно низкая производительность труда, невыполнение установленных норм выработки, забастовки, индивидуальные и групповые побеги. Все это, конечно, не могло не вызывать повышенного беспокойства нацистских властей. Более того, проникновение их агентуры в среду военнопленных имело целью прежде всего предотвращение возможных открытых выступлений заключенных концлагерей и шталагов.

5 апреля 1944 г. главное управление имперской безопасности рейха издало специальную директиву, адресованную руководителям всей поли-

цейской сети страны. В ней говорилось об активизации «нелегальной коммунистической деятельности и образовании тайных организаций иностранными военнопленными и восточными рабочими». В директиве, как и в многочисленных распоряжениях, последовавших за ней, отмечались опасные для «третьей империи» размеры движения Сопротивления и подчеркивалось, что для борьбы с ним «в еще большей мере, чем это делалось до сих пор, необходимо выявлять и обезвреживать организаторов и активных участников подпольных организаций военнопленных и восточных рабочих».

Гестаповские облавы следовали одна за другой. 22 апреля 1944 г. главное управление имперской безопасности приказало регулярно проводить во всех лагерях военнопленных и восточных рабочих особо строгие обыски в целях выявления подпольных антифашистских центров и предупреждения побегов пленных.

В Аллахе, как и в лагерях по всей Баварии и за ее пределами, действовали группы Сопротивления, руководство которыми осуществлял штаб БСВ. В команде № 2920 в Аллахе антифашистской деятельностью руководил зам. политрука пограничник В. М. Шахов. Руководство комплектованием и обучением боевых групп БСВ было возложено на инженера И. В. Урбановича, работавшего разметчиком на заводе БМВ в Аллахе. Из воспоминаний Д. Левина: «Кормили нас отвратительно, и повар, чех Вацлав Давид, крестьянин из-под Праги, горячо нам симпатизировавший, ничего не мог поделать. Мы устроили голодную забастовку и добились улучшения пищи. С восточной стороны лагеря стоял барак чешских рабочих. Вацлав собирал там продукты для находившихся среди нас детей и двух старушек, передавал нам одежду и обувь. Он был активным членом нашей подпольной группы...

Мерварт и Корбуков предложили направить кого-нибудь на работу к Метцу, державшему в Аллахе, на Банштрассе, 7, в полукилометре от лагеря, гараж и ремонтную мастерскую.

— Пойдешь, Арсен? — спросил Варламов. Меня прозвали так за большие усы, которые я отпустил в лагере, за смуглое лицо и черные волосы.

Как попасть к Метцу? Я посоветовался с Татьяной Березко, медсестрой ревира. Ее мать спасла меня в 1941 г. Раненый и контуженый, в очень тяжелом состоянии, я скрывался у нее в домике на окраине Симферополя. Когда ко мне вернулась речь, окрепли ноги, Мария Андреевна, оказавшаяся подпольщицей, переправила меня к своим друзьям.

Тайной группой руководил Василий Новицкий, бывший начальник штаба противовоздушной обороны Симферопольского пединститута. Он работал на немецкой бирже труда и «выдал» мне паспорт. Не меняя фамилии, Новицкий превратил меня в Данилу Захаровича, караима, не подлежавшего по расистским законам уничтожению. Наша группа была интернациональной. В ней состояли грек Федор Тамбулов, болгарин Владимир Степанович Петров, впоследствии погибший в Евпатории при попытке установить связь с нашим десантом, и татарин Михаил Османов. По решению товарищей и с моего согласия я получил задание попасть в Германию для организации антифашистской борьбы в лагерях советских граждан. Перед отправкой эшелона увозимых на запад я и познакомился с Татьяной Березко, попавшей в ту же облаву.

Узнав, что я хочу работать у Метца, она сказала: «Покалечь руку».

Рубанув себя долотом, я попал в ревир, и Татьяна послала меня в мюнхенскую больницу на консультацию. Ходил туда с полицаем, а затем без него. В больнице поджидал Мерварт, в очках, в черном резиновом плаще. Он работал в Мюнхене, в железнодорожной лаборатории. Произошел такой разговор: «Русский?» — «Да». — «Откуда?» — «Из Мюнхен-Аллаха». — «Есть там чехи?» — «Да, повар Вацлав». — «Метц будет просить у шефа лагеря шофера Левина», — шепнул Мерварт. Он в совершенстве владел русским языком, говорил по-французски и по-немецки.

Месяц спустя рука зажила, и я поступил в распоряжение Матиаса Метца, черноволосого тучного баварца, ненавидевшего гитлеровцев. У него было большое семейство. Он нежно любил свою восьмую дочурку, называя ее «мой сынок Макс».

Возле гаража жил у бауэра югославский коммунист Юрий из Субботицы. Он спросил итальянцев: «Кто это к вам пришел?» — «Коммунист!» — ответили Рапелио и Марио. Юрий поинтересовался моей профессией. Узнав, что я учитель физики, сказал: «Так ты профессор! С тобой я могу говорить откровенно». Он не хотел мне польстить. Преподавателей средней школы в Югославии называют профессорами. Он хорошо знал настроения иностранных рабочих в Аллахе. «Неплохо бы обратиться к ним с листовками, — предложил он, — призвать к активным действиям».

Юрий попал в точку. Мы получали от связного Саввы Батовского тексты и сводки Совинформбюро. Татьяна Березко и другие патриотки переписывали их в лагере. Множество листовок попадало в мюнхенские лагеря «остовцев» — 4, 6, 25-й, на Фрайманштрассе. В мастерской Метца сделали по эскизам Урбановича русские литеры.

Я возил с Метцем баллоны метана на городские автозаправочные станции. Шоферы разных национальностей охотно брали листовки. Однажды мы приехали на маргариновую фабрику в Мюнхен. Метц послал меня забрать у бухгалтера Эммы Хутцельман похищенный для военнопленных и восточных рабочих маргарин. Так я познакомился с храброй немецкой подпольщицей, худенькой подвижной блондинкой в голубой кофте и плиссированной юбке. Эмма немного говорила по-русски.

Месяца через два я увидел мужа Эммы Ганса Хутцельмана, руководителя АННФ. Он пришел в воскресенье к лагерю с Мервартом, Корбуковым, Курицыным и Козловым. Мы отправились к Метцу слушать Москву и договориться о перевозке оружия.

Эмма Хутцельман и Корбуков окончательно договорились осуществить намеченное двумя братскими организациями. Молодой восточный рабочий Гаврила Рыбалкин и другие товарищи, работавшие на фабрике, выполнили боевое задание. Австриец Франц и военнопленный матрос, мой земляк, Николай Хризантов, которые взяли к себе в кюбель-команду, развозившую по баракам суп, многих подпольщиков БСВ, сообщили мне горестную весть: гестапо арестовало Карела Мерварта, Ганса и Эмму Хутцельман, а также типографа Хубера...

В конце войны узников эвакуировали в другой «филиал» лагеря смерти, Эбензее. В пути из вагона бежали тридцать французов, русских, венгров, югославов. Союзники приближались к концлагерю. Главный писарь шрайбштубы немецкий коммунист Ганс и югослав, старшой лагеря, предупредили нас, что не следует идти в подготовленные к взрыву штольни. В самый на-

пряженный момент к воротам подкатил американский танк. Эсэсовцы сдались без боя. Мы вышли на волю. Я сел за руль брошенной на дороге трехтонки БМВ. Рядом со мной на переднем сиденье расположился шрайбер Ганс. В кузов набились русские, поляки, чехи, испанцы. Я привел машину в Линц. Переехали мост. На той стороне реки была Красная Армия» (Левин Данид. Сильнее смерти. Воспоминания, письма, документы).

Корбуков, Урбанович, Батовский и их товарищи, участники БСВ, по особому распоряжению главного управления имперской безопасности в числе 92 узников будут расстреляны 4 сентября 1944 г. в концлагере Дахау. По приговору фашистского суда Карела Мерварта и Ганса Хутцельмана казнят 15 января 1945 г.

Руководство группы компаний БМВ настаивало на том, чтобы с военнопленными обращались «как можно строже» с целью пресечь активное и пассивное сопротивление военнопленных, медленную работу, «халатность» и кражу материалов с завода. Например, 19 ноября 1943 г. руководство предприятия «БМВ Флюгмоторен» в Мюнхен-Аллахе обратилось в имперское министерство вооружения и боеприпасов к начальнику службы содержания военнопленных в VII корпусном округе и в управление мюнхенского гестапо с требованием применять «более строгие воспитательные меры», вплоть до расстрела, чтобы показать занятым на производстве советским пленным, что «мы вовсе не чувствуем себя слабыми». Компания БМВ любыми способами стремилась добиться полного подчинения военнопленных.

Администрация завода БМВ в своём письме подчёркивала, что военнопленные из ценной хромоникелевой стали в цехах изготовляли кольца, браслеты и мундштуки для сигарет, что следует рассматривать как «планомерный саботаж и повреждение оборонных средств», а также нарушение предписаний по защите обороноспособности рейха и немецкого народа от 25 ноября 1939 г.: «Мы придерживаемся мнения, что расстрелы перед строем рабочего коллектива нескольких военнопленных сразу же прекратят случаи саботажа». Стремление искоренить активное и пассивное сопротивление путем расстрелов также преследовало цель запугать остальных советских пленных и принудить их к более высокой производительности труда.

Рабочее время на заводе БМВ в Аллахе длилось с 6.00—6.20 до 12.00 и с 13.00 до 18.00—18.30. Затем построение у выхода из цеха, где дневную команду ожидала ночная смена. С понедельника по субботу смены постоянно чередовались: неделя в день с 6 до 18 часов, неделя в ночь с 18 до 6 часов утра. После смены по пути в лагерь тот же быстрый темп движения колонны, те же окрики, удары, издевательства, те же злые овчарки...

В 19.00 — «вечерний аппель» (построение и перекличка заключенных). В 20.45 — «Все по баракам!»; 21.00 — «Отбой! Свет!»

Во время построения лагеря ни одна армия мира не смогла бы превзойти заключенных в строевой подготовке. Когда колонна из нескольких тысяч узников выстраивалась по десять человек в ряд перед выходом из лагеря или на аппельплаце, то идеально ровному строю мог бы позавидовать любой военный парад. При этом заключенные маршировали в деревянных колодках с намотанными на ногах портянками. Такой слаженнос-

ти при движении и построении многих сотен людей, разумеется, невозможно было бы добиться без автоматных очередей эсэсовцев.

В начале июня 1944 г. заключенных, прибывших в концлагерь Аллах из Дахау, построили в колонну по шесть человек в ряд и направили к воротам лагеря, где недалеко от здания управления был установлен большой длинный стол. На одной стороне стола сидели гражданские лица, СС и гестаповец в черном мундире, в конце стола с другой стороны находился переводчик из числа пленных. Колонна остановилась и замерла, в наступившей тишине оглушительно прогремела команда:

— Ахтунг! Мютце-е-ен... аб!!!

В едином порыве тысячи рук мгновенно сорвали с голов полосатые лагерные шапочки и с небывалой скоростью одновременно ударили ими по правому бедру. После взвинченного доклада старшего колонны начался отбор узников на завод БМВ и в другие команды.

Каждому заключенному задавали одни и те же вопросы: Name? (Имя?) Beruf? (Профессия?) Немедленно следовал ответ:

— Эгнер Теодор, № 26312, повар (немец Эгнер — повар из Парижа, старожил Дахау, пробудет в Аллахе до конца войны).

— Ноэль Эмиль, № 67635, автослесарь (француз Ноэль из Фужера пробудет в Аллахе до конца войны).

— Бакар Хосе, № 67747, чиновник (словак Бакар из Дивача будет передан гестапо 2 октября 1944 г., где в этот день погибнет).

— Лончар Миклош, № 67794, чиновник (югослав Лончар из Любляны будет передан гестапо 03.02.1945, где в этот день погибнет).

— Остерман Франц, № 67806, банковский клерк (югослава Остермана из Любляны отправят назад в Дахау, где он пробудет до конца войны).

— Плохов Иван, № 67856, рыбак (через месяц волжанина Плохова из Покровки Сталинградской области отправят в каменоломни Нацвейлера. Дальнейшая судьба его неизвестна).

— Лифинский Матвей, № 67864, машинист паровоза (через месяц Матвея Лифинского отправят во вновь созданный лагерь Блайхах концлагеря Дахау, где он будет освобожден французскими войсками 30 апреля 1945 г.).

— Аккардо Джованни, № 67942, механик (итальянец Аккардо из неаполитанского г. Портичи будет передан гестапо 20 апреля 1945 г., где в этот день погибнет)...

В Аллахе документально зарегистрировано 50 казней: за попытку побега, за так называемые диверсии на заводе, за то, что заключенный вовремя не стал в строй, за несколько клубней картофеля, поднятых с земли, за любую иную «провинность»... Однажды в лагере построили группу музыкантов Датского королевского оркестра в униформе с музыкальными инструментами в руках. Комендант лагеря объявил, что заключенные из России и Италии пытались бежать, за что приговорены к смертной казни. По приказу коменданта пленным связали руки за спиной и каждого поставили лицом к виселице. По очереди они поднялись по короткой лесенке на помост, эсэсовцы надели им веревку на шею. По прямому указанию коменданта лагеря заключенных повесили так, чтобы они умирали от удушья как можно дольше. При этом в промежутках между казнями в лагере звучала музыка.

Концлагерь Аллах охраняли около 800 эсэсовцев. Большинство из них были немцами. В состав охраны также входили венгры, румыны и хорваты. Командовал лагерным комплексом Аллах, одновременно являясь комендантом лагерей Мюнхен-Аллах (БМВ), Карлсфельд и Ротвайге, СС-оберштурмфюрер Йозеф Яролин, его заместителем был СС-гауптшарфюрер Себастьян Эберл.

Комендант Аллаха отличался особой жестокостью. В лагере во время зимы заключенных обливали водой, пока они не покрывались льдом и не погибали, 50 узников были повешены. Капо крематория Дахау Эмиль Наль утверждал, что во время Рождества 1943 г. ему приказали отобрать в Аллахе шестерых русских пленных, чтобы повесить. Летом 1943 г. в лагере были повешены заключенные, которых обвинили в попытке побега. Одного из пленных повесили за то, что он из-за истощения и слабости не смог утром встать в строй. В иных случаях вешали в качестве устрашения по надуманному предлогу за так называемый саботаж. Комендант приказывал вешать пленных таким образом, чтобы ноги касались земли, а удушение длилось как можно дольше. В Аллахе была передвижная виселица, как и в Дахау. В Государственном архиве Мюнхена сохранились соответствующие документы и рисунки этой виселицы.

На судебном процессе Йозеф Яролин заявил, что в период с мая по декабрь 1941 г. около 150 заключенных были им заключены в лагерную тюрьму и собственноручно избиты плетью. С июля по сентябрь 1941 г. он принимал участие в казни 700 советских военнопленных. По его личному приказу расстреляли от 30 до 40 человек. Йозеф Яролин лично присутствовал 1 июля 1942 г. на экзекуции, когда 12 заключенных были подвешены на кольях. Непосредственно в Аллахе было убито 366 заключенных. Он также участвовал в медицинских экспериментах над узниками. Аресты, карцеры, избиения до беспамятства, телесные наказания, обливание заключенных водой в зимнее время, расстрелы и убийства были обычным явлением в лагере. Не избежал виселицы и сам комендант Аллаха. Его повесили за военные преступления 28 мая 1946 г. в Ландсберге.

Заместитель коменданта лагеря Аллах Себастьян Эберл не понес заслуженного наказания. Следствие по обвинению Эберла в убийствах заключенных, проведенное прокуратурой Мюнхена в 1976— 1980 гг., было прекращено по гуманным (!) соображениям из-за слабого здоровья обвиняемого.

С 1943 по 1945 г. в концлагере Аллах, по некоторым данным, погибло около 2300 заключенных. За этот период тысячи узников Аллаха были переведены в другие лагеря, где многих ждала смерть. Часть заключенных, арестованных гестапо по делу БСВ весной 1944 г. и выживших в Дахау и Аллахе, будет до конца войны проходить очередные круги ада во внешних лагерях Дахау. Одним из таких лагерей был созданный летом 1944 г. концлагерь Блайхах, расположенный на высоте 730 м в предгорьях Баварских Альп.

ГЛАВА XI. «ПРОМЕНАД» ПО АППЕЛЬПЛАЦУ SS-ARBEITSLAGER BLAICHACH

Великая и настоящая мука безмолвна.
Л. П. Карсавин

Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.
Э. Хемингуэй

Первое упоминание Блайхаха в исторических документах датировано 1275 г. В XIV в. на склоне горы, между рекой Иллер и озером Альпзее, графы Монфорт построили замок Ротенфельс, рядом с которым вырос город Имменштадт. В 1439 г. владения были разделены Монфортом между тремя братьями, и территории в верховьях р. Иллер образовали независимое графство Ротенфельс. В 1494 г. графы Монфорт построили в Блайхахе через р. Иллер платный мост, по которому из Оберйоха в Линдау перевозилась добываемая в этих местах соль. Разорившийся монарх продал Ротенфельс в 1804 г. Австрии. После поражения Австрии в войне с Наполеоном Ротенфельс отошёл в 1805 г. к Баварии. Во время административной реформы, проводимой в Баварии, указом от 1818 г. был создан муниципалитет Блайхах, который сохраняется до наших дней.

В 1848 г. швейцарцы Шмид и Биндшедлер приобрели в Блайхахе земельный участок бывшей лесопилки и в 1850 г. приступили к строительству прядильного цеха. В 1871 г. швейцарский промышленник Генрих Гир выкупил участок и продолжил строительство хлопкопрядильной фабрики. В 1889 г. для использования в производстве гидроэнергии начато сооружение плотины. На рубеже веков на фабрике в Блайхахе работало более 1100 человек, а в 1906 г. была построена новая ткацкая фабрика.

До прихода Гитлера к власти в 1933 г. Блайхах считался промышленным районом с репутацией «красного анклава», в котором рабочие прядильно-ткацкой фабрики голосовали за коммунистов или социал-демократов. С 1939 по 1945 г. значительную часть производственных мощностей фабрики вермахт стал использовать для своих нужд. В начале лета 1944 г. фабрика перешла под охрану и управление СС. Большинство прядильных станков демонтировали и вместо них установили станки для производства авиационных двигателей, а фабрику переоборудовали в завод БМВ, производящий детали для самолетов. При этом ткачество, прядение и производство сукна были продолжены. Оборудование доставлялось с заводов БМВ, которые во время войны постоянно подвергались бомбежкам, что и было главной причиной переброски мощностей БМВ в поселок Блайхах, находящийся в предгорьях Баварских Альп. Около 600 заключенных из Дахау и его внешнего лагеря Аллах, ранее работавших на заводе БМВ в Мюнхен-Аллахе, партиями по нескольку сот человек были отправлены в SS-Arbeitslager Blaichach KZ Dachau.

Внешние лагеря СС (AuBenlager SS) или внешние команды (AuBenkommando SS) находились в подчинении главного концентрационного лагеря (Stammlager SS), которым управляли СС — «охранные отряды» — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой

рабочей партии (НСДАП). Во многих случаях условия выживания во внешних лагерях были более тяжелыми, чем в главных. В немецких источниках и документах Дахау чаще говорится не о внешнем лагере (AuBenlager), а о внешней команде (AuBenkommando). Начиная с 1943 г. стал использоваться преимущественно термин «рабочий лагерь» (Arbeitslager), а с 1944 г. в документах Дахау чаще всего встречается определение «внешняя команда» (Aussenkommando) и «рабочий лагерь» (Arbeitslager).

Первые заключенные прибыли во внешний лагерь Блайхах концлагеря Дахау в третьей декаде июня 1944 г., а в конце июня общее количество заключенных в лагере достигло 227 человек. В июле 1944 г. поступила партия из 281 узника, в августе 1944-го в лагерь прибыло дополнительно еще 126 заключенных. На прядильно-ткацкой фабрике, переоборудованной в завод БМВ, в день открытия лагеря 16 июля 1944 г. принудительно трудилось не менее полутысячи узников. Бывшие лагерники утверждают, что в концлагере Блайхах в среднем находилось около 700 заключенных. Производство авиадвигателей на заводе БМВ в Блайхахе было прекращено 25 апреля 1945 г. в связи с приближением линии фронта. Согласно последнему отчету, отправленному в Дахау 26 апреля 1945 г., в концлагере Блайхах на этот день содержалось 416 человек.

Большинство заключенных лагеря составляли французы, также были многочисленные группы югославов, русских, поляков, немцев (многие из которых во время гражданской войны в Испании сражались в интернациональных бригадах на стороне республиканцев), в меньшем числе присутствовали выходцы из Италии, Австрии, Испании, Нидерландов...

Лагерный врач Дахау во время инспекции концлагеря Блайхах в 1944 г. высоко оценил условия «проживания» заключенных. По его оценке, у четверти узников помещения были «просторными и удобными для проживания», а еда — «питательной». Продукты, поставляемые компанией БМВ в лагерный лазарет, врач признал полезными. Смена одежды и ее стирка, по мнению врача, проходили регулярно, каждые 10—14 дней, что подтверждало наличие второго комплекта одежды у заключенных. Узникам для бритья и личной гигиены выдавали мыло. Вместо носков у заключенных были обмотки или портянки. Обувь представляла собой деревянные башмаки или самодельные туфли с деревянными подошвами. Что касается шерстяных одеял и посуды, то их выдавали всем работникам завода БМВ. Тем не менее, несмотря на высокую оценку быта и здоровья узников, которую дал эсэсовский врач, в период с 8 сентября по 19 ноября 1944 г. в главный лагерь Дахау были отправлены 35 истощенных и больных заключенных. В качестве их замены из Дахау пригнали других заключенных, что было стандартной лагерной процедурой.

А вот как в книге «Legrandlivredes Temoins» «питательную» еду, условия труда и «быта» в концлагере описывает бывший заключенный № 73759 Эли Миньо: «Мы работали по 12 часов в сутки, изготавливая основные и вспомогательные детали для авиационных двигателей БМВ. Это было чрезвычайно трудно, сложно и опасно. Например, многим из нас без какой-либо защиты приходилось погружать заготовки в ванны, заполненные кипящими токсичными растворами и химическими веществами. Другие узники в электрических печах, нагретых до 800 или 900 градусов, выдерживали детали в аммиаке. Этот каторжный труд осуществлялся под неусып-

ным контролем эсэсовцев, что было вдвойне тяжелее и опаснее, так как мы буквально падали от голода и усталости».

2 сентября 1944 г. в концлагере Блайхах объявили, что пятеро заключенных совершили побег, четверо из них были русскими. Действительно ли им удалось уйти от погони или они были пойманы впоследствии, неизвестно, как и неизвестна их дальнейшая судьба. Из документов Дахау, датированных 1944 г., следует, что один из сбежавших заключенных, Алексей Анисимов, родился 22 мая 1917 г., до войны проживал по адресу: Ленинградская (так в документах), ул. Лесной проспект, д. 1, прибыл в Дахау 27 сентября 1943 г., лагерный № 53612. В одном из списков Arbeitslager Blaichach от 16 июля 1944 г., порядковый номер 22, лагерный № 53612, стоит фамилия и подпись Алексея Анисимова. В этом же списке семнадцатым, лагерный № 67864, значится Лифинский Матвей. В отличие от многих тысяч погибших в плену товарищей, заключенный № 67864, как и Алексей Анисимов, прошел через все круги фашистского ада, выжил в Дахау и летом 1944 г. из Аллаха был переведен в концлагерь Блайхах. Последняя запись об Алексее Анисимове в документах Дахау датирована 02.09.1944 и означает Abgang — «выбытие». Семь недель спустя восемь заключенных Блайхаха с пометкой «Fluchtversuch» — «Склонен к побегу» были переведены в главный лагерь Дахау.

Хотя некоторым австрийским узникам и удалось наладить связь с гражданским населением Блайхаха, тем не менее весь мир для пленников был заключен в небольшом пространстве, ограниченном колючей проволокой под током высокого напряжения. Пугающая неизвестность и смерть ходили за каждым из них по пятам. Большинство заключенных Блайхаха прошли многие фашистские лагеря, застенки гестапо и тюрьмы нацистской Германии, подвергались невероятно жестоким испытаниям и гестаповским пыткам, что невозможно забыть ни сегодня, ни завтра — никогда!

Пленные работали в две смены по 12 часов днем и ночью. В цехах завода постоянно присутствовал представитель компании БМВ, который контролировал производство коленчатых валов и шатунов для авиационных двигателей. О размерах производства можно судить по количеству станков (345), размещенных в одном из зданий Альгойской фабрики ткачества и прядения. В то же время в цеху, расположенном на другом этаже, ткачихи-узницы, среди которых были и русские девушки, продолжали производить сукно для вермахта. Входы в здание фабрики находились с противоположных сторон, поэтому пути разных групп узников никогда не пересекались и они не могли видеть друг друга. Помещения для заключенных располагались на первом и третьем этажах фабрики. Из заблокированных окон видны были лишь только ограждения из колючей проволоки, аппельплац и дома на склоне Альпийских гор.

Узники распределялись по этажам в зависимости от их графика работы в дневную или ночную смену. За зданием фабрики на открытой площади — аппельплаце — дважды в день проводилась перекличка. Весь комплекс по периметру был окружен забором из колючей проволоки и высокими сторожевыми вышками. Охрана в лагере состояла в основном из эсэсовцев, несколько охранников были из числа комиссованных по ранению солдат вермахта. Эсэсовцы, опасаясь бомбежек, размещались в подвале. Лагерфюрером (комендантом) концлагеря Блайхах с мая 1944-го по

апрель 1945 г. был обершарфюрер СС Теодор Штутц-Ценнер, нацистский преступник, приговоренный 22 августа 1947 г. военным трибуналом к пожизненному заключению (дело № 000-50-2-105).

Этот немецкий «герой», никогда не воевавший на фронте, заслужил свои воинские награды в концлагерях, воюя с безоружными заключенными. Теодор Штутц-Ценнер родился в 1913 г. В возрасте 23 лет вступил в нацистскую партию. В начале своей эсэсовской карьеры он совершил проступок, который, как ни странно, незначительно повлиял на его продвижение по службе, несмотря на строгость эсэсовского приказа:

«Berlin, den 25.05.1936. Der SS-Mann Stutz Theodor, SS Nr. 271 377, 12/85. SS-Standarte, wirdaus der SS ausgeshlossen.Erganzungsamt.

Berlin, den 25.05.1936. Der mit Verfugung des SS Abschnitts XXIX von 30.01.1936 verhangte DauerausschluB gegen den SS-Mann Stutz Theodor, SS Nr. 271 377, 12/85. SS-Standarte, wurde mit Verfugung des SS Oberabshnitts Sudwest vom 14.03.1936 in eine Bestrafung mit einem strengen Verweis umgewandelt».

«Берлин, 25.04.1936. Эсэсманн Штутц Теодор, эсэсовский номер 271377, 12/85-й СС-полк, исключен из СС. Служебное дополнение.

Берлин, 25.04.1936. В соответствии с пунктом XXIX приказа СС от 30.01.1936 эсэсманн Штутц Теодор, эсэсовский номер 271377, 12/85. СС-полк, руководством юго-западной группы СС отстранен от занимаемой воинской должности с вынесением 14.03.1936 строгого выговора».

Лагерфюрер Блайхаха начал свою службу 25 мая 1941 г. в концлагере Дахау. 19 августа 1941 г. был переведен в Фельдафинг (подлагерь Дахау), где находился до февраля 1942 г. Затем вернулся в главный лагерь Дахау и служил там до августа 1942 г. Из Дахау затем его направили в подлагеря Ехренгут (Мюнхен) и Хеппенхайм. Теодора Штутц назначили комендантом лагеря Ехренгут, который был расформирован после побега заключенного. 20 декабря 1942 г. Штутц снова был переведен в главный лагерь Дахау, откуда предположительно в феврале — марте 1943 г. его направили во внешний лагерь Дахау Аллах, где он был назначен начальником лагерной тюрьмы. 10 мая 1944 г. Теодор Штутца из лагеря Аллах был переведен во вновь создаваемый внешний лагерь Блайхах концлагеря Дахау, комендантом которого оставался до конца апреля 1945 г.

26 апреля 1945 г., когда французские войска приблизились к Блайхаху на расстояние около 50 км, Штутц-Ценнер получил приказ эвакуировать лагерь в австрийскую долину Отцталь, расположенную в Тироле. Под охраной эсэсовского конвоя 416 заключенных лагеря Блайхах пешим маршем двинулись в направлении небольшой баварской деревни Оберйох, расположенной в горах на высоте 1200 м. Восемь или девять заключенных во время марша были брошены в горах из-за их полного физического истощения, десятки охранников при конвоировании колонны разбежались. Когда выяснилось, что впереди по маршруту продвигаются американские войска, эсэсовцы развернули колонну заключенных и погнали назад в Блайхах, где всех узников заперли и заблокировали в помещениях лагеря, а сами скрылись в неизвестном направлении.

30 апреля 1945 г. разведывательные подразделения 3-го африканского егерского полка (3-е RCA) подполковника Гильберта тактической группы (CC1) полковника Грусса 1-й танковой дивизии генерала Сюдрэ 1-го армей-

Они выжили в Дахау, чтобы свидетельствовать против нацизма

ского корпуса генерала Бетуара 1-й французской армии генерала Жана де Латтра де Тассиньи вошли в Блайхах и освободили из концлагеря более 400 заключенных.

Немецкий философ Георг Гегель высказал предположение, которое почему-то приписывают Марксу, что история повторяется дважды: один раз в виде трагедии, другой раз в виде фарса. Учитывая, что Россия — страна особая и удивительная, как и русский народ, и «гримасы истории» у русских иногда случаются особые и удивительные: те же разведывательные подразделения того же 3-го африканского егерского полка полковника де Мезанже де Сент-Андре, участвовавшие в 1854—1856 гг. в войне с Россией и пленении русских солдат и офицеров в Крыму, спустя 90 лет после Крымской войны 30 апреля 1945 г. в Германии освободили русских заключенных (один из которых был лейтенант Лифинский), плененных немцами в Крыму во время Великой Отечественной войны (только фамилии командиров 3-го африканского егерского полка по понятным причинам разные).

Бывший комендант концлагеря Блайхах Теодор Штутц-Ценнер в 1947 г. предстал перед военным судом и был обвинен в преступлениях против заключенных концлагерей Дахау, Фельдафинг, Ехренгут, Хеппенхайм, Аллах, Блайхах. Ему вменялись пытки, избиения и жестокое обращение с узниками. Штутц-Ценнер принимал участие в отборе с последующей отправкой пленных в другие лагеря смерти, а также участвовал в казнях русских заключенных через повешение.

22 августа 1947 г. Теодор Штутц-Ценнер, как военный преступник, был приговорен к пожизненному заключению и отправлен в тюрьму Ландсберг, но уже 23 мая 1955 г. его освободили. Основываясь на ранее полученных свидетельских показаниях, прокуратура установила, что за время существования лагеря зарегистрирована смерть только одного голландского и двух русских заключенных. После окончания войны еще трое русских узников погибли в освобожденном лагере. На кладбище Кирхплатц-3 похоронены один голландский (Марк Шараф) и четверо русских заключенных (Михаил Глокум, Евгений Жаринский, Иван Лысенко, Федор Бушок). На надгробной плите выбито: «Здесь покоятся бывшие заключенные концлагеря Блайхах».

Немецкая прокуратура попыталась пересмотреть приговор Штутца-Ценнера повторно, однако в июне 1962 г. дело было закрыто. В качестве свидетелей допросили местных жителей, членов городского совета Блайхаха и бывших сотрудников жандармерии. Все они заявили, что никогда не слышали о каких-либо преступлениях в лагере и ничего не знают о жестоком обращении эсэсовцев с пленными. Никогда и ничего! Все показания свидетелей и документы этого следствия затем были уничтожены и в настоящее время не существуют. Дальнейшая судьба Теодора Штутца-Ценнера неизвестна.

Здание Альгойской фабрики ткачества и прядения, в котором заключенные концлагеря Блайхах во время войны изготавливали детали для авиадвигателей, используется сегодня компанией «Бош» для производства автомобильных аксессуаров.

Каждый заключенный концлагеря Блайхах во время войны и плена прошел суровые испытания, у каждого судьба была тяжелой и по-своему трагичной. Чтобы убедиться в этом, достаточно послушать любого из них.

Бывший заключенный концлагерей Дахау и Блайхах № 59703 Борис Узар родился 11 марта 1926 г. в Словении. У него было шесть братьев и сестер. Его отец Петр Узар, именем которого в настоящее время назван дом престарелых в Словении, был коммунистом. В 1941 г., когда немцы заняли Словению, Борис учился в школе в Монфальконе. Отец и его соратники ушли в горы к партизанам. Из-за тайных встреч со своим отцом и связей с партизанами Бориса вскоре арестовали и посадили в тюрьму в Бегунье. Через пять недель его освободили как несовершеннолетнего. Поскольку Борис находился под постоянным наблюдением и ему грозил повторный арест, он вынужден был бежать в Любляну, где в это время его брат Станко примкнул к партизанам.

В мае 1942 г. Борис также присоединился к партизанам. В партизанской бригаде, вспоминал Борис, он стал свидетелем «расстрела» пятерых итальянцев. Их поставили на край ямы, приказали раздеться до нижнего белья. Хотя они просили о пощаде, плакали и молились, раздались выстрелы, и все итальянцы попадали вниз. На следующий день, когда Борис с партизанами проходили через деревню, одна женщина рассказала, что видела итальянцев, на которых из одежды было только нижнее белье. Затем выяснилось, что итальянцев не расстреляли, а лишь для наказания и устрашения сымитировали расстрел.

Вскоре Борис был схвачен карательным отрядом «Белой гвардии» — словенской профашистской организации, сотрудничавшей в годы Второй мировой войны с немецкими и итальянскими нацистами. Итальянцы сначала отправили его в тюрьму, а затем в лагерь Гонарс. Вместо имени ему присвоили номер заключенного 11510. В этом лагере были женщины и дети, многие из которых умирали от истощения и голода. Борису часто приходилось относить тела умерших детей на кладбище. Голод был настолько суровым, говорил Борис, что матери иногда не давали детям хлеба. Смерть любого узника в лагере скрывалась, чтобы выжившие смогли получить лишний кусок хлеба.

Через некоторое время Бориса перевели в другой лагерь, где режим был немного слабее. Кто-то в лагере ему сказал, что здесь находится его отец, и Борис Узар получил разрешение на встречу с ним. Вскоре после капитуляции Италии в сентябре 1943 г. в лагере возникла неразбериха, все немцы сбежали, а Борис с отцом опять вынуждены были расстаться. Узар вернулся в Словению и вновь примкнул к партизанам, но во время немецкого наступления в конце 1943 г. попал к нацистам в плен, прошел ряд тюрем и лагерей, а затем был отправлен в концлагерь Дахау. В то время ему было всего 18 лет.

После прибытия в декабре 1943 г. в Дахау всех заключенных раздели донага, затем наголо обрили и распределили по баракам. Борису присвоили № 59703 и поместили в блок № 23. У него из вещей были только деревянные башмаки, лагерная роба, полотенце и ложка, которые он сохранил после освобождения. Жизнь в лагере была крайне мучительной. Если узник из-за болезни или сильного истощения не мог своевременно прибыть на аппельплац, рассказывал Борис, его немедленно убивали и тело несли в крематорий, чтобы сжечь. Заключенных часами заставляли стоять на плацу в любую погоду. Многие узники были так ослаблены, что двух часов не выдерживали и падали. Их били кнутом, как животных, а затем, если они

не могли подняться, отправляли в крематорий. В лагере был голод такой силы, что узники съедали всю траву на территории, не давая ей вырасти. В Дахау Борис встретил своего друга из соседнего села, Янко Добре, № 42699, вся семья которого находилась в лагерях. Земляк спас Бориса от голода, за что он всю жизнь был благодарен другу.

Некоторые трагические эпизоды Борис запомнил в мельчайших подробностях. Например, помнит казнь русских военнопленных, повешенных за то, что пытались сбежать из лагеря. У одного из них во время казни порвалась веревка, но его все равно повесили. Перед этим его еще раз избили ногами, а затем казнили. Также Борис помнит, как жестоко убивали евреев. Много смертей ему пришлось увидеть в свои молодые годы.

В Дахау Узар пробыл около месяца, потом его перевели во внешний лагерь Аллах, расположенный в 9 км от главного лагеря Дахау. Из узников формировали команды, которые ежедневно направлялись колоннами на работу в каждый из пяти цехов завода БМВ. Рабочая команда, в которой был Борис, производила детали двигателей БМВ для самолетов. Заключенные работали по 12 часов 14 дней подряд. Это было крайне тяжело и утомительно, но Борис думал только о том, чтобы остаться в живых.

В июле 1944 г. Узар был направлен в Блайхах — внешний лагерь Дахау, о чем свидетельствует сохранившаяся в архивах Дахау ведомость SS-Arbeitslager Blaichach от 16 июля 1944 г., в которой шестым значится Борис Узар, лагерный № 59703. Всего в этом списке 26 человек: 8 немцев, 7 югославов, 6 поляков, 3 русских, 1 голландец, национальность одного узника неизвестна.

Когда Борис Узар после плена вернулся домой, ему помогли устроиться на обувную фабрику. В 1948 г. его призвали в армию, где он пробыл полгода. Тех ужасов, которые Борис пережил в нацистских лагерях, он никогда не забудет. После войны Узар четырежды приезжал в мемориальный комплекс Дахау и до последнего времени поддерживал связь с другими лагерниками, пока те были живы.

Бывший заключенный концлагерей Дахау и Блайхах № 77763 Виктор Мишот родился в Париже 28 апреля 1909 г. в бедной семье. Его отец Густав работал каменотесом, мать Элиза — швеей на дому. У Виктора было два младших брата. Семья Мишот жила в маленькой двухкомнатной квартире, в которой не было воды, газа и света. В 1923 г., когда Виктору исполнилось 14 лет, он начал работать помощником каменотеса. В возрасте 15 лет был арестован за выступления против колониальной войны в Марокко и распространение листовок. В 1932 г. из-за туберкулеза легких и частых госпитализаций его полностью освободили от воинской обязанности.

В 1933 г. в возрасте 24 лет Виктора избрали в ЦК ФКП. С 1933 г. Мишот работал главным редактором журнала и одновременно сотрудничал с редакциями нескольких газет. В сентябре 1939 г. Виктор вынужден был перейти на подпольную работу. С апреля 1941 г. он принял участие в создании на юге Франции вооруженных отрядов движения Сопротивления, но уже 28 июня 1941 г. его арестовали в Тулузе, а 23 сентября военный трибунал приговорил Виктора Мишота к пожизненному заключению и бессрочным каторжным работам.

В октябре 1943 г. его перевели в тюрьму Эсс. После подавления в тюрьме восстания, вспыхнувшего 19 февраля 1944 г., власти Виши взяли в

заложники 50 заключенных, среди которых находился и Виктор Мишот. Двенадцать заложников были приговорены к смертной казни и расстреляны. Вместе с остальными заложниками 13 мая 1944 г. Виктора перевели в другую тюрьму, откуда в печально известном «поезде смерти» отправили в концлагерь Дахау, где его затем вместе с Эли Миньо перевели в концлагерь Блайхах.

Из воспоминаний Виктора Мишота: «...когда поезд отбыл из Ульма, мы спросили немецких железнодорожников, куда нас везут? Дахау! — был ответ. На конечной остановке конвой открыл двери вагона, и мы увидели вдоль состава груды трупов наших товарищей. От станции узников погнали через город в лагерь, затем мы преодолели рвы, наполненные водой, и увидели огромную надпись над входом «ARBEIT MACHT FREI» — «ТРУД ОСВОБОЖДАЕТ». Вокруг нас, полностью обессиленных, голодных, страдающих от невыносимой жажды, в удивительно чистой полосатой робе стал кружить на велосипеде оберкапо (главный капо) лагеря и по-французски оскорблять колонну заключенных. Он «принял нас», всех раздели донага, остригли, обработали какой-то кислотой и переодели в старые армейские шмотки всех родов войск Европы...

В «поезде смерти» Компьень — Дахау 2—5 июля 1944 г. при транспортировке погибло 984 заключенных».

В конце апреля 1945 г. во время марша заключенных из Блайхаха в Австрию Виктор и его товарищи совершили побег, но затем вернулись в освобожденный лагерь. Когда Виктор Мишот 12 мая 1945 г. отправился из Блайхаха во Францию, он весил всего 35 кг.

Товарищ Виктора Мишота Эли Миньо, заключенный Дахау и Блайхаха № 73759, был простым рабочим, плотником по профессии, участвовал в освободительном движении в странах Магриба, за короткое время стал одним из лидеров коммунистической партии Алжира (1934—1938). В декабре 1938 г., после возвращения в Париж, Эли Миньо избрали в ЦК ФКП. Французская компартия во время оккупации Франции фашистской Германией в 1940 г. осталась единственной вооруженной организованной патриотической силой в стране. С сентября 1941 г. Эли Миньо участвовал в вооруженном сопротивлении на юго-западе Франции. В августе 1943 г. его арестовали и в течение пяти дней подвергали пыткам в отделе специальных сил в Лионе, а затем перевели в знаменитую тюрьму Эсс, из которой в июне 1944 г. отправили в концлагерь Дахау, куда он прибыл 20 июня 1944 г.

Эли Миньо вспоминает: «6 августа 1943 г. в департаменте Рона меня и моего товарища Роберта задержали сотрудники специальной бригады коллаборационистского режима Виши в Южной Франции. С июня 1943 г. я входил в военное командование юго-западного подразделения FTPF в «Южной зоне». (FTPF — крупнейшая военная организация движения Сопротивления во Франции в 1941—1944 гг.) Полицейские в наручниках доставили нас в Лион. Роберта постигла та же участь, что и меня: его били дубинками, стульями по спине и груди. Наши мучители жгли нам кончики пальцев и уши сигаретами. Несколько раз за день полицейские ставили Роберта передо мной: «Это, — спрашивают, — ваш товарищ? Почему вы ничего не хотите сказать по-доброму? Вы хорошо знаете, что мы в конечном счете будем знать о вас все». Роберт качал разбитой головой, давая понять, что он им ничего не сказал. В этом я не сомневался».

В Дахау Эли Миньо прибыл 20 июня 1944 г., ему присвоили лагерный номер 73759, а через некоторое время отправили в концлагерь Блайхах.

После войны за участие в движении Сопротивления Эли Миньо было присвоено звание капитана и вручена медаль Сопротивления, а в 1981 г. его наградили крестом рыцаря Почетного легиона. Принадлежность к ордену Почетного легиона является высшим знаком отличия, почёта и официального признания особых заслуг во Франции.

Бывший заключенный концлагерей Дахау, Аллах и Блайхах Леопольд Рабинович родился в семье еврея, эмигрировавшего из России во Францию. Его мать была родом с Украины, а дед являлся видным раввином еврейской общины Ковно (Каунас) в Литве.

В восемнадцать лет Леопольд ищет работу, перебивается случайными заработками, разгружает на причалах песок с барж, очищает канал в Версальском дворце, помогает коммунистам, находящимся в тюрьме, перечисляя им часть скудного заработка. Он читает труды Маркса, Ленина, увлекается русской литературой, особенно ему нравится Горький. Когда Леопольд решил переехать в СССР, он обратился в советское консульство, где заявил, что восхищен Советским Союзом и мечтает помочь Стране Советов построить социализм. «Товарищ, там социализм построен, его во Франции надо строить, чего вы ждете?» — ответили ему.

С осени 1940 г. Рабинович участвует в движении Сопротивления, распространяет листовки в Париже, пишет призывы и лозунги на стенах. Преследуемый полицией за коммунистическую деятельность, Леопольд покидает Париж 6 июня 1942 г. и вместе со своим братом Львом Рабиновичем перебирается на юг Франции.

В Лионе Леопольд Рабинович бродит по улицам без денег и жилья... Случайно встретив друга Саймона Розенбаума из Парижа, Леопольд поселяется с ним на чердаке дома. Саймон помогает ему установить связь с группой Сопротивления, состоящей из евреев. Рабинович вспоминает: «Один из них спросил меня: «Ты хочешь бить врага?» Я ответил: «Да». Он показал мне оружие и сказал, что среди его товарищей есть республиканцы из Испании, бойцы интернациональных бригад, которые обучат меня военному делу». Так Рабинович стал членом группы движения Сопротивления, состоящей из иммигрантов со всех концов Европы, имеющих боевой опыт борьбы с нацистами.

Один из них, Саймон Фридом, стал обучать Рабиновича подрывному делу, показывал ему, как из обычной трубы, заполненной динамитом, изготовить бомбу, чтобы пускать под откос немецкие поезда в районе Лиона и Гренобля, где действовала их группа. Взрывные устройства закладывались под рельсы, вес локомотива был детонатором, который воспламенял бикфордов шнур, и происходил взрыв. Партизаны юга Франции, в число которых входили Леопольд Рабинович и его брат Лев, совершили более 450 нападений на немецких солдат и диверсий на дорогах, железнодорожных станциях, складах и заводах.

Шесть месяцев спустя Рабиновича и его брата арестовали на площади Белькур в Лионе, а их товарища Саймона Фридома 4 декабря 1943 г. казнили на гильотине. Леопольд был приговорен к пожизненному заключению и переведен в центральную тюрьму Эсс.

19 февраля 1944 г. Леопольд Рабинович принял участие в попытке массового побега и восстания заключенных в тюрьме, организованного голлистами и коммунистами. Заключенные взяли в заложники администрацию и начальника тюрьмы. Перестрелка с охраной длилась всю ночь, но при поддержке немецкой армии восстание было подавлено. Военно-полевой суд приговорил к смертной казни 12 человек из числа организаторов и активных участников мятежа, приговор был приведен в исполнение утром 23 февраля 1944 г.

30 мая 1944 г. более одной тысячи узников тюрьмы, включая Леопольда Рабиновича и его брата Льва, перевели в транзитный лагерь в Компьене (Франция), откуда 18 июня 1944 г. отправили в концлагерь Дахау. Поезд с заключенными прибыл в Дахау 22 июня 1944 г. Льва Рабиновича направили в Бухенвальд, где он пробыл до конца войны и в 1945 г. вернулся во Францию.

Леопольд Рабинович вспоминает: «В Дахау евреям приказали выйти из строя. Тогда я обратился к Торе, которая разрешает евреям нарушать обязательства в случае опасности, и я не вышел из строя. Рабинович означает «сын раввина», поэтому в концлагере я назвал себя Ралиновичем. (В документах Дахау изменена только вторая буква фамилии — ID 287717: ROBINOVITSCH Leopold, 06.01.1922, Paris, № 73 947, Blaichach.) Это сработало». Ему присвоили лагерный номер 73947 и 15 дней держали в Дахау, а затем отправили работать на завод БМВ в команду Аллах, откуда позже перевели в Блайхах, где он проработал на заводе БМВ до конца войны. 28 апреля 1945 г. при конвоировании заключенных из Блайхаха в Австрию Рабинович и несколько узников в горах совершили побег. Они возвратились назад в Блайхах, когда лагерь освободили французские войска.

Элидио Миола, бывший заключенный Дахау и Блайхаха № 69786, родился в 1924 г. в Турине. В 1942 г. устроился работать на завод «Фиат». В мае 1944 г., чтобы избежать призыва в итальянскую армию, воевавшую на стороне Германии, решил уйти в партизаны, но в районе Триеста был пойман эсэсовцами, арестован и с группой пленных направлен в концлагерь. Охранники предупредили, что если кто-либо по дороге сбежит, то за каждого сбежавшего расстреляют десять человек.

В начале июня 1944 г. поезд ночью прибыл в Дахау, но не на станцию, а на полустанок, который находился рядом с полем. Заключенных построили в колонну и погнали в лагерь. Утром 2 июня 1944 г. всех отвели в барак, где приказали раздеться, отобрали все вещи, остригли, продезинфицировали, выдали полосатую робу и всех зарегистрировали. В первые дни пребывания Элидио Миолы в лагере часто гремела музыка или раздавался шум заведенных моторов машин, иногда чувствовался какой-то едкий запах, но многие узники тогда еще не понимали, что это такое. Только потом заключенные узнали, что немцы шумом работающих двигателей грузовиков и громкой музыкой заглушают пытки и расстрелы узников.

Элидио Миоле присвоили лагерный номер 69786, выдали красный треугольник, который приказали нашить на робу, и определили на время карантина в блок № 15, откуда заключенных не выводили на аппельплац. В конце июня или начале июля всех узников заставили пройти босиком и голыми в другой барак, где в середине блока стоял стол, за которым сидел эсэсовец. Он по одному осматривал заключенных, заглядывал в рот, пово-

рачивал каждого спиной, затем передом, что-то записывал, а потом приказал одеться. Всех построили и отправили в Аллах — внешний лагерь Дахау. Там Миолу заставляли рыть траншеи и котлованы, толкать вагонетки с землей по рельсам. Эта работа сильно изнуряла Элидио. Он не понимал большинства языков, на которых разговаривали другие заключенные, так как был единственным итальянцем среди французов, русских и поляков. Один из французов, который немного говорил по-итальянски, сказал ему: «Эй, парень, если ты хочешь остаться в живых, то не думай ни о других заключенных, ни о своих родных, ни о семье, а думай изо дня в день только об одном: как тебе выжить». Эти слова до глубины души потрясли Элидио Миолу.

Затем его отправили работать на завод БМВ, в цехах которого заключенные изготавливали детали для двигателей самолетов. Когда начались интенсивные бомбежки завода, заводское оборудование вывезли, а Миолу и часть заключенных перевели на фабрику в Блайхах. Там его снова определили в цех, производящий шатуны для авиадвигателей БМВ. Вдвоем с чехом Элидио стал работать на токарном станке.

В Аллахе была виселица — «фирменный знак» любого концлагеря. В один из дней, вспоминает Миола, заключенным приказали построиться в ряд по десять человек, барак за бараком, блок за блоком, затем привели одного русского, зачитали приговор на немецком языке и его повесили, а всех заключенных заставили смотреть на казнь. Никто не имел права отвернуться, потому что капо ходили вдоль строя и били любого, кто хоть немного поворачивал голову. Потом выяснилось, что русского заключенного повесили за так называемый саботаж, который состоял в том, что узник поднял из мусора выброшенный кусок кожи, чтобы починить обувь. За этот клочок кожи его и повесили.

Через два месяца Элидио Миолу отправили в Блайхах. Режим там был менее жестоким, чем в Аллахе и Дахау, так как лагерь был не очень большим. В Блайхахе находилось не более 25 итальянцев. Остальные были русские, поляки и в большинстве своем французы. В помещении, куда распределили Элидио Миолу, он был единственным итальянцем, кроме него было 11 русских заключенных. Все спали на двухъярусных нарах. Последний раз он видел этих русских в конце войны после освобождения лагеря, когда они брали билеты на вокзале. Миола не стал к ним подходить, потому что там были русские девушки, которые трудились на ткацкой фабрике выше этажом.

На заводе БМВ в Блайхахе все заключенные работали в две смены — 12 часов ночью и 12 часов днем, с шести часов утра до шести вечера и с шести вечера до шести утра, шесть дней в неделю, часто приходилось работать и в воскресенье. Из лагеря до завода надо было идти метров 400—500, не больше, но Миола за это время успевал сильно замерзнуть, потому что ночью и в первой половине дня температура в горах опускалась ниже 20 градусов, а на нем была только старая рубашка и холщовая роба.

В цеху, где работал Элидио Миола, необходимо было строго следить за процессом стабилизации шатунов авиадвигателей, для чего требовалось неуклонно соблюдать технологию. Шатуны загружались в печь, нагретую до 500—600 градусов, затем их снимали с крюков и помещали внутрь емкости с солью, расплавленной при температуре 900 градусов. После

этого надо было нажать на специальную кнопку, чтобы загорелась красная лампочка, и включить реле, а потом, когда загорался зеленый свет, необходимо было достать шатуны и погрузить их в машинное масло. Вслед за этим шатуны перекладывали в печь и через строго определенное время доставали назад. Из этих этапов и состоял процесс стабилизации.

Однажды после стабилизации шатуны деформировались. Эсэсовское и заводское руководство заявило, что все виновные будут выявлены и немедленно расстреляны. Во время расследования, после повторного контрольного испытания, проведенного в присутствии немецких специалистов, шатуны после стабилизации так же деформировались. Тогда эсэсовцам стало ясно, что в этом нет вины заключенных. Позже был выявлен сбой в работе реле, которое вовремя не сработало, в результате чего зеленая лампочка загорелась не через минуту, а через минуту и пятнадцать секунд. В эти пятнадцать секунд и произошла деформация шатунов.

Комендант лагеря, главный из эсэсовцев, на Рождество в декабре 1944 г. произнес речь, которую Элидио Миола будет помнить очень долго. Комендант сказал, что он надеется и верит, что в следующем, 1945 г. каждый из заключенных встретит Рождество у себя дома. Слова коменданта лагеря Блайхах, говорит Миола, означали только одно: что дела у нацистов на фронте шли крайне плохо. Таким способом комендант пытался частично реабилитировать себя перед узниками, по этой же причине немцы приготовили для заключенных на Рождество макароны с соусом из томатной пасты и гуляш из мяса лошадей, убитых во время бомбежек. Около пяти часов, когда пришло время еды, немцы объявили воздушную тревогу. Элидио Миола утверждает, что это была самая вкусная еда, которую он когда-либо ел за всю свою жизнь.

Блайхах бомбили постоянно до самого конца войны. Вечером в один из последних дней апреля всех узников внезапно построили на аппельплаце, чтобы затем маршем погнать через Альпы в Маутхаузен, находящийся по ту сторону гор в Австрии. Заключенные шли два дня и две ночи в гористой сельской местности, говорит Миола, по пути следования колонны их заставляли ночевать на складах и в сараях для оборудования и инструментов. Однажды случайно заключенные услышали разговор охранников между собой, что идти вперед невозможно, так как там им навстречу приближаются американцы, а повернуть назад и двигаться в противоположном направлении нельзя, потому что там им навстречу идут французские войска. Всех узников эсэсовцы повернули назад и снова заключили в лагерь Блайхах, при этом заперли и заблокировали все помещения, предварительно предупредив, что будут стрелять в любого, кто попытается выйти наружу.

Через некоторое время после затишья один из заключенных сообщил, что охранников больше нигде не видно. Когда узники взломали двери и вышли наружу, то увидели, что часовых нигде нет. Вскоре неожиданно появился джип с марокканцами в военной форме, один из них сказал: «Война закончилась!» Затем марокканцы уехали, после этого прибыл танк. Он сделал несколько холостых выстрелов в знак освобождения лагеря. Это было в конце апреля. Лагерь Блайхах, большинство заключенных которого были французами, освободили французские войска, поэтому многие узники стали петь «Марсельезу», и все радовались освобождению.

Первыми партиями из лагеря на родину стали отправлять французов, вместе с ними ушли русские, потом поляки, и остались одни итальянцы, о репатриации которых никто своевременно не позаботился.

Поскольку большинство заключенных лагеря ушли, Элидио Миола и еще четверо или пятеро узников взяли коляску, немного провизии и направились в американский гарнизон, находящийся в 60 милях, чтобы американцы помогли им вернуться на родину. Когда французские войска заняли Блайхах, они всем узникам концентрационного лагеря выдали справку, с которой Миола пришел в американскую зону. Здесь Элидио пробыл два или три дня, затем его и других бывших заключенных привезли на грузовиках в Инсбрук. Поскольку в Инсбруке не было вагонов и машин, то заключенных на подводах и повозках, сопровождающих домашний скот, отправили в Больцано, откуда с попутным грузовиком они выехали в Италию. Доехав до Милана, все итальянцы разошлись по своим сторонам, а Миола на попутном грузовике поехал в Турин.

В Турине Элидио Миола пришел домой в полосатых лагерных брюках, которые он решил сохранить на память, но его сестра их выбросила. Двоюродный брат, бывший партизан, сообщил, что родной брат Миолы погиб, а его мама лежит в больнице. Элидио Миола прибыл домой 15 июня 1945 г.

Германия, Блайхах, штаб французских войск, 8 мая 1945 г. Молодой французский офицер 1-го армейского корпуса неторопливо достал из сейфа круглую печать, подошел к столу, на котором стопками лежали готовые бланки справок, напечатанные почему-то на немецком языке, и, ставя печать на русский перевод, написанный от руки, улыбаясь, весело произнес: «Etvoilatout, leseigneur. Votre promenade a travers les camps terminee. Bon voyage dans la patrie!» — «Вот и все, господа. Ваш променад по немецким лагерям закончился. Счастливого пути на родину!»

Офицер французского корпуса, видимо, не догадывался, что стоящие перед ним худые, изможденные русские люди за годы пребывания в нацистском плену научились не только понимать по-французски, но и бегло говорить как минимум еще на одном-двух европейских языках. Шутка веселого француза про «легкую прогулку по немецким лагерям» ни у кого из присутствующих не вызвала и тени улыбки.

Взяв готовый бланк, бывший заключенный концлагеря Дахау № 67864 быстро пробежал глазами по тексту, написанному сбоку на полях: «Данная справка дана Лифинскому Матвею рожд. 1915 г. в том, что он действительно находился в концлагере Дахау команде Блайхах, где был освобожден из заключения французскими войсками 30/IV 1945 г. Французское командование».

Судьба заключенных Блайхаха после освобождения сложилась по-разному, но все они, независимо от национальности и мест проживания, до конца жизни будут помнить те ужасы, которые им пришлось пережить в нацистских лагерях. Их воспоминания адресованы потомкам, чтобы подобное никогда не повторилось. Тот, кто не знает и не помнит прошлого, не знает ни настоящего, ни самого себя.

Продолжение следует

Александр ТКАЧЕНКО

«Из подростков созидаются поколения...»

К 20-летию комплексной научной эколого-краеведческой экспедиции Николаевского района «По родному краю»

Родное Заволжье. Для постороннего человека — просто бескрайние степные просторы. Для тех, кто здесь родился и вырос, кто с ним связал свою судьбу, — край с интереснейшей историей, богатым растительным и животным миром. За вторую половину двадцатого века он претерпел огромные изменения, без преувеличения, тектонического характера, связанные с жизнедеятельностью человека. Изучению их и была посвящена комплексная научная эколого-краеведческая экспедиция Николаевского района «По родному краю», посвящённая 60-летию Сталинградской победы и 85-летию газеты «Заволжье». Она проходила ни много ни мало на протяжении трех лет — с 2002 по 2004 год. Свою актуальность в области познания окружающего мира и современного его состояния она не потеряла даже спустя два десятилетия.

Следы жизнедеятельности человека в нашем крае науке известны по разным источникам с IV тысячелетия до н. э. Через Заволжье, «в силу его

ТКАЧЕНКО Александр Иванович — кандидат политических наук, почётный член Волгоградской областной организации «Союз журналистов России», член редакционного совета журнала «Отчий край». Родился в 1956 году. Живёт в г. Николаевске Волгоградской области. Член Санкт-Петербургского клуба моряков-подводников и ветеранов ВМФ. Участник 13 дальних походов на атомном ракетном подводном крейсере стратегического назначения. Глава Николаевского района Волгоградской области в 2000—2009 годах. Член Волжского Шолоховского центра, один из создателей Дома-музея М. А. Шолохова в Николаевске Волгоградской области. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Имеет почётное звание «Лауреат премии Слипченко». Эксперт дискуссионного клуба «ЧеловекЪ».

географического положения, проходили маршруты движения древних племён и народов. Наша степь помнит сарматов, нашествие гуннов». «Здесь, — как отмечает автор книги «История земли Николаевской» писатель-краевед Е. В. Малюта, — сменяли друг друга хазары, булгары, печенеги, половцы, гузы. После них наступило небывалое нашествие татаро-монгольской Орды. Она осела на левом берегу Волги со столицей в Сарай-Берке, следы которой до сих пор сохранились на территории Ленинского района. После распада Орды на протяжении ещё трёх столетий по нашей земле кочевали ногайцы, калмыки, астраханские татары, киргиз-кайсаки. В конце XVI века, после присоединения Казанского и Астраханского ханств, служивших плацдармом для нападения на русские земли, Нижнее Поволжье окончательно вошло в состав Русского государства».

Для николаевцев судьбоносным событием стало восшествие в 1741 году на российский престол Елизаветы Петровны, дочери Петра Великого. Именно благодаря ей началось заселение и активное освоение заволжских земель нашими предками — великороссами и малороссами.

Для удовлетворения потребности государства в соли и пополнения государственной казны 16 февраля 1747 года императрица издаёт указ о добыче соли на Эльтоне. А уже вскоре, 24 февраля того же года, Правительствующий сенат издаёт указ о наборе работных людей для постройки городка у озера Эльтон и соляных амбаров против Дмитриевска на луговой стороне. Этим указам предшествовала экспедиция во главе с вятским воеводой подполковником Н. Ф. Чемодуровым «для достоверного свидетельства и описи того озера». Именно ему мы обязаны появлением на левом берегу Резницкой воложки слободы Никольской, переименованной впоследствии в Николаевскую. Николай Фёдорович Чемодуров может по праву считаться по-настоящему первым исследователем знаменитого заволжского солёного озера Эльтон и основателем нашей слободы Николаевской, снискавшей в России имя знатной.

Спустя всего лишь четверть века в нашем Заволжье и на Эльтоне побывали экспедиции под руководством российских учёных академиков И. И. Лепёхина и П. С. Палласа. Результаты своих научных путешествий они изложили в бесценных научных трудах. Но и после них наш край продолжал вызывать большой интерес у исследователей. И не только у них, но и у знаменитых писателей, историков, промышленников, даже изобретателей. С историей нашего края в широком смысле этого слова связаны имена Степана Разина, Емельяна Пугачева, Александра Суворова, русского писателя и редактора знаменитого журнала «Отечественные записки» Павла Свиньина, легендарного французского романиста Александра Дюма.

«Особо хотелось бы отметить нашего заволжского земляка, уроженца слободы Рахинка Царевского уезда геолога Павла Александровича Православлева, из 59 написанных научных работ которого, как отмечал С. Н. Мосников в своей книге «Золотое озеро», более половины посвящены Нижнему Поволжью и Прикаспию». Именно П. А. Православлев исправил ошибки изучения геологии Эльтона, допущенные ещё в 1834 году профессором К. Ф. Гебелем и «успешно» перекочевавшие в работу «Геологическое описание Европейской России и хребта Уральского» английского геолога Р. И. Мурчисона, никогда не бывавшего на Эльтоне.

Последняя масштабная археологическая экспедиция состоялась в 1951—1957 годах в связи со строительством Сталинградского гидроузла. В Заволжье, в том числе и в нашем районе, в 1952—1956 годах проводились работы Заволжским отрядом Сталинградской археологической экспедиции АН СССР под руководством профессора Саратовского государственного университета Ивана Васильевича Синицына.

И вот прошло почти полвека. За это время как-то поугас научный и познавательный интерес к знаменитому озеру Эльтон и к нашему заволжскому краю, несмотря на то что здесь произошли серьезные изменения, связанные, как уже было сказано, с жизнедеятельностью человека. Подхватить эстафету учёных мужей-первопроходцев, продолжить их дело решились энтузиасты Николаевского района.

История этого смелого решения такова. По воспоминаниям главного редактора николаевской районной газеты «Заволжье» Елены Сергеевны Богатырёвой, однажды, в 1997 году, в редакции зашёл разговор о необходимости организовать научную экспедицию по изучению истории родного края, потому что все участники встречи сошлись во мнении, что за последнее десятилетие оказалось почти забытым краеведческое дело: школьники и даже взрослые мало что знают о родном крае, о его воистину великих делах и достижениях, о его прославленных героях. В частности, о том, что Николаевская земля вырастила пятерых Героев Советского Союза и четырех Героев Социалистического Труда, многие были награждены высокими государственными наградами за свои трудовые и ратные подвиги. Местные жители знали, что Николаевск — родина дважды Героя Советского Союза лётчика-космонавта СССР Ю. В. Малышева, но ничего им не известно было о проведенных в родном городе детских и школьных годах будущего покорителя космоса, о его родителях.

Участники того памятного разговора в редакции районной газеты пришли к выводу, что никак нельзя предавать забвению славное прошлое родного края, иначе появится поколение людей, не помнящих своего родства. По предложению сотрудника редакции Анатолия Михайловича Тупицына решили начать с археологии. Директор николаевской гимназии Елена Александровна Квитко и преподаватель той же гимназии Тамара Тимофеевна Кедровская сформировали группу ребят и совершили поездку на древние курганы в районе устья реки Еруслан. С 1998 года здесь в течение четырёх полевых сезонов экспедиция под руководством профессора Владислава Ивановича Мамонтова и старшего научного сотрудника Волгоградского государственного педагогического университета Николая Борисовича Скворцова, сделавшего в 80-х годах по заданию АН СССР карту древних курганов Заволжья, производили раскопки. Археологи обнаружили предметы бронзовой, катакомбной, срубной, сарматской культур, а также предметы и утварь, свидетельствующие о захоронениях поздних кочевников: гуннов, печенегов, татаро-монголов.

«Наряду с освещением археологических успехов районная газета, — отмечала в статье «Дорогами предков» Е. С. Богатырёва, — вновь и вновь писала о необходимости проведения комплексных исследований родного края. Но лишь через пять лет нашей задумке суждено было сбыться. Пришедший на должность главы администрации Николаевского района Александр Иванович Ткаченко вник в нашу идею, понял, какой заложен потен-

В. Ф. Чернобай демонстрирует руководству района коллекцию змей

Вкусный обед — залог успеха

циал гражданского воспитания молодого поколения в этом движении. Он приложил все усилия, чтобы такая экспедиция состоялась».

В декабре 2000 года я был избран главой администрации Николаевского района. Это было очень сложное время. Страна преодолевала последствия дефолта 1998 года, ставшего закономерным итогом социально-экономической политики, проводимой в нашем государстве в 90-е годы после уничтожения СССР. Переход к рынку по лекалам наших заокеанских «партнёров» привёл к исчезновению целых отраслей экономики, к деградации и разрушению агропромышленного комплекса, основу которого составляли колхозы и совхозы. Для селян это вылилось в зарастающие бурьяном поля, невозможность эффективного использования мелиоративного комплекса, катастрофический сброс поголовья в животноводстве, снижение объёмов производства, потерю рабочих мест и как следствие в высокую дотационную зависимость сельских муниципалитетов, ко всему прочему обременённых многочисленными долгами, нередко превышающими доходы их бюджетов. Многомесячные задержки зарплат, в том числе и в бюджетной сфере, социальных пособий, сопровождались забастовками и митингами. Вот картина того времени. Анализ социальных, экономических и финансовых проблем, требующих решения в районе, позволил сделать необходимые выводы, сформулировать задачи и определить приоритеты по их решению во взаимодействии с региональными и федеральными органами власти.

В то же время, кроме тяжёлого социально-экономического наследия первого постсоветского десятилетия, особую тревогу вызывало духовно-нравственное состояние общества. Курс на деидеологизацию, фальсификацию отечественной истории, а порой и её забвение, отказ от традиционных для нашего народа ценностей, насаждение культа наживы — все это оказало серьёзное влияние на формирование мировоззрения, прежде всего молодёжи. Было очевидно, что мы не решим задачи социально-экономического развития без возрождения культуры, коллективизма, интереса к истории страны и родного края. Как руководитель отдельно взятого муниципального района, я, безусловно, понимал, что не могу влиять на процессы, идущие в масштабах государства, но в то же время было убеждение: каждый на своём месте должен делать всё возможное для возрождения родного края и страны. Именно поэтому мы изначально придавали вопросам культуры и истории серьёзное значение.

Стимулом в работе стало избрание в марте 2000 года нового президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина, с которым, после безвременья 90-х, наш народ связывал надежды на возрождение страны.

Уже в первый год моей работы в должности главы администрации района, 26 августа 2001 года, накануне дня рождения лётчика-космонавта СССР, дважды Героя Советского Союза Юрия Васильевича Малышева, в торжественной обстановке была открыта памятная доска на доме, в котором он жил с рождения и до 1958 года. В этот же день в киноконцертном зале «Космос» состоялся памятный вечер, посвящённый 60-летию нашего звёздного земляка, на котором присутствовали жители города Николаевска и района, почётные граждане, ветераны войны и труда, молодёжь. Документальный фильм, снятый о мероприятиях, посвящённых памяти

Юрия Васильевича, сохранил воспоминания его одноклассников и николаевцев, помнящих поистине триумфальные встречи космонавта Малышева на родной земле после его полётов в космос. И это был только первый шаг в важной работе по восстановлению исторической памяти и преодолению ложных ценностей, агрессивно навязываемых нам «цивилизованным сообществом» в 90-е годы.

Впоследствии, при въезде в город на капитальной конструкции был размещён баннер, информирующий, что город Николаевск является родиной дважды Героя Советского Союза, лётчика-космонавта СССР Ю. В. Малышева; состоялось открытие дома-музея М. А. Шолохова, нашедшего приют вместе со своей семьей в слободе Николаевской в годы Великой Отечественной войны; присвоение детской музыкальной школе имени великого советского композитора Георгия Васильевича Свиридова (построена благодаря его помощи в бытность депутатом Верховного Совета РСФСР); присвоение детско-юношеской спортивной школе имени первого её директора — Алексея Михайловича Богатырёва, воспитанники которого прославили наш город не только на всероссийских и всесоюзных спортивных соревнованиях, но и на молодёжных европейских первенствах, создание подростково-молодёжного клуба «Буревестник» военно-патриотической направленности, воспитанники которого принимали участие во всех торжественных мероприятиях, посвящённых памятным датам в истории нашей страны и района; в День пионерии 19 мая, как и в былые времена, торжественные приёмы школьников в пионеры на главной городской площади имени В. И. Ленина, с последующим организованным посещением Мамаева кургана и музея-панорамы «Сталинградская битва» в городе-герое Волгограде; присвоение городскому парку Николаевска, накануне 60-летия победы советского народа в Великой Отечественной войне, имени «Парк Победы» и посадка деревьев молодёжью города с участием ветеранов Великой Отечественной войны; открытие памятной доски в присутствии дочери полководца Натальи Александровны Матюхиной на доме в Николаевске, в котором квартировал командир 13-й гвардейской стрелковой дивизии Герой Советского Союза генерал-майор Александр Ильич Родимцев, и обновлённой памятной доски на здании типографии, где во время доукомплектования в 1942 году располагался штаб легендарной дивизии; восстановление в памяти николаевцев имён, представлявших нас в высшем законодательном органе страны в разные исторические периоды: депутата второй Государственной думы Российской империи николаевского волостного старшины Василия Андреевича Белаева и депутата Верховного Совета СССР IV созыва председателя колхоза имени В. И. Ленина Анастасии Михайловны Марининой, о чём свидетельствует памятная доска, торжественно открытая в присутствии общественности и молодёжи на бывшем здании волостного правления (исполкома райсовета в советское время), в котором в настоящее время располагаются районный суд и прокуратура; проведение православной конференции с участием митрополита Германа и строительство православного храма Святой Троицы, колокола которого зазвонили в пасхальную ночь 2008 года, впервые после 30-х годов прошлого столетия; утверждение герба и флага Николаевского района в геральдическом совете при президенте Российской Федерации и многое, многое другое.

«Коля, это солончак», — объясняет кандидат геологических наук Э. Н. Сохнина Николаю Олейникову

Научный консультант экспедиции Тимофей Барабашин обнаружил редкую окаменелеость

Предложение о проведении комплексной научной экспедиции, наряду с научными исследованиями, открывало новые возможности по воспитанию молодого поколения в духе любви к Отечеству и родному краю.

Символично, что впервые проекты комплексных экспедиций по неизученным провинциям Российского государства разработал ещё в 1765 году величайший русский учёный Михаил Васильевич Ломоносов, но ему не суждено было увидеть практическую реализацию своих планов. Лишь три года спустя после смерти Михаила Васильевича его ученик Иван Иванович Лепехин возглавит «Оренбургский отряд» и станет в июле 1769 года первым исследователем, в том числе и нашего края. В экспедицию Лепехина входили студент Николай Озерецковский, ставший в дальнейшем академиком, интересный нам, волжанам, ещё и тем, что установил исток Волги, гимназисты Андрей Лебедев и Тимофей Мальгин, чучельщик Филипп Федотьев и рисовальщик Михайло Шалауров, тоже юнцы.

Следуя замечательной традиции, в состав нашей экспедиции включили учащихся школ района, молодых учителей, журналистов, чтобы знания, полученные ими в экспедиции, стали доступны всем школьникам района и способствовали изучению истории родного края и Отечества. Кстати, всего за три года в работе экспедиции приняли участие 75 школьников из нашего района, а также группа учеников из Быковского района под руководством краеведа Надежды Тимофеевны Тюкиной. Впоследствии, много лет спустя, при совершенно неожиданных встречах участники экспедиции с благодарностью вспоминали то увлекательное и полезное путешествие по дорогам наших предков. Особенно приятно было услышать признание некоторых молодых земляков, что на их выбор будущей профессии повлияло именно участие в экспедиции. Наверное, многим тогда запомнился торжественный момент того примечательного исторического события.

2 августа 2002 года, 7 часов 30 минут, городской парк Николаевска. Для учёных, обеспечивавших научную составляющую работы экспедиции, и жителей райцентра наступил долгожданный старт первого этапа комплексной научной эколого-краеведческой экспедиции по маршруту «Слобода Николаевская — озеро Эльтон».

Торжественное построение участников экспедиции у краеведческого музея «Земля — Космос». Приняты доклады руководителей экспедиции о готовности к началу работы, сказаны напутственные слова, пожелания успешных исследований и интересных открытий. Я хорошо помню то солнечное и тихое августовское утро. Вглядываюсь в лица ребят, которые буквально горели желанием быстрее окунуться в увлекательное путешествие по дороге наших предков — чумацкому шляху на Эльтон. Звучит команда «По автобусам». Всё пришло в движение, строй торжественного построения сломался в одно мгновение, слышится задорный смех, гвалт, понятный только ребятам, спешащим отправиться в первую в своей жизни научную экспедицию. Во всём этом чувствовалась неудержимая энергия, присущая, наверное, только такому юному возрасту. Участники экспедиции занимают места в автобусах в соответствии с утвержденным графиком движения. Должен заметить, что работа экспедиции увлекла не только школьников нашего района, но и их родителей, педагогов, немалое число руководителей предприятий, учреждений и простых граждан, без чьей помощи невозможно было проведение столь масштабного мероприятия,

У Ярослава Гниловщенко мощный бинокль — подарок главы района А. И. Ткаченко

проходившего в три этапа в течение трех лет по территории Николаевского, Быковского и Палласовского районов.

Возглавили исследовательские отряды педагоги образовательных учреждений Николаевского района — учителя географии Е. В. Стеблева и Е. В. Караулинский, учитель истории Е. И. Умбеткалиева, учитель химии А. С. Пименова, педагоги методического центра М. В. Чередниченко, В. И. Савина, которая во время учёбы в университете была студенткой научного руководителя экспедиции профессора В. Ф. Чернобая, аспирант кафедры зоологии Ростовского педуниверситета Т. О. Барабашин, магистрант Волгоградского государственного педагогического университета Е. В. Тишина. Как тут не вспомнить И. И. Лепёхина и его студентов! Это ли не подтверждение и через века не утратившейся связи поколений и не теряющей своей актуальности задачи изучения родного края...

Для обеспечения работы комплексной научной экспедиции требовалась серьёзная подготовка. Необходимо было продумать вопросы питания, медицинского и транспортного обслуживания, безопасности участников экспедиции. Отдельной проработки требовал вопрос научного обеспечения. Предстояло исследовать вопросы истории и краеведения, фольклора и обычаев, флоры и фауны, ландшафтов, водных ресурсов и географических особенностей родного края. С этой целью задолго до начала работы экспедиции, 18 апреля 2002 года, мною было подписано распоряжение о создании организационного комитета. В состав оргкомитета вошли руководители администрации района, редакции районной газеты «Заволжье», Центральной районной больницы, гимназии, Волгоградского государственного педагогического университета, автотранспортного предприятия, сельхозпредприятий района. Для более эффективной координации работы, своевременной и качественной подготовки экспедиции я принял решение лично возглавить оргкомитет.

Важное значение для реализации нашей инициативы имела поддержка председателя комитета по делам молодёжи администрации Волгоградской области А. В. Варакина, который оказал не только финансовую поддержку, но и на итоговой научно-практической конференции дал высокую оценку результатам работы экспедиции в деле изучения родного края и воспитания молодого поколения. Впечатлённый научными докладами ребят и знакомством с участниками экспедиции, он выразил уверенность, что возрождение России придет из глубинки.

С поставленными задачами мы успешно справились. За всё время напряжённой и интересной работы не было зафиксировано ни одного случая заболевания, нарушения техники безопасности и дисциплины. Благодаря главам сельских администраций на территориях, по которым проходила экспедиция, Н. Ф. Хаценко, М. В. Бочковой, Н. В. Никольскому, А. И. Николенко, А. Б. Комарову, В. И. Харченко и директорам школ Б. Ф. Дубскому, В. А. Ротко, М. В. Ломиноге, С. Н. Лысенко, Н. Д. Калининой, Н. Н. Кирпа, директору детского оздоровительного лагеря «Пионерские зори» Л. П. Ширяевой были организованы качественное питание и места отдыха. Помогли решать вопросы с обеспечением деятельности экспедиции спонсоры: СПК «Морозовка» (генеральный директор А. Н. Артёмов), где угостили ребят вкуснейшим хлебом собственной выпеч-

Ни одна прыткая ящерка не ускользнёт от профессора В. Ф. Чернобая

Научный руководитель отряда «Флора» Л. Ф. Савельева с участницей экспедиции учителем химии А. С. Пименовой

ки и провели увлекательнейшую экскурсию по ознакомлению с памятником архитектуры деревянного зодчества начала XX века — мельницей Пфляумера, сохранившейся в рабочем состоянии до настоящего времени; ОПХ «Россия» (директор В. М. Зинченко), здесь не только вкусно накормили и обеспечили первую ночёвку участников экспедиции, но и организовали посещение современного кукурузно-калибровочного завода, оставившего у ребят сильное впечатление, ведь подобных предприятий такого уровня в тот период было всего два на всю нашу страну (там же, в Ленинской средней школе, состоялась интересная встреча с учителем истории Н. В. Бибиком, рассказавшим ребятам об истории села); агрофирма «Восток» (генеральный директор В. Н. Струк), ЗАО «Прогресс» (директор М. Т. Ханбахадов) и Николаевский филиал ОАО «Росгосстрах-Волгоград (директор В. Н. Трощенко).

Главный врач Николаевской ЦРБ Б. И. Жуков организовал с коллегами квалифицированное медицинское обслуживание участников экспедиции. Директор автотранспортного предприятия Н. Н. Евдокимов обеспечил бесперебойные перевозки детей. Начальник спасательной станции Виктор Павлович Колесниченко лично переправлял участников экспедиции для проведения научных исследований на безымянный остров у грузовой переправы на Старой Николаевке. Надёжно была обеспечена безопасность участников экспедиции сотрудниками милиции под руководством начальника Николаевского РОВД подполковника милиции А. С. Макеева.

Серьёзная ответственность возлагалась на В. В. Яценко, который, будучи на первом этапе руководителем экспедиции, опробовал «на марше» все тонкости управления неординарным коллективом. Его опыт в полной мере будет востребован на последующих этапах работы и позволит более эффективно решать вопросы обеспечения жизнедеятельности экспедиции.

Всегда на боевом посту была неутомимая О. В. Гузенко — председатель комитета по делам молодёжи администрации Николаевского района и одновременно неизменный заместитель руководителя экспедиции на протяжении всей её работы.

Особая миссия выпала районной газете «Заволжье». Коллектив редакции под руководством Е. С. Богатырёвой стал не только инициатором комплексного исследования нашей малой родины и истории её освоения нашими предками, но и создал летопись экспедиции. А это то, что цены не имеет, ибо остаётся в истории навсегда. В этой творческой работе принимали участие как молодые журналисты Е. А. Гудименко, А. А. Лепещенко, М. Ю. Ломако, А. А. Пермякова, так и опытные их коллеги Н. В. Гребенникова, А. М.Тупицын, чьи знания по истории вопроса оказали существенную помощь краеведам в исследовании загадок прошлого, О. А. Осьмакова, запечатлевшая историю экспедиции в событиях и лицах и создавшая уникальную фотоколлекцию о всех трех этапах её работы, А. П. Ананьев, записавший для районного радио «Заволжские зори» интервью и репортажи об экспедиции.

Сложную задачу по научному обеспечению работы экспедиции пришлось решать председателю комитета по образованию администрации Николаевского района А. А. Головачёву. Успешно справиться с этим ему помогло обращение к коллегам в свою альма-матер.

Экспедиционный отряд на озере Булухта, 2003 г.

Участники итоговой научно-практической конференции, 29.10.2004 г.

Научным руководителем экспедиции и отряда «Фауна» стал профессор кафедры зоологии, экологии и общей биологии Волгоградского государственного педагогического университета Василий Федотович Чернобай — председатель Волгоградского отделения Союза охраны птиц России, автор более 180 научных и научно-популярных работ. Он издал десять книг — учебно-методических пособий по зоологии и проблемам охраны природы, монографии «Птицы Волгоградской области», один из авторов «Красной книги Волгоградской области». Эти работы учёного имели практическое значение для участников экспедиции при проведении научных исследований.

Именно В. Ф. Чернобаю и А. А. Головачёву предстояло нести основную нагрузку по руководству экспедицией. Благодаря их слаженной работе был успешно выполнен весь комплекс запланированных мероприятий, подготовлены и проведены научно-практические конференции.

Василий Федотович был удивительным человеком, бесконечно одержимым наукой. Складывалось впечатление, что о птицах он знал практически всё. Он пользовался непререкаемым авторитетом и уважением среди всех участников экспедиции, что в значительной мере способствовало чёткой организации работы и определяло качество проводимых исследований. В результате с ученым сложились самые тёплые и искренние отношения, которые сохранились на все годы до его ухода из жизни.

Признаюсь, работа экспедиции и общение с учёными расширили мой кругозор по всем вопросам научных исследований. Монография В. Ф. Чернобая «Птицы Волгоградской области» и книга «Ключевые орнитологические территории России», где совместно с Э. Н. Сохиной, Е. А. Киляковой написан раздел об особо охраняемых природных территориях Волгоградской области, стали для меня важным подспорьем для принятия решений по вопросам экологии и землепользования, бережного сохранения лиманов (как отмечает в своей книге «Флора и растительность лиманов Нижнего Поволжья» кандидат биологических наук Л. Ф. Савельева, — не только как богатого источника корма для скота, но и места размножения, жительства и концентрации редких птиц во время их сезонных миграций).

По рекомендации В. Ф. Чернобая были приглашены учёные для организации работы экспедиции по всем намеченным направлениям.

Научным руководителем отряда «Флора» стала кандидат биологических наук, специалист по лекарственным растениям, автор более 70 научных работ Любовь Фёдоровна Савельева. Работу по изучению ландшафтов и ключевым природным территориям возглавила кандидат географических наук, ведущий специалист Волгоградского центра сохранения биоразнообразия, автор многочисленных научных работ по проблемам охраны природы Эвелина Николаевна Сохина. Знания по водным ресурсам участники экспедиции получили от Киляковой Елены Андреевны, автора многочисленных работ по проблемам водных ресурсов, ранее работавшей заместителем начальника управления водного бассейна Волгоградской области. Географические особенности нашего края ребята исследовали под руководством действительного члена Русского географического общества, учёного секретаря Волгоградского отделения РГО, автора многочисленных научных статей Сергея Николаевича Моникова. Краеведческая ра-

бота проводилась под руководством заведующего сектором Волгоградского областного научно-производственного центра по охране памятников истории и культуры, научного консультанта экспедиции Леонида Валерьевича Гуренко, открывшего ребятам многие тайны истории освоения нашими предками Заволжья. В частности, одна из них касалась сохранившейся до наших дней со времен Петра I уникальной земляной крепости на западном берегу Эльтона, первое упоминание о которой относится к 1705 году. Весьма символично, что прадед Леонида Валерьевича был уроженцем слободы Николаевской. Научным руководителем отряда «Фольклор» на заключительном этапе экспедиции стал доктор филологических наук, профессор Волгоградского государственного педагогического университета, председатель правления областного отделения Всероссийского фонда культуры Василий Иванович Супрун. Исследования под его руководством представляли для нас, николаевцев, особый интерес, так как расширяли познания нашего «происхождения» на заволжской земле. «Николаевский район — уникальная территория, — отмечал Василий Иванович. — Здешние жители составляют своеобразный этнический остров, на котором сохранилась своя самобытная культура, выраженная в речи, песнях и традициях». Он так отозвался об экспедиции: «Мне нравится этот проект, в нём заложено будущее. Я просто уверен, что дети, участвующие в экспедиции, через несколько лет сами станут учёными».

«Наши юные филологи, — как написал в статье «Население. Фольклор. Обычаи. Обряды» участник экспедиции журналист А. Лепещенко, — составили словарь, содержащий приблизительно тысячу лексических единиц местного диалекта, который называется иначе хохлячьим говором. К примеру, в Левчуновке была найдена и тотчас записана фраза: «Двир проз двир» — «Дом около дома».

«Это что-то невероятное, — прокомментировал профессор В. И. Супрун. — Данная форма выражения восходит к праславянскому единству. Одним концом она упирается в чешский и словацкий языки. Но её не знают ни украинцы, ни русские, а вот восьмидесятипятилетняя жительница Левчуновки Александра Васильевна Ткачева использует эту фразу как родную».

Согласитесь, очень своевременное и ценное открытие в контексте современных событий, когда заокеанские глобалисты и англосаксы в очередной раз активно создают очередные искусственные барьеры между славянскими народами и толкают их в пучину взаимоуничтожения.

Активное участие в работе экспедиции приняли наши соседи из Быковского района: глава администрации Александровского сельсовета О. Г. Пархоменко, директор Красносельского историко-краеведческого музея Д. Т. Чернавина, глава администрации Красносельского сельсовета В. Н. Петрунин — настоящий патриот родного края, который не только обеспечил все условия для работы и отдыха участников экспедиции, но и принял непосредственное участие в её работе, показал членам экспедиции чумацкий шлях — кратчайший путь до озера Булухта, посвятил ребят в тайны названий прудов и познакомил с особенностями сбора талых вод у озера Булухта. Интересно информировала своих земляков об экспедиции редактор газеты Быковского района «Коммунар» Е. Г. Нестеренко, принимавшая участие в научно-практических конференциях. Незабываемое гостеприимство

оказал участникам экспедиции директор Путыльичёвской школы Палласовского района Р. Х. Касымов.

Венцом экспедиции стало пребывание на Эльтоне. Здесь ей оказали неоценимую помощь в изучении «золотого озера» и прилегающих территорий главный врач Эльтонского санатория Светлана Викторовна Гердт (Гнутова), директор природного парка «Эльтонский» Лидия Александровна Мисюрина, Юлия Анатольевна Некруткина — специалист по управлению агроландшафтными комплексами, автор научных работ по охране природы, впоследствии сменившая Л. А. Мисюрину на посту директора природного парка. Атмосферу радушного приёма членов экспедиции создали глава администрации Эльтонского сельсовета Анатолий Григорьевич Резников и директор Эльтонской средней школы Людмила Александровна Коровина. Без этих грамотных и неравнодушных руководителей результаты экспедиции были бы гораздо скромнее и не имели бы логической завершенности.

Под руководством учёных учащиеся выполнили большой объём научных исследований и подготовили интересные научные доклады для научно-практических конференций, проводившихся после каждого этапа экспедиции. По итогам трёхлетней работы была издана книга «Результаты комплексной научной эколого-краеведческой экспедиции Николаевского района (2002—2004)», которую направили во все библиотеки сельских поселений и образовательных учреждений нашего района для использования при изучении родного края. В данную книгу, ставшую практически сразу раритетом, включены в том числе и некоторые лучшие работы школьников, участвовавших в экспедиции. Для многих участников научно-практических конференций стали открытием доклады учащихся Степновской средней школы Анастасии Николенко, познакомившей нас с ключевой орнитологической территорией России международного значения «Степновский угол», и Марии Михайловской, рассказавшей о трёх уникальных орнитологических центрах Заволжья. «Так называемое Эльтонско-Булухтинское бутылочное горлышко, — сказано в докладе, — каждую весну и осень пропускает через себя от полутора до двух миллионов пернатых, среди которых немало краснокнижных видов».

С докладом о редких краснокнижных птицах выступил учащийся Николаевской гимназии Ярослав Гниловщенко, по оценке В. Ф. Чернобая, самый активный и глазастый член отряда «Фауна», первым обнаруживший на лимане Солодком краснокнижных колпиц и получивший от главы района в подарок бинокль. Учащаяся Николаевской средней школы № 2 Екатерина Хаценко познакомила с представителями класса пресмыкающихся, обитающими на Бережновских островах, в Ерусланском заливе Волгоградского водохранилища и в речке Мента. Высокую оценку профессора В. Ф. Чернобая и руководителя группы «Фауна» В. И. Савиной получил доклад «Краснокнижные птицы Приэльтонья» учащейся Приозёрской школы Палласовского района З. Бисиновой. Десятиклассник Левчуновской школы Александр Чердаков в своём докладе обобщил материал полевой археологической практики. Доклад учащегося Левчуновской средней школы Владимира Николенко напомнил «о Пермском море, покрывавшем большую часть Русской платформы 286 миллионов лет назад» и сегодня напо-

минающем о себе, когда мы рассматриваем уникальные возвышенности в заволжской степи: Большое и Малое Богдо, Улаган. Посвятил нас в историю происхождения соляных куполов, «залегающих на глубине от 60 до 250—300 метров, площадью от 50 до 200—250 квадратных километров, которых в недрах Прикаспия «затаилось» около 2000, и они растут. О последнем море, заливавшем Заволжье около 70 тысяч лет назад. Об ушедшем на юг около 40 тысяч лет назад Хвалынском море. Навсегда ли?»

Замечательные доклады по вопросам особенностей языка, обрядов, обычаев, примет, песням предков представили учащаяся Левчуновской средней школы Елена Николенко, учащаяся из Бережновской средней школы Яна Погорянская, учащаяся Политотдельской средней школы Ольга Лавриненко. Обогатили наши познания в краеведении замечательные исследования учащихся Бережновской средней школы — Евгении Демидович, чья работа «Памятники архитектуры Чумацкого тракта» стала победителем районной краеведческой конференции и получила четвёртое место в области, и Анатолия Ярового об истории прибрежных сёл Николаевского района — Левчуновки, Политотдельского, Бережновки и Молчановки. Убедительно показала трудную, но и в то же время славную историю самого дальнего в районе посёлка учащаяся Новобытовской средней школы Алия Исмакова, не согласившаяся с убеждением одного из народных избранников: «В Новый Быт ехать не к кому и незачем». Для счастливого будущего, по мнению юной участницы экспедиции, надо трудиться, а не разрушать то, что создано нашими предками. Как здесь не вспомнить библейское: устами младенца глаголет истина!

Уже не первое десятилетие после уничтожения Советского Союза мы в современной России ищем идею, способную сплотить многонациональный российский народ и в едином порыве строить счастливое будущее, при этом в Конституции нашей страны констатируется, что никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. С недавних пор вновь актуальной стала тема патриотического воспитания с «младых ногтей». В средствах массовой информации, в том числе и местных, задаются вопросом: как защитить детей от тлетворного влияния западной пропаганды, как оздоровить народное просвещение от издержек и перекосов, перечёркивающих целые десятилетия нашей истории.

Справедливости ради, следует отметить: переписывание истории не наше ноу-хау! Эта проблема известна ещё со времён основателя исторической науки Фукидида. Современный мир тоже не одно десятилетие «бурлит в несправедливом котле истории» и одержим исправить накопившиеся «неточности» в беге времени. Вероятно, давние замыслы западных идеологов переписать историю человечества и перевести их на современном этапе в практическую плоскость заставили Министерство просвещения и депутатов Государственной думы Российской Федерации озаботиться состоянием умов молодого поколения.

Как нередко случается в нашей стране, давно очевидная проблема для общества становится неожиданной для определённых чиновников и народных избранников. В таких случаях можно услышать самые невероятные сентенции. И неважно, как их реально претворять в жизнь, главное — «глубина мысли»! Вот и сейчас, чтобы привить любовь к Родине, не мудрствуя

лукаво, предложили ввести изучение истории с 1-го класса. При этом для реализации такого предложения пока нет ни программ, ни учебников, ни обученных педагогических кадров, способных дать знания по такой тонкой материи в столь раннем возрасте. И неудивительно, что возникшая дискуссия выявила массу противоречий. Достаточно показательно, что никого из высокопоставленных дискутантов не смутила целесообразность такой инициативы в принципе. Ведь никому же в голову не пришло преподавать в начальной школе линейные уравнения по математике. Не разумнее ли соблюдать принцип от простого к сложному и при изучении истории?

А начать, возможно, следует с уроков краеведения. В том и заключалась ценность нашей экспедиции, что она была краеведческая. Вот тот опыт, полученный задолго, ещё 20 лет назад, до проявленной озабоченности данным вопросом Министерства просвещения, и я уверен, что он, в той или иной форме, не единичен на территории нашей огромной страны. У каждого человека должна быть точка опоры, которую привычнее называть нам малой родиной. И когда ты сам принимаешь активное участие в изучении этой малой точки на карте страны, то твоё отношение к объекту исследования меняется основательно. Утраченные за последние десятилетия чувства сопричастности и ответственности за происходящее вокруг нас благодаря таким исследованиям реанимируются из небытия.

Может, хватит с завидным постоянством «изобретать велосипед», не правильнее ли обратиться к тому, что давно известно? В русской классике таятся ответы на самые злободневные вопросы современности. И здесь, как нельзя кстати, актуальны слова Николая Семеновича Андреева, бывшего воспитателя главного героя романа Ф. М. Достоевского «Подросток» Аркадия Макаровича Долгорукого, из ответа на посланную ему для анализа рукопись «подростка»: «Но такие «Записки», как ваши, могли бы, кажется мне, послужить материалом для будущего художественного произведения, для будущей картины — беспорядочной, но уже прошедшей эпохи. О, когда минет злоба дня и настанет будущее, тогда будущий художник отыщет прекрасные формы даже для изображения минувшего беспорядка и хаоса. Вот тогда-то и понадобятся подобные «Записки», как ваши, и дадут материал — были бы искренни, несмотря даже на всю их хаотичность и случайность. Уцелеют, по крайней мере, хотя некоторые верные черты, чтоб угадать по ним, что могло таиться в душе иного подростка тогдашнего смутного времени, — дознание, не совсем ничтожное, ибо из подростков созидаются поколения…»

Фотосессия Ольги ОСЬМАКОВОЙ

Проза

Валерий БЕЛЯНСКИЙ

Семнадцать километров до Вернадовки

— Ну и что теперь делать? — водянистые глаза Фомича смотрели злобно и даже яростно.

Две одинокие фигуры обнимала черноземная ночь и тишина, удивительная для узловой станции. Вокруг разбегались змеящиеся рельсы.

Неделю назад Ершов привез бригаду на пуск чешской маслолинии в Тамалу. Завотделом в молочном управлении выдал несколько адресов: где пусконаладка нового объекта, как в Тамале, где требуется ремонт. Маслолиния еще не нуждалась в наладочных работах — всё тянулся монтаж, вели свои коммуникации электрики. Дав задание на дефектовку двигателей и опрессовку готовых рукавов, Ершов забрал Фомича и поехал по одному из ремонтных адресов в Земетчино. Судя по карте, два транспортных узла, Земетчино и Вернадовка, где оказались путешественники, располагались в 17 километрах. И вот теперь, стоя в час ночи на множественных рельсах Вернадовки, они находились в полной растерянности: ни поездов до необходимой станции, ни места ночлега не просматривалось.

Отведя глаза от пугающего взгляда коллеги, Ершов пошарил взглядом по пустынному пространству станции и обнаружил едва тлеющий огонёк. Он направил стопы к тусклой лампочке, не обращая внимания на причита-

БЕЛЯНСКИЙ Валерий Владимирович — поэт, прозаик, член Союза писателей России. Родился в 1959 году. Живёт в Волгограде. Окончил Волгоградский политехнический институт. Заведующий литературно-драматической частью в Волгоградском молодежном театре. Автор книг «Город», «Архитектура», «На перегонах», «Лексикон», «На срезе века». Публиковался в альманахах «Стихи этого года», «Академия поэзии», «Раритет», журналах «Провинциальные ведомости», «Нива», «Отчий край», «Шар», «Наш современник», «Простор» (Казахстан), антологии «И мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово!». Лауреат Первого международного конкурса поэзии «Глагол» Министерства культуры РФ. Лауреат Государственной премии Волгоградской области, премии «Сталинград».

ния шкандыбающего позади Фомича. В хлипкой бендежке сидел за радиоузлом дежурный по станции.

— Дружище, нам как-то реально до Земетчино добраться?

Тот оценил рабочий вид бедолаг и грустно протянул:

— На десятом пути тепловоз стоит. Попроситесь.

И вот уже командированные бегут, считая рельсы, к одинокому тепловозу.

— Возьмете до Земетчино?

— Залезай!

Сели на холодный металлический пол кабины машинистов.

— Сколько ехать?

— Да часа два.

— Что? Здесь же всего 17 километров!

— А вы эту ветку видели? Ползти будем едва-едва.

И в самом деле, между рельсами порой даже молоденькие деревца попадались. Устав наблюдать однообразный пейзаж, вырастающий под тепловозными фарами, улеглись прямо на полу и заснули. При первом утреннем свете растолкали машинисты: прибыли.

Под крики полусонных петухов отправились искать гостиницу. Устроились в деревянном домике с удобствами на улице, пару часов покемарили и на завод. Директор встретил с распростертыми объятьями:

— Ребята, сделайте что-нибудь с линией розлива. Треть бутылок давит! Замучились уже, ничего не помогает.

Пошли в цех. Небольшая линия розлива молока в пол-литровую стеклотару не имела даже извлекателя и укладчика. Пустые бутылки ставились, а полные снимались с конвейера в ящики вручную, что для столь небольшого заводика было естественным. Запустили процесс. И в самом деле, две-три бутылки выходили после мойки расколотыми.

— Выручайте, хлопчики! Заплатим нормально.

Пока Ершов, почесывая голову, размышлял, что может служить причиной боя и стоит ли браться, Фомич сбегал к задней части бутыломойки и, открыв дверцы, что-то рассматривал в наполненной водой ванне, откуда по металлическим направляющим выползала стеклотара. Потом закрыл ванну и кивнул Ершову, дескать «беремся».

Тот обсудил с директором сумму гонорара и поспешил к коллеге:

— Слушай, я думаю, что лопнули или погнулись одна или несколько направляющих. Тогда здесь работы на неделю и сварщик нужен. Одно не пойму, почему все время на разных направляющих бутылки давит?

— Все проще! У них стекла битого половина поддона. Направляющие на нем выгибает, и бутылки давятся.

— Точно, а битое стекло постоянно перераспределяется, меняет рельеф, поэтому и давит посуду на разных линиях!

— Ну, это я не понимаю. Ты, главное, побыстрее заключай договор и не говори причину, а то мало заплатят. Посидим тут дня три, потремся у линии, почистим ванну, деньги получим и айда к нашим.

— Я скажу, что необходимы регулировки. Они действительно нужны. А как мы ее чистить будем? Туда же не подлезешь.

— Есть специальные скребки на длинных ручках, вон в углу стоят. Полчаса работы всех делов-то.

Так и поступили. Днем крутились у линии, совершая различные необходимые регулировки, которые здесь никто и не думал осуществлять годами, а больше делая вид и производя суету. А вечером за 20 минут освободили поддон ванны от продуктов боя и вынесли бумажные мешки из-под сухого молока, наполненные стеклом, на мусорку. Через пару дней совершили показательный пуск линии. Сияющий директор радостно наблюдал, как партия за партией чистая посуда выходит на конвейер невредимой. Под восхищенные взгляды работниц главбухша, сверкая счастливой улыбкой, повела героев в кассу за вознаграждением. Обратно, наученные горьким опытом, возвращались кружным, зато надежным автобусным путем. И сразу сюрприз: монтаж аврально закончен и на завтра назначен пробный пуск.

— А сливки на выдержку поставили? А кислотность соответствующая, а автоматика на выдержке нормально работает? А то нарушат температурный режим в сторону холода, и сливки не дозреют, масляное зерно на линии не образуется, а если наоборот, недоохладят, кислотность превысит норму.

— Да успокойся, — Игорь, отвечавший в бригаде за электрику и КИП с автоматикой, похлопал Ершова по плечу, — я все проверил.

— Ну, тогда к столу. У нас с Фомичом простава, за то, что прикрыли.

Утром цех заполнили заводчане. Все томились в ожидании, столь сложного, да к тому же импортного оборудования здесь отродясь не видали. Народ с уважением поглядывал на суетящихся наладчиков, постоянно путаясь под ногами. Недобро сверкала очками главный инженер, с которой Ершов успел поругаться до отъезда в Земетчино. Дело было так. Он с Фомичом проверял работу движков на линии, включая и выключая их по одному. Щит управления находился у арки в соседний цех, где располагались танки для вызревания высокожирных сливок — исходного продукта для производства масла. Фомич то и дело бегал к пульту и нажимал на кнопку, а Ершов следил за работой проверяемого двигателя и махал рукой, давая команду на выключение. При очередном нажатии Фомичом на кнопку раздался визг, словно металлом скребут по стеклу. Ершов моментально дал отмашку на выключение. Оказалось, что главный инженер послала женщин мыть танки изнутри. А данный насос, подающий сливки на линию, включался одновременно с механизмом перемешивания в танке, огромным как бы пропеллером из нержавейки, медленно вращавшимся по дну. Будь в танке человек поспокойнее и порассудительнее, он бы просто сел на лопасть и катался, голося, пока устройство не остановят. А бедная женщина растерялась и умудрилась попасть ногой между лопастью и стенкой танка. К счастью, вращается этот механизм очень небыстро, а отключить успели настолько резво, что даже синяка на ступне не осталось. Однако главному инженеру Ершов выговаривал, едва сдерживая себя:

— Вы что, не знаете, что все работы на пусковом объекте надо согласовывать с наладчиками?! Хорошо, что она так сразу и истошно заголосила, а то страшно подумать, что могло бы произойти...

Та ничего не ответила, но зло явно затаила, бросая на Ершова недобрые взгляды. Вот и теперь на его просьбу освободить цех от посторонних посмотрела косо, но распоряжение отдала. Наконец все приготовления

Рисунок Вадима ЖУКОВА

закончены, люди проинструктированы и расставлены по местам. Наступила волнующая предпусковая тишина. Редко когда все сразу идет нормально, и не угадаешь, где на этот раз что-то засбоит. Между тем в танках несколько тонн высокожирных сливок, которые надо превратить в масло во что бы то ни стало.

Ершов еще раз оглядел персонал. Местные, стоявшие на простых операциях, свои, занимавшие ключевые позиции, Игорь, застывший у щита управления, — ну, с богом! Следует отмашка, Игорь нажимает кнопку, и вот уже зашумели двигатели подачи сливок и охлаждающей дуло масляной пушки воды, где происходит самое главное: образование масляного зерна. Завибрировали и загудели трубопроводы: сливочный, водяной и паровой. Забегали с ключами слесари, устраняя мелкие протечки на стыках, которые, как ни опрессовывай на воде, будут при первом запуске всегда. Первая масса, появившаяся на выходе, на масло походила мало, и Ершов с Фомичом бросились к регулировочным кранам, пытаясь нащупать оптимальный режим. Споткнувшись о сунувшуюся зачем-то прямо к линии инженершу, Ершов шепотом матюгнулся и схватился за паровой кран. Тот, как видно, плохо затянутый монтажниками, вылетел из гнезда, и живот обожгло горячей струей. Подскочил Фомич. Вместе кое-как, обжигаясь, вставили кран на место, затянули и подрегулировали подачу. Спасибо спецовке, предусмотрительно застегнутой, несмотря на жару. Тем не менее ожог получился болезненный, а обращать на него внимание было некогда — остановить линию означало потерять все сливки в ней и трубопроводах, а это солидное количество. Да и мыть потом линию пришлось бы полдня. Понятно, что мыть будут женщины, но разбирать-то и собирать потом самим, попутно обучая местную обслугу. Через полчаса перебежек, мата и лязга кранов из раструба пошло наконец масло. Хорошей жирности, красивого желтого цвета, с ореховым привкусом, как и положено по техусловиям. Линия вошла в рабочий ритм, звуки перетекли в мерное урчание, и нежная вибрация без рывков и сотрясений снизошла на трубопроводы и механизмы, объединенные в добротное творение человеческого разума и рук, добротно выполняющее свою работу. Еще предстояли несколько таких запусков, с обучением персонала, еще наверняка случится пара стрессовых ситуаций, но было понятно, что за этот объект можно быть спокойным.

Ершову вспомнилось, как в Красном Яре, где после пуска маслолинии российского производства заказчики попросили автомат мелкой фасовки перенастроить на творог, поздним вечером к общежитию, обиталищу наладчиков, подкатила директорская «Волга» — ЧП. Делать нечего: быстренько собрались — и на завод.

— Он работал-работал, а потом щелкнуло — и вырубился, — растерянно лепетала женщина из обслуги.

Сняли короб загрузки. Под отрезным клином дозатора торчал огромный болт, заклинивший установку: творог, просыпавшийся при загрузке в бункер, лопатой собирали с пола и закидывали обратно. Прихватили, не заметив, и болт. Его вынули, собрали устройство. Ершов показал метиз оператору:

— Пойми, человек с пола съест и, максимум, в туалет лишний раз сбегает. А вот машина — не сможет.

Но здесь все вроде бы шло размеренным порядком. Ершов подозвал Игоря:

— Доработайте сливки. Линию пусть местные под вашим руководством разбирают и собирают после мойки. Пора им уже. А я в медпункт, чтобы чем-нибудь брюхо обработали.

Вечером за неказистым ужином в красном уголке, где в целях экономии и удобства от близости рабочего места обитала бригада, Игорь, давясь от смеха, рассказывал:

— А инженерша ходит и шипит: «Это он специально ошпарился, чтобы меня подставить!»

— Ну да, и силу пара рассчитал, чтобы не особо обвариться, и момент выбрал удачный — самое начало пуска. Ну что тут скажешь, выдающаяся женщина!

Через пару недель, нагрузившись маслом собственного производства и копчеными индейками, неожиданно завезенными в местный полупустой продмаг, вышагивали к станции. Игорь «рубил дорогу»:

— Я тут карту изучал. Рядом Вернадовка, а от нее до Земетчино всего 17 километров. Огромный крюк срежем.

— Не-не-не, — Ершов и Фомич понимающе переглянулись. — Только через Саратов. Я тебе в вагоне за бутылочкой все объясню.

Русская мысль

Евгений ПЕРЕВЕРЗЕВ

Обратная сторона океана

(Продолжение. Начало в № 3 за 2020 год)

2022 год — год 30-летия исторического перехода экипажа яхты «Аира» из Волгограда в Кливленд, из центра Европы в центр Северной Америки.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

Костя сказал, что мы идём по краю зоны переменных ветров. Здесь скорость ветра не превышает 5 узлов и постоянно меняется его направление. Если не изменится погода, то, по расчётам нашего штурмана, на Бермудах мы должны быть 28 июля. Становится заметно теплее. Диапазон средних волн на приёмнике так же чист, как и всё пространство за кормой. Вру, видели сегодня стаю касаток и испанское судно. Небо над Атлантикой очень живописное, хочется фотографировать его постоянно. Понемногу все стали прикладывать руки к мытью посуды. Что-то там проснулось в головах. Все, кроме Артура. При очередном мытье посуды придумали себе развлечение — решили проверить чистоту океанской воды брошенной в неё чайной ложечкой. Стало интересно, как долго её будет видно. По счёту раз, два, три ложка была запущена и включен Витькин секундомер.

ПЕРЕВЕРЗЕВ Евгений Игоревич — филолог, журналист, политтехнолог, действительный муниципальный советник, государственный советник Волгоградской области, путешественник, член Союза журналистов России. Родился в 1966 году. Живёт в п. Городище Волгоградской области. Окончил факультет журналистики Волгоградского государственного университета. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020). «Обратная сторона океана» — первое произведение автора.

— Ты смотри, как блестит, будто мы туда целый половник бросили, — посматривал то на секундомер, то на отражение от ложки сквозь толщу воды солнечных лучей Витя.

— Сколько уже?

— Тридцать секунд. Полёт нормальный.

Ложка и не думала исчезать.

— Люди! Какая же здесь вода?! Привыкнешь к такой чистоте и по возвращении домой в Волгу не полезешь. Кому охота в грязи плавать? — Витя завороженно следил за тонущей ложкой.

— Помню, когда в Саратов прилетел на «Кубок Нижней Волги», яхтсмены устроили ужин и пригласили за стол. Поели, выпили, один говорит, что сейчас чай поставит и сходит за водой. Я ещё поинтересовался, мол, а куда здесь за водой ходят. Человек и говорит мне: «А пойдём покажу». Вылезли на палубу, он взял ведро на верёвке, запустил его в реку, поднял и налил в чайник. Тогда уже Волга цвела.

— Да мы так всегда и делаем.

— А теперь ты в неё и ноги не опустишь?!

— Минута, братцы, а её всё видно.

Вдруг какая-то быстрая тень «утопила» уже слабые расползшиеся во все стороны блики ложки в себе.

— Акула! Точно! Она что, её съела?!

— Вот глупое животное. Сорвало нам научный эксперимент.

— Инвентарь зря потеряли. Смотри, боцман, сейчас хозяин вылезет и предъявит счёт, — как-то не по-доброму пошутил Гена.

— Тише, ты! А то и правда придётся последние штаны на Бермудских островах продавать. Я вон Костю тогда попрошу. У него на этот счёт рука лёгкая. Кхе, кхе.

— Нет, Витька, теперь и ты со мной спекулянтом будешь.

Вылез Артур. Все невольно замолчали, и только Витька догадался заполнить паузу:

— Слушайте, никто одной чайной ложки не видел? Не могу досчитаться в своём хозяйстве.

— Да завалилась куда-нибудь, — поддержал я, предложив свежую версию пропажи.

— Как же завалилась! Наверное, когда ты посуду мыл, её за борт вылил из ведра вместе с грязной водой. Чужое имущество все горазды разбазаривать, — бросил в мою сторону Артур.

— С меня в Волгограде чайная ложка.

На том и разошлись.

Пока спал, наши наткнулись на какой-то корабль, отклонившийся, на свой страх и риск, от двух основных магистралей движения. Тот по запросу дал координаты. Ужасная ночь. Тело чешется, нервы как струна. Сна практически нет. Вахта с пяти утра с Артуром. Луна полная и огромная. Она не успела исчезнуть, как появилось такое же огромное солнце. Два светила испепеляют друг друга на разных концах планеты. А между ними наша лодчонка с пятью членами экипажа. Днём загорали, даже искупались. Скорость 4,5 узла, должно помогать попутное течение. За сутки прошли 120 миль. К скрипу в рулевой колонке добавился ещё и скрип листа палубы, оторванного от шпангоута под правой шкотовой лебёдкой. В далёком

далеке прошёл шип. Чуть не налетели на дрейфующую мину! Плавает тут всякое... Вот так бы и всё — пламенный привет! Глупая, нелепая смерть, и таблички бы, которую Артур прикручивал под компасом, не нашли.

Чёрно-заштрихованный квадрат. Если подорвались, было бы легче.

Добрались до 30-й параллели. Курс — 280, скорость 5,5 узла, давление 768 мм рт. ст., за истекшие сутки пройдено 135 миль. Несём грот и спинакер. От Фуншала за кормой остались 690 миль. Шикарный обед из горохового супа, каши гречневой с тушёнкой, чая с печеньем заметно поднимает настроение. Опять плохой сон. Утром ставим спинакер, вечером убираем, ночью нести его не рискуем. Сам по себе включился лаг. Правда, стал выдавать завышенные процентов на двадцать показатели скорости и перемещения. Но, вычислив его погрешность, можно будет теперь измерять скорость не нашими «голландскими» лагами, а электронным прибором — на яхте научно-технический прогресс! Правда, где уверенность в том, что этому электроприбору ещё что-то в голову не придёт?! Полагаться на него уже не приходится. Но всё равно спасибо ему: как-то оживил наше существование.

В десяти метрах от яхты нарисовалась стая нарвалов. Гена аж соскочил с места, ожидая неприятностей. Но те лениво ушли под воду, решив не задерживать на себе наше внимание. Вся команда, поднятая по тревоге, успела рассмотреть их бивни, которые были больше двух метров. Сами нарвалы имели длину более четырёх. Непонятно, что эти любители холода делают в наших широтах? Как ошибаются некоторые учёные, утверждая, что ниже 70-й северной широты эти красавцы фактически не спускаются. Спускаются, ещё как спускаются! Сам видел. Так что, уважаемые океанологи и ихтиологи, если кому-то будет интересно, то воспользуйтесь: 16 июля 1992 года в Атлантическом океане в районе 30 градусов северной широты и 30 градусов западной долготы экипаж яхты «Аира» буквально наткнулся на стаю нарвалов, шедших в направлении с запада на восток. Координаты не откорректированы по минутам. Это был пятый день пути от Мадейры со средней скоростью 6 узлов.

— Несколько ударов такими бивнями — и лодка превратится в решето, — озадачился Артур.

— Таранят они крайне редко, поскольку основное предназначение бивней совсем в другом.

— Это в чём же?!

— Если учесть то, что бивни пронизаны множеством каналов, содержащих нервные окончания, можно предположить, что это локаторы или антенны, подающие сигналы. Эта точка зрения считается последней. Я читал, — проинформировал Костя.

Они только с виду грозные, а на самом деле им до нас не было никакого дела. Поздоровались, полюбопытствовали и лениво поплыли дальше.

Вчера последовал примеру Артура и вымыл голову. Океанская вода совершенно не размыливает шампунь. Пришлось воспользоваться для смыва пресной. Артур бы предупредил, что ли. Экономия пресной воды становится актуальной. Но моя совесть чиста — за шесть суток я только дважды умывался пресной водой и чистил ею зубы. Реже всех. Использую забортную. Теперь внимание на пользование питьевой водой повышено у всех. И всё же чувствую себя неловко — 200 миллиграммов вылил на го-

лову! Непростительная роскошь! Утопили один конец спинакера и зарылись в воде.

Заштрихованно-чёрный квадрат.

Костя сообщил, что мы за эти сутки побили собственный рекорд: прошли 155 миль. Из них где-то 135 — своим ходом, миль двадцать добавило течение. Да, пассаты, в которых мы пребываем, — интереснейшее явление: ветры в этой части океана от экватора до 30-й параллели дуют постоянно и с почти одинаковой скоростью в одном и том же направлении — на запад. Плавание на удивление спокойное, без всяких авралов, но уж слишком продолжительное. До Бермуд — 2600 миль. Помнится, несколько дней назад было 2400. Вот он, размен нужного ветра на расстояние. Это не частые морские лавировки, это одна, но продолжительная в сторону юга. Нужно запастись терпением. Где только эта кладовая?! Утром около камбузного люка обнаружил первую летучую рыбку. Чуть-чуть не долетела до сковородки. Рыбалка для ленивых — рыба сама прилетает!

Спинакер что-то стал не выдерживать постоянной нагрузки — сегодня он в ремонте у старпома.

Как можно двумястами миллиграммами воды умыться, почистить зубы, протереть всё тело вместе с ногами? Можно. Я это сделал! Погода позволяет приготовить первое. Это всегда роскошь. Однообразие в пище, конечно, надоедает, как и во всём. Гречка — рис, рис — гречка. Вермишель нельзя — её нужно промывать: она начала плесневеть. Тратить на это пресную воду жалко, забортной пока не решаемся. Пока... Горох консервированный идёт уже давно в лёгких супчиках, которые и есть наша роскошь. Согревают душу и резервные банки консервированного борща. Из неконсервантов есть только картошка, немного лука и совсем немножко волгоградского полусгнившего чеснока. Газ приходится экономить. На второй приём пищи еда уже не подогревается.

С вечера начинает изменяться характер облаков. Мы уже так привыкли к вахтам без прорезиненных костюмов, к не летающим в кубрике вещам, сковородкам и кастрюлям, что любой намёк на изменение погоды воспринимается остро и болезненно. При мытье посуды обнаружил, что «Триалон» не только сохраняет свои мыльные свойства в океанской воде, но и полностью смывается ею. Это целое открытие! Теперь он идёт на мытьё не только посуды, но и тела, и головы. Прекрасное средство, рекомендую всем, кто окажется волею судьбы на продолжительное время в Атлантике с ограниченными запасами пресной воды. Только смывайте тщательнее, чтобы потом не было претензий.

Заштрихованный квадрат.

Дождит. Одеваться в непромоканец — жарко, стоять за штурвалом в плавках — прохладно. Никак не находится золотая середина. Что значит удаление за 30-ю широту... Неожиданно нарисовался корабль, из ломаного английского его радиста мы поняли, что циклона в ближайшее время на нашу голову не ожидается. При записи использовали мой диктофон, чтобы ничего не пропустить. Удобно. Идём чуть ниже 30-й параллели, где-то 29 градусов 50 минут. Наше традиционное обращение к проходящим судам, а обращались к ним либо я, либо Костя, выглядело стандартно: «I am russion sailing yacht «Aira». I am russion sailing yacht «Aira». Can you hear me? Can you hear me?» И далее интересующие вопросы.

Когда же мы осилим полпути? Неужели это когда-нибудь случится? Потом уже проще, потом мили и дни пойдут на убыль. Это придаст силы. Вечер был посвящён чтению литературы о мореплавателях. Как прекрасно передаёт настроение, например, вот эта цитата: «Я сижу в кокпите и думаю о доме. Там тепло, сухо, крыша над головой, чёрная земля, цветы, дороги, которые непременно приведут тебя в определенный город или деревню».

Вот и я сижу в кокпите... Н-да...

«Тёплые жёлтые огни светятся в окнах, разгоняя тьму. Там люди разумные и рассудительные: они сидят у камина и не позволяют увлечь себя сумасбродным идеям. А вокруг меня тёмное пустынное море без единого встречного корабля...» — писала Энн Девисон. Эта женщина покорила Атлантику!

Кстати, в 68-м году на 30-й широте переменных ветров в Атлантике, на которой собственно мы и находимся, советским танкером «Кострома» был спасён известный английский мореплаватель Френсис Брентон, измученный тропическим солнцем.

Как я теперь понимаю мореплавателей-одиночек! Между ними и океаном больше никого нет...

Позавчера во время неумелого манёвра при снятии спинакера Артур потерял спинакер-шкот, на котором был хороший английский карабин. Гена не стал скрывать своего сожаления:

— Что за команда?! Всё постоянно топят. Один заглушку утопил в Испании, другой — ложку, третий — отличный карабин, который теперь бесполезно будет валяться на глубине пяти тысяч метров. А какая хорошая была вещь — под большой нагрузкой можно было отдавать шкотовый угол спинакера. Эх...

Спинакер отремонтировали, завели другие верёвки, дело вроде бы наладилось. Но где ветра?!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Прошли более 1000 миль от Мадейры, и впервые за всё время плавания обливаемся потом. Но скорее душно, чем жарко. Наверное, это ещё хуже. Мозг начинает постепенно плавиться. Ещё несколько часов, и палуба напоминает моечную площадку одичавших голых мужчин. Тело прокаливается так, что океанская вода кажется родниковой. Странная закономерность для нас: когда холодно — сверху поливает, жарко — ни капли. Мы когда-нибудь испытаем состояние комфорта?! Ведро на верёвке летает за борт, не переставая. Но через несколько минут после солёного душа под испепеляющими лучами солнца всё тело покрывается липкой плёнкой. Спинакер постоянно провисает и закручивается вокруг штага. И всё-таки мы идём вперёд! Движение — это, друзья мои, жизнь. Все вахты проходят в постоянном поиске гуляющего по румбам от северо-западного до юго-западного направления ветра. Малейшее дуновение пытаемся материализовать в свою скорость. С утра и до 16 часов по Гринвичу то же самое — ветра нет, штиль. Ставки на то, что в конце июля будем на Бермудах, с каждым часом

падают. Всё чаще и чаще глаза находят дежурную бутылку с пресной водой. Очень хочется пить. Этому способствует не только жара, не только осознание, что ты всё дальше и дальше от пресноводных берегов, оставленных за кормой, и при этом до других — расстояние ещё больше, но и постоянное солевое вкусовое присутствие. Губы и усы — в солевом высохшем растворе, который, как бы того не хотелось, просачивается с потом в рот. К солёным губам сейчас неплохо бы присосалась трёхлитровая банка с пивом из холодильника! Как было бы хорошо! Лучше об этом не думать. Пиво... из холодильника...

Вечером вода начала покрываться мелкой рябью, потянул ветерок с севера, появился ход, и уже к 22.00 имеем 5 узлов. Спустилась лёгкая прохлада. А такое ощущение, что ни ветра, ни прохлады не было целую вечность. Решили всю ночь нести спинакер. Быстрее, быстрее!!!

Подсчитали: выпили более 80 литров воды, осталось около 200 и 144 банки сгущённого несладкого молока.

Чёрно-заштрихованный квадрат.

Ход есть! Вытащил тунца, он побольше, чем первый. Улов всем подбодрил настроение. Сделали по предложению Артура хе. Через полчаса уже ели свежайшее филе рыбы, пропитавшееся в уксусном растворе. Ещё через полчаса — очередь на релинг. Обрезки рыбы Гена, решивший поучаствовать в рыбалке, насадил на большой крючок. Безрезультатно. Крупный хищник сегодня нас не преследовал. Часов пять проиграли в карты, периодически продолжая менять друг друга на релинге. Карты загружали мозги, хе опустошал кишечник. Так отметили прохождение половины Атлантики. Мы в центре океана, причём в самой широкой его части!

Если говорить о рыбалке, то она здесь примитивна. Стравливаешь леску, а я взял с собой самую толстую «клинскую» 0,9 миллиметра, с блесной за корму и ждёшь, пока по воде кто-то не заплещется, вытаскиваешь и... собственно, всё. Наша рыбалка на Волге или Дону, Ахтубе или прудах с озёрами гораздо интереснее. Там ты «колдуешь» в безостановочном процессе! Приманки, наживки, их смена в поиске нужной, филигранность насадки, ожидание поклёвки, её начало, выдержка профессионала и рывок, потом выуживание и опять по кругу. Если на блесну, то играешь разными проводочками. Правда, здесь и там есть и некоторая схожесть — зацепы и обрывы. Зацепишь основательно снасть за волжский коряжник — считай, что обрыв, и прощай, блесна. Но там — коряжник! За что же цепляется мой «Атом» в океане?! Леска в секунду натягивается, как струна, и рвётся, словно тончайшая нить! Кого там не выдерживает самая прочная леска волгоградских рыболовных магазинов?! Что там за брёвна с жабрами следуют в каких-то тридцати-сорока метрах от лодки?! И таких «зацепов» у меня было предостаточно, чтобы задуматься и об экономии лески, в частности. Хорошо, что когда мы купаемся, один человек остается наблюдателем. Это железное правило, которое никто не хочет нарушать. И от лодки ни у кого не возникает желания далеко отплывать — ведь акула может атаковать как на поверхности, так и из глубины. Вон как тогда ложечку накрыла. Да и не только акула.

Беспокоит то обстоятельство, что пресная вода испаряется на глазах. Такое ощущение, что ты её выпиваешь этими самыми глазами.

Ночью неровный ветер. Луна встала только после часа ночи. Уснула, что ли? Три часа длится темень, которая мешает управлять лодкой. Если посмотришь на компас, чтобы сверить курс, то его далеко не мощная подсветка так слепит, что при переводе взгляда на спинакер ты долго отыскиваешь глазами парус. Глаза «не пробивают» расстояние в девять метров. Спрятавшийся в темноте спинч начинает предательски шелестеть. По шелесту понятно, что следует немного подвернуть штурвал, но куда?! Подсветка у компаса включается только тогда, когда нужно сверить курс. Блок питания — одна из яхтенных святынь, которую мы бережём как зеницу ока. В ночное время наш главный проводник — это звёзды.

Какой день фактически штилюем. Вопрос экономии питьевой воды становится всё более и более актуальным. Судя по прокладке и измерениям секстантом, наша расчётная точка перевалила за середину пути, за истекшие сутки пройдено 107 миль при слабых ветрах. Наверное, помогает попутное течение, во всяком случае, на карте оно как раз в этих местах проходит. Жарко, душно и слишком мало ветра, чтобы делать какие-нибудь перспективные прогнозы на ближайшее время. В небе очень много больших облаков, они медленно проплывают, но ветра и тени не приносят. Хочется пить. Витька сварганил горячий борщ. Будем пить его. Хотя надо с варками прекращать — кипение сокращает количество жидкости. В наших условиях это непозволительная роскошь.

Максимальная и уже редкая скорость — до 2,5 узла. Жара сводит с ума. Артур решает на своей вахте сменить курс и уходит на север к зарницам. Выходит на вахту Костя, и мы поворачиваем на юг. Весёлая картина. Гена утром, мягко говоря, недоумевает. Он, не задумываясь, атакует Артура:

— Есть утверждённый курс, и вахтенный самолично не имеет права его менять.

— Я капитан и делаю то, что считаю нужным.

— Тогда зачем нужен штурман? Если каждый будет выбирать курс — мы так далёко уйдём! Если бы не было Витьки с его секстантом, потерялись бы уже в океане! Ты это понимаешь?!

— Я капитан!

— Капитан не допускает хаотичности движения судна! На некоторых судах за такие выходки берут под арест.

Красные глаза Артура пылали ненавистью. Звук его сиплого дыхания, поднимающего и опускающего напряженную грудь с густой растительностью, тронутою сединой, создавал особую тональность напряжения, уже давно погрузившего в себя «Аиру».

— Ты что, на моей лодке мне угрожать будешь?!

— Ты либо сам веди её, как знаешь, но потом с команды не спрашивай, или не принимай самостоятельных решений, которые ставят под угрозу переход, хозяин.

Слово «хозяин» он произнёс с особым акцентом, предварительно сделав небольшую паузу. Я спустился вниз и на часок задремал. Очнулся весь мокрый, словно заснул на верхней полке в парилке. Скорее на палубу, под душ-ведро. Скорости нет. Паруса висят. Под ними смотанная леска у камбузного люка. Гена увидел мой вопросительный взгляд.

— По яхте был приказ хозяина. Цитирую полностью: «Ввиду слабого продвижения к цели по курсу все крючковые снасти на лесках за корму не

вытравливать ни на метр, чтобы не терять скорость. Снасти спрятать, рыбаков разогнать».

Ну да... В Артуре опять проснулся начальник, предпочитающий официальный тон общения. Рыбаки так и сделали — разогнались по всему двухметровому кокпиту.

— Вы своими блёснами тормозите лодку! Есть установленный график перехода. Вы его срываете!

Со мной снова на «вы». Что же я такого ужасного сделал во время своего сна?! Я — кит. Я большой белый кит. Моя койка в белой палате, над дверью которой прибита маленькая циферка шесть.

О-па! Ты смотри! Метрах в семидесяти всплыла десятиметровая касатка. Ныряй, красавица, обратно, здесь на поверхности жара и дурь. Безветрие. Лёгкие хаотичные колебания ветра тормошат обвислые паруса. Они, как умирающая лошадь, вздрагивают и замирают. Странно. Почему мне в голову пришла ассоциация именно с лошадью? Загнанных лошадей пристреливают... Это было до меня и там, куда мы идём. Неужели это может быть со мной? Выматывает даже безысходный брякающий звук. Внутри яхты находиться невозможно — железо на солнце прогревает внутренности лодки действительно до состояния парной. Вынесли просушиваться сухари от влаги и матрацы с простынями от пота. Всё больше вёдер воды требуется, чтобы охладить организм и палубное железо. После десяти утра уже не стоит купаться — такое ощущение, что температура воды выше температуры человеческого тела, и от неё не получаешь искомой прохлады. Это всё равно, что залезть в ванну дома с температурой воды под сорок градусов. Хотя сравнение некорректное. После горячей ванны окружающий мир становится значительно прохладней. После более чем тёплого океана здешний окружающий мир прохладнее не становится.

Всё меньше пресной воды остаётся в питьевых бутылках. Основная 150-литровая стальная ёмкость для хранения воды, которая располагается как раз под моим спальным местом, плохо качает воду — что-то с насосом. Из-за высокой температуры в кубрике содержимое в ней несколько подыспортилось. Лишиться основного запаса воды в наших условиях — это катастрофа. Ещё Костя со своей информацией:

— Обезвоживание на три — пять процентов от общего веса тела уменьшает физическую силу и производительность и, как сказали бы медики, является первопричиной теплового удара. Обезвоживание на двадцать процентов приводит к смерти.

— Кость, ты хоть слова не так чекань.

— Мужчине порядка 70 кг веса в среднем за сутки в обычных условиях нужно потреблять три-четыре литра жидкости. В этих литрах и сок с квасом и пивом, и фрукты с овощами, и суп, и кофе с чаем, и просто питьевая вода.

— Ты перечисляй, перечисляй. Не останавливайся.

— Поскольку у нас водных разносолов нет, то в наших условиях более чем 50-градусной жары пить просто воды нужно ещё больше.

— Кто спорит? Наливай.

— Наливайка скоро ссохнется.

— Кость, давай ещё раз про пи-во, ква-а-ас, ко-о-о-фе... У тебя хорошо получается.

— Моя, наверное, сейчас окрошечки настругала. Она домашний квас всегда сама ставит ещё с мая. Не наешься в жару, — протянул Гена.

— Ген, когда вернёмся обратно, все идём к тебе на окрошку. Замётано?

— Я бы лучше сейчас сам к себе пришёл...

К этому времени мы полностью перешли на чистку зубов и умывание только забортной водой. В голову пришла гениальная мысль — промывать океанской водой носоглотку из носа в рот. В этот день принял первую процедуру — прокачал целое ведро. Логика была проста — во-первых, это полезно. Во-вторых, разве дома ты сможешь найти чистейшую океанскую воду со всем набором микроэлементов? В-третьих, чем дольше мы штилюем, тем больше процедур можно беспрепятственно принять. А чем больше, тем лучше — штилюй себе на здоровье и получай уникальную полезность! Вон, Ален Жербо в этом самом месте проштилевал три месяца — и ничего, нашли почти живого. Страницы 94—104 из «Море синеет» Питера Хитона. Всё ничего, но пить-то пятерым что-то нужно...

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Находимся на пересечении Северо-Атлантического хребта в районе разлома Атлантис. За ним как раз Саргассово море, похоронившее в себе сотни кораблей. Опасность представляют плавучие одноимённые водоросли, которые тоннами наматываются на винты, обвивают кили, окутывают корпуса судов так, что те уже не могут тронуться с места. Саргассово море у нас прямо по курсу. Печально то, что если не хватит силы ветра в парусах, то мы не сможем себе помочь двигателем. Корабли никогда не любили это море и старались обходить его стороной. Так что есть все перспективы надолго там поселиться. Интересно, как там с клёвом? Может такое статься, что пойманная рыба в «сетях» саргасса станет единственным средством питания, а её сок значительно продлит жизнь. Но сейчас лучше жить одним днём. Будет проблема — будем решать. Незачем наматывать на винт сопли, их с лихвой заменит в недалёком будущем саргасс. Лучше искать и находить маломальские приятности во всём. Ведь вокруг океан! Мы о нём так мечтали!

Под нами пять тысяч метров. Вы ныряли когда-нибудь вниз головой с высоты двух-трёх метров? Это же одно удовольствие! Я сам нырял при любой возможности в самых разных водоёмах Советского Союза. Нос лодки торчит, ну, максимум полтора метра над водой, плюс высота релинга — порядка одного метра. В совокупности получается два с половиной. Вы стоите на релинге, внизу гладь Атлантики, под гладью — пять километров... Страшно. Реально страшно уйти именно вниз головой. Вот солдатиком — без проблем. В этом случае заботит только тема акул. А вниз головой, той самой частью, которая и пытается осознать безграничность бездны океана, в которую именно она, голова, должна провалиться первой, это совсем другое дело. Каждый из нас умел неплохо плавать, но не каждый рискнул уйти в воду именно вниз головой. С трудом преодолел животный страх и прыгнул. Мама дорогая, я провалился в бездну! На самом деле ушёл на метра три-четыре не больше, но было ощущение, что на все тридцать три или триста три. Прозрачная бездна проглотила меня не как чайную

ложечку, а словно стремительно всосала. Знаете, внутри океана время течёт по-другому. Мне показалось, что в десятки или сотни раз медленнее. Вынырнул пробкой и быстрей к лесенке, спущенной с борта. Еле отдышался. Второй раз уже было не так жутко. В общем, всё как в жизни. Этот первый прыжок вниз головой в центре Атлантики сродни нашему переходу. Потом будут и вторые, и третьи, но самый главный — первый. Именно за ним скрывается возможность человеческого преодоления.

Где же предполагаемые пассаты? Теперь мы не ходим в «магазин огородами», а стоим в очереди за возможностью продвинуться вперёд хотя бы этими пресловутыми «огородами». Перестали снимать спинакер. А вдруг дуновение?! Несколько метров вперёд — это тоже ход. К сожалению, это всё, что экипаж может сделать. Теперь пришёл в голову образ штангиста, который пытается поднять слишком большой для него груз и не может. Штанга немного отрывается от пола и сразу падает вниз. Так и порывчики ветра одними намёками терзают наш невесомый парус. Жалко его. Жарко всем. Но стоящему за штурвалом — особенно. Он не может перемещаться, не может укрыться в находящейся в каком-нибудь полуметре тени от парусов, не может даже самостоятельно сделать глоток воды, если в дежурной бутылке она закончилась. Как теперь меня спасает от испепеляющих солнечных лучей сшитая мамой из ситца распашонка с капюшоном!

Объявил о начале чемпионата Атлантики в «русского дурака» из ста партий. Отличная идея — не просто же так играть в карты. Теперь у обычной карточной игры появился особый смысл. Битва за высокое звание чемпиона Атлантики должна обеспечить дополнительный азарт игроков,

открыть второе дыхание бедуинов водной пустыни. Все партии теперь записывались, отмечался каждый победитель. Через несколько дней — подведение итогов. Теперь есть целое дело, которым заняты головы всех!

Дня два назад отказал прокачивающий насос унитаза, предмет гордости Артура, теперь он присоединился к нашему релинговому варианту. Именно оттуда он и крикнул:

— Шип, мужики, шип!

На кормовых курсах, в трёх-четырёх милях прошёл танкер, огромный белый корабль. Дал координаты — 29 градусов 12 минут 5 секунд северной широты и 42 градуса 45 минут 5 секунд западной долготы. Откуда он взялся?! А для нас это целое событие, вокруг которого можно устраивать танцы дикарей.

С 22 часов после связи с судном и до 8 часов утра сегодня, 23 июля, пройдено 32 мили. Зеркальное отображение чисел, как и яхты с висящими парусами в глади океана. Большую часть расстояния прошли благодаря течению. По сути, мы сплавляемся, как обычная органика. Давление — 770 мм рт. ст., оно постепенно растёт. Артуру опять нездоровится, и опять он не в духе. Штиль и жара. До Бермуд — 1200 миль.

Гена увлёкся размышлениями о философии нудистов и влез в их шкуру, то есть полностью вылез из одежды. Лежит на палубе и думает вслух:

— Я бы на их месте взял несколько яхт и кружил круглый год по океану — никто слова не скажет. Игорь, сделай доброе дело: зачерпни пару вёдер на палубу, а то она уже спину поджигает.

— Ничего, — говорит Костя, — через два-три дня ветер должен всё-таки задуть, поскольку смещается на юг. Будет ход, будет веселее.

— Я получил вчера разрешение от хозяина ловить рыбу на своей вахте, — продолжил лёжа Гена.

— Конечно, на твоей вахте блесна-то меньше лодку тормозит, — не то чтобы съязвил я и плеснул на старпома ведро забортной воды.

— А-а! Хорошо! Матрос — это тормоз капитана.

— Никаких тормозов! Если рыбу ловить можно только на твоих вахтах, то я опять буду с тобой стоять.

— Э, нет, — вмешался Костя, — с вахтами теперь всё нормально. Я лучше ночью нечаянно всю леску порежу, чем обратно меняться.

— И это говорит некогда нормальный человек, читающий даже специальную литературу, претендующий на здравомыслие...

— Штурман, ты хоть курс там верный прокладываешь или тоже по-своему «режешь»?

— С курсом всё нормально. Идём куда надо.

Вылез Артур.

— Э, казак, ты саблю-то свою не подпали, а то выйдет из строя.

— Ты за мой меч не переживай, — ответил Гена, переворачиваясь на живот, — он в боях закалённый.

— Зачехли, зачехли, а то в своём «гробу» вчера полночи стонал. Наверное, саблей-то своей во сне нарубался?

— Это ереванские казаки привыкли своими саблями махать туда-сюда. А мы, кубанские, вдали от родины жён любимых вспоминаем, и во сне тоже.

Когда по яхте никто не перемещался и не брякали обвисшие паруса, воздух наполнялся звенящей тишиной. Воздух и океан — одного цвета:

прозрачно-светло-зелёного. В зелёном есть серо-голубые отливы. Сливающаяся в одном цвете гладь воды и неба по всей линии предполагаемого, но не видимого горизонта, булавкой приколола к себе в самом своём центре нашу яхту. Вокруг нас всё одного цвета, и это всё застыло. За бортом лодки нет движения в принципе. Там вакуум. Жизнь остановилась в вечности!!! Мы в колбе, которую кто-то поставил на медленный огонь, и она вот-вот закипит. Вечность наступает с концом жизни. Здесь обратное отражение — ты уже в ней. Но когда же наступит конец?!

Третий день буквально высасываем из цистерны только по десять литров. Это суточная норма на пятерых. Больше нельзя. Впереди только сокращение доз. Жажда такая, что каждый готов засосать эти десять литров в одного и за один раз. Может, баклажку эту тряпочкой накрыть, чтобы не так сильно глаза мозолила?!

После обнаружения несовершенства системы откачки воды из большой ёмкости на счету, без преувеличения, каждый литр. Да что там литр! Каждый же понимает, что воды до Бермуд нам не хватит. Сознание бьётся маленькой птичкой в клетке, которая медленно опускается в плотные воды солёного океана.

— Я с сегодняшнего дня начинаю пить забортную воду, — информирует всех Гена. — Пока есть остатки пресной, нужно успеть приучить организм к солёной. Утром — один глоток, в обед — два, вечером — три. На следующий день по нарастающей, начинать уже надо с двух глотков.

— А я пока потерплю на пресной, — не поддерживает Костя, — когда она закончится, на солёной всё равно далеко не уедешь.

— Ну-ну, каждый решает за себя. А я начинаю пить с этой минуты, — Гена демонстративно зачерпнул стакан океана и сделал свой первый глоток. — Ничего, пить можно.

Я со своими промывательными процедурами, по сути, это начал делать уже несколько дней назад. Когда ведро воды перетекает из носа в рот, так или иначе часть её через горло попадает в желудок. И эта часть больше, чем глоток. Адаптация нормальная, только я, так же, как и Костя, не думаю, что на одной океанской воде можно долго протянуть. Остальные пока не решились присоединиться к эксперименту.

Остатки пресной воды уже пьём по кругу вместе в кокпите. Количество глотков должно быть равным. Бутылка идёт из рук в руки, и четыре пары глаз устремляются на кадык пьющего. Именно по движению кадыка видишь, сколько глотков делает человек. Решили делать по два, потом — круг и опять по два. Что такое два глотка?! Они не снимают жажду, они даже не убирают соль с губ, над которыми висят сосульками просоленные усы, они не дают ожидаемого ощущения жизни, скорее, эти два глотка по кругу дарят надежду.

В теории вода попадает в кровь только через десять минут после того, как её употребили, потом головной мозг срабатывает и подаёт сигнал, мол, жажда утолена. Но наш головной мозг в этой маленькой пол-литровой бутылке, и его, как шагреневой кожи, становится с каждым глотком всё меньше и меньше. Моя очередь. Набираю в рот воды, но тут же решаю сделать вместо одного глотка два маленьких. Так подольше можно потянуть жидко-кисельно-солёную массу. Ловлю себя на мысли, что сделал это напрасно. На один полноценный глоток у меня два раза сработал кадык.

Второй глоток делаю без задержек, но в глазах всех мой кадык в итоге сработал три раза. Стало быть, я дал повод усомниться в себе! Без вины стало стыдно. Бутылка переходит к Артуру, и тот срывается — кадык работает как пулемёт, поднимая пузыри на дне бутылки. Кажется, он никогда не остановится. После этого очень сложно очередному войти в «нормальный» заранее оговоренный ритм приёма воды. Сложно, но можно. Гена сбил с усов соль и нарочито не спеша сделал с паузой свои два глотка.

— Эх! Хороша водица!

Да, у всех свой запас прочности...

Вечером скандал. Артур схлестнулся с Витей.

— Ты увиливаешь от ответственности, хочешь перекинуть её на другого. Коль запретил брать молоко, так и скажи об этом всем! — нарочито громко говорил боцман.

Видимо, Артур подкатил к Вите без свидетелей и прокачал ему мозги, чтобы тот взял на себя запрет на употребление консервированного молока, которое мы и так экономим, как воду. Делая такую озвучку, Витька пытался вытащить тему с молоком на общее обсуждение. Он, без сомнения, прав — в подобных ситуациях должны приниматься общие решения. Мозг каждого должен сработать на запрет, а этому как раз и способствует коллективное обсуждение с последующим принятием решения. Волеизъявление одного человека не может сравниться с коллективным. Да и кто этот человек, кто может запретить пить молоко даже в маленьких порциях?! Артур?!. Или он таким образом захотел вызвать негатив на Витю? Сразу вспомнились предложенные мне за публикации деньги, череда нервных срывов товарища. В разборку включается Гена. Артура колбасит, он заявляет, что на яхте замышляется заговор, что все мы готовим переворот, цель захвата — лишить его капитанства и присвоить все его заслуги. Всё это было высказано на полном серьёзе и как будто в первый раз. Либо у него болезнь Альцгеймера (короткой памяти), либо у всех остальных дежавю на фоне плавающего от пекла горизонта. Якобы он давно за всеми наблюдает, ко всему подготовлен и не уступит ни в чём. А всем нам, по-видимому, надо укладывать чемоданы, и на Бермудах он с нами прощается, дальше идёт один. Скорее бы Бермуды!

На целых десять дней и ночей штиль сковал цепями «Аиру». Десять суток существования в жаре на палубной сковородке, обжигающей наши пятки, без движения и намёков на него, без понимания того, когда счастье улыбнётся нам. А счастье — это ветер. Просто небольшой ветерок, которому под силу сдвинуть нашу железную посудину с места. Когда тебе говорят, что нужно потерпеть, помучиться десять суток в раскалённой океанской колбе, это одно. Ты будешь считать каждый день, перечёркивать их в своём карманном мятом-перемятом календарике, но дотянешь, справишься. Но когда тебе ничего не говорят, издевательски пронзительно молчат и ты живёшь одной надеждой, постепенно вытесняемой обречённостью, ощущения абсолютно другие. Ты не разделишь оставшиеся запасы сил на десять равных кучек. Тут ситуация, когда эти запасы, сжираемые безвременьем, тают прямо на глазах, как вода, объёмы которой уже давно считаются глотками. Это не просто. Очень не просто.

Когда спустя десять суток, вечером появилась небольшая тучка, из-под которой нас облизали лёгкие порывы ветра, — на яхту вернулась жизнь!

Команда зашевелилась, паруса захлопали, умолкшие на долгое время лебёдки весело затрещали. Надо же, у них такой красивый звук! Как я раньше этого не замечал?! Наши капитаны сразу дали свою оценку происходящему: они уверены, что это не пассат.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

За сутки прошли 56 миль, до Бермуд по генеральному курсу остаётся 1060. Если идти такими темпами, то потребуется ещё 19 суток. Это с точки зрения математики. Да простит меня Анна, какая тут к чёрту математика! Наше продвижение подчинено совершенно другим правилам. 24 июля. Наши координаты на 7 часов 30 минут по Гринвичу: 28 градусов 36 минут 9 секунд северной широты, 44 градуса 0 минут 78 секунд западной долготы. Курс — 255. Ветер южный — 4—5 м/с. Он не прибавил ни метра в секунду, но стал с севера заходить по часовой стрелке на юг. Пассаты потерялись сами собой. На 30-й параллели ветер очень неустойчив. По ней мы идём уже восемь дней, а точнее, ползём или сплавляемся, но зато по прямой. Когда же очередь в «магазин» будет продвигаться вперёд?! Она явно тормозит! Очень хочется купить хотя бы бутылочку минералки, только без солей, пожалуйста! Но «магазина» с минералкой не видно даже на горизонте.

Теперь ситуация резко изменилась и прямая опять закончилась. Приходится со штилями опускаться всё южнее под острым углом. И, как говорит Витька, чем дальше мы идём на юг, тем больше получаем ветра, соответственно возрастают суточные переходы и резко улучшается настроение команды. Хотя это опять же условно — команда понимает, что, уходя на юг, мы одновременно удаляемся и от цели. Спустились под 28-ю параллель к тропику Козерога. Вечерний закат сегодня необычайно красив, солнце прозрачно-светло-рубиновое растворяется в океане медленно. Сознание совершенно не против к нему присоединиться. Грандиозно! Горизонт идеально чист. Вообще небо над Атлантикой совершенно другое — волшебное. Не зря её называют кухней природы. Здесь, в небе, осуществляется главный замес «блюда», которое уготовано отведать всем живым существам на всех континентах планеты.

Навигационные сумерки — та крохотная часть вечера, когда естественное освещение ещё позволяет штурвальному вести судно, постепенно переходят в тёмную безлунную южную ночь. Ход неплохой, слышится ласкающее журчанье воды вдоль бортов, которое приходит, как замечено, лишь на скорости от двух узлов. Ах, какой звук! Это симфония, а не звук! Волнение слабое, но регулярное, яхту плавно раскачивает, мачта опять рисует что-то своё на очень звёздном небе. Звёзды близкие и яркие. Кажется, только протяни руку, и они через неё проникнут в тебя, или ты в них, стоит только прикоснуться пальцами к ближайшей. Стереооткрытка с тысячекратным эффектом. Такого неба я не видел никогда! Ночная вода фосфоресцирует! Если опустить в неё ногу, то она светится лампочкой. Похоже, океан постепенно принимает тебя, как розетка вилку со шнуром от настольной лампы. Чтобы полностью стать «лампой», нужно всему погрузиться в воду, но тогда ты рискуешь не увидеть своего свечения. Пусть ею

побудет только нога. Изумительно! Брызги тоже горят, как и части тебя. В морях, которые нам удалось пройти, свечение гораздо слабее. Найдётся ли волшебник слова, живущий на этой планете, который бы смог передать сказочность этой ночи с помощью обычной шариковой ручки? Нет, конечно, нет! Океан ещё не принял тебя, ты не слился с его сознанием своим, мелким и несовершенным. Ты находишься только на стадии соприкосновения и только от этого получаешь космическое удовольствие. Что же будет, если эти сознания сольются?! Рай? Верх блаженства? Симфония волшебных звуков невидимого органа, который я уже слышал в шаре? Горящие небо и океан передают свечение тебе, оно проникает внутрь тебя. Как хорошо! Как прекрасно гореть изнутри! Ничего более гармоничного я не испытывал ранее. Океан заряжает тебя своей энергией. А на небе происходит постоянное движение каких-то далёких светящихся объектов. Это не самолёты и не космические корабли, построенные руками человека. Это что-то несоизмеримо далёкое. Впрочем, в этом звездопаде расстояния стираются.

— Посмотри вон туда, — говорит мне Витька, показывая рукой на юг ближе к линии горизонта, — видишь четыре больших ярких звезды и одну поменьше? Они как крест.

— Вижу, вижу. Вон они.

— Это созвездие Южного Креста. Его называют экваторным. В России его не видно.

— В нём какое-то тёмное пятно...

— Эту туманность на фоне Млечного Пути называют Угольным мешком. Жалко, что у нас нет телескопа: в него хорошо видна красота рассеянного скопления. Аборигены Австралии считают Угольный мешок злым духом, от которого убегают два какаду. Кстати, это созвездие обозначено на флаге Австралии, как и ещё на флагах пяти стран. В Южном полушарии, где отсутствует яркая Полярная звезда, Южный Крест служит основным проводником для мореплавателей.

— Это ты на кухне дома начитался?

— Ага, когда секстант изучал. Кхе, кхе. Ты у себя все сигаретные запасы выгреб?

— Все. Теперь только у Кости что-то осталось и у Гены несколько «монтекарл».

— Жалко их будить. Курить уж больно хочется, хоть вой на этот Южный Крест.

Ночью сверкала вдалеке зарница. Значит, есть надежда на дождь. Дождь — это бездонная бутылка с питьевой водой. Всё же человек приличное животное. Его мозг намного ближе к куску мяса или, в данном случае, к бутылке с водой, чем к созерцательности прекрасного. Какой диссонанс с недавними ночными растворениями во Вселенной! Разрабатываем совместный план по сбору дождевой воды. Проводим учебную тренировку. Теперь каждый знает, что ему делать, если раздастся команда «Дождь!». Два человека держат углы тента на вытянутых руках над головой у мачты. Два — на приспущенных, создавая необходимый уклон для стока в кокпите. Один с десятилитровым бидоном, одним из двух тех, что я отмыл от оливкового масла, собирает в него ручеёк из падающих с неба капель. Должны же мысли материализоваться! Теперь каждый думал о команде

«Дождь!». В ней вся наша надежда. Теперь все понимали, что остатков пресной воды вместе с остатками консервированного молока до Бермуд на пятерых не хватит даже при условии жесточайшей экономии, даже если у лодки появится постоянный ход. Нечего говорить о ситуации, когда безветрие продлится ещё на какое-то время. Ещё этот Ален Жербо не выходит из головы с его тремя месяцами в этих широтах и в данное время года.

Мы всё дальше и дальше уходим на юг и сегодня уже с утра получили порцию ветра. Опять зажурчала вода по бортам — какой же это приятный звук! Как можно было не наслаждаться им раньше?! Наш курс — 250. Три последних дня на мелких порывах, используя спинакер, мы продвигались по пластиковому океану по 44—50 миль в сутки. Но мы шли! Время штиля, самых длинных суток на свете, постепенно оставалось за кормой.

— Это ваша?! — обнаружил Гена на своём спальном месте прищепку. Вопрос был адресован к дремавшему Косте. Прищепка полетела в сторону адресата. Через несколько секунд она, увеличив скорость раза в три, полетела в обратную сторону. Сдержанный голос штурмана произнёс:

— Как я мог её положить, если я ещё не вставал?!

Гена с Костей продолжают не особо нравиться друг другу. Это заметно. Хорошо, что их конфликты заканчиваются мечущейся прищепкой.

Сегодня идём между 29-м и 28-м градусом северной широтой. Справа осталась штилевая зона. Над ней висят густые облака с множеством бело-голубых мазков неизвестного художника. По левому борту — пассатные облака из детской песенки: «Облака — белогривые лошадки». Подходит один в один. Даже в одном из облаков разглядел морду лошади, а вот ещё одна. Ржёт. Опять стриптиз на всю Атлантику — команда обливается водой. Интересно, когда мы вернёмся домой, в стране будет дефицит на соль, а то, может, её не стоит смывать до Волгограда? Пара килограммов отборного продукта с каждого тела, возможно, пригодится?!

Убиваем время за картами. Уже даже трудно представить, что бы мы без них делали! Впрочем, карточный азарт в нашей ситуации не всем к лицу.

Решил больше не рисовать квадратики. Надоели даже они. Динамика настроения понятна. Пожалуй, лучше уже не будет, да и хуже. А если и будет, то будет уже не до квадратиков.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

25 июля. Ночью подул хороший ветерок. У лодки даже появился небольшой крен. В сравнении с последним временем мы просто несёмся над волнами. За сутки прошли 87 миль. Курс — 250. Широта — северная: 27 градусов 56 минут 7 секунд, долгота — западная: 45 градусов 34 минуты 7 секунд. Артур раз за разом спрашивает о положении компаса. Честно говоря, это выводит из себя, а точнее то, каким тоном он это делает. В этих бесконечных вопросах и недовольство, и вызов, и та пропасть, которая, на его взгляд, разделяет капитана яхты и нанятого на один переход матроса, и недосказанность в обвинениях, которые уже не вмещаются в мою голову. Какие долгие эти два с половиной часа! Наконец-то время Кости.

— Курс не менялся? — первым делом спросил он, вылезая из люка.

Этот вопрос стал стандартным при смене им Артура.

— Нет. Приближаемся к 27-й широте. Южный Крест виден всё больше и больше.

— Прекрасно.

Он вытащил сигарету и закурил.

— У тебя ещё есть?

— Пять штук. Я оставлю.

— Ты не знаешь случаем, саргассовы водоросли, если их высушить, они курятся?

— А что, это идея. Надо будет попробовать. По моим расчётам, они вот-вот должны появиться.

— Во всяком случае, до Бермуд другой растительности, которую можно попробовать раскурить, у нас не будет. Взял бы кто-нибудь и развёл плавающий океанский табак. Такого бы человека моряки своим святым сделали.

— В случае успеха с саргассовыми водорослями запатентуем идею. Ты знаешь, я тут думал, у нас интересная миссия. Мы по-своему открываем Америку.

— Это как?

— В конце XVIII века русские уже её открыли для себя, только через Тихий океан.

— Это ты про «Юнону» и «Авось»? Про графа Николая Петровича Резанова и юную Кончиту?

— В точку. Хотя, если быть точным, то про его тестя Григория Шелихова, его тогда назвали Русским Колумбом. Именно благодаря ему стала возможной Русская Америка. И если бы не слабые позиции Александра Второго, то сейчас бы мы не в гости шли, а к самим себе на североамериканский континент, только с другой стороны.

— В российской истории эта тема вообще провальна. Её как бы не хотят подсвечивать.

— А чем гордиться? Тем, что у Российской империи была значительная часть Северной Америки и она её попросту подарила США?!

— Плохой опыт тоже опыт. Ты про Русского Колумба расскажи, пока Артура нет, а то ревностью задушит.

— В смысле?

— Ну, что не он Русский Колумб.

— А, ну да.

— А ты, кстати, откуда про Шелихова знаешь? Изучал?

— Я же из Питера. Плюс профессия, плюс увлечения парусом. Кстати, в Питере, прыгая в хорошем подпитии через разводной мост, в ледяной Неве утонули два капитана «Юноны» и «Авось», лейтенант Хвостов и мичман Давыдов, унеся с собой умопомрачительную историю, от которой до сих пор содрогаются японцы.

— Кость, там от сигареты уже ничего не осталось. Ты давай её в надёжные руки, а то она тебя перебивает.

С трепетной нежностью окурок перешёл из одних рук в другие.

— Всё началось с Алеутских островов. Сначала экспедиция Беринга, прибывшая на двух пакетботах, в 1772 году основала там первое русское

торговое поселение, а затем через 12 лет на острове Кадьяк в бухте Трёх Святителей, как её потом назвали, высадилась экспедиция «шелиховцев» с трёх галиотов: «Три святителя», «Святой Симеон» и «Святой Михаил». Они-то и начали освоение Аляски, пробираясь всё глубже и глубже на материк. В 1792 году появилась Павловская гавань. В 93-м на Аляску прибыли первые русские священники из Валаамского монастыря. Чуть позже были основаны Михайловская крепость и крепость Якутат. В конечном итоге под флагом Российско-Американской компании были Аляска, Алеутские острова, архипелаг Александра и поселения в Калифорнии Росс в восьмидесяти километрах к северу от Сан-Франциско на побережье реки Славянки, теперь она называется Рашен-Ривер, а поселение Росс потом стали называть Форт-Росс. Официально оно было основано Иваном Кусковым 11 сентября 1812 года.

— Надо же, а 14 сентября Наполеон занял Москву. Какой синхрон! Ведя войну с французами, мы открывали для себя новые земли!

— Калифорнийские земли нам прежде всего были нужны для обеспечения Аляски продовольствием. Кто бы мог подумать, что через девять лет после продажи Росса частному лицу здесь найдут золото. Много золота! Кстати, на сегодняшний день не найдено документов, доказывающих факт окончательной расплаты с Российско-Американской компанией за эти земли. А тогда со всех концов мира в Калифорнию устремились люди с насиженных мест. Даже сейчас этот штат самый многочисленный из всех.

— Да, но до Ивана Кускова был Николай Резанов...

— Это ему и пришла мысль после посещения Аляски, что наших колонистов с местным населением неплохо было бы подкормить. Он первым стал налаживать дипломатические отношения с испанцами, которые имели виды на Калифорнию и плотно там оседали. Мало того, он был убеждён в большой прибыльности проекта освоения местных земель, оставив после себя фактически уже как завещание своё «секретное предписание» первому правителю Росса Баранову. А до этого он стал организатором первой русской кругосветки, подав прошение императору, что желает наладить морское сообщение с русскими поселенцами в Америке. Из-за нерегулярной и долгой доставки продовольствия из России они часто получали провиант просроченным и уже непригодным к употреблению. К 1802 году был разработан план кругосветного путешествия, целями которого значились инспекция русских поселений на Аляске и налаживание связей с Японией. В это время после рождения второго ребёнка умирает жена Резанова Анна, дочь Шелихова, который тоже к тому времени скончался. Александр I не позволил графу уйти в себя и заодно в отставку, назначив его посланником в Японию и руководителем первой русской кругосветной экспедиции. В 1803 году на двух кораблях, «Надежда» и «Нева», граф отправился в путь. Царь самолично в день отплытия проверял готовность двух российских кораблей под командованием Ивана Крузенштерна и Юрия Лисянского. Оба были Федоровичи. Кстати, осенью 1803-го над Южным полушарием впервые взметнулся трёхцветный российский флаг.

Я посмотрел на трепещущие останки нашего, наверное, уже десятого вывешенного триколора. С того времени прошло 189 лет. Российский флаг опять в Южном полушарии, и несём его мы!

— Они же из Питера рванули...

— Из Кронштадта через Данию и Англию к Канарским островам и в Бразилию — это по Атлантике. Затем через мыс Горн к Японии...

— Сколько их там было-то на кораблях?

— На «Надежде», она покрупнее была: водоизмещением 450 тонн, в длину 35 метров, — 71 человек, а на «Неве» — 53.

— Да, это не наши 11 метров. У них хоть пройтись можно было: 35 метров туда, 35 метров обратно. Красота! Не то что на «Аире» на пятой точке по кокпиту ползать.

— Тогда, кстати, Резанов и Крузенштерн разругались в хлам. Видеть друг друга не могли, находясь в одной каюте площадью шесть квадратных метров, общались записками.

— Представляю: лежат на своих шконках обер-секретарь Правительствующего сената, действительный статский советник, камергер, граф Николай Петрович и потомок обрусевшего немецкого дворянского рода, боевой морской офицер, без пяти минут адмирал Иван Федорович и с ненавистью бросаются друг в друга записками. Я тут недавно видел летающую прищепку...

— Я тебе скажу больше: оба были атлетами. Крузенштерн каждый день чуть ли не по часу тягал две двухпудовые гири, которые возил всегда с собой. Он и помоложе лет на десять был двухметрового гиганта Резанова. Так что вместо записок могли летать и эти самые гири.

— Разнесли бы «Надежду» к чёртовой матери. Глупая нелепая смерть. А что там с «Юноной» и «Авось»?

— Когда Резанов как первый посол России в Японии прибыл в Страну восходящего солнца, её император даже не принял дары русского царя. Промурыжил наших полгода в бухте Нагасаки, не дав разрешения сойти на берег. По сути, наши были под домашним арестом.

— Что-то это мне напоминает. Почему такое неуважение к русским морякам?! А там, в отличие от нас, тогда вообще на судне был целый посол великой державы.

— Япония в то время вела политику закрытой страны. Торговлю поддерживала только с Голландией. В мае 1805-го Резанов покинул «Надежду», которая продолжила кругосветку, а сам купил на свои сбережения у заезжего американского судовладельца Вульфа фрегат «Юнона» и, построив тендер «Авось», продолжил самостоятельное плавание под флагом Российско-Американской компании. В её интересах было развитие промыслов пушнины на Аляске. Вот тогда-то он и отправился за продовольствием в Калифорнию.

— Это получается, что Резанов с Крузенштерном полтора года ненавидели друг друга на ограниченном пространстве. С ума сойти!

— Дело было громкое. Потом каждый уверял общество, что обидчик перед ним извинился.

— Я когда после армии мотанул на несколько дней в Москву за одеждой, поскольку всё доармейское оказалось мало, попал на рок-оперу «Юнона и Авось». Грандиозная вещь. Только тогда мне эта история с Калифорнией казалась выдуманной.

— Теперь, благодаря этой рок-опере о любви 42-летнего русского графа и 15-летней испанки, дочери губернатора Сан-Франциско, знает весь мир. В Америке, говорят, был скандал. Наверное, неприятно само напоминание, что часть теперешних США была русской. Да и Япония на дух не переносит историю «Юноны» и «Авось». Резанов по возвращении из Калифорнии сразу поспешил уладить дела компании. Женитьба на Кончите была и политическим решением. Этот брак укрепил бы русско-испанские отношения в Северной Америке, и неизвестно, куда бы всё это ещё вылилось... Но для женитьбы нужно было ходатайство русского царя для благословения брака папой римским, поскольку юная красавица Мария дела Консепсьон была католичкой. Резанов так спешил организовать это ходатайство, что на обратном пути серьёзно заболел и скоропостижно скончался 1 марта 1807 года. Но до этого успел завезти провиант на Аляску и дать письменное распоряжение служащим по контрактам с компанией морским офицерам, капитанам «Юноны» и «Авось» Хвостову и Давыдову, об особом отношении к японцам. В нём играла обида за полгода вождения за нос. Ведь в итоге он так и остался не принятым японским императором. Хвостову и Давыдову вменялось имущество японцев изымать, корабли жечь, не истребляя при этом простых японцев, поскольку наказанию за нанесённую обиду подвергалась сама государственная машина Японии, а не её рядовые граждане. Хвостов и Давыдов были рады стараться. Японцы обвинили их в пиратстве. Но, что интересно, Хвостов с Давыдовым, промышлявшие в основном у Южного Сахалина в заливе Анива, находили общий язык с местными обитателями — айнами, отдавая им значительную часть японских товаров, которые уже не умещались на двух кораблях.

— А меня что не будите? — показался в открытом люке Гена. — Моя вахта уже началась минут десять назад.

— Да мы тут заговорились про Русскую Америку, Аляску, Японию...

— И что? Вы хоть знаете, что Аляску казаки открыли?! — Гена себе не изменял.

Продолжение следует

Михаил МУЛЛИН

«Я долго должен жить — я часть Руси»

Я долго жить должна –
Я часть Руси...
Ксения Некрасова

Я долго должен жить — я часть Руси.
Заимствованье мне, поэт, прости —
Я тот же вывод прежде сделал сам
Без доступа ещё к твоим стихам.
А после замечал довольно часто,
Что для неё являюсь важной частью.

Когда я денег не имел на ужин,
Когда мне говорили, что не нужен,
Когда меня проклясть её просили,
Я убеждался, что я часть России.

И что, во-первых, во-вторых и в-третьих,
И перед миром за неё в ответе.
И осознал на всех её путях,
Что Мать-Россия — и моё дитя!

МУЛЛИН Михаил Семёнович (1946—2020) — поэт. Родился в селе Старо-Костеево Бакалинского района Башкирской АССР. Окончил Башкирский сельскохозяйственный институт. Жил в Саратове. Публиковался в журналах «Литературная учёба», «Волга», «Волга — XXI век», «Степные просторы», «Кукумбер», «Простокваша», «Великороссъ» и др. Автор книг «Как перевернуть землю», «Вера», «Катамаран», «Это я устроил дождь», «Кукушка с часами», «Необыкновенные приключения капитана Бывалова и юнги Шмидта». Стихи разных лет предложены к публикации ученицей поэта Елизаветой Мартыновой (Даниловой).

Сыновье чувство вовсе не отсохло,
Но чувство материнства и отцовства
К духовности и цельности пространств —
Важнейшее из всех патрицианств.

Отцы, кто добывает в поте хлеб свой.
Высокое патрицианство плебса —
Без чванства, без корысти и гордыни
Я признаю надёжнейшим отныне.

Я — часть Руси, я для неё родился
И счастлив, что к России причастился.
А те, что рвут пресветлую на части, —
Они не часть, они — её несчастье.

Вера

Трещит сорока,
Земля парит.
Лицом к востоку
Сидит старик.
Старик убогий,
Один как перст.
Не видел Бога,
А верит — есть!
Старик был ранен
В плечо и в глаз —
Уж так ли странен
Его намаз?
Ведь сам я часто
Готов с ним сесть:
Не видел счастья,
А верю — есть!

В Ногайбаке

Где ныне капуста и репа,
Да мак, будто ярый кумач,
Была Ногайбакская крепость,
Которую «стрелил Пугач».
Сгоревшее небо померкло,
Но даже во тьме всё равно
Видна исполинская церковь,
В которой хранится зерно.
Вчера сокрушались старушки,
Уж им-то известно, что встарь
Ранил навылет из пушки
Ту церковь казацкий пушкарь.

Изгибом башкирского лука
За стрелами из камыша
Река —

И ни вспышки, ни звука,
И тела нет —
Только душа.
Лишь слышно, как неутомимо
Растёт у отмостки трава,
И чувствую, как нестерпимо
У храма болит голова.

Наталья

Ах, Наталья надела наряд,
Её щеки задором горят.
Коромысло её — два крыла —
До колодца прошла...
Оглянулась на цокот назад —
От околицы скачет отряд:
— Стой, Наталья, и дай нам испить, —
Есаул говорит.
Есаул молодой-молодой,
Его конь — вороной, вороной.
Будто в небо взлетели они —
На земле не видать!

Загрустила Наталья с тех пор,
Дорогой не наденет убор.
Есаула того увидать
Захотела опять...
Даже скрип одряхлевших ракит
Принимает за цокот копыт.
Стой, Наталья, в своём ты уме?
— Есаул на войне...
Есаул молодой-молодой,
Его конь — вороной, вороной.
Словно в небо взлетели они —
Не видать на земле!

Свет Наталья, тебе повезло
Злой войне и разлуке назло:
Начался за околицей бой —
Там возлюбленный твой!
— Пыль от поля — да под облака…
Побегу — напою казака...
— Стой, Наталья, тебе говорят! —
Рядом ухнул снаряд...
Есаул молодой-молодой,
Его конь — вороной, вороной.
Видно, в небо взлетели они —
На земле не видать...

...Ах, Наталья надела наряд,
Щеки девичьи маком горят...
А есаул молодой-молодой,
Его конь — вороной...

Дороженька — не стой

Через трясины всех болот,
В лесах, в глуши степной
Бежит меж тысячью дорог
Дороженька — не стой.

Увидишь прошлого быльё,
И тот, и этот свет,
Но если ступишь на неё,
То остановки нет.

Увидишь тьму и кромки зорь,
Сто радостей и бед,
Захочешь спать, пристанет хворь,
А остановки нет.

Да, есть пути, что так легки —
Для тех, кто поумней!
Но есть на свете чудаки —
И мы пошли по ней —

По той, где пой, а хочешь, вой
Среди её чудес.
По той дороженьке — не стой —
Попутал, видно, бес.

Да путь кремнист, просёлок твёрд,
И твёрд, как камень, снег.
И я подмётки напрочь стёр,
Но остановки нет!

Манит обманчивый простор.
За мной кровавый след —
Я стёр ступни, колени стёр.
А остановки — нет.

Весь свет и вдоль, и поперёк
Давно исхожен мной.
И долго я шагал без ног
Дороженькой — не стой.

Прошли привычно сотни лет —
Уж я ни жив,
Ни мёртв,
Но для меня привала нет,
И путь, как жёрнов, твёрд.

И лишь заметил дряхлый дед,
На тропку бросив взгляд:
«Глядите, люди, ветра нет —
А волоски летят!»

Богатырь

Он на Мурманском тракте
Шёл, качаясь слегка:
Не кисейный характер,
В голове — не пенька.
Шёл с секирою острой,
В мире ясность любил.
Заблудился в трёх соснах —
И одну… изрубил.
«Прорублюсь-ка до воли
Да увижу весь свет!»
Стало света поболе —
Только ясности нет!
«Хоть следок бы лосиный —
Дальше сам добреду!»
Да зверины-соснины —
Будто брёвна в глазу!
«Что ж мне лепет-то детский? —
Все сомненья долой.
Размахнусь молодецки —
Рубану… по другой!»
И не на смех же курам
Это бросил словцо —
У дороги на Муром
Лишь одно деревцо.
Только щепки, как стаи,
За три моря летят —
Там, где сосны стояли, —
Весь простор-неогляд!
«Знать, сплеча не напрасно
Я искал свой ответ!»

Видно всё. Небо ясно —
Ан дороги-то нет!

Русская печь

Ах, уральские зимы — не мёд:
Бьют пернатых, случается, влёт;
А в реку не вместившийся лёд
Сам себя от отчаянья рвёт.
Даже мы — сорванцы, детвора
Удирали в избу со двора,
Оттирали ледышки-носы —
Аж ладошки горели, красны!
Чтобы нас от простуд уберечь,
Мать ватагой садила на печь.
И росли мы без всяких кручин,
Как опара в квашне, на печи.
Печь родная, большая, как степь,
Наше детство умела согреть…

Ах, в ней столько души и тепла!
Печь такие оладьи пекла!
Из картошки одной да крупы
Печь такие варила супы!
Зрели курники в этой печи…
Что кричали мне: «Реже мечи!»
Я потом в «Метрополе» бывал,
Но таких уже блюд не едал.

Годы шли – и к известной поре
Потеплело на нашем дворе.
Мои братья резонно вполне
Разбежались с печи… по стране,
Но в сердцах их, как ни далеки,
Той же печки горят угольки.

Да и я, увязая в снегу,
К нашей печке, как в детстве, бегу.
И пусть вьюга сечёт, как картечь,
Сохранит меня русская печь.

Свою печь — мой Олимп, мой Парнас —
Я с собою возил на Кавказ.
В прибалтийскую хлябь поутру
Согревала меня на ветру;
Каракумы насквозь пересечь
Помогла мне родимая печь.

Отчего ж никакая халва
Заменить мне лапши не могла?
Почему эскалоп и лангет
Не заменят мне сельский обед?
Потому, что из снежных полей,
Из далёкой деревни своей
(Метрдотель уж кричи — не кричи)
В «Метрополь» я въезжал на печи!

Жизнь кружит по спирали — глядишь,
Занесёт меня, может, в Париж.
Ни к чему к «мерседесам» ключи —
По Монмартру промчусь на печи.
Ну а тамошний «таможный» чин
Только скажет: «Не щучий ли сын?!»

Ведь ни к другу, ни даже к врагу
Я без печки уже не могу.
Пусть же будет от печки моей
И французам на свете теплей.

* * *

Я лечу себя, я лечу к тебе,
Моя родина ивняковая,
Но опять весь день
Предстаёт везде
Моя родина
незнакомая.

Где та мельница, что русалками
На четыре деревни славилась?
Переехала — и не жалко ей,
Ей река теперь разонравилась.

Торопливая, далеко ты пусть,
Ты не раз уже мною пройдена.
Я всегда лечу, я бегу и мчусь
За тобой успеть, моя родина.

Занесло ж меня — занесло весь шлях —
У твоей зимы и не счесть причуд:
Лошадь по брюхо, вся в поту шлея,
Я за ней иду — я к тебе лечу.

Проза

Виктория КРЕСТЬЕВА

Безумная Ольга

Не дай мне Бог сойти с ума.
А. С. Пушкин

БЕЗУМНАЯ ЮЛЯ

Вот как все начиналось. На перемене ко мне подбежала Юля, схватила за рукав и потащила на лестницу. Там, запихивая меня в угол площадки, она, широко раскрыв глаза, зашептала мне прямо в лицо:

— Оля! Оля! Давай безумствовать! Давай со мной! Я точно говорю! Круто будет!

— Что круто? Ты чего? — спрашиваю.

Юля — моя подруга. «С пеленок», как мама говорит. Но только в школе мы учимся в разных классах. Параллельных.

— Этот Гамлет! Принц датский. Он безумствовал! Понарошку. Ну, притворялся сумасшедшим, чтобы узнать тайну. Да и другие! Что, мы хуже, что ли? Давай попробуем?! Лично я — точно попробую!

— Хорошо, — говорю, — подожди, ты, главное, не волнуйся так!

— Да я и не волнуюсь, — говорит. А у самой аж дыхание перехватило. Запыхалась даже. — Оля! Это нам поможет всех на чистую воду вывести.

— Да кого? — спрашиваю. — Зачем?

— А затем, — говорит Юля, — что люди думают одно, говорят другое, а делают вообще — третье. И наши все такие!

КРЕСТЬЕВА Виктория Борисовна — поэт, прозаик, иллюстратор, член Союза писателей России, основатель и руководитель литературно-художественной студии «Рыжий жираф». Родилась в 1972 году. Живёт в Санкт-Петербурге. Окончила Волгоградскую государственную архитектурно-строительную академию. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020).

По ее возбужденному виду я догадалась, что у них была литература. К тому же мы позавчера сходили с ней на пробное занятие в театральную студию для старшеклашек. Нам даже понравилось. Юля, конечно, сразу же записалась и какие-то слова учить взяла, а я пока думаю, по каким дням ходить.

— Я придумала, — продолжает. – Притворюсь безумной на уроке, ну как будто у меня видение какое-нибудь. И посмотрю, кто правда мне друг, а кому наплевать на меня. Вот с этого и начнем! Хочешь со мной?

— Так у меня сейчас свой урок.

— Да если мы вместе будем безумствовать, вообще не до уроков будет. А я еще в розовый цвет покрашусь!

— Юля, так нельзя! Вот так сразу. Обдумать надо.

— Да можно! Давай пробовать. Вот увидишь, здорово будет.

— Честно? Всегда плохо выходит, если что-то необдуманное придумываешь! — напомнила я.

— Это тавтология, — заметила Юля, высматривая кого-то в конце коридора.

— Тафта — это ткань такая. Тетя моя платье сшила из нее, — говорю.

— О-о-о! Ты серьезно?! — Юля закатила глаза. — Тафта у тебя в голове.

Тут затрезвонил звонок. Я всегда его пугаюсь. Юля заторопилась.

— Ладно, пока-пока! Мне пора! Только ты обязательно приходи после шестого урока!!! Жду! — И она убежала, лавируя между семиклашками, роняя мелкие, вдвое сложенные зеленые листочки для заметок.

Это на прошлой неделе Юля изобрела новый способ привлекать единомышленников и поклонников. Она начиталась детективов и сама придумала разбрасывать, как бы случайно, записочки загадочного содержания. Если кто-нибудь поднимет и прочитает, то «будет заинтригован и вовлечен в игру». Но так рассчитывала сама Юля. На самом деле клюнули только два первоклассника, да и то потому, что речь шла о жвачках. А какому же дураку жвачек за просто так не захочется? Они караулили возле моего дома три вечера подряд. По очереди. С шести до семи вечера. Одноногого человека ждали в черной шляпе. Со жвачками. А почему около моего дома? Это Юля специально мой адрес написала. Чтобы я статистику вела. У самой Юли после шести вечера всегда или танцы, или английский. Или еще что-нибудь.

Вот и теперь, конечно, долго ждать не пришлось. В середине урока (кстати, алгебра у нас была) послышались громкие голоса в коридоре, топот и голос учительницы: «К доктору! Быстро! Саша, Юра! К доктору ее отведите!»

«Это Юля безумствует», — подумала я. Но почему-то даже не взволновалась. Что я, Юлю не знаю? Если ей приспичит, она на такое способна, что держись только. В любом случае — окружающие не заскучают!

НАСТОЯЩИЕ СУМАСШЕДШИЕ

— Да ладно, я ничего плохого не сделала. А еще три пятерки получила сегодня, — успокаивала меня, а главное — саму себя Юля по дороге домой.

— И не страшно было?

— Нисколечко. У меня только лицо горело, я так волновалась. Я, знаешь, что поняла?

— Что?

— Что вот так надо в образ входить, когда роль репетируешь. Не зря мы в театралку сходили! И как все совпало. Сама посуди: и Гамлет, и театралка, и Нина Александровна нам на уроке про театр «Глобус» рассказывала. И сегодняшнее моё видение…— Юля была очень разгоряченная.

— Так все подумали, что ты больна? — Она уже мне рассказала, как ее в медпункт отправили: и пульс мерили, и давление, и нашатырный спирт нюхать давали.

И тут что-то мокрое шлепнуло меня по шее и по ноге. Быстро обернувшись, я зажмурилась, потому что уже по щеке меня больно шлепнул мокрый комок. Это были настоящие комки грязи. Я машинально втянула голову в плечи и прикрыла лицо руками. Но увидела, как несколько мальчишек, которые остановились возле рыхлой осенней клумбы, смеются, тыча в нас пальцами. А один из них замахивается, чтобы совершить еще один бросок.

— Ах ты зараза! — заорала Юля и недолго думая швырнула в него шоколадным сырком, который только что купила в киоске. — Я тебе покажу, как нас пачкать!

— Да! Да! — закричал в ответ пацан в красной куртке. — Это она! Чокнутая! Вот эта! — указывал он на Юлю пальцем.

Она, кстати, попала сырком, как будто целилась, прямо в шею нашему обидчику. Чуть ли не за шиворот.

Мальчишек было трое. Они были из нашей школы. Вроде из восьмого класса. И один из них всегда мне нравился. Но об этом не знал никто-никто на целом свете. Просто я всегда поглядывала на него, когда он попадался мне в школе или по дороге домой. Он был очень симпатичный.

И вот теперь я растерялась, а Юля собиралась чуть ли не драться.

— Я чокнутая? — крикнула она. — Сейчас покажу вам, какая я чокнутая! Да! Точно! Сейчас вас перекусаю, как собака! И когтями разорву!

Никогда я Юлю такой злой не видела. Она схватила свой розовый рюкзак за лямки и стала махать им над головой, как пропеллером, устремляясь к мальчишкам. Этого в красной куртке она все же треснула по плечу. Но тут какой-то дядька громко крикнул: «А ну прекратите! Не драться!» Голос у него был густой, громкий, это на всех сразу подействовало. Пацаны посмотрели по сторонам, на прохожих, Юля перестала наступать и тоже поглядела вокруг. Всем стало стыдно. Во всяком случае, мне так показалось. А может, только мне стало стыдно.

И вот мы развернулись и пошли опять домой, в грязи все, как оплеванные. Обидно ужасно. А тот мальчик, что мне нравился, он за нами пошел, а двое скандалистов ускакали куда-то. Юля возмущалась, говорила что-то, говорила, а я даже и не слышала. У меня в ушах пульс стучался. Дошли мы до поликлиники, остановились, немного поотряхнулись. Хорошо, что это земля оказалась, а не грязь. Она как-то ссыпалась с нас, даже не сильно пачкаясь. А лицо мы влажными салфетками вытерли и моим платком. Успокоились слегка, глядим, а этот, третий, тоже остановился неподалеку. На нас смотрит.

Юля опять рюкзачок сняла: «Ты что? Добавки захотел?» — и к нему. А он сам к нам пошел, ладони поднял и так решительно говорит:

— Погоди, погоди. Я сдаюсь! Не сердитесь, пожалуйста, девочки. Ну простите их. Нас, то есть… Их тоже понять можно.

— Чего их понимать? — Юля спрашивает. — Хулиганы просто. Негодяи какие-то.

— Не-е-ет, девочки, — отвечает третий. — Это у Коли мама как раз информатику преподает. Ну, новая учительница. Ну, которую ты напугала сегодня. У нее испытательный срок и все такое. Ты вон какая боевая, а ее целый час валерьянкой отпаивали. Так она перепугалась. А Коля за нее испугался. А когда узнал, что ты прикидываешься, разозлился очень. Разбираться с тобой пошел. Ну прости нас. Ладно. Сама же виновата!

До Юли дошло, но она так и стояла насупившись. Потом повернулась ко мне и говорит:

— Вот они, мальчишки твои. Сейчас защищать будешь. Грубияны.

Мы с ней часто спорим про мальчишек. Она их за людей не считает. А я все же думаю, что не все они пропащие. Юле подавай таких, как Дубровский или там Ромео, Гамлет этот сумасшедший, на худой конец. А таких-то и не бывает. Их придумали-сочинили. Даже мама ее говорит: «Эх, Юлька! Эдак ты и жениха себе не найдешь никогда. Разборчивая какая». Вот и я думаю: книжек начиталась, а в жизни то все по-другому.

Юля дальше пошла домой. А мы с этим мальчиком за ней. А он и говорит, продолжает:

— Смотрите, что я вам покажу. Как раз для тебя, — и он кивнул Юле: — Вот тут недалеко, через пару домов. — Он высматривал что-то в конце улицы.

— Чего тебе еще? — Юля совсем надулась.

— А вот смотрите! Как раз совпало. Вон. Возле «Пятерочки», видите? — И он указал пальцем на невзрачную, какую-то худую бабульку, которая присела на цоколь магазина «Пятерочка» неподалеку от входа. Она что-то держала в руке около рта. То ли ела, то ли платочек это был носовой.

— Вот. Да, да. Посмотрите. Она всегда тут сидит после трех, — говорит. — Вот поглядите. Ты такой хочешь быть? — Это он у Юли спрашивает. — Такой?

Мы подошли поближе и услышали, как бабулька разговаривает вовсю сама с собой. Как будто к кому-то невидимому обращается, на прохожих не реагирует и говорит себе без остановки. Одежда не по размеру. Пальто большое, линялое, шапочка вязаная, сама не грязная, но непричесанная какая-то.

Обычно мы домой другой дорогой ходим, редко тут в это время бываем. Я вспомнила, что, конечно, и раньше ее видела несколько раз. Но никогда о ней не задумывалась. Видимо, живёт она близко. Так неприятно было смотреть на нее. Стыдно, что ли? Мы прошли мимо.

— Вот она — настоящая сумасшедшая, наверное, — говорит мальчик. — Что? Нравится?

— Нет. Не нравится, — говорит Юля. — Всё. До свидания!

Она взяла меня за руку и повернула направо, во двор. А он остался там, на улице, стоять. За нами не пошел.

— Вот ведь паразиты! Все настроение испортили, — сказала Юля.

Мы шли молча. И думали о серьезном. Уж я-то точно. И про обиду. И про мальчишку этого симпатичного. И про Юлино безумство. И про эту говорящую бабульку.

— Ну, — говорю. — Не жалеешь, что учудила сегодня? Артистка ты моя неугомонная.

— Я же не хотела ничего плохого сделать. Это был эксперимент. — Наверное, ее совесть мучила. Потом помолчала и спрашивает: — Оля, а от чего люди с ума сходят? Как думаешь? В книгах пишут — от горя, от болезни, от любви…

— Не знаю, — отвечаю. — У мамы спрошу.

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

Моя мама врач-бактериолог. Она смотрит в микроскоп на всякие там бактерии, палочки, лямблии и прочую гадость. Ну, конечно, и не гадость. Если это не вредные для человека организмы, то не гадость. Какие-то опыты делает. Там у нее на работе есть центрифуга крутящаяся, автоклавы разные, колбы, пробирки и очень страшные плакаты, где крупно-крупно нарисовано, что у нас в организме творится.

Я, как домой пришла, сразу у нее и спросила:

— Мам, а от чего люди с ума сходят?

Мама наливала мне суп у плиты — она часто домой днем на перерыв приходит.

— Садись, — говорит, — вот твой любимый суп грибной. С ума сходят? — спрашивает. — Да по-разному бывает. Бывает, от травмы головы. От воспаления мозга. Удара какого-нибудь. А тебе зачем?

— Мы сумасшедшую сейчас видели, — говорю.

— Господи!— испугалась мама. — Где же это?

Ну, я ей рассказала. Хотя далеко не все. Не хочу Юлю подставлять. А потом мы совсем на другие темы перешли, и вообще настроение исправилось, потому что мне извещение пришло на посылочку: я заказывала пояс и браслет по интернету.

Потом я села рисовать. Это я так отдыхаю. Нарисовала акварелью осеннее дерево и фигуру под красным зонтом. Так размыто, непонятно, кто там под зонтом — мужчина или женщина в длинном плаще. Одинокая фигура под красным зонтом на желтой аллее. Неожиданно хорошо получилось. Убрала я краски, хотела работу над ошибками делать по русскому. Тут случайно в окно глянула — и удивилась. Мальчик-первоклассник опять за жвачками пришел. Я вспомнила Юлины сегодняшние проделки, и мне его жалко стало. Я взяла жвачку, у меня как раз пачечка мятных была на полочке. Вышла на минутку из подъезда, подошла к нему и говорю:

— Мальчик. Вот, держи. Тебе мужик в шляпе передать велел. — Отдала и ушла сразу.

Он так удивился, что даже ответить не успел. С раскрытым ртом так и застыл. А Юле я позвонила и сказала, чтобы она поосторожней с людьми заигрывала. А то еще доиграется неизвестно до чего.

КАК МЫ ПРОРОЧЕСТВОВАЛИ

Улеглись наши страсти. Юля не чудила целую неделю. В школе была тише воды ниже травы. И с мальчиком моим мы познакомились, Федя его зовут, оказывается. Здороваемся теперь в школе всякий раз. Но я стесняюсь ужасно. И в театралку мы еще ходили. Там про древнегреческие театры нам рассказывали. Юля — так уже даже репетировала, а я только один раз была.

— Они такие злые, все эти древние прорицатели. Или пророки, — заявила мне Юля как-то вечером.

— Почему это?

— Да они всякие несчастья людям предсказывали. И все боялись их слов как огня. Верили, — отвечает Юля.

Мы сидели на диване и ели кукурузные палочки. После танцев Юля заскочила ко мне, чтобы передать две книжки, которые вчера взяла в библиотеке. Начав читать обе, Юля поняла, что эти книжки во что бы то ни стало надо прочитать и мне, дабы было можно все это обсуждать.

— Вот, вот смотри сюда, — хрустя, показывала она мне пальчиком на страницу книги по греческой мифологии. — Эти все герои — основа мировой культуры. Ну, то есть про них потом кучу книг написали, картин всяких нарисовали, а уж скульптур сколько налепили — не сосчитать!

— Знаю, это Одиссей, который из дома убежал.

— Ничего он не убежал! Ты что! — обиделась Юля. — Он сражался на войне вначале, а потом его Посейдон по морям гонял. Проучить хотел. Да ладно, я не про это, — спохватилась она. — Я про то, что прорицатели редко людям хорошие новости предсказывали. Чаще — плохие.

— Ну, понятное дело, — говорю. — Предупредить хотели, помочь, наверное.

— А люди, получается, неблагодарные. Злились на такие пророчества, не верили да еще прорицателей этих колотили за дурные вести. А были бы поумнее, так спасибо сказали бы, да и спаслись.

— Вот я скажу сейчас тебе: «О, Юлия! Подруга моя благородная. Не ходи домой, там ждут тебя гром, и молнии, и тысячи голодных гиен!» И вот ты что, не пойдешь?

— Ну, во-первых, такого быть не может, а во-вторых, ты-то не пророк никакой. Их, кстати, тоже часто сумасшедшими считали. А ты вполне нормальная у нас.

— А вдруг меня озарило? А вдруг сбудется?! А ты не веришь, конечно, а потом поздно будет. Когда и гром, и молнии, и звери дикие.

— Ну, когда озаряет, пророки по-другому разговаривают. Стихами. Так еще страшнее и убедительнее получается. Надо так говорить:

Предрекаю тебе, о несчастный и дикий старик!
Что постигнет тебя невозможная кара… —

начала Юля. Тут мы с ней нахохотались. Стали всякие предсказания придумывать. Про нас, про одноклассников. И так мы расшумелись — даже папа заглянул узнать, что у нас происходит. Так ему предсказание досталось! Я предрекла: «Нынче мама тучи мрачнее, как буря» налетит на него,

Рисунок Вадима ЖУКОВА

если он свои болты, гайки и детали в гараж не снесет наконец-то, как позавчера еще собирался. Они в прихожей третий день лежат. Ждут. В стихах папе очень понравилось. Он пророчества не испугался, смеялся только очень. А потом поспешил в гараж, пока мама не пришла.

Возвещаю тебе: ждет тебя ураган и потоп!
И гиены, и волки, и дикие лысые тигры!

Это я Юле пророчествовала уже около девяти вечера.

— А я все-таки пойду домой, — засмеялась Юля. — Поздно уже.

И мы вместе вышли — я мусор вынести и ее немного проводить — прогуляться. Она близко живет, через одну остановку.

Вышли на проспект, а там как раз троллейбус подъезжает, мы и заскочили в него. Проездной у меня в кармане. Мы так часто катаемся, одну остановку-то. А с нами компания какая-то зашла. Спортсмены, что ли. С сумками тренировочными. Шумят, смеются, весь тамбур в хвосте заняли. И так громко-громко матерятся. Мы даже с Юлей разговаривать перестали. Глаза круглые у нее: вот, мол, опять твои мальчишки-придурки!

Им кондукторша замечание сделала, когда билеты проверяла, а они и ей нагрубили, хорошо не матом.

Я очень не люблю, когда так ругаются. А Юля вообще не переваривает. Если при ней кто-то так выразится, она потом даже старается не общаться с этим человеком. У нас весь класс в курсе.

Людей в троллейбусе было не много, но и не мало. Все сразу осуждать этих пацанов стали. Кто вслух, а кто глядеть так — возмущенно. А те специально стали шуметь громче и что-то неприличное говорить. Мы еще не доехали и на светофоре как раз остановились, и тут Юля моя повернулась к той компании, как-то нервно, очень глубоко, как паровоз, вздохнула и вдруг громко, медленно стала говорить, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами:

Возвещаю тебе, да отсохнет твой грязный язык!
И покроется мхом и зеленой развесистой клюквой.
И не будет ни сна, ни покоя тебе, о несчастный!

Говорила она не торопясь и очень складно, но голос у нее дрожал, да и рука тоже. А мне стало как-то страшно. Все сразу замолчали, и тишина такая образовалась. Только одну Юлю и было слышно, а она продолжала:

Возмутитель покоя, о грязный, о мерзкий язык!
Возвещаю тебе, возвещаю печаль и расплату…

— Чего-чего? Ты! Ненормальная! Пи-пи-пи-пи…. — повысил голос один парень грозно.

А его приятели стали громко ржать. Именно ржать. Как кони. Но потом они спохватились, и один из них сделал вид, что поперхнулся.

— Вот девочка молодец. Правильно, — поддержала Юлю старушка с тоненьким голосом. — А то какие наглые-то! Не стыдятся совсем сквернословить. Бесстыдники!

— Да, молодец! Так его, — добавил высокий крупный мужчина с черным пакетом в руке. — Вот у нее поучитесь словами-то разговаривать.

— Я ей поговорю щас! — угрожающе начал худой спортсмен в черной куртке.

— Ну-ка не хулиганьте, не хулиганьте, а то троллейбус сейчас остановлю! Выгоню бесстыдников, — присоединилась кондукторша. — Девочку не троньте. Она-то как раз нормальная! Правильно говорит.

И такой галдеж поднялся, все за нас заступаться стали. А парни эти на нашей остановки сошли, а мы-то, конечно, остались. Что мы, дураки с ними вместе выходить?! Пришлось ехать до кольца, потом обратно. Снова выходить на моей остановке, идти опять ко мне домой и уже вместе с папой провожать Юлю до дома. Мы сказали, что хулиганов боимся. А про то, как Юля пророчествовала, не сказали. Потом как-нибудь расскажем, не сейчас.

Уж не знаю, как ее пророчество, а моё — про гром, молнии и гиен — еще немного — и сбылось бы!

ПРО МЕНЯ

Шла я как-то одна из школы и думала про Юлю. Что она к Новому году покраситься мечтает в розовый цвет. С фиолетовым. С растяжкой. Я ее отговаривала, конечно, мне кажется, это глупо. Да еще и дорого как! Мы узнавали. Будет, как блондинки наши, гламурная вся, на себя непохожая ходить. Она и сейчас-то двухцветная ходит. Но это не очень заметно. Я сама ее красила. Половину волос высветляли, хотели, как на фото, сделать, но не получилось. Хорошо, что это не сильно заметно. Нормально. Так вот, она и мечтает теперь в салоне покраситься, как положено. Уже накопила восемь тысяч на заветную мечту.

Вот я про это думаю иду. И вдруг говорю себе: «Стоп! А что это все про Юлю и про Юлю? А я-то?»

Ну, допустим, Юля у нас необычная! Отличная, удивительная. Ну а я-то тоже не промах. И у меня планы к Новому году. Я тоже придумщица та еще. Я сейчас книгу пишу. Папе подарю. Детектив. А еще отсылать письма нашим учителям по почте — это я придумала. И все ребята меня поддержали. А что? Интересно ведь, когда в почтовый ящик настоящее письмо приходит. С рисунками и пожеланиями, да еще и вовремя. На день рождения или Новый год. Историчку нашу, Татьяну Александровну, мы даже с Днем взятия Бастилии поздравили как-то раз. Вот она смеялась... Ну и нам хорошо было — от домашнего задания освободили.

А еще мы дома устраиваем вечера при свечах! Тоже я придумала. Однажды свет вырубили, ну, авария какая-то была, и мы так хорошо при свечах посидели: мама, папа и я. Вот я и предложила такие вечера самим создавать. Хотя бы раз в месяц. И телефоны, конечно, мы откладываем. Так красиво огоньки пляшут, тени отбрасывают, свечи у нас разные есть, целая куча. Так уютно и душевно. А если бабушка у нас гостит, то еще интереснее бывает. Мы сидим в большой комнате и болтаем обо всем на свете. Бабушка о своей молодости рассказывает, а папа начинает у нее выспрашивать всякие подробности, а подробности — это как раз самое интересное.

А я рассказываю про одноклассников. Или про Пушкина. Или про Юлю. И тут Юля очень популярна, как всегда. Наверное, потому что она

непредсказуемая. Творческая. Или еще смелая. Я-то ведь часто стесняюсь, смущаюсь, а потом жалею, что не решилась сказать что-то в нужный момент.

Во-о-от!!! Вот что важно. Я сейчас поняла! Важно сделать или сказать что-то в нужную минуту. Как наша физичка говорит: «Дорого яичко к пасхальному дню». Она всегда у нас пословицы и поговорки употребляет в любой удобный момент. Наверное, в жизни все проблемы и получаются оттого, что люди объясниться вовремя не умеют. Действуют по обстоятельствам и припаздывают к тому же. Чацкий, например, в глаза всем говорил, что о них думает, Гамлет тоже, а все вокруг них хитрили и врали. Вот Юля говорит сразу, как есть, и не боится. А таких людей сумасшедшими и считают почему-то. А если бы все сразу правду говорили, как есть, может быть, жизнь лучше была.

ЭКСПЕРИМЕНТ

На каникулах мы почти каждый день бегали в полюбившийся нам театральный кружок. Спектакль делать нам не разрешали. Мария Сергеевна и Артем (ее помощник, студент) все больше нас учили миниатюры разыгрывать. Упражнения на дикцию делать — о-о-очень смешные. Весело очень. Юля, конечно, прославилась своими подвигами. Уж как она пророчествовала в троллейбусе, мы рассказали, но Марию Сергеевну это больше напугало, чем рассмешило. «Побьют вас, — сказала она. — Нельзя так делать. Опасно очень». А ребята смеялись и много-много стихов пророческих придумали на эту и другие темы. А еще мы говорили о том самом Гамлете. Оказалось, что театралы его очень любят и уважают. Рассуждали мы, почему он так себя повел, и пришли к выводу, что он ужасно одинок. Жалко его очень. Ведь ну никого-никого близких у него не осталось. Близких не по крови, а тех, кто его понимал бы.

Вот идем мы из театралки как-то, а Юля и говорит:

— Интересно, эти безумцы могут разговаривать с нами — нормальными людьми? Они всегда не в себе или это у них время от времени?

А тут как раз видим мы сумасшедшую бабульку, которую нам Федя показывал. Сидит она на том же месте у магазина. С сумкой тряпочной, в своей вязаной шапочке. Ссутулилась, бормочет что-то и яблоко грызет.

— Спорим, я с ней заговорю, — говорит Юля. — В порядке эксперимента.

— Ну и что такого? — я отвечаю. — Что за эксперимент?

— А узнаем, она понимает, когда к ней обращаются, или только с собой может говорить?

— Не боишься? — спрашиваю. — Мало тебе приключений в этом месяце...

— Это ты всего боишься, — отвечает она. — А я нет. Что тут такого? Просто поговорю, трусиха.

— Никакая я не трусиха. Я тоже могу.

— Да ты не сможешь! — Юля говорит.

— Ну и смотри давай, — говорю я, а у меня уже, чувствую, уши горят от волнения.

Юля осталась под липой стоять, а я подошла поближе и услышала, как бабуля эта бормочет: «И по телевизору смотрели недавно. И про Австралию, и про острова. Там пальмы, океан. Красиво так… Помнишь, как в Сочи? Мы с тобой ездили летом. Помнишь?»

Было похоже, что она по телефону с кем-то разговаривает, а смотрит куда-то под ноги себе. Я только собралась с ней заговорить, как вдруг она прямо на меня посмотрела и говорит:

— Оля! Пойдем-ка, миленькая, домой.

Я чуть не упала! У меня мурашки и даже таракашки по спине пробежали. И рот открылся сам. Я, видимо, такая была обалдевшая, что Юля подбежала и за плечо меня потрясла.

— Ты чего? Что она сказала? — А сама трясет меня: — Что? Что такое, Оля?

— Она… — Я вытянула руку вперед: — Она… она пророчествует…что ли.

Хотели мы убежать, а бабуля эта нам вдогонку и кричит:

— Оля, Оля, куда же ты? — И сумочку свою выронила. Из нее яблоки посыпались.

— Девочки, не бойтесь, — еще кто-то нам закричал, — вы домой ее отведите.

Тут мы остановились. Обернулись, а это уборщица из магазина вышла со шваброй и к нам обращается:

— Вы не бойтесь. Она хорошая, Надюша наша, — говорит. — Что испугались? Что, кого-то из вас Олей зовут?

— Ее, — Юля отвечает про меня.

— Ну, тогда понятно. Не бойся, — это она мне уже говорит. — Дочку ее Олей звали. Эта Надюша всегда тут сидит и с Олей разговаривает. А домой вы ее проводите, пожалуйста, доброе дело сделаете. Вон — дом напротив. Третий этаж. Она дорогу покажет, не заблудится. И не бойтесь. Не бойтесь.

Мы собрали яблоки. Бабулька руку мне протянула и пошла-повела нас через переулок в арку. Направо по двору. Подвела нас бабуля эта к подъезду, и код, главное, сама набрала, и по лестнице подниматься стала, ну и мы тоже. А я ее под руку так и веду. Второй этаж, третий. Не успели мы подняться на площадку, как дверь справа открылась, из нее выглянула коротко стриженная седая женщина и замахала нам рукой.

— Ну, наконец-то вы пришли. Вот спасибо вам, девочки. Надюша, поднимайся скорее. — Женщина выскочила из квартиры и подхватила нашу бабульку, помогая ей одолеть последние ступеньки. Затем обернулась к нам. — Входите, входите, пожалуйста, — приветливо сказала она. — Входите же, я давно вас жду.

И мы вошли…

ДВЕ НАДЕЖДЫ

— Проходите, проходите сюда, девочки. На кухню, — пригласила женщина.

Кухня оказалась большой. Светло-зеленой какой-то. И абажур салатного цвета, и обои, и цветочков куча на подоконнике.

Хозяйка на ходу сняла с нашей бабули пальто и мимоходом повесила в прихожей. А дальше, на кухне, усадила ее на табуретку и помогла снять галоши. А мы с Юлей наши ботинки у двери на коврике оставили.

— Садитесь, девочки. Садитесь. Сейчас, сейчас, — бормотала тетенька.

Бабулька наша расслабилась, прислонилась к стене и прикрыла глаза. Вроде дремать собралась. Вкусно пахло печёным. На столе уже стояли три чашки: варенье, мед, какое-то печеное — словом, было накрыто к чаю.

Женщина унесла галоши. Пошумела в ванной. Потом пришла, достала из шкафчика и поставила на стол еще одну чашку и обратилась к нам:

— В хорошую погоду она гуляет меньше, а в плохую дольше. Когда моросит, я и сама ее домой привожу.

— Почему?

— Наверное, когда солнечно, легче творить добрые дела, — улыбнулась женщина. — А в дождь-то все домой спешат, некогда по сторонам-то глядеть… Вы садитесь, чаю-то попейте. У меня творожное печенье.

— Вы что же, и не беспокоитесь за нее? — Юля говорит.

— Да я же в окошко гляжу. Вон смотрите — все видно. Она сама никуда не уйдет. Так уж заведено. Это сестра моя родная. Мы вместе живем. Я Светлана Сергеевна. А вас как зовут?

— Меня Юля, — ответила Юля.

— Меня Оля, — сказала я.

Тут бабуля Надюша очнулась, а до этого с закрытыми глазами сидела, оживилась и говорит:

— Да, да, Оля. Деточка, ты садись печенье-то поешь. А я сейчас и ужин сделаю.

Я опять удивилась, а Светлана Сергеевна нам моргает, палец к губам поднесла: тише, мол. И сестре говорит:

— Да, и чаю, и печенье, и ужин. А как ты погуляла, Надюша? Не холодно?

— Хорошо. Хорошо, — отвечает та.

— Спасибо, нам бежать надо, — говорю я.

— А печенье, а варенье? — удивилась тетя. — Я вам сейчас с собой дам! Вот увидите, такого вы не пробовали, это еще бабушкин рецепт, — засуетилась она и в пакетик печенье стала складывать.

Тут из прихожей мужской голос раздался:

— Тук-тук, есть кто дома?

— Да, да, Борис Анатольевич!— крикнула тетенька стриженая. — Мы на кухне.

И заходит дяденька высокий (или, скорее, дедушка).

— Здравствуйте, здравствуйте, Светлана Сергеевна. Надежда Сергеевна, — говорит. Голос такой — бас почти. — Моё почтение, — улыбается. — А вы кто такие? — Это он уже про нас.

— А эти девочки Надюшу привели, — отвечает вместо нас тетенька. — Юля и Оля.

— О-о-о, — протянул дедушка удивленно. — Оля, значит. — И брови поднял. — А я вот картошечки купил на вашу долю. Как обещал. Та же партия, с грузовичка. Как в прошлый вторник.

— Ой, спасибо вам большое, — говорит тетенька, — а я как раз тыквы вам хотела передать, Паша привез. Возьмете? Вот они в уголке стоят. Вон три штуки — берите.

И она кивнула в сторону, там под табуретками лежали на полу тыквы. Куча целая. Штук семь. Красивые такие, рыжие.

— Спасибо, спасибо. Тыква — штука полезная, — дед говорит. — Только не сейчас. Они тяжелые, а я-то с картошкой. И капустой. Мой пакет возле киоска ждет меня.

— Давайте мы понесем, да, Оля? — Юля говорит. — Вы где живете?

— И правда! — обрадовалась Светлана Сергеевна.

— В доме напротив живем. Первый этаж. Спасибо, девчата, — дед говорит.

— Вот, девочки, берите по тыкве. В пакет положить? — засуетилась тетенька, она шустрая была. — Вот две в пакет, а одну — так. Вот. Спасибо вам и приходите к нам. Когда захотите. Поговорить просто. Мы дома всегда. Ну, почти всегда. — А деду говорит: — Поклон супруге вашей. Как ее самочувствие?

— С переменным успехом. Держимся, спасибо. Мое почтение.

Вышли мы, опять улицу перешли, около грузовика с овощами пакет с картошкой забрали. Дед говорливый такой, все расспрашивал, в каком мы классе, чем увлекаемся? Юля, конечно, его переговорила. А он нам зато рассказал, что у этой Надюши дочка Оля была. Но она умерла. Утонула. Под лед провалилась. Ужас какой! И Надюша раньше нормальная была, это лет пять, как она такая.

— Из-за дочки? От горя? — Юля говорит.

— Нет. Это склероз такой. Ой, девочки, вы даже не представляете, как мозг человеческий устроен. Как уникально наш организм устроен. Вот идите на врачей учиться, сами узнаете. А у меня дома жена. Я ее надолго не оставляю. Она-то сама на улицу не выходит. Тоже вот — инсульт был. И все! Человек инвалид теперь. Ни рука, ни нога левая не слушаются. Вот учитесь-то на врачей. Лечить нас будете.

Зашли мы в соседний дом за дедушкой этим. Дедой Борей. Так он сказал себя называть. Прихожая маленькая. Пол весь в песке, земле. И вообще грязновато. А там музыка играет старая какая-то, несовременная, я эту музыку раньше слышала. Тоже на кухню пошли. Тыквы и пакеты ставить. Еле поместились там втроем. А там еще и бабушка сидит, картошку режет одной рукой. Такими маленькими кривыми кусочками.

— Здравствуйте, — мы говорим. И она тоже поздоровалась.

Деда Боря представил нас бабушке, а про нее сказал так:

— Надежда — супруга моя, Богом данная. Надежда Алексеевна, то есть. Я вот сейчас пожарю картошечку. Оставайтесь.

— Спасибо, спасибо, мы — всё! Бежим. Всего вам хорошего, — говорим.

По стенам фотографии развешаны, картинки, рисунки. Свободного места нет.

А в прихожей полдороги кресло на колесиках занимает. Ну такое, инвалидное. Мне неприятно на такие смотреть, да я их и вижу-то редко.

Дедушка нам по шоколадке всучил. Мы, конечно, отказывались, но он настоял. Ушли мы и обсуждали всю дорогу наших новых знакомых. Получается, что две Надежды в домах напротив живут. Интересно бы узнать, что с этой Олей — дочкой приключилось. Какие-то ужасные истории.

— Да что же это творится! — возмущалась Юля. — Люди с ума сходят! Тонут! Болеют и болеют! Я думала, это в сериалах только бывает. А тут вон рядом. — И она махнула рукой назад. — В соседних домах такое творится. И никто об этом не задумывается.

— А сколько таких, как эта Надежда, из дома не выходят. А мы их и не видим, и не знаем ничего, — говорю.

— Надо к ним зайти как-нибудь. Может, кексов им напечь?

Юля фирменные кексы печет. Апельсиновые. Все у нас их любят. Ну и я тоже у нее научилась, кстати говоря.

— Давай напечем, — говорю. — И одним, и другим.

ПРО ШКОЛУ

Школа у нас огромная! Ну не само здание. Здание обычное, П-образное, четыре этажа. Как и другие школы. А вот детей у нас в школе учится о-о-очень много. Больше, чем в других таких же школах. Наша школа недавно, пару лет назад, стала лицеем, ну вроде ее в звании повысили. И с тех пор к нам так народ и повалил. Первых классов по шесть в параллели набирают! Мы-то с Юлей с первого класса тут учимся. Раньше такого не было. Раньше у нас как было: 1а, 1б и 1в. По-человечески. А сейчас классы по 30 человек, и в две смены учимся, и дети вообще в школе не помещаются.

Ну куда столько?! В туалете очередь, в гардеробе — горы какие-то из курток, а не вешалки. Говорят, детей в нашем районе больше стало. Но ведь и из других районов к нам ездят. Ну не знаю, что так к нам в школу народ ломится. Хотя мне наши учителя нравятся. Особенно по биологии — Елена Николаевна. Как она интересно рассказывает! Я из-за этих рассказов сам предмет полюбила. Мама моя рада! Она же врач-бактериолог. Думает, что и я врачом стану.

В классе у нас есть девочки разнообразные. Есть спортсменки — это раз. Они интересуются топиками, толстовками, ходят даже в школу в лосинах (очень неприличных) и считают это нормальным. Да, и они пахнут, хотя и моются чаще всех нас, вместе взятых. Есть девочки-«блондинки» — это два. Ну, вы понимаете. Есть девочки-ботаники — типа меня. Это три. Хотя я благодаря Юле ботаник продвинутый. Мы вообще с ней парочка в центре событий.

Юля учится легко. Везде успевает. Всем помогает, если попросить. Во всех школьных мероприятиях участвует. И завуч, и директор ее знают. Всегда в центре событий, а я с ней заодно. Как-то еще в первом классе мы подружились, обнаружив, что любим одно и то же, хотя по характеру мы ужасно разные. Живем рядом, вместе в школе, вместе на каникулах. Если не в отъезде. Даже на дачу друг к другу ездим. И родителей подружили, конечно.

Есть еще такие девочки, не знаю, как их проще описать. Ну, особенные, что ли. Ни на кого не похожие. Личности? Персоны? Или зануды? Вот, например, Клара — только физикой увлекается. Ни с кем особо не общается, все время учит что-то, в какой-то клуб школьный ходит, по физике, конечно. Я даже не знаю толком про нее ничего. Странно как-то. Или еще

Лена. Наряжается в дикие одежды какие-то, все смеются над ней. Но не по-злому. Мы привыкли уже. Она шьет сама. Мама говорит: «Не смейтесь, вот станет она великим модельером — вспомните тогда»! Может быть, так и будет.

В моем классе мальчишек тоже много: пятьдесят на пятьдесят. В Юлином даже мальчиков больше, чем девочек. И хорошие они в большинстве. Хотя Юля всегда найдет недостатки. Все они или почти все были когда-то влюблены в нее. Это так заведено: если приходит новенький и обнаруживает Юлю, то влюбляется. Потом все это как-то открывается, и за малейшую «провинность» он теряет шанс на взаимность. Ну, то он стихи не любит, то где находится Виннипег, не знает, то Шекспира не читает, или чавкает за столом, или смеется не так, бедняга. А ведь среди них попадались и отличные ребята… Моя мама уверена, что Юля еще встретит своего принца, а я вот сомневаюсь. Это робот какой-то идеальный должен быть, а не принц.

Но зато со всеми Юля дружит. И все ее уважают. Советуются. Она совсем не скандальная и не злая. Она энергичная чересчур. Это точно. И как она все успевает? Еще и учится хорошо.

Ну про учебу не буду. Это везде одинаково, наверное. Хотя непонятные вещи порой происходят. Например, Юля после уроков встречает меня и тараторит:

— Слышала?! На географии. Про касты неприкасаемых! Слышала?

— Не-е…— говорю. — У нас про экономику. Индия и все такое…

— Ну да! Да! Индия же! Прямо как в кино! Как в детективе! — продолжает Юля, размахивая руками. — Эти неприкасаемые даже сейчас не имеют равных прав с другими людьми! Им прикасаться даже к другим нельзя. Как это? Жуть какая! Вот бессовестные! Бессовестные, которые их на работу не берут. Да! — спохватилась она. — И Маугли там на самом деле был. Только когда его наши нашли. Ну, учёные, то есть. Он у них умер быстро. Ну не смог в цивилизации жить. Да! И говорить так и не научился… по-человечески.

Вот и пойми, как это на одинаковых уроках по географии такая разная информация от педагога поступает. Юле даже с уроками везет больше.

Окончание следует

Роман ШКОДА

Красный Верден: Царицын в революции и Гражданской войне

(Продолжение. Начало в № 4 за 2021 год)

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

НОВОЕ ВРЕМЯ

По состоянию на начало апреля ситуация с властью в городе выглядела по-прежнему хаотично. Высшую власть здесь осуществлял Временный исполнительный комитет. При нём, но уже отчасти как самостоятельные органы власти, работали Совет рабочих и Совет солдатских депутатов. По-прежнему функционировала ещё дореволюционная городская дума, работала и городская управа во главе с В. Клёновым — городским головой, также заступившим на свой пост ещё до революции. Быстро набиравший силу Совет рабочих депутатов, в котором кто-то постоянно переизбирался, также не являлся монолитным органом, но был раздираем эсерами, меньшевиками и большевиками. Последние две части пока ещё были формально единой партией.

ШКОДА Роман Валерьевич — кандидат экономических наук, главный редактор интернет-издания «Царицын.рф». Родился в 1977 году. Живёт в Волгограде. Входит в редакционный совет литературного журнала «Отчий край». Член Общественной палаты Волгограда, Союза журналистов России и правления Волгоградской областной организации Союза журналистов России. Лауреат литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2021).

Относительно спокойное сосуществование параллельных органов власти сохранялось как в Царицыне, так и по всей России всю первую половину весны. На этом этапе Советы и органы Временного правительства, скорее, дополняли друг друга, конкурируя лишь по ряду вопросов. Политические партии были заняты подготовкой к выборам в Учредительное собрание, вели широкую агитацию. Однако противоречия стремительно нарастали. Если верить воспоминаниям Сергея Минина, он уже с самого первого дня своего появления в Царицыне видел большевиков отдельной политической силой, не только не союзной меньшевикам, но и противостоящей им. Вполне возможно, что такой радикальный настрой Минин приписал себе уже задним числом, однако настоящий раскол между большевиками и меньшевиками произошёл очень быстро.

По воспоминаниям Минина, сразу по прибытии в Царицын в глаза ему бросился один крупный недостаток в организации РСДРП, который Минину удалось превратить в «козырь» и главную силу царицынской организации большевиков. «Социал-демократическая организация была едина. Подавляющее большинство было за меньшевиками, а среди них преобладали интеллигенты и служащие. Группа рабочих-большевиков была немногочисленна, слаба и не уверена в себе, но чувствовала, что дело идёт не так, как бы следовало. Едва увидев меня, большевики заговорили: «Что же это такое — рабочих забыли, среди них ничего не делается. Вообще у нас нет никакой партийной работы. Все они (меньшевики) только и заняты там, в зале земской управы. Несколько раз мы поднимали об этом вопрос, но они заминают». Скоро я увидел пленум Совета. Жалкое зрелище. Депутатов немного, и все они разместились в небольшой зале Биржевого комитета. А вопросы! Как будто в насмешку над революцией два или три заседания почти исключительно занимались примирительными камерами».

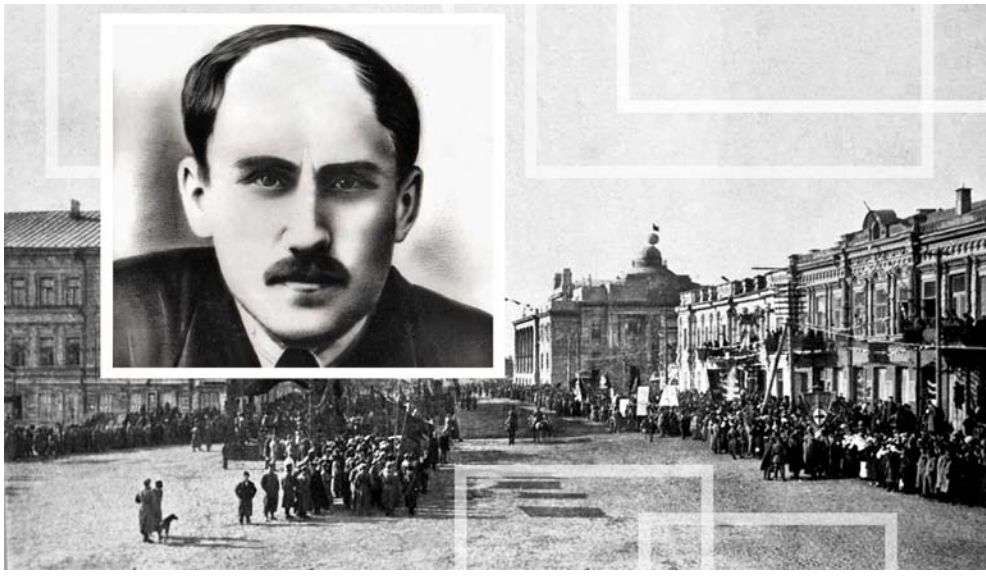
Действительно, увлекшись революционными идеями, политические партии слишком занялись участием в новых органах власти. Осознав это, Минин все силы начинает вкладывать в агитацию именно среди рабочих, что определяет всё его последующее поведение. С этого момента практически каждый его день превращается в работу на собраниях рабочих разных предприятий. Выступая по нескольку часов без перерыва, отвечая на вопросы, доходя до изнеможения, Минин и стоящие за ним большевики стремительно набирают популярность в Царицыне. Городские газеты наблюдают за этой активностью. Вот только некоторые сообщения. 19 марта «в помещении депо Юго-Восточной железной дороги состоялся рабочий митинг, на котором выступал т. Минин. Последний говорил об Учредительном собрании и высказался против войны». В тот же день «в городском цирке был организован митинг, на котором обсуждались два вопроса: об отношении к Временному правительству и о войне. Д. Полуян и В. Изюмский высказывались за поддержку Временного правительства и за продолжение войны, т. Минин выступил против Временного правительства и дальнейшего ведения войны». Минин выступает на заводах и фабриках, среди солдат, на партийных совещаниях — везде, где только есть слушатели. Впрочем, постановка вопросов, которую озвучивает Минин, идёт вразрез не только с официальной позицией Совета или меньшевиков, но и даже с мнением его товарищей-большевиков, Минин на своих выступлениях вы-

глядит порой одиночкой, его иногда даже освистывают! Народ, рабочие, солдаты, пока ещё живущие ощущением только что свершившейся революционной победы, не готовы к «продолжению» революции, эта точка зрения встречает недоумение. Но Минина это не смущает, пока он вытягивает на старом авторитете, на популярности, которая была завоёвана ещё в 1905 году. В том самом, упомянутом выше выступлении в цирке его ждал оглушительный провал. «Митинг был назначен в деревянном цирке, подле Астраханского моста на Царице. Там были рабочие, солдаты, интеллигенция, обыватели — всего не меньше трёх тысяч человек. Не уместившиеся в здание залегли на крышу, там шумели кровельным железом и смотрели внутрь в открытые купольные окна, загораживая доступ солнечным лучам. По старой памяти (о выступлениях против царизма в 1905 г.) меня избрали председателем, а на помощь мне — двух товарищей председателя, меньшевиков. Доклад был мой. Начинаю говорить… после торжественной встречи вдруг водворяется гробовое молчание. Потом понемногу начинается шум, протесты. Наконец бешеные крики: «Долой!»

В итоге председателя Минина вообще лишили слова! Любой другой на его месте заколебался бы, смутился, начал оправдываться или даже менять свою точку зрения. Но Минин был совершенно другой человек, не случайно именно ему было суждено встать во главе массы, которая очень скоро переметнётся в своих взглядах на мининскую точку зрения. «После заседания провожает меня т. Григорьев, служащий Орудийного завода, член партии и мой соратник-сотрудник с 1905 года: «Нет, это уж слишком. Ты выступал очень резко. Не годится. Ты увлекаешься». Но Минин продолжает выступать и против Временного правительства, которое ещё поддерживают почти все, и против продолжения войны, за которую выступает ещё даже главная газета большевиков «Правда». Очень скоро, буквально через пару недель окажется, что Минин почувствовал перемены раньше других. И когда в апреле случится перелом и психология масс начнёт стремительно меняться, выступления Минина начнут срывать овации огромных толп, а перемены в позиции партии, которые пройдут под воздействием «Апрельских тезисов» Ленина полностью совпадут с позицией, которую с таким трудом проводил Минин в марте. Его авторитет в царицынской организации станет непререкаемым, и Ленин из Петрограда лично будет интересоваться, как дела у Минина.

Апрель принёс масштабные перемены. Ключевое событие этого периода — возвращение Ленина, его знаменитое выступление на броневике и обозначенная им 4 апреля 1917 года во время выступления с трибуны Таврического дворца позиция, вызвавшая всеобщий шок, в том числе и среди близких приверженцев, и получившая название «Апрельские тезисы». Это был действительно шок, ни больше ни меньше. Газета «Правда» даже отказывается печатать текст «тезисов», выступление Ленина ставит РСДРП на грань раскола, а большевиков — в жёсткую оппозицию не только Временному правительству, но и всему общественно-политическому консенсусу, сложившемуся в первые дни после Февральской революции.

Зато для Минина это настоящий личный триумф. Он едет в Петроград встречать Ленина, он присутствует в зале Таврического дворца. Он называет слова Ленина «пророческими скрижалями с десятью заповедями-тезисами».



Товарищ Минин, почувствовавший перемены

К полному изумлению присутствующих, Ленин требует братания солдат с врагом на фронте! Никакой поддержки Временному правительству! Он провозглашает Советы блоком мелкой буржуазии! Он призывает к конфискации земель! К национализации банков! Он отказывается от исторического названия «Социал-демократическая рабочая партия» и требует переименования в «Коммунистическую»! Прямой захват власти, отказ от Учредительного собрания! «Нечего скрывать, у многих даже твердокаменных большевиков забегали мурашки от этого громоподобного синайского законодательства. Они говорили друг другу: «Как вы думаете, пожалуй, Ильич немного слишком перехватил?!» — вспоминал Минин зал Таврического дворца.

После короткого периода ошеломления начинаются яростные споры. Один из лидеров партии Л. Каменев высказался относительно «тезисов» следующим образом: «Что касается общей схемы т. Ленина, то она представляется нам неприемлемой, поскольку она исходит от признания буржуазно-демократической революции законченной и рассчитывает на немедленное перерождение этой революции в революцию социалистическую». «Апрельские тезисы» были рассмотрены на заседании Петроградского комитета партии и были провалены при двух голосах за и тринадцати — против. Дискуссия продолжилась в партийных организациях по всей России.

Однако Ленину, начавшему активную работу по разъяснению и пропаганде своих идей, быстро удалось склонить большинство в партии на свою сторону. Шок проходит, приходит осмысление, и уже 14 апреля Петроградская городская конференция большевиков одобряет «Апрельские тезисы» и принимает их в качестве своей программы! Тезисы были окончательно приняты большевистской частью РСДРП в процессе VII Всероссийской

конференции РСДРП(б), прошедшей 24—29 апреля, и стали официальной позицией всей партии. Позиция большевиков вызвала резкое неприятие не только в либеральных кругах, но и у наиболее близких к большевикам меньшевиков, а также и у эсеров.

В итоге изменились и практические подходы большевиков в части их взаимодействия с существующими органами власти. Те же самые процессы происходили в это время и в Царицыне.

Теперь в Царицыне у Минина — совсем другие митинги. «Под конец я окончательно потерял голос. Не успел я соскочить с трибуны, как восторженные солдаты подхватили меня и незнакомца-оратора, усадили на откуда-то взявшиеся венские стулья, высоко подняли на руках и понесли с площади, направляясь к центру города. А мы были рады отдохнуть, хотя бы и в таком неудобном положении. Мы забавно раскачивались, едва не падая со своей высоты, под нами сменялись крепкие руки. Откуда-то принесли в невероятных количествах ледяную воду и отпаивали нас. По прибытии на центральную площадь города толпа не только не разошлась, но ещё увеличилась, и нам опять пришлось говорить». За месяц с небольшим Минин становится лидером огромной массы людей в Царицыне. Важно то, что популярность эта была завоёвана не только в среде рабочих, но и у главной силы Царицына того времени — солдат.

КОНТРИБУЦИЯ ПО-ЦАРИЦЫНСКИ

Неблагоприятная уже в 1916 году, с началом революционного хаоса ситуация с Царицынским гарнизоном становится день ото дня всё более напряжённой. Отсутствие командования, которое могло бы реально контролировать солдатскую массу, а также начавшиеся перебои со снабжением войск продовольствием очень быстро привели к моральному разложению дислоцированных в городе полков. Новые городские власти были не в состоянии как-либо повлиять на процесс, все надежды возлагая лишь на то, что «свободные солдаты» как-то сами образумятся и станут внимать призывам ВИКа ехать на войну бить тирана кайзера. Разумеется, ничего подобного не происходило, к апрелю положение начало становиться откровенно угрожающим. Повседневными оказываются газетные сообщения типа: «Часть рот 141 полка категорически отказались ехать на фронт; последние требовали отправки в первую очередь белобилетников». После некоторого затишья возобновляются массовые бесчинства солдат в городе. 14 апреля маршевая рота 93-го полка, при участии бывших полицейских (!) разгромила большой винный погреб. Погром продолжался более суток! Стало очевидным и так давно понятное положение, что в городе просто нет никакой силы, для того чтобы разогнать дебоширов. И здесь впервые проявляет себя Минин уже не только как оратор или политический деятель, но как человек, способный существенно влиять на ситуацию в городе. Единственной силой, которая была способна обуздать солдат 93-го полка, были солдаты других полков, но их нужно было каким-то образом привлечь на свою сторону. Минин отправляется в казармы 141-го полка, где его авто-

ритет уже на тот момент был наиболее сильным, и агитирует полк навести в городе порядок. К удивлению многих, Минину удаётся его затея: 141-й полк выдвигается в город и пресекает бесчинства. Ситуация эта обнажила отсутствие реальной власти в Царицыне. Разумеется, поняли это и сами солдаты.

Единственной опорой ВИКа здесь оставался студенческий батальон, который по-прежнему выступал за продолжение войны «до победного конца». Между солдатами студенческого батальона и солдатами остальных полков начинаются конфликты.

1 мая в Царицыне по призыву Совета рабочих депутатов был проведён грандиозный митинг в 50 тысяч человек (проведён он был, кстати, уже по «новому» стилю, который ещё не был официально принят). На этот митинг Минин явился на автомобиле, который был украшен белым флагом с надписью «Мир». Увидев этот флаг, солдаты студенческого батальона потребовали снять его, «но на их требование солдаты 141-го полка ответили негодованием, заявив, что завтра они [студенты. — *Р. Ш.*] будут отправлены на фронт, если хотят воевать до победы». Ни к какому столкновению это не привело, но было ясно, что рано или поздно какой-нибудь незначительный эксцесс сможет спровоцировать крупный конфликт.

Положение, в которое попали официальные городские власти, было крайне тяжёлым. Никаких рычагов влияния на солдат ВИК не имел. С апреля его членам, имеющим контакт только со студенческим батальоном, было крайне трудно вести переговоры с солдатами резервных полков, стоящих в Царицыне. Между сторонами установилась атмосфера полного недоверия, члены ВИКа, покажись они в казармах с требованиями отправляться на фронт, могли опасаться за свою жизнь и здоровье. Минин оказался единственным политиком в городе, вхожим в казармы и имеющим там реальное влияние. Большевики, благодаря его постоянным встречам и выступлениям, завоёвывали всё больший авторитет в казармах и установили хороший контакт с вожаками солдатской массы.

Не зная, как выйти из создавшейся ситуации, Розанов и возглавляемый им ВИК совершают здесь первую грубую, но, возможно, неизбежную ошибку. Решив, что раз Минин и большевики имеют влияние на солдат запасных полков, ВИК сам предлагает большевикам взять на себя все вопросы регулирования отношений городских властей и солдат в Царицыне.

Задача, которую ВИК ставил Минину, была и сложной, и в чём-то провокационной: уговорить солдат, те роты, которым это полагалось, отправляться на фронт. Но, несмотря на сложность, от предложения согласовать отправку очередной маршевой роты на фронт Минин не только не отказался, но и смог добиться выполнения приказа. «Вот не желает идти на фронт маршевая рота, вот почему-то заволновался гарнизон или какой-нибудь из полков. Уж кому бы, кажется, не устремиться тотчас же к маршевой роте, в полк, на внезапное собрание гарнизона, как не самим «диктаторам» [то есть членам ВИКа. — *Р. Ш.*]. Не тут-то было, они… посылали большевиков. И мы, на радость нашего Совета и Керенского, отправляли-таки маршевые роты». Видя эту ситуацию, члены ВИКа на какой-то момент расслабились, хотя положение на самом деле стало для них с этого момента ещё более угрожающим: власть начала медленно уплывать из рук Временного испол-

нительного комитета, массы вооружённых солдат обрели лидеров — и эти лидеры находились вне комитета.

Ситуация стала ещё хуже после того, как в мае 1917 года студенческий батальон, единственная опора ВИКа, распоряжением командования был выведен из Царицына. Официальные власти потеряли единственную твёрдую силу, на которую они опирались несколько месяцев после Февральской революции.

Между тем революция, вышедшая из-под управления городского начальства, продолжалась. В первых числах мая солдаты царицынских полков стали разоружать собственных офицеров. К этому времени даже внешне солдатская масса начала вызывать у городского обывателя настоящий шок: радуясь весеннему солнышку, воины бродили по городу без сапог, без ремней, иные расхаживали, загорая, голыми по пояс, были даже случаи, когда солдаты ходили по улицам без штанов, часто в нетрезвом состоянии. Зато почти каждый день они проводили собрания и митинги, куда из сторонних людей не боялся ходить только Минин и его окружение, за что эту пьяную голую и вооружённую ораву численностью в 20 тысяч человек стали называть «Мининской гвардией».

Впрочем, имея влияние на организационные вопросы, Минин не мог решить другую проблему: постоянные перебои с продовольственным снабжением войск. Солдаты попросту были голодными. В этой связи 12 апреля собирается большой солдатский митинг, неожиданные результаты которого становятся важной вехой в общем развитии ситуации в городе. Почувствовав неладное, на солдатский митинг, собрав остатки духа, отправился лично председатель Временного исполнительного комитета Розанов, а с ним — некоторые члены Совета (члены РСДРП от меньшевистского крыла Полуян и Шевченко). Эти трое пытались вразумить бушующую военную толпу, но им это предсказуемо не удалось. Выступил и Минин, который предложил трансформировать солдатский Совет, в котором было много офицеров, в орган сугубо солдатский. Это выступление имело некоторый успех, однако ввиду небольшой остроты вопроса страсти не успокоило и внимания солдат от главной темы не отвело. Так что главная сенсация митинга на сей раз случилась не в результате выступления Минина, а чуть позже, когда своё выступление начал член Совета рабочих депутатов К. Федотов (колеблющийся между эсерами и большевиками).

Федотов внезапно для всех присутствующих предложил «немедленно организовать фонд для улучшения солдатского продовольствия и увеличения солдатского жалованья. Если сказать точнее, Федотов предложил царицынской буржуазии собрать в этот фонд гигантскую сумму, ни много ни мало — один миллион рублей! И из этого фонда закупать продовольствие для войск! Надо ли говорить, что предложение это солдатам очень понравилось. Представители ВИКа, оказавшись в одиночестве окружёнными бушующей вооружённой толпой, не смогли отказаться от такого «предложения» и согласились!

Случился чудовищный скандал. Розанов обвинил во всём лесопромышленника Кистова, который формально отвечал в ВИКе за вопросы безопасности. Кистов оправдывался некими договорённостями, имевшимися ранее. Однако никакие препирательства не могли уже ничего изменить: решение было публично принято и сбор средств начался! Что это было по

существу? Промышленники города это восприняли как вооружённое ограбление. Не имевшие никакого отношения к военному бюджету владельцы заводов и фабрик Царицына были поставлены перед лицом многотысячной, практически никому не подчиняющейся вооружённой толпы, требующей от них денег — целый миллион рублей!

Сбор начался, но шёл он, по понятным причинам, вяло. Владельцы металлургических предприятий от участия в создании фонда «помощи» солдатам отказались, заявив, что «металл не горит», намекая на лесопромышленников, чьи огромные лесные склады мог «кто-нибудь» поджечь. Названный «военным», денежный фонд первоначально находился в распоряжении ВИКа, куда поступали собираемые средства, однако через некоторое время деньги были отобраны у него Советом рабочих депутатов. Сопротивляться Совету ВИК не посмел. Как видно, к маю расклад сил в Царицыне, по сравнению с началом марта, когда комитет представлял собой реальную власть, радикально изменился.

Всё, что после этого осталось ВИКу, — жаловаться в Петроград, куда было отправлено соответствующее письмо. В сообщении говорилось: «26 апреля местный Совет рабочих и солдатских депутатов под давлением дезорганизованных и абсолютно не признающих дисциплины солдат гарнизона, поддерживаемых к тому же представителями большевизма, вынес постановление о том, чтобы военный фонд был передан Исполнительным комитетом Совету рабочих и солдатских депутатов. Исполнительный комитет был вынужден удовлетворить это требование, и 1 мая фонд был передан». К моменту передачи фонда часть его средств ВИК успел истратить по назначению. Деньги тратились следующим образом: «По постановлению Совета рабочих и солдатских депутатов [ВИК выполняет постановления им же созданного Совета! — *Р. Ш.*] — «первомайский подарок» всем солдатам местного гарнизона по 3 рубля на человека; 2) по постановлению того же Совета — на улучшение довольствия солдат по 20 копеек в день на человека и по 3 рубля в месяц жалованья; при отправке маршевых рот каждому солдату сперва по 5 рублей, а потом по 10 рублей (в зависимости от требований самих солдат). Кроме того, выдано из этого фонда 65 000 рублей на увеличение пайков солдатских семейств… всего к 20 мая из фонда будет выделено свыше 300 000 рублей».

Ситуация с принуждением местных промышленников собирать огромные средства для успокоения солдат гарнизона была в России беспрецедентной. Возмущение захлестнуло газетные полосы всей страны, сбор называли «контрибуцией», однако решительных мер противодействия не находилось. Царицын шёл на несколько шагов впереди всей остальной страны: здесь разрушение государственных институтов уже в апреле было таким, каким в большинстве других городов России оно стало лишь к осени 1917 года. Оставалось ждать, когда Петроград соберётся с силами и найдёт какое-то решение. Иных вариантов у ВИКа уже не оставалось.

В целом к маю 1917 года Временный исполнительный комитет фактически растерял большую часть реальной власти, которой он формально располагал. Эта власть перешла отчасти напрямую к Минину и большевикам, отчасти — к сохраняющему авторитет Совету рабочих и солдатских депутатов, который тоже не был стабилен и силы в котором стремительно уходили от эсеров и меньшевиков также к большевикам. Совет взял на

себя функцию распределения имеющихся в Царицыне продовольственных запасов (отобрав эту функцию у ВИКа). Как элемент контроля, опираясь на милицию, Совет организует круглосуточное дежурство на железнодорожном вокзале, проводя досмотр всех прибывающих составов, реквизируя частные грузы, в первую очередь — продовольствие. Совет берёт на себя функцию борьбы с пьянством, конфискуя весь прибывающий в город спирт. 25 апреля Управление железных дорог жалуется во Временное правительство о том, что Царицынский Совет постановил уничтожать всё вино и спирт, которые поступают в город или провозятся через город транзитом, объявляя подобные грузы угрозой общественной безопасности. В ночь на 27 мая на станции Бекетовка представители Совета без какого-либо согласования вскрыли один из вагонов, изъяли оттуда десять бочек вина и тут же вылили его на землю.

Стремясь к завоеванию максимального авторитета среди рабочих, заставив все предприятия города перейти на 8-часовой рабочий день, Совет рабочих депутатов идёт дальше, на радикальные шаги: владельцам заводов и фабрик было запрещено закрывать предприятия и проводить на них массовые сокращения. Таким образом, царицынские промышленники фактически стали обязаны платить деньги не только солдатам, но и рабочим вне зависимости от того, насколько эффективно работал завод, приносил ли он прибыль в условиях падающей дисциплины и производительности труда. Все попытки промышленников жаловаться в ВИК, разумеется, ничего не дали. С мая исполнительный комитет, уже не стесняясь, все эти вопросы официально переадресовывал обратно в Совет.

Продолжение следует

Анатолий ЕГИН

Макаровы

(Окончание. Начало в № 1 за 2022 год)

Следующее утро выдалось солнечным и не по-осеннему тёплым, дышалось легко и свободно, настроение было решительным. Сестра пригласила на завтрак.

— Настенька, а ты можешь мне в дорогу наварить картошки в мундирах?

— Это на какую-такую дорогу?

— Я уезжать собрался.

— И куда же ты на одной ноге из родной деревни бежать хочешь?

— Назад в Сталинградскую область, в Ленинск.

— И что же ты там забыл в этом Ленинске?

— Протез свой забыл, сделал и забыл.

— Сам сделал?

Пётр кивнул.

— Так сделай новый. Что ездить за тысячу вёрст киселя хлебать?

— Такой уже не получится.

— Э, братик, хитришь ты что-то, не протез тебе нужен. Видать, бабёнка какая-то голову тебе вскружила.

— Да не хотел я говорить об этом...

— А что было, если бы твои были живы-здоровы?

— Если бы да кабы, то во рту выросли грибы.

ЕГИН Анатолий Иванович — поэт, прозаик, член Союза писателей России, кандидат медицинских наук, заслуженный врач Российской Федерации. Родился в 1946 году. Живёт в Волгограде. Входит в редакционный совет литературного журнала «Отчий край». Лауреат международной премии «Профессия — жизнь», Всероссийской литературной премии «Сталинград», Государственной премии Волгоградской области, литературной премии журнала «Отчий край» имени В. Б. Смирнова (2020). Эксперт дискуссионного клуба «ЧеловекЪ».

— Так что же ты летишь из дома сломя голову? Пожил бы, осмотрелся, у нас вдовых баб пруд пруди, да и девки молодые подрастают, а женихов с войны, видать, немного вернётся.

— Так-то оно так, но меня там ждут.

— Поди, беременную оставил, как её там зовут?

— Валей её зовут, она меня с того света вытащила и выходила. Рана у меня месяца три не заживала, так она меня к себе жить забрала и лечила.

— Правильно. Молодец эта Валя. Поди, овдовела женщина.

— Так оно и есть.

— Ну что ж, смотри сам, здесь тебя ничто не держит. А не заладится у тебя в этом Ленинске что, приезжай домой, поживёшь у меня, а там видно будет. Ну и когда ты ехать хочешь?

— А что тянуть, сегодня же и поеду.

— Так ты на своей Вале жениться собираешься?

— Конечно. Приеду и зарегистрируемся.

— Так ты же по документам пока ещё женат. Эх, Петька, не зря я тебе в детстве подзатыльники отвешивала. Завтра поедешь в свой Ленинск, а сейчас топай в сельсовет, возьми справку, что жена твоя Ирина Павловна погибла.

— Спасибо, сестрёнка, отвесь ещё один подзатыльник для соображаловки.

Оба рассмеялись, и Пётр направился в сельский Совет. Вошёл и увидел в председательском кресле своего школьного учителя Ивана Сергеевича. Поздоровался.

— Неужто ты, Пётр Макаров?!

— Я, Иван Сергеевич, я.

— Значит, отвоевался, домой вернулся. Чем заниматься думаешь?

— Отвоевался я ещё в последний день 1942 года, больше двух месяцев в госпитале валялся, потом долечивался, теперь прибыл на родину посмотреть и опять в Ленинск, туда, где лечился.

— А ко мне, видно, ты пришёл не только поздороваться?

— Документ мне нужен, что жена моя Ирина погибла, а то жениться собираюсь, а у меня в документах штамп.

— Что же, справку напишем, а ты мне пока адресок запиши, где жить-поживать собираешься.

Обменялись бумагами, Макаров начал прощаться, Иван Сергеевич его притормозил:

— Как-то нехорошо, не по-солдатски мы расставаться собираемся.

Председатель сделал несколько шагов к шкафу, и только тут Пётр заметил, что он хромает.

— Так вы ранены были?

— Был два месяца назад, ещё в бинтах хожу.

Председатель сельсовета налил в стаканы самогонки.

— А вы вроде раньше спиртного не пили?

— Так это раньше, а война, не мне тебе рассказывать, и не тому научит. Я ведь людей убивать не мог, вот и начал принимать понемногу для решительности.

Прощались два солдата уже после обеда.

— Что-то долго ты за справкой ходил, — улыбнулась Настя.

— Да поговорили с Иваном Сергеевичем о войне.

— Вы, мужики, без бутылки и поговорить не можете, что ли? Кушать будешь?

— Нет, я сыт, а вот попить что-нибудь попью да пойду с племянниками пообщаюсь.

Следующее утро было не хуже прошлого. Расцеловался Макаров с сестрой, обнял сыновей её и пошёл на большую Смоленскую дорогу. Машин в сторону фронта ехало много, оттуда раза в три меньше, некоторые останавливались, но им через несколько километров нужно было сворачивать, кому влево, кому вправо. Прошло больше часа ожидания, и перед Петром остановилась большая чёрная легковая машина, передняя дверь открылась, и майор спросил:

— Куда путь держишь, сержант?

— Конец моего пути — Сталинград.

— Садись подвезём, но не до самого Сталинграда, а до Сафонова.

— Да нет, я ещё подожду, может, кто-то до Москвы подбросит.

— Садись! Я тебе приказываю — тебя генерал приглашает.

Тут же из машины выбежал водитель, подвёл инвалида к задней дверце, забрал костыли и стал усаживать Макарова на сиденье. Садясь, Пётр сначала увидел широкие красные лампасы на брюках, а потом две большие звезды на погонах.

— Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант! — Горло у инвалида перехватило.

— Здравия и вам, товарищ сержант! Давай знакомиться, меня зовут Берзарин Николай Эрастович.

Пётр растерялся: он неоднократно слышал эту фамилию в сводках Совинформбюро.

— Ну что смутился, сержант, ты же боевой командир. Зовут-то тебя как?

— Я сержант Макаров Пётр Фёдорович.

— Ты родом из Сталинграда, парень?

— Нет, я родом как раз из этой деревни Каменки, которая осталась позади. Приезжал поклониться могиле, в которой покоятся мои жена и сын, они погибли ещё в сорок первом году.

— Да, брат, война не мать родна, смотрю, бед в твою семью она принесла немало. А в Сталинград-то ты зачем спешишь? Город пока стоит в руинах.

— А я не в сам Сталинград, там рядом за Волгой есть городок Ленинск, где меня в госпитале к жизни вернули и выходили, вот туда и еду.

— Да ты не хитри, Пётр Фёдорович, скажи прямо: мол, еду к санитарке, которая за мной ухаживала.

У Макарова в голове мелькнула мысль: «А генерал-то провидец».

— Ну да, только не к санитарке, а к медсестре Вале Коровиной, которая овдовела ещё в самом начале войны.

— Правильно делаешь, сержант. Скоро сломаем мы фашиста, в порошок сотрём, но при этом жертв и с нашей стороны будет немало, вот тогда нам понадобится много детишек, которые вырастут и сделают нашу страну ещё сильнее и краше. Ты как придешь, сразу и займись этим делом, детишками новыми.

— Буду стараться, товарищ генерал.

— Дмитрий Иванович, — обратился генерал к майору, — мы как прибудем в Сафоново, найди сержанту попутную машину до Москвы или её окрестностей. Человек едет выполнять важное правительственное задание: готовить смену нам — солдатам этой треклятой войны. Да не забудьте, майор, снабдить его парой-тройкой комплектов сухого пайка.

В Сафоново сержанту долго ждать не пришлось: его усадили в ЗИС-5, который ехал на Можайский завод медицинских инструментов для лазаретов и госпиталей фронта.

— Ну, бывай, товарищ Макаров, — сказал майор и вручил ему кроме сухих пайков ещё и комплект обмундирования.

Пётр ехал в кабине грузовика и думал о том, что ему везёт на встречи с хорошими людьми, хотя плохих в нашем советском обществе мало, да и на войне люди меняются, жмутся друг к другу, недаром в пословице говорится, будто гуртом и батьку бить хорошо, а уж врага тем более — один-то в поле не воин.

Во дворе Можайского завода машин было множество, найти попутку до Москвы труда не составило, и потому на следующее утро сержант был уже на станции Москва-Товарная. Познакомился с составителями поездов, подарил бригадиру сухой паёк, который тут же разыграли под бутылку для согрева. Разговорились, но в ближайшие пять суток составов на Сталинград они не формировали.

— А тебе в сам Сталинград надо? — спросил бригадир.

— Да нет, есть рядом за Волгой город Ленинск.

— Знакомая станция, мы туда в сорок втором много составов формировали. Слушай, паря, так тебя, может, на астраханский состав пристроить? А ну-ка, Васька, принеси карту Приволжской железной дороги.

Васька обернулся быстро.

— Ну вот, взгляни на карту, — молвил бригадир, — на астраханском доедешь до станции Верхний Баскунчак, а там как раз примыкает новый путь на твой Ленинск. Расстояние от Баскунчака не больше сотни километров, его на любой «кукушке» проехать можно или на дрезинах от обходчика к обходчику. Так что, Петя, пошли к бригадиру астраханского состава.

Пришли, познакомились, но этот бригадир, по фамилии Нечитайло, начал возражать:

— В менэ инструкция, взять не можу, нияк не можу. А може, цей инвалид шпиён и зробыть яку-нибудь шкоду.

— Да ты что говоришь, Тарас, ты погляди на него, ну какой он шпион? Он домой торопится, до холодов попасть хочет. Ну ладно бы на двух ногах был человек, а одноногих шпионов не бывает.

— Так, може, хвашисты ему ногу специально оттяпали, шоб таки дурни, як мы, цёго чоловика пожалели.

— Ну хохол! Ну дурак упрямый! — бригадир составителей махнул рукой и пошёл заниматься своими делами. Тогда Макаров достал из своего рюкзака новенькие солдатские брюки:

— А такая плата за проезд пойдёт?

— Це ж друге дило! — оживился Нечитайло, развернул штаны, понюхал и, почувствовав запах новой ткани, сказал: — Лады, поедишь зараз зи мной в теплушке и шоб с очей моих не тикал!

— Так точно, товарищ начальник, есть никуда не отлучаться.

Через трое суток рано утром сержант Макаров сошёл на станции Верхний Баскунчак, а уже к обеду был в Ленинске. На станции вдохнул свежего воздуха и, твёрдо опираясь на костыли, пошагал под гору в центр города. Вскоре его догнала подвода.

— Садись, солдатик, подвезу. Ты на какую улицу так спешишь?

— На улицу Фрунзе.

— А к кому там?

— К Валентине Коровиной.

— Тогда слыхал я про тебя, товарищ сержант.

— Плохое или хорошее слыхал?

— Да разве же баба про хорошего мужика плохое скажет? Моя жена санитаркой в больнице работает.

Возница по имени Сергей подвёз инвалида прямо к калитке, Пётр радостно вошёл во двор, поднялся на крыльцо. На дверях висел замок, и он в укромном месте нащупал ключ. В доме всё было по-прежнему, да и что могло измениться за две недели его отсутствия... Сержант снял шинель и тут же почувствовал запах несвежести, исходящей от тела.

— Надо бы баньку истопить, в дороге-то одежду ни разу не снимал, — сказал сам себе Макаров, не спеша надел свой протез, опробовал. Вроде ничего, правда непривычно, но лучше, чем на костылях: обе руки свободны. Пётр принёс в предбанник дров, затопил печь, воду носил одним ведром. Дрова трещали, вода в котле закипала, а инвалид без устали наполнял бочки холодной водой.

В деревнях и малых городах все знают обо всех всё, тем более о соседях. Больничный повар, идя на смену, подумала: «А что это у Коровиной баня среди белого дня топится?». Зашла любопытная в хирургию, где операционные сёстры готовили материал для стерилизации.

— Валька, а я думала, ты дома, а ты здесь. Кто же у тебя баню топит? Дым валит, как их паровозной трубы...

Валентина присела на кушетку: она сразу всё поняла, с утра чувствовала, что её Пётр возвращается.

— Нина, а ну-ка быстро собирайся, домой пойдём. Девчата, вы тут без меня управляйтесь, я, похоже, сегодня больше не приду.

— А что случилось?

— Пока не знаю, но, думаю, хорошее случилось.

Валентина Дмитриевна бежала так, что Ниночка за ней не поспевала. Влетели во двор. Пётр стоял у колодца, готовый поднять очередное ведро воды. Нина побежала к нему:

— Ура! Папочка мой приехал!

А папочка подхватил её на лету и несколько раз подбросил вверх, потом прижал к себе.

— Я скучал по тебе, доченька…

— И я плакала, ждала тебя очень.

Валя, наблюдая эту сцену, присела на ступеньки крыльца и от радости не могла пошевелиться.

— Ну а ты что, не рада, что ли? Иди к нам, обнимемся все вместе.

Будто крылья выросли за спиной у Валентины! Она летела к ним, она целовала Петра и дочь, и роднее их никого на этой земле у неё не было, а среди войны и разрухи радостнее радости быть не могло.

— Ну вот и славно, что мы снова все вместе. Ты надолго, Пётр?

— Думаю, что навсегда, если ты не против.

— Дурачок ты мой, любимый мой, да я же без тебя не могу, извелась вся, пока ты ездил. Ну расскажи, что там в твоей Каменке?

— Расскажу, Валюша, всё расскажу подробно и не торопясь, только вот коросту дорожную смою, сядем за стол, помянем мою первую жену и сына, тогда и узнаешь всё.

Валентина опустила глаза, прижалась к Пете, в глазах стояли слёзы. Ей бы радоваться, что жизнь повернулась к ней лицом, но не могла она не сожалеть, что счастье идёт к ней через чью-то утрату. Так и стояли все трое, прижавшись друг к другу. Первым встрепенулся Пётр:

— Ладно, не печальтесь, нам жить, нам и печку кочегарить. Пойду дров подброшу.

— Давай помогу.

— Да всё уже практически готово, ещё пару вёдер — и бочка будет полна, в котле вода вовсю кипит, так что полки обмой и париться пойдём.

Они парились, парились и любились, любились и снова парились. Из бани Петя выходил почти без сил.

— Иди полежи, кваску попей, а я Нину искупаю и стол накрою.

На столе стояла чёрная икра, отварная осетрина, картофель и сало, а хлеба было немного, больше сухарей. Валя развела спирт, добавила туда ампулу глюкозы:

— Царство небесное твоей жене Ирине и сыну.

Пётр подробно рассказал обо всём, что было в поездке, о том, как ему везло, с каким добром относится большинство людей к инвалидам, как помогают друг другу. И генералы тоже не господа, а настоящие советские люди. Скорбь постепенно покидала дом Вали Коровиной, настроение становилось лучше.

— Так, Валентина Дмитриевна, завтра пойдём в ЗАГС, пора нам создавать законную семью.

— Петь, давай не завтра: мне бы хотелось новое платье сшить, хоть и не белое, но из хорошего крепдешина, ещё с довоенных времён лежит. Да и тебе надо оформить инвалидность, встать на учёт в райсобесе.

Через две недели Коровина поменяла паспорт, теперь она стала Макаровой Валентиной Дмитриевной. Валя хотела и дочери поменять фамилию, но Пётр не то чтобы возразил, но сказал:

— Валь, мы с тобой живём в доме, который построил твой покойный муж Василий, а Нина, она как память о нём. Да и ей всё равно лет через пятнадцать-двадцать придётся менять фамилию, но, если ты будешь настаивать, я готов дать дочке свою фамилию.

— Спасибо тебе, Петя, ты у меня мудрый человек.

Вот так и жили Макаровы, жили скромно, как все люди во время войны: трудились с утра до вечера, всё делалось для фронта, всё для Победы, ели мало, одевались во что попало, отдыхали только по ночам и то не всегда, а что такое отпуск, просто забыли. Валентина была старшей медсестрой в

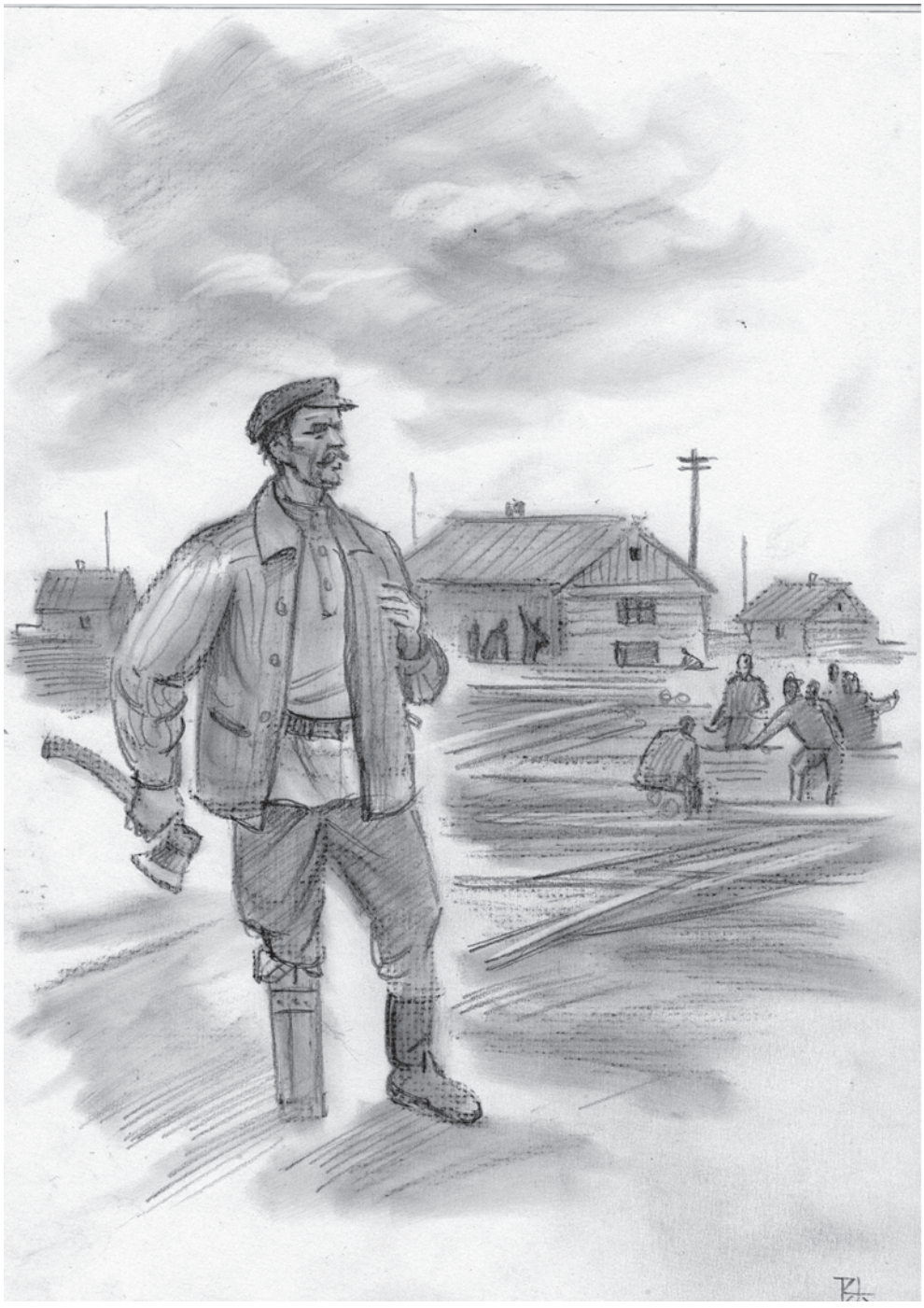


Рисунок Вадима ЖУКОВА

операционном блоке районной больницы, часто дежурила по ночам. Пётр трудился дома, совершенствовал своё столярное мастерство. Он уже привык к протезу, а руки у него смолоду были мастеровыми. Поначалу Макаров выполнял индивидуальные заказы, а потом, в конце учебного года в 1944 году, его вызвали в районо и попросили отремонтировать школьные парты, учительские столы и стулья. Материал завезли, в помощники дали трёх десятиклассников, и работа пошла. Было её немало, трудились не покладая рук.

А Валентина ещё в начале лета порадовала Петра известием о беременности. Животик её подрастал, настроение в семье было прекрасным, и не только потому, что ждали нового ребёнка, но и радовались успехам на фронте: почти вся территория Советского Союза была освобождена, наши били врага в Европе.

К сентябрю школьный заказ был выполнен полностью, даже сверх того изготовлено пять новых школьных парт. Оплата за труд была не велика, но о хорошем столяре узнали в районе все, и пошли Макарову заказы и от частных лиц, и от предприятий, даже Заплавинская церковь заказала новую дверь. Скучно Петру не было, работать он любил, иначе и жить не мог. А в конце января сорок пятого года Валентина родила крепкого здорового мальчика, которого отец в память о погибшем своём первом сыне назвал Николаем.

Победу праздновали с размахом, малопьющий сержант Макаров и то гулял три дня, пьянствовал и братался с такими же, как он, инвалидами. Май цвёл, урожай обещал быть хорошим, подъём в обществе был необыкновенным: народ встречал своих солдат, которые всё прибывали и прибывали в родные края. Песням и танцам не было конца, радио сообщало хорошие новости, газеты призывали объединиться и восстанавливать народное хозяйство. К небольшим городам и сёлам тянули электрические и радиопровода, обустраивали дороги, создавали новые рабочие места для мужиков, вернувшихся с фронта. Не оставили без внимания и инвалидов. Петра Макарова пригласили в райком КПСС.

— Как вы, Пётр Фёдорович, смотрите на то, что мы попросим вас возглавить артель инвалидов, которая займётся столярным делом?

— Что значит возглавить? Директором, что ли, стать?

— Может, и директором, а может, как-нибудь по-другому начальника назовём.

— Нет, товарищ секретарь, директором быть не могу: грамотёшки у меня всего семь классов, бухгалтерского дела я совсем не знаю, да и людьми больше десяти человек никогда не командовал. На директора ищите другого, а вот бригадиром столяров пойду.

Так оно и случилось: начальником поставили отставного капитана, инвалида без глаза. Производство начали в макаровском сарае, затем на новом месте поставили пилораму и лесотаску, к ним пристроили столярный цех, артель разрослась до больших размеров. Пётр Фёдорович был в почёте, как передовик производства, его приняли в партию, а позже избрали членом районного комитета КПСС.

Дома дела шли тоже неплохо, в 1950 году в семье родился ещё один мальчишка, которого назвали Фёдором. Нина в доме стала основной хозяйкой: она убиралась, готовила, ухаживала за младшим братиком, а Коля

старался делать всё сам, научился читать, начал писать. Память у него была изумительная — прочтёт стихотворение два-три раза и уже декламирует наизусть. В школу Николай пошёл полностью подготовленным, в первом классе скучал, потому учительница давала ему задания из программы второго класса. А родители отдали сына в музыкальную школу, купили баян. Коля сначала активно взялся за учёбу, быстро освоил нотную грамоту, научился неплохо играть, но только неплохо. Не запала музыка в душу парня: нужно — сыграет, а не нужно — баян мог неделю не вылиматься из футляра. А вот подрастающий Федя, тот без спроса и без нотной грамоты сам начал пиликать, сам с первого класса пошёл в музыкальную школу. Вскоре преподаватели сказали отцу с матерью: «У вас в семье талант растёт, смотрите не загубите. Мы его уже и на фортепиано начали учить, так он всё на лету хватает».

Жизнь в Ленинске, как и во всей стране, была на подъёме. В магазинах появились товары на все вкусы, их производили не только в СССР, но и в братских странах социализма, благосостояние советских граждан росло, гордость за государство тоже. Как не гордиться страной, которая первой запустила в космос искусственный спутник Земли, а потом и собак Белку и Стрелку, и они вернулись на землю живыми, тем самым показав всему миру, что жизнь в космосе при определённых условиях возможна. На северной окраине Сталинграда началось строительство гидроэлектростанции, напротив на левом берегу строился город Волжский, а рядом с ним заводы. На ГЭС возведут плотину, по которой беспрепятственно пойдёт автомобильный и железнодорожный транспорт, и ему никак не миновать город Ленинск. Такая жизнь могла только радовать.

В 1958 году Нина закончила школу и сразу поступила на историко-филологический факультет Сталинградского педагогического института. Старшим ребёнком в доме остался Николай, который пошёл в шестой класс и был круглым отличником, хотя ничем не отличался от своих сверстников: во всех играх был ловок и успешен, любил рыбалку, сам мастерил снасти. В делах не торопился и, прежде чем начать что-то новое, продумывал всё до деталей. Больше всего Коля любил читать, фантастические романы просто проглатывал и мечтал изобрести что-то необыкновенное и очень полезное для развития человечества. Учась в девятом классе, он прочитал дополнительную литературу по ранее запрещённой науке генетике. Доступной литературы по этой теме оказалось мало, и Николай начал ездить в областную библиотеку, искал по каталогам книги, в том числе и на английском языке, который уже прилично знал. Парень дочитался до того, что твёрдо решил стать генетиком.

Как-то поехал Николай с отцом на рыбалку, поехали на инвалидной мотоколяске, которую больше года назад получил Пётр Фёдорович. Остановились на берегу Старой Ахтубы, встали рядом, закинули удочки, и, пока не начало клевать, отец спросил:

— Коля, я что это за наука такая генетика?

— Это, папа, наука о наследственности. В каждом организме есть гены, которые состоят из различных комбинаций дезоксирибонуклеиновых кислот. Различные участки генов несут информацию об отдельных признаках организма либо функции какого-то органа. Гены и определяют наследственные признаки, передающиеся от родителей детям. Проще говоря, ты

посмотри на меня, видишь, у нас с тобой волосы одинакового цвета и вихор на макушке одинаковый, а теперь посмотри на мои руки: пальцы и ногти у меня мамины.

— Да, так оно и есть.

— Вот за это за всё отвечают гены, значит, грубо говоря, волосы я принял от твоих генов, а пальцы и ногти — от маминых. Вот ты часто на нашей улице видишь Витьку-дурачка, у него болезнь Дауна, а это связано с неполадками в хромосомах, в которые входят тысячи генов. Если наука достигнет того, что под микроскопом можно будет исправлять неполадки в хромосомах, тогда таких болезней, как у Витьки, не будет. Вот я и хочу развивать эту науку.

— Ну ты у меня прямо как научный работник рассуждаешь, я тебя иногда с трудом понимаю, — сказал отец, выводя крупного леща.

— Я пока далеко не учёный, просто человек, заинтересовавшийся этой наукой, мне ещё учиться и учиться, — ответил сын и подсёк крупную плотву.

Школу Николай закончил в 1962 году с золотой медалью и поступил в МГУ на факультет генетики. Конкурс здесь был поменьше, чем на другие факультеты: наука сия была пока не в моде. Коля получил койку в общежитии, съездил домой за своими записями и одеждой и первого сентября приступил к занятиям. Ознакомительная лекция, которую читал профессор Андреев, была посвящена истории генетики как науки и её трудном пути в СССР. Студенты лекцию слушали молча, не проявляя никаких эмоций, и лектор, не получая никакой ответной реакции от аудитории, начал внимательно всматриваться в лица слушателей. Его взгляд остановился на знакомом лице в третьем ряду. Профессор удивился: «Зачем нашему доценту Макарову слушать эти прописные истины и хорошо известную ему историю?» Андреев внимательно наблюдал за Макаровым, который живо реагировал на его слова и часто кивал головой в знак согласия. Перед тем как объявить перерыв по окончании первого часа лекции, профессор громко произнёс:

— Доцент Макаров, в перерыве прошу подойти ко мне.

Николай оглянулся, ища взглядом однофамильца, но лектор направил указку в его сторону.

— Вас! Вас, товарищ Макаров, я и прошу подойти.

Смущённый Коля направился к лекторской трибуне.

Профессор заговорил с ним не сразу, его смутил провинциальный наряд и более молодой вид доцента.

— Вас как зовут, молодой человек?

— Макаров Николай Петрович.

— Удивительно! Ну просто удивительно: вы очень похожи на нашего доцента Макарова, причём он тоже Николай Петрович. А вы откуда родом, Николай?

— Из города Ленинска Волгоградской области.

— Ну а наш доцент имеет смоленские корни. Если хотите, я вас с ним познакомлю. Послее лекции пройдём к нам на кафедру, и вы сами убедитесь, что вы похожи не только именем и отчеством.

Два Николая пожали руки, глядя в глаза друг другу, а сотрудники рядом шептались: «И правда похожи, как два брата-близнеца».

— А кто твой отец, Коля? — спросил доцент

— Мой отец Пётр Фёдорович, инвалид войны, работает бригадиром столяров в Ленинске.

— А мой отец, тоже Пётр Фёдорович, пропал без вести во время войны. До войны мы жили в Каменке под Смоленском, где я и родился. Отца своего я почти не помню.

У студента что-то ёкнуло под ложечкой.

— Постойте, Николай, мой отец тоже из Каменки, он участник Сталинградской битвы, потерял ногу, потом оперировался и лечился в Ленинске, да так и остался там, позже женился на моей маме. Но отец после освобождения Смоленщины был в Каменке, там ему сестра тётя Настя сказала, что жена и сын его погибли в сорок первом году при наступлении фашистов. А первую жену моего отца, кажется, Ириной звали.

— Да вы обнимитесь, тёзки, вы, похоже, родные братья, — резюмировал профессор.

А Николаи молча смотрели друг на друга, не зная, что делать.

— Сомневаетесь, что ли? — продолжил Андреев. — Вы на какой кафедре находитесь? Оба марш в лабораторию и сдайте по две капли крови, а завтра вам будет точный ответ, в котором я нисколько не сомневаюсь.

— Может быть, вполне может быть. Мама моя погибла, а меня сестра её Наталья на руках своих в Москву принесла. Пойдём, Коля, пойдём, брат мой младший, в лабораторию, хотя я уже нисколько не сомневаюсь, что ты сын моего отца.

Первый день учёбы у Макарова младшего не задался: они долго обменивались информацией с Николаем старшим. Больше говорил младший, рассказывая о жизни отца и всей своей семье. С вечера студент долго не мог уснуть, ему почему-то подумалось: вдруг анализы не подтвердят, что Коля его брат, будет очень жалко, ибо ему сразу понравился этот молодой доцент.

Разочарований не было: все анализируемые в то время признаки совпали более чем на девяносто процентов. Братья крепко обнялись.

— Сегодня вечером идём ко мне, познакомлю тебя с моей мамой Наташей, которая по родству мне тётя. А отцу давай письмо напишем.

— Познакомиться с твоей мамой-тётей я готов, а вот писать письмо отцу, мне кажется, пока не нужно. Папа наш человек уже не молодой, эмоциональный, и потом в письме всех подробностей не напишешь, а он может сорваться и поехать в Москву, а инвалиду это не просто. Предлагаю на октябрьские праздники поехать в Ленинск и все дела поставить на место одним махом.

— Может, ты и прав, Коля, но для меня эти два месяца будут пыткой: я буду ожидать поездки каждую минуту, хотя и понимаю, что так будет лучше.

Вечером братья позвонили в дверь двухкомнатной хрущёвской квартиры, что в Черёмушках, старший отошёл в сторону, дверь открылась.

— Ты что, ключ потерял, что ли? — спросила молодящаяся женщина.

— Да у меня его и не было, — ответил Макаров младший.

— Это как это не было? — женщина повернулась к сыну, глаза её вопросительно округлились. — А где ты одежду эту взял? Что за маскарад, Коля?

— И никакой не маскарад, мама, — из-за спины младшего сказал старший Коля. — Знакомься — это мой младший брат Макаров Николай Петрович.

Ноги у Натальи Павловны неожиданно задрожали, она присела на табурет.

— Мама, ты на стол накрывай, сядем ужинать — расскажем тебе всё, и ты нам расскажешь, думаю, у тебя есть что нам поведать.

Хозяин налил по рюмке водки, выпили за знакомство, рассказали, как они встретились, как документально подтвердили своё родство. Младший начал повествовать о житье-бытье в Ленинске.

— Так, значит, Пётр жив?!

— Жив, Наталья Павловна, и почти здоров, новая нога-то у него не вырастет.

— Так почему же он не искал своего сына? — слукавила Наталья и тут же осеклась, в воздухе повисла пауза.

— Так он же думал, что Коли нет в живых, и меня назвал в его честь, — оправдывался студент.

Однако Наталья его уже не слышала, она вспоминала, как сама не хотела, чтобы кто-то искал Колю: очень боялась, что, если Пётр останется жив, он заберёт у неё сына, а по-другому племянника она уже и не называла. В сорок пятом году, когда Коля пошёл в школу, Наталья так привязалась к мальчишке, что расставание с ним было бы для неё равносильно смерти. «Надо бы в церковь сходить, исповедаться», — мелькнула в её голове здравая мысль, но она отложила задумку на потом, а пока начала рассказ о тяжёлом 1941 годе.

— Так вот, дети мои, в сороковом году я закончила техникум и пошла работать на Московский часовой завод. В первый свой отпуск отправилась в родную деревню к родителям, приехала 19 июня 1941 года, двадцать второго началась война, я собралась было в столицу, но мама остановила:

— Погоди, не спеши, ты ещё в отпуске и не военнообязанная, поживи дома, посмотрим, чем дело кончится.

Мы тогда думали, что немца далеко не пустят: остановят где-нибудь в Белоруссии и погонят назад. А как произошло, вы знаете. В начале июля мы по ночам слышали канонаду и видели зарево пожаров. 16-го числа через Каменку пошли большие колонны наших танков, шли они всю ночь, а на рассвете их начали бомбить фашисты. Бомбы сыпались, как картошка из мешка. Эту ночь я ночевала у сестры Ирины, на крыльцо выбежала и увидела, что родительский дом пылает. Хотела было бежать туда, но сестра остановила:

— Бери Колю и прячьтесь в погребе, я сейчас вещи соберу и к вам.

Мы с Коленькой спустились в подземелье, что во дворе, и вдруг земля задрожала, всё вокруг загрохотало, дверь погреба прошиб осколок. Я выбежала во двор. Ирина лежала мёртвая на крыльце, на ней горела одежда, дом уже был объят огнём. Дальше я всё помню смутно, это был сущий ад: огонь, дым, скрежет металла, вой самолётов, взрывы. Куда и как я бежала, прижав к себе племянника, не помню, опомнилась только на дороге, когда меня догнала машина. Водитель затащил меня в кабину и быстро погнал грузовик на восток. Пришла я в себя только в Ярцеве, здесь было пока тихо. Шофер оставил нас на большой дороге, подарил мне на прощание фляжку с водой, а сам свернул налево — грузить снаряды.

Наталья Павловна встала, открыла дверцу серванта и достала алюминиевую солдатскую фляжку:

— Вот он, мой талисман, он меня хранил и вёл в Москву, ибо дальше были трудности, и немалые. Навстречу потоку беженцев шли войска, дорогу уступали им, а мы пробирались по буеракам и кюветам, было хорошо, если три-четыре километра подъедешь на подводе или попутной машине. Что бы ни было, а женщин с маленькими детьми жалели, малышам иногда перепадал и сухарик, а вода всегда была у меня во фляге. Вот так и шли, менялись маленькие города и сёла, где-то нас привечали, одни добрые люди даже в бане помыли, а кое-где нас просто гнали и собак натравливали.

В Москву мы с Колей добрались в конце августа, пришла я в своё общежитие и упала без чувств. Спасибо девчатам, подругам по работе, за насколько дней меня отходили, а дальше нужно было идти на завод, но уже не на часовой, а на металлургический «Серп и Молот». Определили меня в листопрокатный цех, год я клещами орудовала с горячим металлом, хрупкая была, но не переломалась. К концу сорок второго меня назначили нормировщицей в моей же смене, зарплата была неплохая, и продовольственные карточки солидные, жить было можно, не голодали. А Коля рос вместе с общежитейскими детьми, был у нас детский сад на общественных началах: кто свободен от работы, тот и воспитатель, и повар, и учитель дошкольного образования. Колю я усыновила ещё в 1941 году, иначе как дитя кормить, а так мамам были положены карточки с учётом детей.

— Так вы и сейчас работаете нормировщицей? — спросил студент.

— Нет, в пятьдесят первом году перевели меня в отдел кадров, и сейчас я старший инспектор этого большого и важного завода, который соревнуется с вашим волгоградским заводом «Красный Октябрь». Знаешь такой?

— Как не знать, это один из самых крупных заводов нашего города-героя.

Ночевать Николая младшего оставили у себя, да и вообще уговаривали переехать к ним жить, но тот не согласился:

— Послушай, брат, я парень почти деревенский, мне надо самостоятельно познавать столичную жизнь, а в общаге это делается проще. Мне необходимо учиться на своих ошибках и хороших делах. Так что не обижайся, я буду часто у вас бывать, да и в университете мы с тобой будем видеться почти каждый день.

Время до октябрьских праздников у Николая младшего пролетело быстро: всё новое, всё требовало внимания и осмысления, а вот у старшего Коли дни тянулись и тянулись, он не мог дождаться встречи с отцом, он хотел, он жаждал обнять его, почувствовать тепло его рук. Отец снился ему во сне, и, казалось, он ощущал его объятия. Старший брат решил ехать в Ленинск 31 октября.

— А как? Разве это возможно — ещё целая неделя учёбы? — спросил младший.

— Не переживай: я договорюсь, вернёмся — долги отработаешь.

Первого ноября утром братья ступили на священную Сталинградскую землю, правда, теперь она называлась Волгоградской, но братские могилы и памятники везде и всюду напоминали о самой великой и страшной битве всех времён и народов. Макаровы быстро перешли на автовокзал, автобус на Ленинск отправлялся через полчаса. Теперь то что, ехать было комфортно: по плотине ГЭС хороший мост, а дальше кати в Ленинск, прав-

да, с заездом в Заплавное и Бахтияровку, но всё равно путь по времени занимал не более трёх часов.

Братья вошли в макаровский двор, замка на дверях в дом не было.

— Тук- тук- тук, кто, кто в теремочке? — пропел младший.

— Колька, неужели ты?!

Раздался звук поспешно отодвигаемого стула, студент подтолкнул доцента вперёд, а сам спрятался за шторой. Учительница русского языка Нина Васильевна Коровина вылетела в прихожую и остановилась, рассматривая брата.

— Коля, как ты изменился, прямо сразу тебя и не узнаешь: одежда модная и выглядишь ты старше.

— А как может ещё выглядеть мужчина 1938 года рождения?

— Хватит болтать, Николай!

— Что Николай — это правда, что Петрович — это точно, что Макаров — это истина.

— А что мой старший брат — абсолютная истина, — подтвердил выходящий из-за занавески студент.

Нина от неожиданности опёрлась на дверной косяк и молча смотрела на двух братьев.

— Ниночка, сестрёнка, да ты не волнуйся, это Николай, сын нашего папы и его первой жены Ирины Павловны.

— Вот так да! А мы его в родительские дни поминали! А он вот, живой и здоровый. Да, ребята, вы очень похожи друг на друга! Давайте раздевайтесь, проходите, поди, голодные с дороги.

— А ты что не в школе?

— Да вот зашла пообедать, у меня ещё во вторую смену два урока, но по такому случаю я их перенесу, проведу после каникул. Ладно, дайте сообразить… Давайте так поступим: я сейчас в школу забегу, решу все свои вопросы, и за отцом. Ты, братик мой Коля, за мамой сходи, и стол накрывать начинайте, а вы, Николай, присаживайтесь, отдыхайте.

— Вот это мне не совсем нравится. Мне тоже тебя на вы называть? А ведь мы с вами родственники, не кровные, правда, но ты-то моего отца папой величаешь...

— Извини, Коля, — Нина подошла к старшему, обняла его, и, хотя недолго держала в объятиях, Николай почувствовал такую ласковую теплоту, какой не знавал в жизни. — Садись, Коля старший, отдыхай. И вот что, ребята, когда к кому из вас будут обращаться, предлагаю называть вас Николай первый и Николай второй. Идёт?

— А что, теперь будем именоваться, как цари. Я согласен, — сказал младший

— А мне всё равно — как удобнее, так и называй.

Коля пришёл в хирургическое отделение районной больницы, Валентину Дмитриевну вызвали сразу.

— Сынок, дорогой, с приездом! Рада тебя видеть, иди домой, я буду через час-полтора.

— Нет, мама, нужно идти сейчас, случай не ординарный. Я приехал не один: со мной вместе мой старший брат Николай Петрович, сын папы от первого брака оказался живым и здоровым.

По дороге сын рассказывал маме о встрече с братом, а Валентина только и приговаривала:

— Вот те и на! Счастье какое, радость-то какая!

Когда Нина вошла в столярный цех, отец что-то мастерил и пел (он всегда пел, когда работал).

— Папа, бросай всё, срочно домой поехали!

— А что случилось, дочь?

— Радость случилась, папа. Коля наш приехал, да не один, он сына твоего старшего Николая привёз!

— Я что-то не понял. Наш Коля, он и есть мой старший сын Николай. Он сам себя привёз, что ли?

— Да нет, папочка, с ним приехал тот Коля, которого мы считали погибшим.

Стамеска выпала из рук мастера, он встряхнул головой:

— Повтори ещё раз, что ты сказала!

— Твой старший сын Николай, что родился в Каменке, сидит у нас в доме, они с Колей каким-то образом в Москве в университете встретились.

Пётр Фёдорович не мог пошевелиться.

— Я не ослышался, дочь? Мой Колька, сын Ирины, у нас в доме?

— Да, папа, да!

Пётр поднялся не сразу, он верил и не верил этой новости, долго шарил по карманам, ища ключи от своей мотоколяски, потом не мог её завести.

— Садись, дочка, заводи и вези меня к сыну, скорее вези!

Отец и старший сын долго стояли обнявшись, слёзы папы катились по щекам сына и капали ему на шею, а он стоял и наслаждался теплотой биотоков отца, которых не знал ранее, а если и знал в далёком детстве, то уже забыл. Это было родное тепло, это была искренняя радость и уходящая боль долгой разлуки. Но, слава богу, они нашли друг друга, они теперь вместе — отец и сын.

На столе было всё лучшее, за столом всё праздничное, водка не пьянила Макаровых — радость ей не давала. Они говорили и говорили, но разве можно было за один вечер рассказать обо всём, что произошло за более чем двадцать лет разлуки?.. Неделю праздничное настроение не покидало дом Макаровых, они гуляли по Ленинску и его окрестностям, катались на лодке по Ахтубе, рыбачили. Николай первый удивлялся тому, что рыба здесь клюёт без перерыва, а рыба готовилась к зиме, накапливала жирок. И погода этому способствовала, температура днём доходила до четырнадцати-пятнадцати градусов тепла. Гость попробовал множество рыбных блюд, особенно ему понравились судак под маринадом и котлеты из щуки, а от балыка из сома он был просто в восторге. Вечером в доме Макаровых пели песни, старинные русские и современные: «А у нас во дворе есть девчонка одна», «Как провожают пароходы», «Подмосковный городок». Аккомпаниатором и запевалой был младший брат Федя, который в свои двенадцать лет уже хорошо играл на баяне.

Праздник закончен, оба Николая уехали в Москву девятого ноября, а Пётр Фёдорович всё «переваривал» подробности встречи со старшим сыном. К радости примешивалась досада: он сетовал на Наталью, и чем больше обдумывал ситуацию, тем чаще досада переходила в злость. Он задавал сам себе вопрос:

— Почему эта дура не сообщила мне, что сын жив и живёт у неё? Ну ладно, в войну не до поисков было, а после Победы можно было в родную деревню съездить, зайти к моей сестре Насте и вмиг узнать, что я жив, записать мой адрес. Так нет, после войны она в деревне так ни разу и не показалась. Почему?

Однажды проснулся Пётр среди ночи, лежал, ворочался, сон не шёл. Встал, оделся, вышел на улицу, присел на лавочку, закурил — и вот она, его любимица полная луна, смотрит на Макарова и улыбается.

— Ну что, поговорим луна-красавица?

— А что не поговорить, я вижу, что тебя что-то сильно мучает.

— Почему... — начал было Пётр Фёдорович.

— Если ты про Наташку, ответ прост. Одинокая девица спасла мальца и в самые тяжкие годы своей жизни его лелеяла и холила, да так к нему прилипла, что не оторвёшь, не разлучишь. Боялась Наташа, что ты жив, приедешь и заберёшь законного сына. А ведь ей Бог дал детей рожать, но она чужого ребёнка присвоила и дальше ни тру-у.. ни ну… Беда это, Пётр, её беда.

— А мне пришлось из-за её беды живого сына двадцать лет поминать.

— Так вот, Господь Бог наш милосердный, но таких наказывает, коли они не каются. Он просто ждёт и вас соединяет. Ты думаешь, просто так, что ли, твои сыновья одну науку выбрали и встретились?

— И как же её Господь накажет?

— А этого никто знать не может. Если не раскается и перед тобой не повинится, накажет. А ты прости её, Петя, всё-таки сына твоего она воспитала и выучила хорошо.

— Спасибо за совет, красавица.

Луна улыбнулась и спряталась за тучку. Макаров докурил свою крепкую сигарету «Прима» и отправился спать. Уснул сразу, утром проснулся бодрым и с лёгкой душой.

А Наталья Павловна в этот же день проснулась с головной болью, в висках стучало, настроение на нуле, ибо покоя в последнее время она не имела, а после возвращения Николая из Ленинска увидела, что в нём что-то изменилось. Нет, Коля не был с ней груб, но внимания ей уделял меньше, очень часто вспоминал о Ленинске, радовался тому, что у отца большая и дружная семья, и сожалел, что рос один. А Наталье все разговоры про Ленинск рвали душу, в церковь она так и не сходила, всё предлоги разные искала, переносила на завтра и послезавтра, а сама и не знала, почему так делала. А тут ещё стали приходить письма из Ленинска от какой-то Коровиной Н. В.

— Уж не влюбился ли мой сынок?

Хотела было тётя-мама открыть конверт, но испугалась недовольства Коли. Однако любопытство — чувство назойливое и коварное, оно победило. Мать нашла в столе у сына письма и прочла их, объяснений в любви там не было, но письма были пропитаны тёплыми чувствами. И в строках, и между строк эти чувства светили ярким светом. А когда Наталья сообразила, что обратный адрес писем — это адрес Петра, сообразила и то, что Николай переписывается с его приёмной дочерью.

— Этого нам только не хватало! — воскликнула Наталья, и с той поры кровяное давление начало плясать, да так лихо, что она отправилась на

приём к врачу. Назначенные доктором препараты помогали, но стоило больной понервничать, как всё лечение шло насмарку.

Зима прошла, весна радостно дарила людям тепло и первые цветы, Николай летал, как на крыльях, и заявил матери, что в июле они с Колей младшим едут отдыхать в Ленинск.

— Мамуля, поедем с нами!

— Нет, сынок! — не задумываясь, ответила Наталья Павловна, — там в июле очень жарко, а мне с моей гипертонией духота ни к чему. Да и делать мне там нечего: вы купаться, загорать будете, а я дома сидеть... Так лучше я в Москве останусь, сяду на диету, глядишь, легче станет.

Братья с радостью отправились в отчий дом. Жаркое волгоградское лето: длинные дни, короткие ночи, пляж, рыбалка, по вечерам танцы — две недели пролетели, как в сказке. Все четверо детей Петра и Валентины Макаровых были вместе, только ближе к закату куда-то исчезали Николай первый и Нина, однако к ночлегу приходили вовремя.

Вскоре доцент получил телеграмму от своего одноклассника Саши Бредихина: «Полкласса 18 июля выезжает в Теберду, палаточный лагерь, песни бардов. Ждём».

— А не рвануть ли нам в горы?

— Всем, что ли, рвануть?

— А почему бы и нет? На самолёте до Минеральных Вод, а там автобусом. Палатка в доме есть?

— Есть старая рыбацкая, двухместная.

— Завтра я махну в Волгоград за билетами, заодно и палатку четырёхместную куплю.

— А что, и Федю с собой берём?

— А чем Федя хуже нас, тем более что горы ни разу не видел.

— В Волгоград едем вместе, дабы с делами быстрее управиться.

— Думаю, братик, тебе завтра лучше дома остаться: родителей убедить, что эта поездка нам необходима. А я с Ниной поеду, она город лучше тебя знает.

Николай второй глянул на первого и улыбнулся:

— С Ниной, так с Ниной.

Девятнадцатого июля все дети Макаровых вылетели на Кавказ, в Теберде были уже в конце дня, палаточный лагерь стоял под горой слева от дороги. Нашли Сашу Бредихина. Одноклассники Николая первого уже разбили три большие палатки, Макаровы пристроились рядом с ними. Темнело, народ потянулся к костру. Тогда ещё не было фестивалей бардов-ской песни, был просто импровизированный концерт, руководил всем серьёзный полный блондин.

— Это Юрий Визбор, узнаёшь? — спросил Саша.

— Конечно, узнал, — ответил Николай старший.

— А кто такой Визбор? — почти хором спросили Макаровы.

— Юрий — это журналист и поэт, композитор и певец, и, кстати, Нина, твой коллега по образованию — учитель русского языка и литературы.

В концерте принимали участие все желающие. Ребята выходили ближе к костру и сольно, дуэтом или целым ансамблем пели самодеятельные песни: лирические, сатирические, смешные и грустные. Их творчество радовало и награждалось аплодисментами. Ближе к полуночи гитару взял

мэтр и конечно же сначала исполнил свою давнюю песню «Теберда», а потом были «Вечер спрятался под крышу», «Домбайский вальс», «Охотный ряд», «Взметнулась вверх рука». Ленинские ребята просто обалдели от увиденного и услышанного, благодарили Сашу за идею, а Николая первого — за её воплощение. Студент Макаров увидел среди зрителей своего однокурсника Виктора Максимова, вместе с Фёдором они влились в компанию друга, продолжая подпевать «артистам».

— Спать совсем не хочется, пойдём прогуляемся, — предложила Нина Николаю старшему.

— С удовольствием! — ответил тот, предчувствуя что-то приятное. Он взял фонарик, и они по тропинке удалились во тьму, обсуждая прекрасный вечер.

Вдруг Нина ойкнула: то ли оступилась, то ли на что-то наступила. Коля подхватил её под руку и притянул к себе, а в это время, похоже, Купидон выпустил свою стрелу (ангелы и в темноте всё видят). Поцелуй был крепким, сладким, долгожданным и желанным. Они ещё долго гуляли в обнимку, объяснялись в любви и целовались, целовались…

К палатке подошли уже на рассвете и очень старались залезть в неё тихо, но не успели: из походного жилища выполз Николай младший.

— Ну вы даёте, я уже все окрестности обшарил. Слава богу, у вас всё в порядке.

— Даже очень в порядке, — улыбнулся старший.

— Всё понятно. Я давно уже заметил, что вы друг к другу неровно дышите. Когда свадьба?

— Дурак ты, Колька! — ответила Нина.

— Конечно, дурак и глупый малыш.

— Ладно, братик, не обижайся. Просто ты как-то с ходу взял и огорошил, но пока давай сохраним это в тайне.

— Сохраняйте, сохраняйте, я-то молчать буду, да только любовь у вас потоком из глаз льётся.

Нина прижала младшего брата к себе:

— Извини за грубость, Коля. Больше не буду, я просто счастлива, понимаешь, счастлива!

— Я рад за вас. Давайте хоть часок вздремните, скоро автобус повезёт нас в Домбай.

В горном мешке была красота: заснеженные вершины гор прекрасно сочетались с зеленью, кристально чистая вода, воздух хоть пей, много мангалов с шашлыками, вино, пиво, народ в прекрасном настроении, вокруг шутки и песни. Хорошо!

Ещё три дня в горах прошли как в сказке: новые знакомства, познание истории и традиций горцев, не пробованные ранее напитки и блюда, масса сувениров. В Ленинск вернулись с хорошим настроем и целый вечер делились впечатлениями с родителями, Федя взял в руки гитару и запел «Домбайский вальс».

Лыжи у печки стоят,
Гаснет закат за горой,
Месяц кончается май,
Скоро нам ехать домой.

— Ну ты даёшь, брат, слова с одного раза запомнил!

— Да не запомнил, а пока вы там лясы-балясы точили, я к Юрию Иосифовичу подошёл, он мне вальс и подарил, мы даже вдвоём в его палатке дуэтом пели.

Отпуск у старшего сына заканчивался, он собирался в Москву. Перед отъездом до полуночи сидели на лавочке с Ниной: вроде бы и всё сказано, но ещё больше было недосказанного.

— Провожать я тебя не пойду, Коля, боюсь расплачусь и потом неделю не остановлюсь. Люблю я тебя, очень люблю!

— Я думаю, расстаёмся мы ненадолго, я скоро приеду, — Николай для себя уже твёрдо решил жениться, но он привык никогда ничего не обещать заранее.

— Скоро — это в новом году?

— Полагаю, раньше.

— А когда раньше, ну скажи, когда?

— Я же сказал: скоро, даже раньше, чем ты думаешь, — Коля обнял Нину и поцеловал. — Ну всё, пошли спать. Долгое прощание — долгие слёзы, а слёзы нам не нужны, у нас всё будет радостно.

Утром братья проводили старшего на автовокзал, а тот уже в автобусе начал скучать. Скучал в самолёте и дома, работа тоже на ум не шла, так и промаялся парень весь сентябрь, и днём, и ночью думая о Нине.

— А что, собственно, я сам себя извожу? Всё, хватит, надо ехать свататься, намечать день свадьбы.

За утренним чаем сын огорошил мать:

— Мама, я на днях собираюсь в Ленинск и тебя хочу с собой взять: будем сватать невесту, зовут её Нина.

Наталья ждала этого, знала, что это произойдёт, но не так быстро, и потому от неожиданности глаза её округлились, из них покатились слезы, сквозь которые она смотрела на сына и не знала, что сказать, хотя раньше думала сказать многое. Николай всё понял, подошёл, обнял мать:

— Мам, мне уже двадцать пять, самая пора жениться, тем более что я влюбился до беспамятства.

Наталья Павловна вдруг представила, что в её доме появится ещё одна женщина, которая станет для сына дороже и гораздо ближе, чем она. Душа приёмной матери готова была взорваться, но ей удалось погасить этот порыв.

— Никуда я с тобой не поеду, хочешь — сватайся сам, а я… а я… Ну да ладно, так, значит, так, поезжай, дай мне прийти в себя.

Николай не ожидал такой реакции от матери. Он не знал, что сказать, и ничего не сказал, полагая, что всё это у неё пройдёт, ибо женитьба сына — дело неизбежное.

— Ну, я поехал на работу.

Дверь за сыном закрылась, и мать разрыдалась. У неё начался истерический припадок, она рвала и метала, проклиная весь макаровский род. На работу не пошла, сказалась больной и долго срывала злость на попавшихся под руку вещах. А когда мозг начал работать более-менее здраво, Наталья собралась и поехала в церковь — помолиться и исповедаться.

Отец Василий долго и без комментариев слушал женщину, а когда она, всхлипывая, закончила, священник ровным спокойным голосом произнёс:

— Сын твой на правильном пути, дочь моя, ибо Господь создал человека и, отправляя на землю, сказал: «Живите и размножайтесь». Вот и Николай, следуя Божьей заповеди, решил жениться. Так было испокон века и будет всегда, а потому смирись и радуйся. Но дабы смириться, нужно покаяться перед Господом нашим, и неоднократно. Нужно стать настоящей прихожанкой: чаще бывать на службе, познать святое учение и смиренно вести праведный образ жизни — возлюбить людей, тебя окружающих, научиться их понимать и прощать. Вот тогда мир предстанет перед тобой в другом свете, и Господь благословит тебя на дела добрые.

Николай с утра говорил со своим профессором и научным руководителем, просил дать два дня отпуска в ближайшие пятницу и субботу:

— Хочу поехать свататься.

— Это хорошо и правильно, а то я смотрю на вас и удивляюсь: вы, коллега, стали рассеянным, не схватываете всё на лету, как раньше. Хотел было с вами строго поговорить, но потом понял, что вы влюбились. Давайте, давайте, друг мой, побыстрее женитесь — и за дело, а потому хоть три, хоть четыре дня в вашем распоряжении. И не надо ничего оформлять: если что, я вас прикрою.

В начале октября Николай старший открыл дверь отчего дома.

— Коля?! Случилось что-то? — удивилась Валентина Дмитриевна.

— Случилось, но случилось хорошее: влюбился я. Вот и примчался просить руки вашей дочери.

Валентина не удивилась: она всё знала, всё видела. Разве хорошая мать не поймёт, что её дочь влюблена, а тем более в хорошего парня...

— Я бы тебе, Коленька, ответ сразу дала, но так не бывает: отца нет, невеста ещё на работе. Подождём, как все соберутся, и уж тогда будет всё по чину и закону.

Сватовство состоялось вечером. Николай преклонил колено:

— Отец, разреши мне попросить руки и сердца твоей приёмной дочери.

Пётр Фёдорович встал, покашлял:

— А Нина-то согласна?

— Ещё как согласна, папа!

— А мать что думает?

— Раз дочь согласна, я только рада.

— Тогда, мать, неси икону.

Отец подвёл дочь к жениху. Валентина перекрестила их и благословила иконой Божьей Матери.

— Я тоже согласен, — добавил Федя.

— Ну раз Федька согласен, считай, Николай, что сосватал ты невесту!

Все рассмеялись, обнялись и принялись обсуждать дела предсвадебные. На следующий день молодые были в ЗАГСе, регистрация была назначена на второе ноября 1963 года.

А Наталья тем временем начала молиться. Молилась усердно и без показухи, душой раскаивалась во всех своих прегрешениях. Недели через две её начало отпускать, дышать стало легче, и мир она увидела совсем с

другой стороны, но волновалась и переживала перед встречей с Петром, на свадьбу-то к сыну не ехать нельзя.

В Ленинск жених с матерью приехали тридцатого октября. Пётр встречал их на крыльце. Наталья издалека почувствовала его суровый взгляд, который прошил её насквозь. Не доходя двух шагов до Петра Фёдоровича, упала на колени и перекрестилась:

— Прости меня, Пётр, прости Христа ради, виновата я перед тобой.

Макаров сделал шаг, наклонился и крепкими руками поднял Наталью Павловну на ноги:

— Да простил я тебя, Наташка, простил! — Он крепко обнял и расцеловал сестру своей первой жены. — Спасибо тебе, дорогая, что сына мне такого вырастила. Спасибо!

Наталья зарыдала:

— И тебе спасибо, Петя, что не осерчал…

Свадьба у Макаровых была на славу, родственников и друзей было около сотни, среди них и сестра Петра Анастасия с семьёй.

В заключительном слове, благодаря гостей, что разделили с Макаровыми радость, Пётр Фёдорович благодарил и весь город Ленинск, который его вылечил и выходил:

— Здесь меня спасли от смерти, здесь я встал на ноги, полюбил и создал семью, в которой теперь, с сего дня все только Макаровы. Люди русские, люди добрые, как и во всём нашем городе, счастья вам всем и городу нашему Ленинску, счастья и процветания!

София ХАНТИМИРОВА

Проклятие вёльвы Солвы

Тебе понравится день, когда сказки
вновь станут реальностью.

Взирая на лампады молниевые
Под музыку арф громовых,
В окружении дум мрачных,
Сине-серых, холодных,
Я загорелась в миг несчастливый
Кротких упырей сонмы проклясть.
Верно… Против меня не люди,
Их уделом давно были бы
Саван истлевший
И венец безумия, пахнущий босвеллией.
Мои же крылатые недруги
Благоволят возлюбленному дитя
Бумажной серебрянки и паука —
Моему притеснителю!
Ворожит он безнаказанно!
Пламя гасит моё, но не глядя в глаза,
А за спиною — как вор!
Подлинно, сие создание
Не хищник, но трусливый падальщик,
Коварно разметавший тенёта.

ХАНТИМИРОВА София Борисовна — поэт, член литературной студии при Волгоградском региональном отделении Союза писателей России. Родилась в 1995 году. Живёт в Волгограде. Обучается в аспирантуре Волгоградского государственного технического университета. Лауреат областного литературного конкурса имени Михаила Луконина.

Порядок навести бы ему в своей пещере —
Зверином логове,
Принадлежавшем родичам его,
Прежде чем к чужому лезть чертогу.
Доберусь я и до благочестивой своры
Хранителей его — слепых пестуний,
Но зрящих ясно по выгоде своей,
Ибо ненависть моя — тень
От Белой Медведицы,
Опалённые худым кресом клыки точит
О Скопление Львов на востоке,
О созвездие Морские Корабли на севере.
Она затаилась в кувшине
Из хрусталя горного,
Израненного смарагдами,
Не может этот сосуд наполниться,
Никак он не насытится.
Куда пропало мое величие?
Где скитается великодушие мое?!
Блуждаю я, словно зверь загнанный,
Утомлённый, но не пойманный,
Не на коленях… Никогда!
Гордо замирая горячим маревом
Над золотом дремлющей пустыни —
Ровесницы старых богов,
Помнящих многоколонного Змея:
«Вас заклинаю я, суровые титаны
И хаос безбрежный вездесущий,
Вы даровали мне могущество и мёд из чана,
Отмщенья требую,
Равный вам ужас оскорбили
Шарлатан и беглые каторжники!
Все девять миров разрушьте
От вершины Древа до корней могучих,
А голову, нарциссами седыми убранную,
Чада праздного, любовно опекаемого
Мужами женоподобными,
На блюде из священного азема мне принесите!»
Воистину сегодня Длинный день,
Но мои братья неспокойны,
Скоро демоны разбудят холод
И наступит Длинная ночь!

Владимир ЛУКАШУК

Михаил Танич: далёкое прошлое, далёкое будущее

I. МОНАКО

Сейчас он был счастлив, как никогда. Рядом с ним шла любимая и любящая женщина, и вся действительность чудилась сказочным сном. Кругом — не просто богатые персоны и элегантные красотки, а бери выше! Всякие графья, миллионеры да кинозвёзды. Впрочем, разве он сам не знаменит ныне, как мечталось? Его песни в далёкой России слышны чуть ли не из каждой мясорубки! И он вправе отвести душу в полной мере.

С одной стороны — в заливе плескались роскошные яхты и гигантские лайнеры. Барашки волн с ослепительными бликами бежали на берег. Вдали — почти незримая линия горизонта, где сливались в мареве бликующее море и чистые небеса. С другой стороны возносились близко подходящие горы, на которых раскинулся игрушечный город — сплошь из суперсовременных высоток и старинных дворцов. О, здесь царил не то что развитой социализм, а почти коммунизм. Но — для избранных.

Лёгкий полуденный бриз колыхал перья высоких пальм. Но он мало помогал, и разморённая публика укрывалась от горячего солнца на террасах кафе.

ЛУКАШУК Владимир Николаевич — прозаик, журналист, член Союза журналистов России. Родился в 1959 году. Живёт в Волгограде. Окончил факультет журналистики Рижского народного университета. Автор книг «Проза жизни», «Грани бытия», «Женщинам о женщинах», «Сказочный ларец», «Гряда, или Чёрная сторона луны», «2020: путь в никуда», «Эликсир бессмертия». Публиковался в журнале «Простокваша». Лауреат детского конкурса «Подари сказку детям».

Троица неспешно гуляющих двигалась по набережной Монако, пышущей июльским жаром. Впереди — пожилой Михаил Танич с супругой Лидией. Уже отяжелевший поэт с гладко выбритым лицом и пепельной шевелюрой был одет в джинсы и рубашку с короткими рукавами. Стройную фигуру супруги облегало бирюзовое платье-миди из шифона. Их сопровождал музыкант их группы Сергей Чуприк, одетый в белый костюм.

— Вот оно, оказывается, какое — это Монте-Карло, — с восторженным придыхом оглядывалась Лидия.

Часа два назад они покинула круизный лайнер и теперь бесцельно бродили по забавному, но гордому мини-государству, удивляясь всему: красивым фонтанам, изящным скульптурам, зазывающей рекламе. Не жизнь, а лакированная открытка!

Довольный поэт, чей возраст перевалил уже за семьдесят, с некоторым сожалением думал: «Разве я не заслужил такое благоденствие? После грязных пересылок и жестокого лесоповала, скитаний по городам, когда чувствуешь себя изгоем, всенародных строек, где никому не нужен был твой талант, мыканья в поволжском посёлке, где моя милая падала в обморок от голода, круговерти войны, где не однажды погибал, но выжил вопреки всему. В чём-то я даже счастливее, чем в тот час, когда мне вручали орден за подвиг», — сравнил Танич нынешние ощущения с прошлыми. Пусть даже пришлось ради новой жизни и слегка фамилию изменить. Правда, удручало одно обстоятельство, о котором он предпочитал не упоминать.

* * *

Порой они заходили в разные дивные магазинчики. Во многих из них даже отсутствовали продавцы, ибо здесь не опасались быть обкраденными — нищебродов останавливали уже на границах княжества. И тут можно было купить товар с любого края света. Но сразу вылезала тоскливая мысль: «Киса, мы чужие на этом празднике жизни». В кошельке сиротливо жались сорок долларов, и с таким богатством не пошикуешь! Это было унизительно, особенно когда рядом находилась любимая женщина.

Конечно, они — Танич с Лидией и члены группы «Лесоповал» — недурно покутили в плавучем отеле, с тех пор как отправились из Одессы. Ведь когда ещё так погуляешь?! Душа требовала продолжения банкета, однако поистратились уж слишком.

Любуясь прелестями чужой жизни, троица завернула в квартал. Взгляд поэта рассеянно скользил по ярким вывескам. Сбоку выросло роскошное жёлтое здание, где на фронтоне нагие девы выныривали из пены прибоя.

— Отель де Пари, — присвистнул Чуприк. — Там, по-моему, казино есть.

— Есть, да не про нашу честь, — равнодушно добавил Танич. Нельзя сказать, что в нём не было азарта, учитывая, как отлично он играл в карты, домино и бильярд. Да не тот случай! Папаня не зря предупреждал: «Не уверен, не садись за стол». Но вдруг в мозгу щёлкнуло: «Да-а… Денег в этой юрзовке больше, чем махорки у дурака. А нам-то надо всего…»

— Слушай, любаня, — приостановился Михаил, как бы решаясь прыгнуть в неизвестность. — Давай зайдём в это заведение?

— Ты хочешь рискнуть? — лучистые глаза жены потемнели. Нет, она никогда не перечила мужу — это было её жизненным кредо. Но впереди ещё пол-Европы морем, и ей так хотелось посетить многие интересные порты и города. Хотя на что их посещать-то?

Лидия знала рисковый характерец мужа, и потому в ней родился страх. Однако она знала и то, что Михаил никогда не отступает от задуманного. Не потому ли она ещё девчонкой поверила в него, того мужчину, который был старше её на пятнадцать лет? И не стала сейчас возражать, пусть надула недовольно губки.

А Танич уже изготовился, как закалённый в переделках боец. Сквозь пелену десятилетий вдруг всплыло: голодные тридцатые — и никакого просвета в любимом Таганроге! Родители пашут, как проклятые, а в доме шаром покати. Неожиданно прикатывает папаня из отпуска, а в его пролётке — полно выигранных вещей: топлёное масло в глиняных горшках, всякие продукты, даже кавказские бурки и прочий кайф из Кисловодска! Что сказать? Страсть к играм въелась в отца, как лихорадка в кровь. Да только если одних болезнь губит намертво, то его сделала непобедимым гроссмейстером в картах. Эх, папаня, не обессудь!..

В голове закрутилась белкой мысль: «Всюду деньги, господа! А без денег — никуда»[1].

* * *

Рослый охранник что-то спросил по-французски, едва троица поднялась по ступенькам отеля. Они ничего не поняли, и Танич досадливо подумал: «Кликуха была Француз, а по-ихнему ни бельмеса не соображаю!» Да что поделаешь, коли так судьба распорядилась...

Тут же возник прилизанный менеджер с щёточкой усов под носом. Выяснив, что посетители из России, живо позвал переводчика. Тот спросил, показывая на Чуприка:

— Молодому человеку есть двадцать один год? Наши правила запрещают играть в казино, кто младше этого возраста.

Чуприк возмутился, что его не воспринимают всерьёз:

— Конечно!

Увы, у него не было паспорта. И его возражения не подействовали — менеджер был любезен, но твёрд.

Чуприк был оскорблён в лучших чувствах. Он развернулся, лишь бросив:

— Я пойду к ребятам на лайнер, Михаил Исаевич.

Поэт развёл в бессилии руками, и супруги вошли внутрь. Их сразу ослепила роскошь первоклассного заведения: позолоченная лепнина, расписные потолки, массивная ваза с цветами в центре огромного зала, над ней сияла хрусталём не менее огромная люстра. От зала ответвлялись ещё залы, где играли в карты, рулетку, игровые автоматы. Большие глазницы окон закрывались тяжёлыми веками штор. Вечный вечер дорогой жизни: яркий свет, изысканный парфюм, бледные лица и приглушённые голоса. Причём то слышались чёткие голоса крупье, то приглушённые возгласы игроков — радостные или, наоборот, разочарованные.

— Во что предпочитает играть мсье? — любезно поинтересовался менеджер.

— Хочу перекинуться в картишки. У вас тут играют в вист или покер? — спросил Танич.

— Мадам тоже будет играть? — осведомился менеджер у Лидии. Она испуганно замотала головой. Менеджер предложил ей пройти в один из залов, где столы были сервированы фруктами, сладостями и шампанским.

Учтиво сказал:

— Вы можете отдохнуть, пока ваш супруг будет наслаждаться игрой. Всё за счёт нашего заведения.

Лидия села скромно за стол, но почти ни к чему не притронулась. Её голову свербила единственная мысль: «Как он выкрутится из этого положения? Они быстро раскусят, что у Миши нет денег. И с позором выгонят нас!»

* * *

Истекло полчаса, и в Лидии всё росло напряжение. Тут она увидела Михаила, идущего бодрым шагом. Лицо у него было предовольное:

— Ты здесь, любушка? Собирайся, мы уходим.

Она не поняла, в чём дело:

— Так быстро?

Он взял её за локоток и повёл к выходу, тихо шепнул:

— Да. Быстро уходим.

Лидия опасалась спросить о главном. Скорее прочь!

Их пара уже приближалась к выходу. Теперь на них не очень доброжелательно смотрели слуги королевства кривых зеркал и красивого самообмана. Главный из них, пытаясь изобразить bonne mine a mauvais jeu[2], угодливо спросил:

— Уже уходите? Как жаль! Можно ещё сыграть в карты или рулетку…

— Спасибо, нет желания! — отрезал Танич.

Они почти выскочили на крыльцо отеля. Отошли чуть в сторону.

Улыбнувшийся Михаил развернулся и помахал перед лицом жены крупными купюрами:

— А это видела?

Лидии показалось это неземным чудом:

— Ты выиграл?!

К ней вернулось радостное настроение:

— Сколько?

— Восемьсот долларов!

— Но как?!

— Эти товарищи вздумали играть со мной в поддавки. Не на того напали.

Лидия никак не могла поверить в удачу:

— Это невозможно!

— Отчего же? Спасибо моему отцу!

II. ТАЙГА

В заснеженном лесу раздался звонко-вибрирующий гул металла. Он перекрыл визг электропил и грохот лесовозов. Так отдавался только долгожданный для осужденных звук подвешенного рельса. Он был самым сладким для них на свете — сигнал к обеду.

Человек, лупивший фомкой[3] по рельсу, мог бы не продолжать — проклятую работу сразу бросили даже на дальних разработках.

Зеки начали подтягиваться к повозке с кухней. По некоторым физиям пробегали довольные улыбки при виде огромного жбана. Но очередь вырастала чуть в сторонке от повозки.

Первыми к ней подошли воры. Они не торопились, хотя сидели недалеко у костра. Работать им было западло. По негласной инструкции охрана их не трогала — сверху спустили указивку: пусть «законники» гнобят «врагов народа» — политзаключённых, а заодно священников, бандеровцев, расхитителей социмущества или просто тех, кто не ту песню спел. Всех, кого связывает общее слово «зек» — заключённые единым конвоем. Всех, кого надо было перевоспитать упорным трудом на благо родины или — ещё лучше — могилой в мёрзлой земле.

Когда коричневая баланда была оприходована, люд потянулся обратно. Побросав в кучу тарелки, садились возле костров, шабили махорку. Одним из последних к повару-«ложкарю» подошёл пожилой Семён Семёнович, высокий, в конопушках урка в выцветшем бушлате. Он считался «родским» вором — тем, кто даже в мыслях не допускал, что может работать. Хотя был в некотором смысле очень нетипичным блатным — принадлежал к «интеллигентным» ворам, потому держался несколько особняком. На вольняшке такие обычно орудуют «щипачами», придерживаясь правила: меньше тебя знают — целее будешь! А в свободные от профессиональных дел дни повышал свой духовный уровень, посещая театры-музеи-библиотеки. И заодно тырил у богемы то, за чем она по рассеянности не доглядывала.

Облизав ложку и засунув её за голенище, Семён Семёнович обронил, будто в пустоту:

— Сёдня вашего Француза кончат.

Складывавший тарелки ложкарь чуть их не рассыпал:

— А-а… Откуда это известно?

Он боялся спросить поточнее. За лишние расспросы можно и по мусалам схлопотать.

Где-то в верхах сосен застрекотала белобока. Семён Семёнович ощерился:

— Вон дурёха на хвосте принесла.

Вор сплюнул и двинул небрежной походкой к кострищу. Ему ни в коем случае нельзя было показать, что он нарушил святая святых: рассказал то, о чём говорят между собою уркаганы. Да ведь чёртова культура делала поганое дело, поливая живительной влагой задубевшую душу. Иногда они трепались с Французом в библиотеке «за жисть». И Семён Семёнович считал Танхилевича отличным мужиком, даже породистым, не зря ему дали кликуху «Француз». Говорит, воевал и даже ордена имел, хотя на лесоповале через одного герои! Вору было непонятно другое: на фига Мишаня с такой мутотой связался, не отсидев полсрока?

* * *

Танхилевич подхватил фурункулёз уже на первом году отсидки, и ноги стали гнить. Из-за этого его перевели бухгалтером на продсклад. Точнее,

Михаил Танич со своей музой — Лидией Козловой

он сам вызвался, ибо — несмотря на фартовость должности — никто на неё не просился. Прежнего бухгалтера уркаганы подняли на ножи за то, что он мало выписывал им хлеба.

— Я пойду, — сказал Танхилевич. Коли ноги еле ходят, да ещё заработал «тубик», что ему терять? Всё равно, как сдыхать.

Уже к вечеру в столовую явился посыльный от воров Набоко:

— Хранцуз, блатные велели, чтобы выписывал им пайку побольше, грамм на пятьдесят. Шо передать?

Пожилой украинец, служивший ординарцем у Махно, иногда предпочитал говорить на «мове».

Танхилевич глянул на Набоко колючим взглядом. Тот попятился, но упрямо добавил:

— Небось, когда кашеваришь на кухне, себя не обделяешь. А воры должны голодать, а? Не по понятиям это.

— Значит, другие пусть от голода пухнут, а я им птюхи ещё урежу? — глухо возразил Француз и закашлялся.

— А кого корябает чужое горе? — хохотнул Набоко.

— Сам всё увидишь, — Танхилевич демонстративно отвернулся. Повторно подумал: «Всё равно сдохну. Хотя теперь не по-геройски». Да мало ли сгинуло в застенках настоящих героев войны и труда, любимцев публики и гениев науки? Никому нет дела, коли высыплется ещё одна песчинка из сталинских часов. Он дважды совершал подвиги ради любимой Родины, а теперь вот умрёт по её же прихоти. Правы поэты: нет правды на земле! Танхилевичу даже считать цифирки перехотелось. Сколько ему осталось

жить — сутки? Михаил закурил, закашлялся от дыма. Придавила его тоска тяжёлой плитой так, что не выбраться. Перед ним возник образ вора Прищепы: «Не простит мне того проигрыша. Теперь точняк замочат».

* * *

— Говоришь, ништяковый катала[4], шаришь в лакшах[5]? — произнёс Прищепа. — Ладно, вор держит слово. Бери своё…

Он кинул совершенно новенькую тельняшку Танхилевичу, которому только что проиграл в подкидного дурака. Кореша Прищепы, сидевшие вкруг, волками посматривали на Михаила.

«Да, браток, не получилось по-твоему», — торжествовал Танхилевич внутренне. Но в лице не переменился, лишь слегка улыбнулся:

— Фортуна — она такая, к одним — смазливым личиком, к другим — задом. Её желанья не угадаешь.

Дело происходило в ноябре 1947 года на Соликамской пересылке, куда сутки назад прибыл «столыпин»[6] из Ростова. Несколько вагонов с зеками торчали в железнодорожном тупике, и все уже измаялись от неизвестности. Спать холодной осенней ночью было совершенно невозможно. И Михаил с другом Никитой согревались, лишь прижавшись друг к другу. Их двоих, да ещё одного, студентов строительного института, объединили знаменитой 58-й статьёй — за антисоветскую агитацию.

На вечеринках они болтали, не заботясь по юности: мол, ищут шпионов даже среди дворников! Не подозревали, что четвёртый — как бы дружок Жосик — строчит на них доносы уже год. Вот и загребли Михаила с приятелями — казаком Никитой из станицы Багаевской и минским евреем Ильёй, у которого семью расстреляли фашисты. Нет правды на земле…

Михаил сломался после десятой ночи допросов:

— Да, говорил, что немецкие радиоприемники «Телефункен» отличные и дороги в Германии хорошие. Но ведь не саму жизнь за границей восхвалял! Не зря же мы немцев разбили.

Не поверили ни ему, ни подельникам. Всех связали, как редиску в пучок, дали срок и отправили по этапу в Сибирь. Позже Илья затерялся на пересылках.

* * *

Они едва дождались утра. Сейчас явится вологодский конвой для пересчёта. Сначала он выстучит деревянными молотками вагонную клепку: не отломана ли где? Потом откроет засов на теплушке и послышится зычный ор: «Прыгаем — и влево пулей!»

Это происходило уже на многих станциях, и волей-неволей зеки привыкли к жесткому ритуалу. Они тут же садились на корточки и ждали, когда их пересчитают, как баранов. Шаг вправо-влево — и стрельба на поражение.

В вагон на сорок рыл забрасывалось несколько кирпичей хлеба. Пока бедолаги карабкались в вагон, успевали ещё получить увесистыми молотками по спине. Засов запирался до следующей остановки, а после опять команда: «Прыгаем — и влево пулей!»

Дверь уже закрывалась, когда Михаил подскочил к ней, просительно сказал скуластому солдату:

— Слушай, браток, не обменяешь тельник на картоху? Тельняшка совсем новая!

Охранник, помедлив, рявкнул:

— Щас узнаю.

Через двадцать минут засов вновь загремел:

— Давай тельник.

Взамен сунули котелок с картошкой, килограмма на два! Не пожалела охрана даже немного дровишек — чай и в ней не одни звери.

Тут же растопили печку в вагоне, поставили котелок с водой. И вот уже прямо на полу обед, как почти у нормальных людей. Нашлась даже соль — крупная, но изумительная! В общем, Михаил с Никитой сами навернули райский деликатес и даже угостили оголодавших соседей по нарам. Из другого угла за ними с насмешкой наблюдали наетые морды блатных — у них-то с харчем всё было зашибись. Потому ржали над «политическими»:

— Вы — придурки! Навеки останетесь виноватыми, и за вами будут следить повсюду. Зато мы, уголовники, лишь воруем и виноваты лишь временно. Выйдем на свободу с чистой совестью и… Опять за своё. Ещё коммунизма дождёмся, когда на халяву водки можно будет попить!..

Однако позже Прищепа угрожающе обронил:

— Гляди, Танхилевич, при случае сочтёмся…

И слепая судьба всё-таки свела Михаила с Прищепой в Мысинском отдельном лагпункте.

* * *

— Хранцуз, блатные сказали, тебе не жить… — на пороге опять появился Набоко. Его фигура в чёрной телогрейке и треухе на фоне пара от жестокого мороза чудилась демоном. Свиные глазки из-под надбровных дуг, как у обезьяны, злобно поблёскивали.

У Михаила всё оборвалось внутри. Будь ты самым отъявленным смельчаком, но слышать смертный приговор себе спокойно невозможно. И страшно, что находишься вроде бы среди людей, но никто не поможет! Обращаться к охране и «кумовьям»? Они нагло посмеются. К мужикам? Каждому своя рубаха ближе к телу! Никита? Да что он сделает? Его заодно порешат. Связываться с ворами никто не желал — волчья стая в пять-шесть человек держала в страхе лагерь в тысячу человек.

Зеки знали, что воры на всё пойдут, чтобы доказать злобную силу и безрассудность. Редко какой мужик способен на дикий поступок, как они. Убить любого или даже себя они могли запросто. Масть блатных слыла чуть ли не бессмертной, с ней считались даже граждане начальники. Именно блатные определяли порядки в зоне: как скажут, так и будет. И сколько ни вопи, зарежут, как свинью. Страх за свою шкуру парализовывал остальных осужденных.

«Как строить светлое будущее, так начальнички заставляют скопом, а как будут убивать тебя, никого рядом не окажется, — подумал Танхилевич. — Что за страна? Половина сидит, половина охраняет!» Серая пустота вкрадывалась в душу. Всё стало безразлично.

Набоко хлопнул дверью, скрывшись в стылых сумерках. А Михаил безнадёжно махнул рукой, уже ни к кому не обращаясь:

— Чёрт с вами всеми.

«Но жизнь дорого продам», — добавил с остервенением в мысли.

Надо было собираться в барак. Он ещё раз глянул на почищенные шнырями котлы, убедился, что перловка залита на ночь водой, выпил водки из заначки. Затем сунул за пояс кухонный нож и вышел наружу.

В лицо диким зверем кинулся ветер — резкий, обжигающий. Полная луна пыталась вырваться из-под тучевых клякс.

До барака было метров сто. Тяжёлым шагом Михаил направился к нему по утоптанной в снегу дорожке. Тусклые лампочки на «запретке» окрашивали в жёлтый свет лишь круги вокруг себя. Вдалеке едва виднелись неровные зубцы леса.

Оставалось совсем немного, когда от ближайшего здания отделились две тени. Они сторожко шли среди сугробов. От лунного света в их кулаках блеснули лезвия заточек. Михаил приостановился в нерешительности. Но потом вскинулась гордость: «Против танков со своей пушкой выстоял? Так чего мне бояться этих огрызков?» И медленно пошёл на них.

Внезапно с другой стороны барака тоже заскрипел снег. Михаил повернул голову и увидел, как из-за угла вываливает толпа. Ни хрена себе!..

Толпа всё прибывала, вытягиваясь вдоль барака. Она молчала, но от неё веяло некой угрозой в направлении теней.

Тени замешкались, затоптались, сплюнули и скрылись в темноте.

Михаил подошёл и выдохнул:

— Спасибо, братцы, большое спасибо.

Его ободряюще похлопали, грубо заржали:

— Не ссы, Француз! Что, сдрейфил? А кто кормить нас будет?

Танхилевич заметил Никиту, и его осенило:

— Твоя работа, кореш?

— А ты как думал? Сказал мужикам: коли не вступимся, так сдохнем с голодухи.

Все потянулись в барак. Михаил поковылял тоже. Зашёл внутрь, скинул фуфайку, закурил. Потом прилёг на нары и прикрыл веки. Надо было спать, завтра спозаранку вставать. Однако Михаил полночи кряхтел и ворочался. Не всё ещё потеряно! И не зря он отказался от совета зоновского лепилы: «Давай отрежем загнившие ноги, пока гангрена не началась». — «Чёрта с два! — ответил он. — Тогда точно загнусь тут, и свобода даже обо мне не вспомнит».

Проваливаясь в сон, Михаил вспомнил последнее о фронте: очнувшись после взрыва над землянкой, подумал в тот раз о себе: «Бессмертен!..»

* * *

На следующее утро вновь объявился Набоко. Бросил небрежно:

— Хранцуз, блатные сказали: «Хай живе».

Танхилевич усмехнулся, глядя на него: «Паршивая овца…»

Он вновь ковылял на больных ногах вечером к бараку и размышлял: «Странные у блатных законы, странные… Никогда не понять их изломанную логику. Не удивлюсь, что кто-кто всё-таки затаил «жлобу» на меня».

Открыл дверь, шагнул внутрь. Закрыл и открыл глаза, чтобы быстрее привыкнуть к сумеречному свету. Сделал первые два шага вперёд. И сам

не понял, как успел отклонить голову чуть в бок.

Из полумрака и дыма сверкнул металл. Вращаясь, мимо пролетел топор и вонзился в косяк. Танхилевич замер в наступившей тишине. Десятки глаз уставились на него с нар.

В проходе между нар появился Прищепа. Он огляделся:

— Что за шухер на бану? Кто бросил топор?

Вопрос был напрасный. В конце прохода стоял беспредельщик Болт. Он не был вором, но слыл опасным типом, его побаивались.

«Решил выслужиться», — определил Михаил.

— Разве не знаешь, что слово вора — закон? — прохрипел Прищепа.

Болт осклабился:

— Разве я не прав?

— Я отвечаю лишь на вопросы ментов, — повысил голос вор. — Если захочу... Выйдем на свежий воздух.

Повернулся к кентам:

— Пойдём…

Назад вернулись только блатные. А лепила после поставил диагноз: Болт «дал дуба» от тубика. Даже на зоне не убивают без приговора.

* * *

«Спасибо отцу, что научил премудростям карт, — подумал Михаил. — Надеюсь, старик, ты гордишься сыном там — на небесах. И наверняка знаешь, через что пришлось пройти, чтобы одолеть мне в картах саму судьбу».

Лёгкой ностальгией отозвалась юность в Таганроге. Помнится, мать Михаила никогда не опасалась за азартного муженька — тот мог развлекаться до бесконечности в домино и шашки, но из дома ничего не проиграл. Ведь в карты не было ему равных! И сын допоздна засиживался рядом в преферансные ночи, когда к ним захаживали такие же любители пощекотать себе нервы.

Танхилевич повернулся к Лидии:

— Пошли, любушка. Чтобы научиться играть в карты, иногда надо ставить на кон свою жизнь. А в картах шанс не запрещен.

Он взял под ручку самую лучшую для него женщину и повёл её, тихонько напевая:

— Мало шансов у нас, но мужик-барабанщик, что кидает шары, управляя лото, мне сказал номера, если он не обманщик…

---

[1] Обыгрыш старинной песни, известной ещё в царские времена.
[2] Хорошая мина при плохой игре (*франц.*).
[3] Так воры называют короткий лом.
[4] В криминальных кругах так называют хороших картёжников.
[5] По-блатному: хорошо играть в карты.
[6] Так осужденные называют поезда (вагоны), в которых их перевозят.

Анастасия ЛАГУТИНА

Словообразовательные и стилистические особенности окказионализмов в поэтическом творчестве Татьяны Батуриной

Язык художественных произведений всегда находится в центре внимания лингвистов, поскольку именно в нем проявляется сущность литературы как искусства слова. Здесь одновременно, благодаря таланту художника, и реализуются во всей полноте возможности общенационального языка, и выражается оригинальность речи автора, его языковая личность. Особый интерес, как продукт словотворчества, представляют собой окказионализмы, то есть единичные, созданные «по случаю», авторские, индивидуально-стилистические неологизмы, которые придают образность художественному тексту, имеют значение только в этом тексте, как бы «прикреплены» к нему.

В данной статье рассматриваются окказионализмы в поэтических произведениях из сборников известной волгоградской писательницы Татьяны Батуриной «Аквамарин» и «Взмах», их словообразование, значение и стилистические особенности.

Окказионализмы — это одно из языковых средств достижения выразительности в художественном тексте, поскольку они непосредственно предназначены для того, чтобы сильнее воздействовать на читателя. Сознательное использование автором придуманных им самим слов всегда содержательно, экспрессивно, а также эстетически значимо. Т. Батурина активно использует возможности русского языка для создания окказиональных слов. В своей поэзии автор образует их как по продуктивным (часто применяемым в русском языке), так и по непродуктивным (редким) моделям. Окказиональные новообразования зачастую выступают в роли художественно-изобразительных средств: метафор, эпитетов, сравнений, подчас даже оксюморона.

ЛАГУТИНА Анастасия Анатольевна — студентка кафедры русской филологии и журналистики Волгоградского государственного университета (4-й курс). Родилась в 2001 году. Живёт в Волгограде. Сфера научных интересов — современная русская литература.

Стихотворения Т. Батуриной выполняют одну из главных задач поэзии, а именно воспевание красоты, открытие красочности мира читателям. Образность и метафоричность помогают автору достичь необходимого эстетического эффекта. Находя точные и неповторимые слова, поэтесса добивается, что текст играет свежими красками.

Среди окказиональных слов встречаются слова разных частей речи: имена существительные, прилагательные, глаголы.

Самую многочисленную группу авторских неологизмов составляют *имена существительные*. Т. Батурина стремится не просто уйти от привычных наименований, а найти новое, точное слово, которое при этом впишется в контекст, сохранит основную тематику стихотворения. Имена существительные создаются автором при помощи морфем (суффиксов, приставок) и при помощи сложения слов и их частей.

Среди морфемных производных отмечены имена существительные, образованные в основном при помощи суффиксов: *марканье*, *нитицы, раёшник, песнивец, дняки, завитушь, льдень, мрень, гуделы* и др.

Например:

Я ль не греховна и мне ли не знать поклонения
Воронов диких в кругах ненасытного пения?
Я ль не исклевана каркaньем, зырканьем, марканьем?
Я ль не удобрена вволю обманами жаркими?

Встретившееся здесь слово *марканье* представляется на первый взгляд образованным при помощи суффикса *-нljl* от глагола **маркать*[1], значение которого можно определить как «делать марким». Существительное обозначает: 1) сам этот процесс либо 2) предмет, который *маркает или *маркается, нечто *замарканное. Второй тип образования непродуктивен; к нему относятся слова, в современном языке лишенные значения процесса, действия. Мы можем также предположить, что *марканье* — это результат действия *марать*. Автор добавляет в слово элемент *-к-*, который делает его созвучным словам *карканье, зырканье*. Исходя из контекста, мы можем определить, что *марканье* — это очернение, обесчещивание или нечто грязное, которое очерняет что-либо. Данный окказионализм выполняет акцентную стилистическую функцию, так как слово *маранье* в русском языке есть, но автор создает новое слово и придает ему схожее значение, через рифму со словами негативной окраски передавая свое отношение к данному явлению, свои чувства.

Определить значение слова *дняки* помогает контекст:

...Тонула жизнь — являлись люди дна.
Лишь поначалу страшно было: дняки!

Слово *дняки* образовано от существительного *дно* при помощи суффикса *-як-* и обозначает предмет, который характеризуется признаком, действием или отношением к предмету, названному производящим словом, то есть *дняки* — это люди, достигшие дна, находящиеся на дне (имеется в виду переносное «дно жизни»). Слово имеет разговорно-стилевую окраску, приближается к народной речи, что создает особый колорит в тексте. Оно также передает характеристику людей, их образ, главный признак, тем самым берет на себя роль эпитета.

Существительные образуются также десуффиксальным способом, то есть путем отсечения суффикса, или при помощи «нулевого» суффикса. Мы наблюдаем это в слове *полюбь*, производном от глагола *полюбить*, который в свою очередь происходит от *любить*. Приставка *по-* образует глаголы совершенного вида и имеет значение конечного предела, доведения действия до результата (*поблагодарить, повредить, погибнуть, позеленеть, понравиться, похвалить, почувствовать* и т. п.). При создании слова *полюбь* автор сохраняет этот префикс, делая схожими слова *полюбь* и *похоть* и, благодаря сво-

[1] Здесь и далее звездочкой отмечаются не существующие в языке, условные, предполагаемые слова.

еобразной игре слов, придавая слову *полюбь* значение «расхожая любовь». Слово приобретает просторечный оттенок, создает эффект разговорности и через свое значение передает оценочное суждение автора, его характеристику обозначаемого явления.

Часто в авторских неологизмах Т. Батуриной встречается способ сложения, как чистое сложение, так и в сочетании с суффиксацией: *белозорник, всеутайка, светодуновение, стоцветник*. Эта особенность поэтического языка писательницы, ее словотворчества, позволяющая лаконично выражать одновременно внешние и внутренние свойства человека, различные стороны его духовного и социального бытия, отмечалась исследователями.

К составным именам, один из компонентов которых является окказиональным суффиксальным образованием, относятся: *слова-изворотни, судьба-заживика*, *вестень-книга, чайка-кричайка, сваха-ходочиха, ветвика-грустника, состранница-сума* и др.; некоторые из них являются словосочетаниями с приложением, однако в контекстах они воспринимаются как целостные единицы, поэтому их можно рассматривать как слова.

Например, в образовании *судьба-заживика* слово *заживика* является окказионализмом. Словообразовательный суффикс *-ик-* служит в русском языке для производства имен существительных женского рода, называющих ягодные растения, от имен прилагательных. Мы видим, что слово создается по аналогии с названиями ягод: черника, голубика, ежевика и т. д. Подобное образование мы встречаем также в слове *ветвика-грустника*. Автор активно использует данную словообразовательную модель. *Заживика* образуется суффиксальным способом от глагола *заживить*, но с нарушением словообразовательной модели, так как слово образовано не от прилагательного, а от глагола. Если соотнести существительное с причастной формой *заживляющий*, тогда его словообразовательное значение сближается со значением названий ягод. Таким образом, *судьба-заживика* — судьба, заживляющая раны сквозь время. Слово, выполняя изобразительную роль, придает также стихотворению народно-поэтический колорит.

Существительное *чайка-кричайка* образуется при помощи сложения слов, одно из которых является общеупотребительным, а второе — авторским. Производящим для слова *кричайка* является глагол *кричать*, слово образовано при помощи суффикса *-к-*, который указывает на предмет по действию, названному глаголом, то есть *кричайка* — тот, который кричит. Однако по правилам словообразования должно быть *кричалка*, но автор использует *кричайка* для созвучия со словом *чайка*. Чайка-кричайка — кричащая, голосистая чайка. Слово *кричайка* и характеризует птицу по ее крику (автор заостряет внимание читателя на данном признаке), и создает рифму, и, благодаря суффиксу *-к-*, приближает речь к бытовой, разговорной.

Интересным новообразованием представляется существительное *касьян-високос*. Оно включает имя собственное Касьян (святой), что в данном случае означает Касьянов день, 29 февраля. Праздник отмечается только раз в 4 года, как поясняет автор, в високосный год. Этот день считается у славян страшным и опасным, одним из демонических дней. Автор отсылает читателя к восточнославянской мифологии и эпиграфом к стихотворению, содержащим древнерусскую примету.

Вторая часть сложного слова *високос* является окказиональным производным от слова *високосный* при помощи отсечения суффикса. *Касьян-високос* — это «Касьянов день в високосном году». Контекст рассчитан на читателей, знающих, о чем идет речь, автор заостряет внимание на этом слове. Слово не только выполняет изобразительно-выразительную роль, но и помогает кратко и емко выразить мысль, совмещая в себе два словосочетания, а также охарактеризовать ситуацию через связанное с названным днем поверье, придать тексту народно-поэтическую окраску.

Многие окказионализмы образованы путем сложения не целых слов, а их частей — основ, например: *восьмилучье, адогрев, сереброцвет, мирозверство*.

Слово *восьмилучье* встречаем в строках:

Воспарит над Софией однажды вольно
Восьмилучье креста, воссияет алтарь.

Татьяна Батурина — больше, чем поэт...

Оно является результатом сложения основ числительного *восемь* и существительного *луч*, а также прибавления суффиксов *-и-* и *-l/j-* и обозначает вершины на гранях креста, как восемь лучей, образующих единое целое. Автор усиливает образность, создавая яркую картину, образ креста. Слово в контексте религиозного содержания имеет возвышенную окраску, дает возможность автору сэкономить языковые средства, так как соединяет в себе два слова, раскрывающие его семантику.

Значение окказионализма *адогрев* раскрывается в контексте:

Однажды запил дорогой
До адогреву!

Слово складывается из основ слов *ад* и *греть*, при этом вторая его часть произведена от глагола *греть* при помощи суффикса *-в-* по сходству со словами *сев*, *разогрев* и под. Можно определить значение слова *адогрев* как «высшая степень опьянения, до белой горячки». Слово несет в себе экспрессию и авторскую оценку. Выражаемая высокая степень интенсивности действия передает эмоции автора и благодаря сочетанию со словом *ад*, имеющим негативную окраску. Емко, одним коротким словом, автор характеризует состояние героя.

Имена прилагательные указывают на признак и свойство предмета и в поэтическом тексте, как правило, являются эпитетами, образно характеризующими предметы. Окказиональные прилагательные создаются при помощи приставок, суффиксов, путем отсечения суффикса, сложения основ.

Так, прилагательное *сюрэклектический* («Потом врывается в пространство / Сюрэклектический мотив») создается от *эклектический* при помощи компонента *сюр-*, как и слово *сюрреализм* от *реализм*. Во французском языке *сюр-* является приставкой, но в русском этот элемент не приобрел такой роли, он не используется для образования новых слов. Однако в стихотворении Т. Батуриной *сюр-* употреблено именно как приставка и выражает значение искаженности, абсурда. *Эклектический* же означает «со-

держащий в себе неорганичное, негармоничное сочетание разнородных элементов, частей». Таким образом, слово *сюрэклектический* можно трактовать как содержащий нагромождение разнородных частей, доходящее до абсурда»; в стихотворении это мотив, выходящий за рамки реальности, искажающий ее, разрушающий пространство. Прилагательное выражает авторскую экспрессию, придает тексту изобразительность и колоритность, характеризует внутреннюю составляющую описываемого мотива, указывая на его особенность.

В поэтических строках:

Впрочем, знаю: в заморозь зимы
Завлекла соблазная пиявица
В виртуальном облике дремы —

прилагательное *соблазная*, то есть «вызывающая у человека соблазн», образовано при помощи отсечения суффикса от прилагательного *соблазнительная*. Слово приобретает более грубый оттенок (оно лишается книжного суффикса *-тель-*) и отрицательную окраску, показывает нам образ и характер героини, а также передает отношение автора к ней.

Прилагательное *купальницких* («Ивановы травы купельные / В купальницких вянут кострах») является производным от *купальница*, которое обозначает растение семейства лютиковых. *Купальница* является суффиксальным образованием от *купальный* (от Купала (Иван): цветение этого растения приходится на Иванов день, или день Ивана Купалы. В стихотворении *купальницкие* (костры) означает «сотворившиеся в Купальный день, когда цветет купальница». Слово вызывает в памяти народные образы, указывая на древний праздник восточных славян.

Слово *святоясная* («Юница святоясная») также образуется при помощи сложения основ слов *святой* и *ясный* и соединительной гласной. Исходя из контекста, мы можем сказать, что *святоясная* — «божественно ясная, светлая». Слово передает образ святой Татьяны, к которой обращено стихотворение, выражает ее духовную сущность. Благодаря сложению слов признаки святости, чистоты, света выражаются одновременно, делая текст экспрессивным и эмоциональным.

Окказиональные *глаголы* в поэтических текстах Т. Батуриной создаются в основном при помощи продуктивных моделей приставочным, суффиксальным и приставочно-суффиксальным способами.

Приставочный способ словообразования реализуется в слове *совоссияет*, производном от *воссиять* при помощи приставки *со-* со значением совместного действия. Данная приставка именно в варианте *со-* характерна для церковнославянского языка и придает тексту ярко выраженную книжную окраску.

Суффиксальным способом глаголы образуются от имен существительных, например: *июнит* и *обузит*. Определить их значение можно отталкиваясь от значения существительных.

Так, *июнит* образовано от *июнь* при помощи суффикса *-и-*; этот тип означает «быть тем, что названо мотивирующей основой», то есть *июнит* — «стоит июнь».

Способ образования глагола *обузить* может быть определен двояко — как суффиксальный и как приставочно-суффиксальный. Глагол встречается в следующем контексте:

...И грешную душу обхватит,
Обузит подземным огнем.

Слово можно соотнести с существительным *обуза*, то есть *обузит* — «отягощает, утяжеляет, делает обузой», и это не противоречит смыслу контекста. Однако в предложении есть однородное сказуемое *обхватит* — форма будущего времени совершенного вида. Соответственно, *обузит* тоже должно быть понято как будущее время совершенного вида, т. е. глагол должен быть воспринят как приставочный, парный глаголу несовершенного вида **узить*. Можно предположить, что *обузит* образовано приставочно-суффиксальным способом от существительного *узы* и означает «окружит, покроет

узами». Этот глагол по значению близок глаголу *обхватит*, но не теряет ассоциации и со словом *обуза*, так как исторически *обуза* тоже образовано от *узы*. Тем самым в контексте «оживляется» внутренняя форма слова *обуза*, а глагол через различные словообразовательные, ассоциативные связи становится содержательно более емким. Производность от книжного слова *узы* придает глаголу возвышенную, книжную окраску, связанную с церковнославянской традицией.

Т. Батурина использует приставочно-суффиксальные образования, такие как: *удомить*, *удолить*, *обсиялось*.

Глаголы *удомить* и *удолить* образованы от существительных *дом* и *доля* и означают «сделать тем, принять к себе на правах того, кто назван производящим существительным», то есть «сделать своим домом», «сделать своей долей», «принять». Они употребляются с производящими именами в одном контексте, тем самым раскрывая свою внутреннюю форму. Эти своеобразные тавтологические словосочетания придают авторской речи сходство с устным народным творчеством (ср. *думу думать, горе горькое* и под.).

Слово *обсиялось* («солнце обсиялось») образовано от глагола *сиять* при помощи приставки *-об* и постфикса (частицы) *-сь*, словообразовательный тип имеет значение «за длительное время или с большой интенсивностью совершить действие, названное производящим глаголом» и носит просторечный характер. Можем предположить, что *обсиялось* означает «сияло слишком сильно, сверх меры».

Стихотворения Т. Батуриной освещают темы русской жизни, народного быта, православных традиций, а также событий восточнославянской истории. Использование авторских новообразований, а также устаревших слов, диалектизмов, историзмов, при помощи которых образуются в том числе и окказиональные слова, показывает связь автора с родной страной, выражает чувства, испытываемые к родимой земле, придает образность стихам, делает их необыкновенными и неповторимыми.

Окказионализмы в поэзии Татьяны Батуриной несут большую смысловую нагрузку, служат для выражения эмоций автора, его отношения к описываемым явлениям. В целом использование окказионализмов в поэтическом тексте помогает отойти от стандартов и условностей, сделав поэзию красочней, своеобразнее, индивидуальнее.

УЧРЕДИТЕЛЬ:
Государственное казенное учреждение Волгоградской области
«Центр информационного и материально-технического обеспечения»

ИЗДАТЕЛЬ: ГКУВО ЦИМТО
400081, Волгоград, ул. Большая, 15
Формат 70x108/16. Усл. печ. л. 20,7. Уч.-изд. л. 21,9.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
400081, Волгоград, ул. Большая, 15
ТЕЛЕФОН: 37-08-92
otchiykray@mail.ru

Редакционный сайт — https://otchiykray.ru/
ВКонтакте — https://vk.com/otchiykray_vlg

Рукописи принимаются по электронной почте.

Фотогалерея

Евгений ГУДИМЕНКО